МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

НОВЕЙШАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ВАРИАНТЫ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА, ТЕКСТА, ДИСКУРСА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

© ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2025

ISBN 978-5-7779-2757-6

Омск
Издательство
Омского государственного
университета имени Ф.М. Достоевского
2025

УДК 80
ББК 80
Н 727

Рецензенты:
д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций ОмГУ им. Ф. М. Достоевского *Л. О. Бутакова*;
д-р филол. наук, зав. кафедрой русского и иностранных языков ОмГУПС *О. П. Фесенко*

Ответственный редактор:
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций ОмГУ им. Ф. М. Достоевского *О. В. Золтнер*

Редакционная коллегия:
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций *О. Ю. Васильева*;
доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций *Е. Н. Гуц*;
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций ОмГУ им. Ф. М. Достоевского *О. В. Золтнер*;
доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций *Е. В. Киричук*;
доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций *Н. В. Орлова*;
доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций *Т. П. Рогожникова*;
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций *М. А. Харламова*

Н 727 **Новейшая филология: варианты комплексного подхода в исследованиях языка, текста, дискурса**: сборник научных статей / отв. ред.: О. В. Золтнер. – Омск : Издательство Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, 2025. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-7779-2757-6

Настоящий сборник статей создан на основе очных и дистанционных докладов участников III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Новейшая филология: варианты комплексного подхода в исследованиях языка, текста, дискурса» (Омск, 25–27 сентября, 2025 г.), посвящённой памяти учёных, внёсших значительный вклад в развитие филологии, – профессоров М. П. Одинцовой и Б. И. Осипова.

Круг тем, освещаемых в статьях авторов, пересекается с научными интересами М. П. Одинцовой и Б. И. Осипова, а потому он весьма широк: предметом изучения являются как традиционные, так и новые явления в языке, литературе, культуре, требующие комплексного, междисциплинарного подхода, особенное внимание исследователей уделено анализу результатов применения искусственного интеллекта для реализации разных исследовательских целей. Авторы статей предлагают свои подходы к решению многих дискуссионных вопросов.

Книга адресована филологам – настоящим и будущим специалистам, теоретикам и практикам, а также коллегам из смежных исследовательских областей: культурологам, философам, социологам, психологам.

УДК 80
ББК 80

Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание

Минимальные системные требования:
PC, процессор с частотой 1,3 ГГц или выше; ОЗУ 512 Мб;
Microsoft Windows XP/Vista/7/8/10;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше; CD-ROM; мышь

ISBN 978-5-7779-2757-6

© ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПИСЬМА. РАЗНОАСПЕКТНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ……8

Власов С. В., Демидов Д. Г. К истории тире в русской печати: публикация первого поэтического перевода «Слова о полку Игореве» на фоне современного академического издания оригинала……8

Городилина В. М., *Спасскова А. М.* Применение нейросетевых методов в палеографическом исследовании……14

Кузнецова Е. С., Новикова Н. М. Пунктуационное оформление бессоюзных сложных предложений: лингвистический эксперимент……21

Мандрикова Г. М. Особенности использования вербализованных знаков препинания в современной коммуникации……27

Никитина Е. А. Теория графико-орфографических реформ в концепции Б. И. Осипова……34

РАЗДЕЛ 2. ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ……39

Антипина Е. П. Антропоморфные черты в изображении Богучанской гидроэлектростанции в публикациях средств массовой информации……39

Богуславская В. В., Ратникова А. Г. Образ русского туриста в лингвокультурологическом освещении (на материале интернет-отзывов)……45

Бычкова В. С., Паршина О. Д. Именные словосочетания как средство формирования образа провинциала в текстах СМИ……51

Долганина А. А. Текст и его «нейротекстовый» вариант: моделирование образа человека и имитация языковой личности……57

Екомасова А. В. Семантико-синтаксическая интерпретация антропоцентрических смысловых доминант текста (на материале поэзии Ю. Левитанского)……62

Игнатова Ю. С. Способы актуализации образа адресата в юридической маркетинговой коммуникации……68

Кравченко Ю. Д. Дискурсивная личность критика в арт-медиадискурсе……74

Кукобникова А. Г. Образ Бога в психологическом дискурсе (на материале работы Виктора Франкла «Подсознательный бог»)……78

Малышева Е. Г. Дискурсивная личность интервьюера Юлии Меньшовой: прагмастилистическая специфика……82

Нелюбова И. В. Страх одиночества и его влияние на языковую личность (на материале произведений русской литературы XIX–XXI века)……88

Никитина Л. Б. К проблеме образа человека в жанрах детской речи……94

Рабенко Т. Г., Чардынцева А. Д. Ценностные доминанты профессиональной языковой личности адвоката (на материале корпоративных сайтов адвокатских организаций Кемеровской области)……101

Руссу К. Р. Разыскные дискурсивные стратегии в конце XVIII – начале XIX века (на материале текстов с дискурсивным содержанием «разыскное предписание»)……108
Харитонова И. С. Антропоморфные черты образа-концепта «русский язык» в профессиональной картине мира преподавателя русского языка как иностранного……113

РАЗДЕЛ 3. ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕМАНТИКИ, ГРАММАТИКИ И ПРАГМАТИКИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ……118
Абдулганеева И. И. Специфика актуализации категории интенсивности в русскоязычном рекламном дискурсе……118
Аль-Хаяни Муаадх Г. М., Балыков В. В. Алгоритм перевода как инструмент реализации переводческих трансформаций (на примере арабского языка)……124
Антонова Е. Н. Прагматическое и текстообразующее значение интертекстем в поэтическом дискурсе……130
Белая Е. Н. Национально-культурная специфика французских метафорических цветообозначений……136
Глибина А. А. Специфика реализации категории оценочности в псевдонаучном дискурсе……140
Ерохина О. В. Грамматические особенности создания диалога (на примере английской драматургии XVI века)……146
Карпова Е. В. Функциональный потенциал императивных междометий……151
Кокова Б. Д., Кокова Л. Д. Апеллятив *луг* в славянской ономастике……157
Кузнецов И. А. Метаязыковые псевдоимперативы как маркеры конфликтного фатического речевого взаимодействия……162
Лемешко Ю. Р. Экстралингвистическая обусловленность функционирования моделей лозунга в синхронии и и диахронии……168
Локтевич Е. В. Авторская межсубъектность в песенных текстах современной российской драм-н-бейс группы «Нейромонах Феофан»……174
Мамедова Р. Г. О временны´х формах глагола в «Кабус-наме»……180
Мирошниченко М. Р. Интегративный подход в исследовании функциональных омонимов слова *того*……185
Мичугина С. В. Интегративный подход к изучению терминов цвета (на примере английского RED)……191
Моспаненко Е. В. Образ выставки в поликодовых текстах: роль афиши в конструировании культурного события……196
Орлова Н. В. Функционирование лексемы «официальный» в неофициальных дискурсах……204

Пермякова Е. Г. Проблема семантических сдвигов в современном русском, английском и французском языке: исследование на примере глаголов……210
Радбиль Т. Б. Воздейственный потенциал прецедентных выражений о здоровье в отечественном медиадискурсе……216
Чжэн Ю. Символическое значение концепта «липа» в русских паремиологических единицах……222
Чуносова И. А. Языковой портрет междометия «ой» (на материале Национального корпуса русского языка)……226
Шашков И. А. О стратегиях формирования языковой личности реципиента в сетевом дискурсе……232

РАЗДЕЛ 4. РЕГИОНАЛИСТИКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ……236
Байдала Д. С., Шишлова И. Ю. Региональное варьирование фразеологических единиц с семантикой психического расстройства……236
Баяндина М. А., Харламова М. А. Реализация идей профессора Б. И. Осипова в исследованиях современного русского произношения (на материале анализа фонетики спонтанной разговорной речи омичей)……242
Буровникова О. Н. Языковое своеобразие курской частушки: анализ диалектной лексики……250
Григорян Э. Р. Топонимические перифразы с компонентом «древний город» Дальнего Востока: три «Иерусалима» и один «Вавилон»……256
Каширина А. Д., Петрова Т. И. Повседневные речевые практики дальневосточника в аспекте особенностей регионального языкового сознания……262
Курьянович А. В., Панкова А. В. Лингвосемиотический анализ регионального рекламного текста: опыт реализации интегративного подхода в современных текстовых исследованиях……268
Петешова О. В. Особенности второй волны переименования улиц в городе Калининграде……274
Шетэля В. Польские регионализмы в тексте произведения Владимира Богомолова «Момент истины»……279

РАЗДЕЛ 5. ТЕКСТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЧТЕНИЕ, АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ……283
Абрамова Е. С. Влияние классической китайской литературы на произведения японских писателей Нового времени (на примере творчества Нацумэ Сосэки)……283
Ануфриева Г. В. Приёмы диалогизации авторской речи в романе А. Битова «Пушкинский дом»……290

Баженова К. Е. Роль хронотопа дороги в рассказе Н. Н. Толстой «Хочу за границу»……296
Ганбарова Н. Г. Чтение как акт этики: литература и нравственная эмпатия……301
Голубков М. М., Матях В. А. Потерянный рай: детство и память в романе М. Степновой «Сад»……307
Демченков С. А., Кулакова С. А. Опыт построения модели мотива возвращения в русской лирике XIX – XX ……313
Капрусова М. Н. Стихотворение А. Вертинского «В синем и далёком океане»: поэтические диалоги……321
Королькова А. В. Персонификация как приём стилизации мировосприятия персонажа-ребенка (на материале англоязычной прозы)……327
Кузнецова И. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С. Библейские мотивы в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»……332
Магеррамзаде Т. Ю. Трагедия двух женщин и счастье одной девочки в художественном дискурсе (по мотивам повести «Легенда» Мамедаги Султанова)……337
Ошейко С. П. Мотив оборотничества в рассказе Ф. К. Сологуба «Белая собака»……342
Рожкова Н. А. Отражение фонетических особенностей русского языка XX века в поэтическом тексте (к вопросу звуковой организации стихотворения Р. И. Рождественского «Марк Шагал»)……347
Харитонов А. М. О современной интерпретации топонимов в древнерусской литературе……352
Хомяков В. И. «Всё мне мерещится поле с гречихою…» Д. Кедрина и «Тихая моя родина» Н. Рубцова: опыт сопоставительного анализа……358
Чернышов И. С. Материалы для примечаний к роману Л. Перуца «Прыжок в неизвестное»……364

РАЗДЕЛ 6. СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ……370
Алексеева Н. Н., Ван Тунцзя. Репрезентация образа русской природы в стихотворениях В. Рождественского и Е. Евтушенко (методический аспект)……370
Белькова А. Е., Троско Д. Д. Роль художественной литературы Югры в духовно-нравственном становлении личности: анализ произведений Е. Д. Айпина в контексте уроков хантыйского языка……374
Гребеник И. А. Применение педагогической технологии «task-based learning» в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей вуза……380
Пыхтина А. Ю. Цифровой топонимический словарь нового типа как инструмент обучения иностранным языкам……386

Решетникова В. В. Технология обучения русскому языку как иностранному в российском вузе……391
Сироткина Т. А. Лингвокраеведение и лингвострановедение в учебных пособиях по русскому языку как неродному……396
Терских С. Н. Образовательный канал на платформе «Сферум» как инструмент подготовки к ЕГЭ по русскому языку……400
Тивьяева И. В. Концепция дисциплины «Нейросети в лингвистическом исследовании» в рамках лингвистической магистратуры……403
Турко У. И. Влияние интерференции французского языка при изучении латыни……408
Угрюмов В. Е. Подготовленная импровизация как основа творческого диалога при обучении литературному мастерству студентов-филологов……413
Щербакова Н. Н. Подготовка учителя к обучению истории русской графики в начальной школе……419
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……424

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПИСЬМА. РАЗНОАСПЕКТНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 811.161.1

С. В. Власов[1], Д. Г. Демидов[2]
[1]Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
[2]Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

К ИСТОРИИ ТИРЕ В РУССКОЙ ПЕЧАТИ: ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» НА ФОНЕ СОВРЕМЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ОРИГИНАЛА

[1]SPIN-код: 3031-5554; [2]SPIN-код: 1783-7047

Аннотация. Пунктуационный знак тире представляет собой переосмысление типографского знака заполнения пробела. Употребление тире в переводе И. И. Сирякова 1803 г. в эпоху расцвета «карамзинского стиля» отражает древний коммуникативный тип пунктуации. Пунктуация академического издания древнерусского текста ближе к этому переводу, чем первое издание 1800 г., в котором тире отсутствует.

Ключевые слова: история пунктуации, тире, сопоставительный анализ, «Слово о полку Игореве», И. И. Сиряков.

S. V. Vlasov[1], D. G. Demidov[2]
[1]Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
[2]Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

TO THE HISTORY OF THE DASH IN RUSSIAN PRINTING: PUBLICATION OF THE FIRST POETIC TRANSLATION OF "THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN" AGAINST THE BACKGROUND OF A MODERN ACADEMIC EDITION OF THE ORIGINAL

Abstract. The dash punctuation mark is a rethinking of the typographic sign for filling a gap. The use of the dash in I. I. Siryakov's translation of 1803, during the heyday of the "Karamzin style", reflects the ancient communicative type of punctuation. The punctuation of the academic edition of the Old Russian text is closer to this translation than the first edition of 1800, in which the dash is absent.

© Власов С. В., Демидов Д. Г., 2025

Keywords: history of punctuation, dash, comparative analysis, "The Tale of Igor's Campaign", I. I. Siryakov.

Рукописная пунктуация, по Б. И. Осипову, имеет интонационный характер и связана с членением письменной речи на синтагмы [1, с. 174 и след.]. Церковная печать унаследовала рукописную традицию, и только в книгах гражданской печати в течение второй половины XVIII в. старый интонационно-смысловой принцип расстановки знаков препинания уступает место новому – синтаксически-смысловому. Б. И. Осипов подобрал более точные термины: *коммуникативно-синтаксический* принцип вытесняется *конструктивно-синтаксическим* [2, с. 249].

Книгопечатная практика, казалось бы, окончательно отдаляется от устной речи. Но, скажем, надстрочный знак ударения, обязательный в церковной печати, устраняется в гражданской, а с 1797 г. над буквой Е под ударением из иностранной наборной кассы вводится типографский знак двух точек (трема) Ё для [ó], см. [3, 4]. Тире в пунктуации тоже нарушает общую тенденцию: это типографский знак прочерка (пропуск слóв(а), или «пресечение» речи), ставший знаком препинания *тире* в связи с частичным возрождением коммуникативного принципа пунктуации.

Таким образом, необходимой промежуточной ступенью на пути знака от *рукописного* к *пунктуационному* в связи с изобретением книгопечатания явился *типографский* знак заполнения пробела. Если знаки «.», «,», «;» перешли из рукописей в типографскую печать, то комбинированные знаки «?», «!», отточие, а также повторы одной и той же горизонтальной чёрточки были созданы как типографские знаки. При этом знаки «?» и «!» сразу стали использоваться в функции собственно знаков пунктуации, но на старой коммуникативной основе. Отточие переросло в пунктуационный знак многоточия, а из линии на месте пробела и рядов чёрточек выделилось тире, которое употреблялось первоначально как пунктуационный знак на коммуникативной основе. В связи с развитием грамматикализованного эллипсиса связки между подлежащим и сказуемым в светских формах языка, а также бессоюзия как закрытой синтаксической структуры сложного предложения из ряда частных коммуникативных функций тире стали выделяться функции конструктивные. Этот процесс зависит от кодификаторских усилий в течение XIX – XXI вв. Конструктивный принцип берётся в правилах тире за главный, поскольку русская культура письма стала практической отраслью грамматики и лишь во вторую очередь – риторики.

Вычленение предложения как единицы синтаксиса наглядно сопровождается переосмыслением рукописного знака и знака церковной печати «;» как вопросительного в знак разделения частей сложного предложения, тоже сложных. Возможно, это связано с изменением интонации вопроса. Такое же сопровождение становления «бессвязия» и бессоюзия можно наблюдать и по отношению к тире.

Первое употребление одиночного тире, по данным В. Ф. Ивановой, замечено в издании перевода Мармонтеля 1764 г. [5, с. 238]. Сравнение русского перевода [6, с. 4, 6, 9, 10 и т. д.] с французским оригиналом [7, с. 4, 5, 10, 11, 12 и т. д.] показало, что в оригинале вместо тире стоит ещё типографский знак короткой черты («чёрточки»), а в [6] – это уже длинная горизонтальная черта, названная П. И. Фонвизиным *линейкой* [6, с. 1]. Отмеченное в [8, с. 687] «тире» в [9] «и даже ранее» на поверку оказывается типографским знаком опущения слов или частей слова при обозначении той или иной грамматической формы слова [9, с. 15, 40, 75, 76].

История термина показательна: *линейка* (1764 г.) – *молчанка* (у А. А. Барсова в его рукописной грамматике вт. пол. 1780-ых гг.) – *черточка* [10, с. 133] – *линѣечка* [11, с. 23]. Процесс вычленения одиночного тире из типографских прочерков наглядно виден по пунктуации первого издания «Бедной Лизы» [12, с. 58–63]. Карамзин и сентименталисты в своей прозе и поэзии развили культуру употребления тире.

Много «карамзинских тире» в стихотворном переводе «Слова…» И. И. Сиряковым 1803 г. [14]. Это первый из опубликованных переводов после издания параллельных текстов А. И. Мусиным-Пушкиным в 1800 г. Разумеется, так или иначе в переводе отражается синтаксическая структура текста на древнерусском языке. Мусин-Пушкин знака тире не использовал, но издание «Слова…» для современного читателя [13] ярко показывает преемственное развитие функций тире. Чтобы показать, как синтаксический строй произведения на древнерусском языке связан с его первым поэтическим переводом, сопоставим оба варианта. Первый обозначим как «дрр.», второй – как «Сир.» (по электронному изданию [14]).

Совпадающие расстановки тире:

«Не буря соколы занесе чресъ поля широкая – галици стады бѣжать къ Дону Великому» (дрр.); *«Ахъ! небуря соколовъ несетъ / Чрезъ лѣса, поля широкїе; – / Летятъ стадомъ галки черные / Къ быстроточному Дону синему»* (Сир.). Конструктивное тире, показывающее парную бессоюзную закрытую структуру. Знак «; –» в (Сир.) – наследие коммуникативной функции и прямое доказательство того, что оценка функции тире как конструктивной может быть здесь только с современной точки зрения.

«Нъ се зло – княже ми непособіе…» (дрр.); *«Но бѣда моя единая! – / Время минуло способное…»* (Сир.). Группа подлежащего и группа сказуемого в (дрр.) разворачиваются в (Сир.) до полных двусоставных предложений, но конструктивная функция тире остаётся в обоих случаях: в (дрр.) оно показывает пропуск связки, в (Сир.) – бессоюзную связь. С началом стихотворной строки начинается и новое предложение, – только с опорой на (дрр.) эту связь можно оценить как связь в едином сложном предложении. Впрочем, в «поэтическом синтаксисе» границы между предложениями вообще часто нарушаются.

Переработка синтаксической структуры может быть и более значительной, тем не менее решение поставить тире реализовано в обоих вариантах текста:

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю!» (дрр.); *«Игорь! – у меня одинъ ты, братъ!»* (Сир.) Парадоксальным образом дре́внее предложение построено и оформлено в печати более современным образом, чем в (Сир.). В (дрр.) с помощью тире обозначается бессоюзная связь с пояснительным значением ‘а именно’, тире имеет конструктивную функцию, ставшую в наше время главной. В (Сир.) оно остаётся ещё интонационным тире-молчанкой для привлечения внимания читателя после обращения. Ныне в такой функции тире вышло из употребления.

Очень показательна разная расстановка тире в одном и том же большой контексте:

«Комони ржуть за Сулою – звенить слава въ Кыевѣ!» (дрр.); *«Слышно – кони ржутъ за сулаю, …»* (Сир.). Тире в составе сложного бессоюзного. В (дрр.) бессоюзная связь синонимична обстоятельственной (выражается признак-следствие и объяснение события, признак которого указан, – причина ржания коней), в (Сир.) она синонимична связи изъяснительной (дополнительной).

«А не сороκы втроскоташа – на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ» (дрр.); *«Отъ печали наклоняются / Ко земле древа высокïе. – / Стрекотанье не сорокъ слышно, / Ѣдутъ Гзакъ, Кончакъ за Игоремъ…»* (Сир.). Вновь оформление текста в (дрр.) более современно, чем в (Сир.): в (дрр.) оформляется закрытая бессоюзная структура со значением антитезы, в (Сир.) разделено символическое описание природы, предвещающее беду, и второй подпериод целиком, построенный на антитезе. Тире в (Сир.) играет коммуникативно-композиционную роль, далекую от конструктивной.

В (Сир.) коммуникативных риторических тире 27 из 28-ми, они свободно ставятся после «,», «;», «.», «?» или «!». В случае тире между предложениями оно играет исключительно коммуникативную роль и служит для показа резкой смены картин описания, динамизма повествования, перехода от описания к повествованию, перехода к новой теме, пояснительных отношений:

«Вдругъ вступилъ со храбрымъ воинствомъ / Во предѣлы половецкïе / Месть неся за землю русскую. – / Тутъ взглянулъ на солнце красное, / И увидѣвъ свое воинство / Тьмой густою все покрытое…»; *«Одному тебѣ Боянъ вѣщаеть / Пѣснь о славномъ внукѣ Ольговѣ. – / Ахъ! небуря соколовъ несетъ / Чрезъ лѣса, поля широкïе…»* (Сир.).

Ясно, что в (дрр.) таких сочетаний знаков препинания нет. Зато есть в обоих вариантах «Слова…» сочетание «, –»:

«”Хощу бо, – рече, – копïе приломити…”» (дрр., всего 3 однотипных случая слов автора внутри прямой речи); *«О, далече заиде соколъ, птиць бья, – къ морю»* (дрр.). В дрр. запятая при тире может быть оправдана конструктивно – завершением деепричастного оборота.

«Имъ пути уже извѣстны всѣ, / И овраги всѣ измѣряны, – / Луки крѣпкіе натянуты, – / Полны стрѣлъ колчаны отперты, – / Сабли блещущи изострены» (Сир.); *«Умолкаетъ соловьиный свистъ, – / Говоръ галок начинается»* (Сир.); *«Онъ Кобяка нечестиваго / Изъ средины его воинства, / Свирѣпѣйшей будто бурею, / Изъ морской пучины выбросилъ, – / И Кобякъ явился въ Кіевъ, / Во дворцѣ сталъ Святославовомъ»* (Сир.); *«Время минуло способное, – / нѣтъ Князей моихъ для помощи»* (Сир.); *«"Какъ бы хитръ кто и уменъ ни былъ, / Хоть бы птицею летать умелъ, – / Не избѣгнетъ суда Божія"»* (Сир.). В (Сир.) во всех примерах, кроме последнего, тире – это дополнительный коммуникативный знак при запятой, которой уже достаточно для выражения бессоюзия. В последнем случае нет даже и бессоюзия, такую же дополнительную коммуникативную функцию тире выполняет в сложноподчинённом предложении.

Знак «; –» в первую очередь выполняет коммуникативно-композиционную роль, разделяя два подпериода: *«Тутъ то братья разлучилися / На брегахъ Каялы быстрыя! / Изошло вино кровавое; – / Руссы пиръ свой тамъ окончили. / Напоили сватовъ допьяна, / Сами жъ всѣ легли на томъ мѣстѣ / Защищая землю русскую»* (Сир.).

Во вторую очередь знак «; –» показывает бессоюзную связь и вводит пояснение: *«Погасаетъ зоря на небѣ; – / Игорь въ мысляхъ погружается, / Не плѣняетъ сладкой сонъ ево, / И дремота от нево бѣжитъ»*. Это тире добавляет динамизм повествованию и подчёркивает бессоюзную связь между описанием природы и внутренним состоянием Игоря. Первична здесь коммуникативная функция.

Одиночных тире гораздо больше в (дрр.): *«…ищучи себе чти, а князю – славѣ»* (дрр.); *«Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе – храброму Святьславличу!»*; *«Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти – удалыми сыны Глѣбовы»*; *«…многи страны – хинова, литва, ятвязи, деремела и половци – сулици своя повръгоша…»*; *«Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго – Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе»*; *«…сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи – Давыдовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ»*; *«Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою – велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть!»* (дрр.)

Единственный случай одиночного тире в (Сир.): *«Гаснетъ свѣтъ зари румяныя – / Ночь спускается со облаковъ, / Мракомъ поле устилается…»*.

Как видим, в случае одиночного тире оно повсюду строго отвечает ныне принятым правилам пунктуации.

Итак, линейные небуквенные знаки письма сначала выполняли в рукописях коммуникативные функции, с появлением книжной печати к ним добавились особые типографские знаки вроде ряда чёрточек. Первоначально тире выполняло коммуникативные функции, затем приобрело и конструктивную значимость, которую кодификаторы вывели на первое место. «Слово…» как в древнерусском, так и в новейшем поэтическом

вариантах публикуется с большим обилием тире. Интересно, что двоеточий в (Сир.) столько же, сколько и тире – 28: соблюдается пунктуационная гармония. В дрр. всего 22 тире, немногим менее: современному издателю удобнее «прочитывать» произведение на древнерусском языке, опираясь на современный синтаксический строй русского языка с хорошо развитым закрытым бессоюзием и отсутствием синтаксической связки в форме настоящего времени.

Литература

1. Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 253 с.

2. Осипов Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации (монография). М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.

3. Власов С. В. К истокам буквы Ё // Русистика: прошлое и настоящее национального языка: сборник статей, посвящённый 70-летию профессора Б. И. Осипова. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2009. С. 32–55.

4. Демидов Д. Г. Две точки над буквой Е. URL: http://gramma.ru/RUS/?id=1.89 (дата обращения: 09.07.2025).

5. Иванова Н. Ф. О первоначальном употреблении тире в русской печати // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 236–254.

6. Мармонтель Ж. Ф. Нравоучительныя сказки господина Мармонтеля / Переведены с французскаго [П. И. Фонвизиным]. М.: печатаны при Императорском Московском университете, 1764. 178 с.

7. Marmontel J.-F. Contes moraux. Tome 1. La Haye: s. n., 1761. XIV, 360 p.

8. Иванов А. В. Термин «тире» в историко-лингвистической и лексикографической ретроспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 20(4). С. 684–698.

9. Сокращение грамматики латинской: в пользу учащагося латинскому языку российскаго юношества / переведено чрез Василья Лебедева, переводчика при Академии наук. СПб.: при Имп. АН, 1746. 335 с.

10. Гейм И. А. Немецкая грамматика для классов гимназий и Вольнаго благороднаго пансиона при Императорском Московском университете. М.: в Унив. тип. у Люби, Гария и Попова, 1802. 135 с.

11. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. St. Petersburg: Schmidt,1819 [1-oe изд – 1810]. 331 S.

12. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения: к двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: РГГУ, 1995. 509 с.

13. Текст «Слова о полку Игореве» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. А–В. 1995. С. 8–16.

14. Орехов Б. В. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 462–473.

УДК 091.01; УДК 51-7

В. М. Городилина[1], А. М. Спасскова[2]
[1]Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
[2]Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ МЕТОДОВ В ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

[2]SPIN-код: 7913-6169

Аннотация. В исследовании описан нейросетевой метод обработки древнерусских пергаменных рукописей XI–XV вв. с целью объективизации способов решения основной задачи палеографического исследования – датировки письменных источников.

Ключевые слова: кириллическая палеография, машинное обучение, палеографические методы датировки, нейросетевые методы, обработка изображений.

V. M. Gorodilina[1], A. M. Spasskova[2]
[1]Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
[2]Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

APPLICATION OF NEURAL NETWORK METHODS IN PALEOGRAPHIC RESEARCH

Abstract. The study describes a neural network method for processing ancient Russian parchment manuscripts of the 11th–15th centuries with the aim of objectifying methods for solving the main task of paleographic research – dating written sources.

Keywords: cyrillic paleography, ML, paleographic dating methods, neural network methods, image processing.

Любое историко-филологическое исследование письменных источников предваряется исследованием палеографическим, в результате которого определяется подлинность, время и место создания рукописного документа (в широком смысле этого термина) на основании внешних признаков памятника, таких как, например, тип почерка, особенности начертаний основных и вспомогательных графем, топографика текста и др. В соответствии с методикой палеографического исследования документы с экспли-

© Городилина В. М., Спасскова А. М., 2025

цитно выраженной датой следует расположить на хронологической прямой, выявить черты, свойственные тому или иному периоду, и, находя эти черты в недатированных документах, определить дату создания последних с относительной точностью вплоть до четверти столетия [1, с. 12].

К сожалению, степень субъективности оценки значимости палеографических маркеров, а также степени их выраженности в различных рукописных памятниках слишком высока, что негативно влияет на результаты решения основных задач палеографического исследования. Для объективизации палеографического анализа древнерусских пергаменных рукописей (самого сложного массива объектов исследования, лишённых дополнительных датирующих признаков в виде, например, филиграней, присутствующих у текстов, написанных на бумаге) параллельно с масштабным проектом по разработке и упорядочиванию палеографических таблиц для древнерусских рукописных книг XI–XV вв. было принято решение об экспериментальном применении нейросетевых моделей как вспомогательного инструмента в палеографическом исследовании и, предположительно, более объективного метода обработки естественного языка в его графическом, письменном, проявлении.

В этой работе предлагается использовать для датировки рукописных документов свёрточные нейросети. Именно их применяют для решения классических задач: оцифровки рукописей, расшифровки и форматирования документов, систематизации почерков и анализа авторства рукописного текста.

Одно из главных преимуществ применения нейросетей в решении задачи датировки – это возможность сделать результаты объективными. Применение нейросетей также позволит заранее знать точность предсказания – параметр, рассчитываемый для каждой нейросетевой модели после её обучения на большом наборе данных. Более того, предполагаем, что использование нейросетевой модели позволит систематизировать ныне известные датирующие признаки и, возможно, выявить новые, сравнив результаты, полученные классическим методом палеографического анализа и методом нейросетевой обработки материала.

Формирование датасета

В качестве объекта исследования были взяты тексты древнерусских пергаменных кириллических рукописных книг XI–XIV / XV вв., написанных уставом.

В датасет вошло по три точно датированных 200–300-листовых документа (с эксплицитно выраженной, верифицированной датой создания) на каждую треть века. Суммарно датасет содержал около 10000 изображений, каждое из которых в процессе обработки делилось на 4–16 более мелких путём вычленения случайных фрагментов. Датасет был разделён на тренировочный, валидационный и тестовый в соотношении 80/10/10. Документы, входившие в тестовый и валидационный датасеты, не входили в тренировочный.

Предобработка изображений

Исходными изображениями служили цифровые образы древнерусских пергаменных рукописей, выложенные в открытый доступ в разделе «Книжные памятники» НЭБ, на сайтах рукописных отделов центральных российских книгохранилищ (ОР ГИМ, ОР РГБ, ОР РНБ, РГАДА, ОР БАН и пр.), а также находящиеся в личном цифровом архиве авторов. Исходные изображения были в той или иной мере зашумлены: на них присутствовали пятна, разводы, иногда была ярко выражена текстура пергамена, присутствовал водяной знак книгохранилища. Наличие шумов могло влиять на работу нейросети, заставляя её выявлять ложные признаки, в то время как она должна была обучаться исключительно на особенностях буквенных начертаний. Поэтому до того, как изображение попадало в финальный датасет, к нему применялись фильтры, выделявшие текст.

По качеству заметно превосходят другие фильтры Кэнни [2, с. 10] и адаптивная бинаризация [3, с. 67]. Работа этих фильтров сопоставима по количеству остаточного шума и качеству выделенного текста, разница заключается лишь в наличии или отсутствии заливки границ. Проведено несколько тестов, демонстрирующих, что модель даёт одинаковую точность при обучении на изображениях, обработанных каждым из этих фильтров, и для дальнейшей работы выбрана адаптивная бинаризация, поскольку такие изображения лучше воспринимаются человеческим глазом.

Применение аугментаций

Рукописи, не только созданные в один период, но даже и написанные рукой одного и того же писца (например, проанализированные в составе датасета материалы рукописей Син. 71 из ОР ГИМ, 2.В.g.45 из НБ МГУ, Погод. 45 из РНБ, Тип. 29, лл. 1–7 из РГАДА, ранее атрибутированные при помощи классического палеографического метода псковскому писцу XIV/XV вв. дьякону Луке [4], [5]), могут, тем не менее, иметь незначительные различия в почерке: варьироваться может межстрочный интервал, соотношение высоты к ширине буквы, организация текста (один столбец на листе или несколько; размер полей). Также следовало учитывать искажения, появляющиеся при сканировании: повороты и заломы. Помимо этого, нецелесообразно было помещать в датасет полные фотографии листов, поскольку элементов в датасете в таком случае будет слишком мало, а информации из каждого из них надо будет извлекать слишком много (линейные размеры документов в среднем составляют около 800–1000 пикселей).

Вследствие вышеизложенного при загрузке документов в датасет были применены следующие аугментации (рис. 1):

1) вырез случайного фрагмента 256×256 пикселей такого размера, чтобы на изображении оказывалось лишь несколько строк текста;

2) поворот на случайный угол, не превышающий 20°;

3) аффинные преобразования.

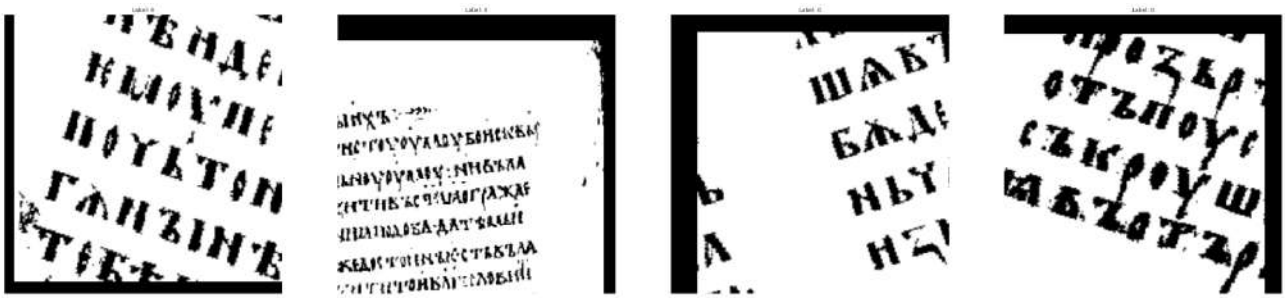

Рис. 1. Вид изображений в датасете.
Применена предобработка и описанные аугментации

Начальный выбор методов

Были выбраны и протестированы три различные модели нейросетей с разными оптимизаторами и функциями потерь:

– модель ResNet50 [6, с. 770] выбрана, поскольку является одним из стандартных решений для задачи классификации изображений;

– модель EfficientNet-b0 [7, с. 6105] выбрана, поскольку является компактной и точной, что позволяло ожидать от неё результатов не худших по точности, но потенциально лучших по скорости, чем от ResNet50;

– архитектура CRNN [8, с. 2298] сочетает в себе свёрточные и рекуррентные слои, что позволяет извлекать пространственные признаки и учитывать последовательности символов. Если предполагать, что при датировании текстов играют роль не только особенности начертания отдельных символов, но и связи между ними, то использование свёрточно-рекуррентной архитектуры должно было быть эффективным.

Оптимизатор Adam выбран как универсальный и мощный оптимизатор, подходящий для большинства задач классификации, т. к. он обладает быстрой сходимостью и хорошей производительностью.

Кросс-энтропия выбрана из аналогичных соображений: она является классической функцией потерь, используемой в задачах классификации, в том числе текстов.

Результаты тестов простых моделей

Модель ResNet50 с кросс-энтропией и оптимизатором Adam показала большую нестабильность обучения и неудовлетворительную скорость обучения при точности 92 %, что заставило задуматься о смене оптимизатора и более точном подборе гиперпараметров, например, с помощью scheduler’a.

Модель EfficientNet-b0 показала аналогичную точность и сходимость, но её время работы на GPU оказалось выше примерно на две трети. Гипотеза о том, что модель EfficientNet-b0 позволит ускорить обучение, не подтвердилась. Возможно, низкая скорость работы была связана со слишком большим разрешением изображений в датасете (256×256): операции более сложные из-за использования свёрток с большим разрешением на ранних слоях.

Свёрточно-рекуррентная модель показывает результаты, схожие с ResNet50 (рис. 2).

Таким образом, модели ResNet50 и CRNN имеют преимущество перед моделью EfficientNet-b0.

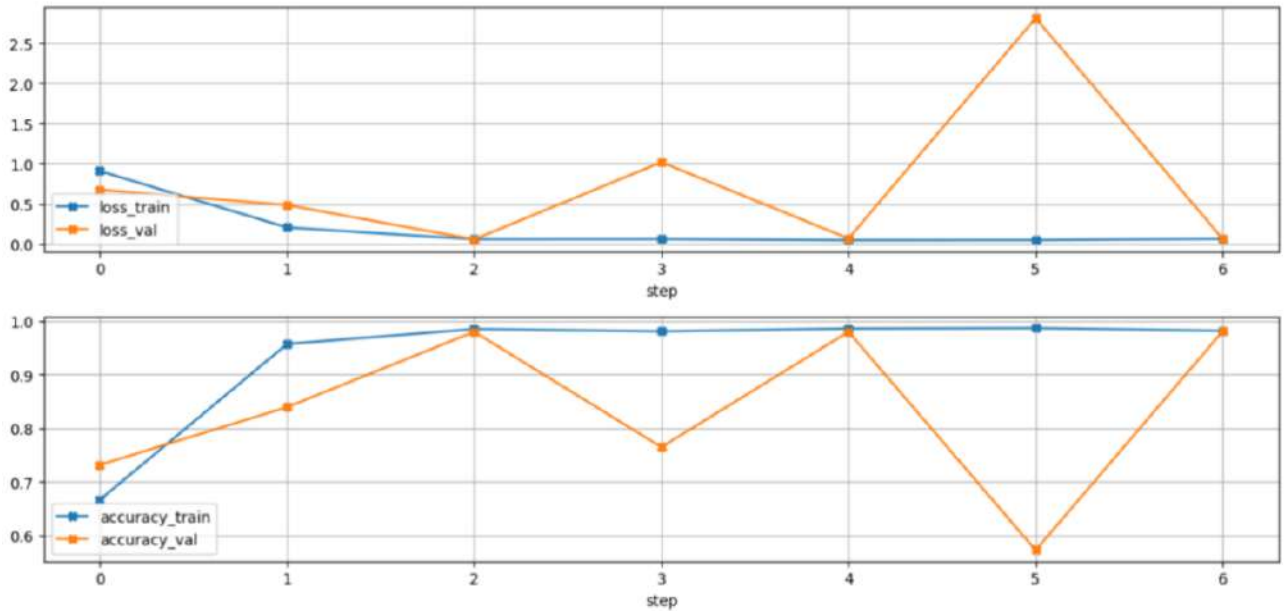

Рис. 2. График обучения модели CRNN с кросс-энтропией и оптимизатором RAdam

Стабилизация моделей

Поскольку оптимизатор Adam принципиально подходит для задач классификации, но плохо справляется с конкретной задачей, вместо него был выбран оптимизатор RAdam (Rectified Adam) с параметром lr = 0.001. Благодаря коррекции дисперсии RAdam менее подвержен проблемам, связанным с нестабильностью градиентов. Использование усовершенствованного оптимизатора с моделью ResNet50 действительно несколько улучшило сходимость и повысило стабильность, хотя они всё ещё не вполне удовлетворительны. Модель CRNN с оптимизатором RAdam и кросс-энтропией в качестве функции потерь показала результаты, ожидаемо сопоставимые с ResNet50. Следует заметить, что графики обучения довольно схожи: на обоих из них видна типичная картина переобучения и нестабильности.

Чтобы решить эту проблему, мы использовали L2-регуляризацию, dropout и сглаживание меток. Dropout снижает риск того, что модель запомнит обучающие данные, вместо того чтобы обучаться обобщать. Во время обучения случайным образом «выключаются» (обнуляются) некоторые нейроны с заданной вероятностью. Это заставляет модель быть менее зависимой от конкретных нейронов и улучшает её обобщающую способность. L2-регуляризация ограничивает рост весов, делая модель более обобщающей. Модель становится менее чувствительной к небольшим изменениям или шуму в данных, так как большие веса усиливают влияние отдельных признаков. Сглаживание меток заставляет модель быть менее уверенной в

своих предсказаниях, что уменьшает риск переобучения. Модель обучается более равномерному распределению вероятностей, что помогает лучше работать на новых данных.

Использование комбинации трёх описанных методов позволило значительно стабилизировать обучение и предотвратить переобучение, что хорошо видно на графике (рис. 3).

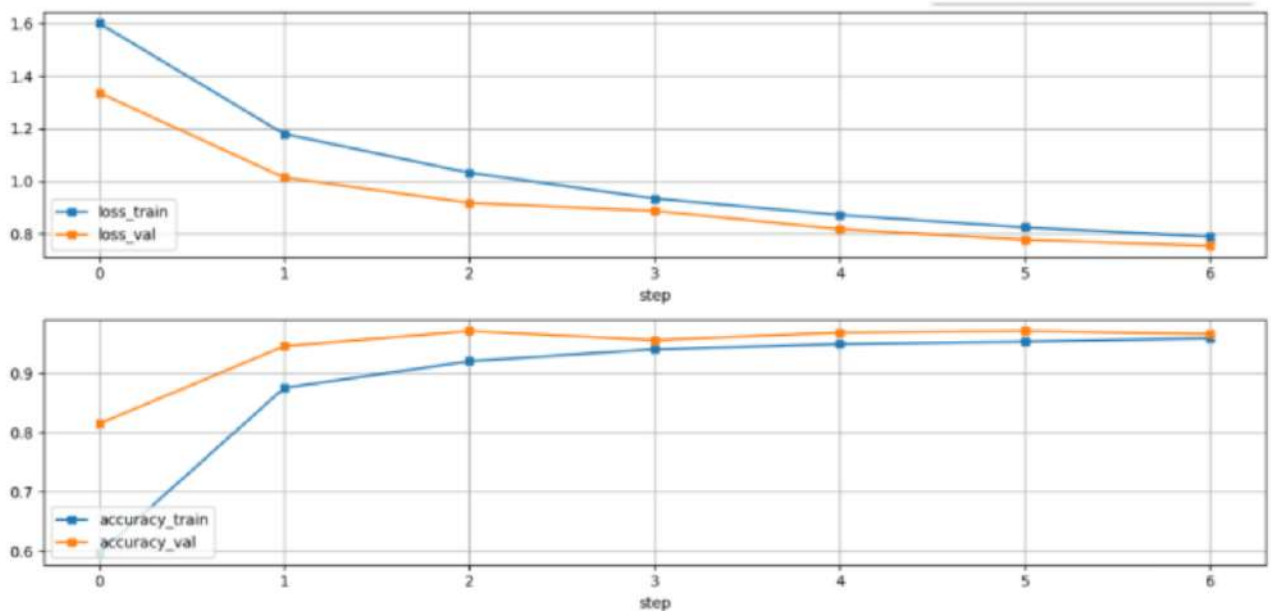

Рис. 3. График обучения модели CRNN с кросс-энтропией, L2-регуляризацией, dropout, сглаживанием меток и оптимизатором RAdam

Сделаем выводы. Задача датировки древнерусских рукописей XI–XV с точностью до века рассмотрена как задача классификации с пятью классами. Для её решения успешно применены нейросетевые модели. Рассмотрены модели ResNet50, EfficientNet-b0 и CRNN. Наилучший результат (точность 95 % со стабильной и быстрой сходимостью) показала модель CRNN с оптимизатором RAdam, кросс-энтропией в качестве функции потерь и комбинацией из dropout, L2-регуляризации и сглаживания меток.

В итоге применения детально описанного выше нейросетевого метода в палеографическом исследовании удалось успешно классифицировать фрагменты изображений древнерусских недатированных пергаменных рукописей, отнеся их к соответствующему временному отрезку (веку). Следующим этапом исследования станет анализ нейросетевого метода датирования в сопоставлении с классическим (традиционным) методом для выявления и описания палеографически значимых признаков, используемых при каждом из подходов.

Литература

1. Щепкин В. Н. Русская палеография. М.: Наука, 1967. 225 с.

2. Canny G. F. A Computational Approach To Edge Detection // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 1986. №12. P. 10–28.

3. Niblack W. An Introduction to Digital Image Processing. NJ: Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1986. P. 184.

4. Житенева А. М. Методические вопросы атрибуции пергаменных рукописей (на материале псковских рукописей первой четверти XV века) // Румянцевские чтения – 2021. Материалы Международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021 г.). М.: Пашков дом, 2021. Т. 2. С. 301–305.

5. Житенева А. М. Книгописная мастерская при псковском Троицком соборе в первой четверти XV века // Кирило-Методиевски студии: колекция от статии. София: Кирило-Методиевски научен център към БАН, 2022. Т. 32. С. 219–230.

6. K. He X. Zhang. Deep Residual Learning for Image Recognition // Proceedings of the IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR). 2016. P. 770–778.

7. M. Tan Q. V. Le. EfficientNet: Rethinking Model Scaling for Convolutional Neural Networks // Proceedings of the 36th International Conference on Machine Learning (ICML). 2019. P. 6105–6114.

8. B. Shi X. Bai. An End-to-End Trainable Neural Network for Image-based Sequence Recognition and Its Application to Scene Text Recognition // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence (TPAMI). 2017. Vol. 39, №11. P. 2298–2304.

УДК 811.161.1

Е. С. Кузнецова [1,2]***, Н. М. Новикова*** [1,2]
[1] Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)
[2] Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

ПУНКТУАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

[1]SPIN-код: 2892-7743; [2]SPIN-код: 3966-8680

Аннотация. В статье представлены результаты лингвистического эксперимента, направленного на изучение причин выбора знаков препинания в бессоюзных сложных предложениях. Анализируются совпадения и несовпадения в расстановке знаков препинания в исходном тексте и в анкетах информантов.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, пунктуация, лингвистический эксперимент.

E. S. Kuznetsova [1,2]***, N. M. Novikova*** [1,2]
[1] Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)
[2] Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

PUNCTUATION IN ASYNDETIC COMPLEX SENTENCES: A LINGUISTIC EXPERIMENT

Abstract. The article presents the results of a linguistic experiment aimed at studying the reasons for choosing punctuation marks in asyndetic complex sentences. The analysis examines matches and mismatches in the placement of punctuation marks between the original text and the informants' questionnaires.

Keywords: asyndetic complex sentence, punctuation, linguistic experiment.

Бессоюзное сложное предложение (далее – БСП) традиционно считается одной из наиболее сложных синтаксических единиц с точки зрения его пунктуационного оформления. Сложность выбора знака препинания обусловлена отсутствием формального показателя связи между частями предложения и, как следствие, значительной ролью интонации и содержания частей.

В статье представлены результаты лингвистического эксперимента, проведённого нами для изучения причин выбора пишущими того или

© Кузнецова Е. С., Новикова Н. М., 2025

иного знака. Предложенный информантам тест-опросник включал 60 предложений, в которых требовалось расставить знаки препинания. Материал взят из произведений В. С. Гроссмана, Ю. П. Казакова, К. Г. Паустовского, размещённых в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ). Выбор произведений обусловлен тем, что все они опубликованы после 1956 г., когда вышел справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» (далее – «Правила…»), и проходили тщательную редакторскую и корректорскую правку.

На первом этапе работы мы задали три подкорпуса в основном корпусе НКРЯ и из 72 текстов получили 9331 предложение. Затем методом сплошной выборки отобрали 1772 предложения. На их основе была разработана анкета-опросник, включающая 60 предложений: по 15 предложений на каждый из четырёх знаков препинания (БСП с двоеточием, запятой, тире и точкой с запятой).

Эксперимент проводился в апреле-июле 2025 г. В нём приняли участие 108 человек, разделённых на три группы с учётом возраста и уровня образования:

1) учащиеся СУНЦ НГУ и студенты НГУ (далее – Учащиеся);

2) филологи-лингвисты – сотрудники и преподаватели СУНЦ НГУ, НГУ, ОЦ «Горностай» (далее – Профессионалы);

3) представители различных профессий возрастом от 25 лет (далее – Непрофессионалы).

Цель эксперимента заключалась в анализе совпадений и несовпадений при использовании знаков препинания, выбранных профессиональными филологами-лингвистами и двумя другими группами, а также в сопоставлении результатов и обосновании выбора информантов.

В рамках статьи мы представляем анализ знаков препинания, поставленных информантами в шести предложениях, сложность которых обусловлена неединственностью знака:

1) *Потускнели глаза, в них появилось беспокойное выражение, ослаб голос* (К. Г. Паустовский. «Орест Кипренский»);

2) *В твоём глубоком, недетском взгляде видел я твою, покидающую меня душу, она смотрела на меня с состраданием, она прощалась со мною навеки!* (Ю. П. Казаков. «Во сне ты горько плакал»);

3) *Почти отвесными столпами прорывалось к нам солнце, в его свете медово горели волнистые потёки смолы, кровяными каплями вспыхивала там и сям земляника, невесомыми табунками толклась мошкара, невидимые в густоте листвы, перекликались птицы, мелькнув в солнечном луче, переметнулась с дерева на дерево белка, и ветка, мгновение назад оставленная ею, закачалась, мир благоухал...* (Ю. П. Казаков. «Во сне ты горько плакал»);

4) *Он поймал взгляд жены и почувствовал, – она понимала: интерес к работе вновь будоражил его* (В. С. Гроссман. «Жизнь и судьба»);

5) *Теперь Тэдди не жевал без разбора всё, что попадёт, как в первые дни; он узнал, что самые сочные коренья растут в сырых местах; он стал пить только чистую проточную воду и научился пользоваться ветром; чутьё его стало лучше, и Тэдди уже мог ощущать очень тонкие или старые запахи; и он узнал ещё на горьком опыте, что не всё в лесу съедобно, что есть ягоды и грибы, которые лучше не трогать* (Ю. П. Казаков. «Тэдди»);

6) *Воздух был тёпел и чист; сильно мерцали звёзды; пахло сеном и пылью и изредка горьковатой свежестью ночных лугов; за полями, за рекой, за лесными далями слабо полыхали зарницы* (Ю. П. Казаков. «Ночь»).

Трудности анализа обусловлены исторической изменчивостью пунктуации. Например, в предложении (4) в качестве единого знака используется «запятая и тире». Этот знак активно применялся в XIX – начале XX в. [1, с. 94–95], но в современной практике его использование ограничено и упоминается лишь в некоторых справочниках [2; 3]. В школьной и издательской практике этот знак практически не встречается.

В предложениях (5) и (6) используется точка с запятой, правила постановки которой практически не изучаются в современной школе и не представлены в заданиях Основного и Единого государственных экзаменов (9 и 11 класс соответственно). Изменились и правила использования двоеточия [1, с. 94–95].

В исследовании мы опирались на «Правила…» (1956) С. Г. Бархударова, К. И. Былинского, В. В. Виноградова и др. Таким образом, расстановка знаков препинания внутри БСП (1) – (3) соответствует § 138 «Правил…» [4, § 138]; (5) – (6) – § 130 [4, § 130]. В предложении (4) два знака препинания – «запятая и тире» в первом случае и двоеточие во втором. Современные правила постановки знака «запятая и тире» соответствуют либо тире, либо двоеточию.

Объём данных: всего мы получили 648 примеров расстановки знаков (6 предложений х 108 информантов), на каждое предложение пришлось по 108 вариантов постановки знаков препинания.

Количество ответов для каждого знака препинания: для запятой – 324 ответа (предложения 1, 2, 3 → 108 х 3); для точки с запятой – 216 (предложения 4, 5 → 108 х 2); для двоеточия – 108 (предложение 6 → 108 х 1).

Для сравнительного анализа точности использования знаков препинания различными группами информантов были проанализированы результаты эксперимента. Полученные данные представлены на рисунке 1, на котором для каждого знака показано процентное распределение совпадений и несовпадений по трём категориям: полное совпадение (зелёный цвет), частичное совпадение (жёлтый цвет) и несовпадение (красный цвет).

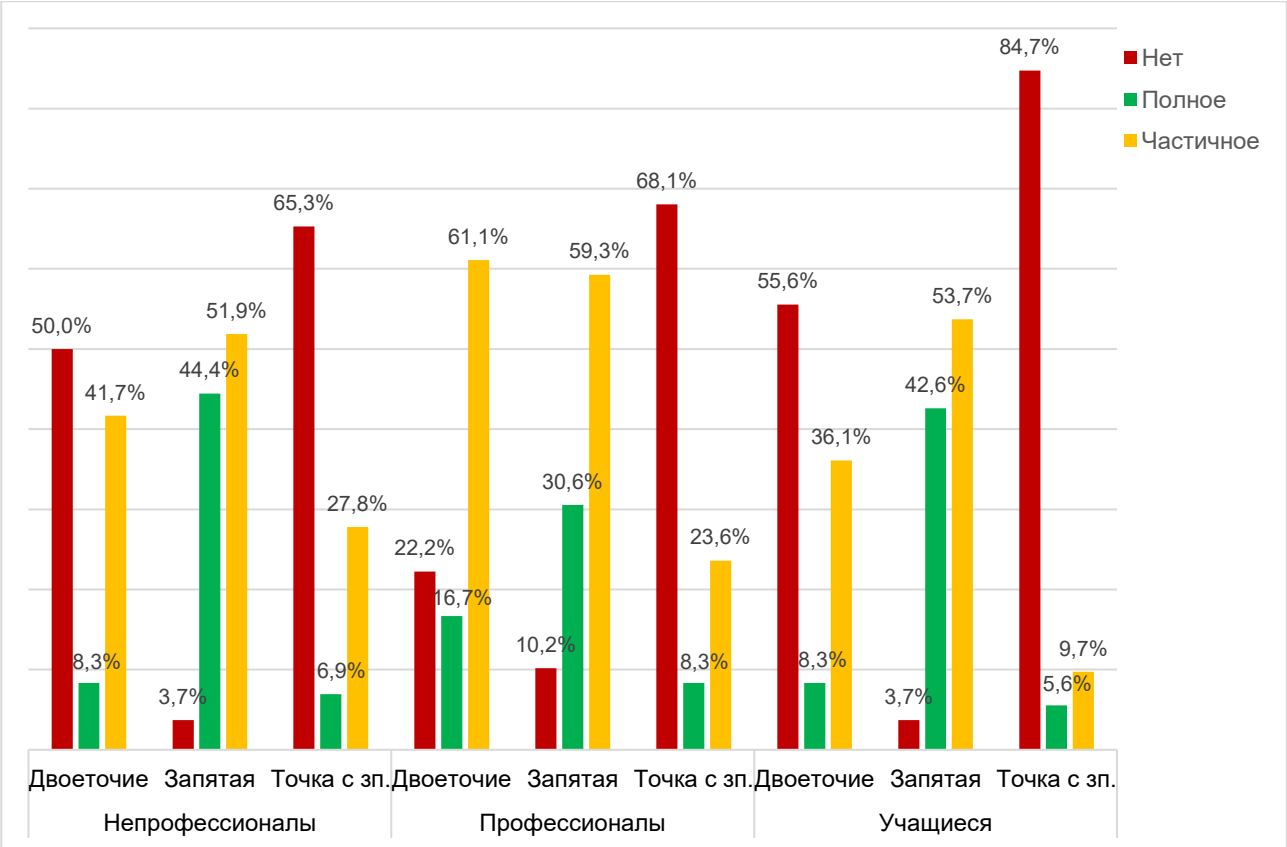

Рис. 1. Процентное совпадение использования знаков препинания различными группами информантов

Все группы информантов демонстрируют относительно высокий уровень полного совпадения (от 30,6% до 44,4%) и низкий уровень несовпадения (от 3,7% до 10,2%) для запятой. Это связано с тем, что запятая – наиболее универсальный знак препинания, и её применение понятно интуитивно, независимо от возраста информанта и уровня его образования.

Для всех групп характерен крайне низкий уровень полного совпадения (менее 9%) и высокий уровень несовпадения (более 65%) в постановке точки с запятой, что объясняется редким использованием этого знака в повседневной практике, особенно среди Учащихся, демонстрирующих самый высокий уровень несовпадения – 84,7%.

Анализ результатов по знакам препинания

Запятая. Непрофессионалы и Учащиеся показывают более высокий уровень полного совпадения, чем Профессионалы (Непрофессионалы – 44,4%; Профессионалы – 30,6%; Учащиеся – 42,6%). Это связано с тем, что Профессионалы склонны использовать более сложные подходы к постановке запятой, основанные на анализе семантики частей, а Непрофессионалы и Учащиеся полагаются на интуицию и не обращают внимания на смысловую составляющую.

Точка с запятой. Уровень полного совпадения крайне низкий во всех группах, что подтверждает сложность использования этого знака. Профессионалы показывают более точный результат, но совпадение остаётся

незначительным (8,3%). Результаты Непрофессионалов чаще демонстрируют частичное совпадение (27,8%), так как, зная о существовании этого знака, информанты пытаются угадать правильный ответ. Профессионалы и Учащиеся реже используют этот вариант, что может говорить о большей осторожности у первых и недостатке базовых знаний у вторых. Для всех групп характерен высокий процент несовпадения, что подчёркивает значительные трудности в использовании точки с запятой.

Двоеточие. Уровень полного совпадения для двоеточия выше, чем для точки с запятой, но ниже, чем для запятой. В целом преобладает частичное совпадение, что говорит о неуверенности участников при использовании этого знака. Профессионалы показывают лучший результат по полному совпадению (Непрофессионалы – 8,3%; Профессионалы – 16,7%; Учащиеся – 8,3%), что подтверждает более глубокое понимание ими правил использования двоеточия. Следует иметь в виду, что результат может быть искажён, так как в выборке, описанной в статье, представлено только одно предложение, в котором в оригинале использовано двоеточие (36 примеров использования против 72 примеров для точки с запятой и 108 для запятой). Учащиеся допускают наибольшее количество ошибок (55,6%), что свидетельствует о поверхностном прочтении предложения и отсутствии сформированного навыка работы с отличными от запятой знаками препинания.

Для дальнейшего анализа мы рассмотрели результаты эксперимента не для отдельной группы информантов, а для каждого предложения, которое характеризуется определённым набором знаков препинания. На рис. 2 показано распределение совпадений / несовпадений в использовании знаков препинания по шести предложениям. Данные представлены по трём категориям: полное совпадение (зелёный цвет), частичное совпадение (жёлтый цвет) и несовпадение (красный цвет).

Высокий уровень полного совпадения (62,0% и 39,8%) и низкий уровень несовпадения (7,4% и 1,9%) наблюдаются в предложениях (1) и (2). Очень высокий уровень несовпадения (72,2% и 73,1%) и низкий уровень полного совпадения (5,6% и 8,3%) отмечается в предложениях (5) и (6).

Анализ показывает, что сложность использования знаков препинания существенно зависит от контекста предложения. Предложения (1) и (2) являются наиболее простыми, предложения (3)–(6) вызывают значительные затруднения у информантов, особенно предложения (5) и (6), где уровень несовпадения превышает 70%.

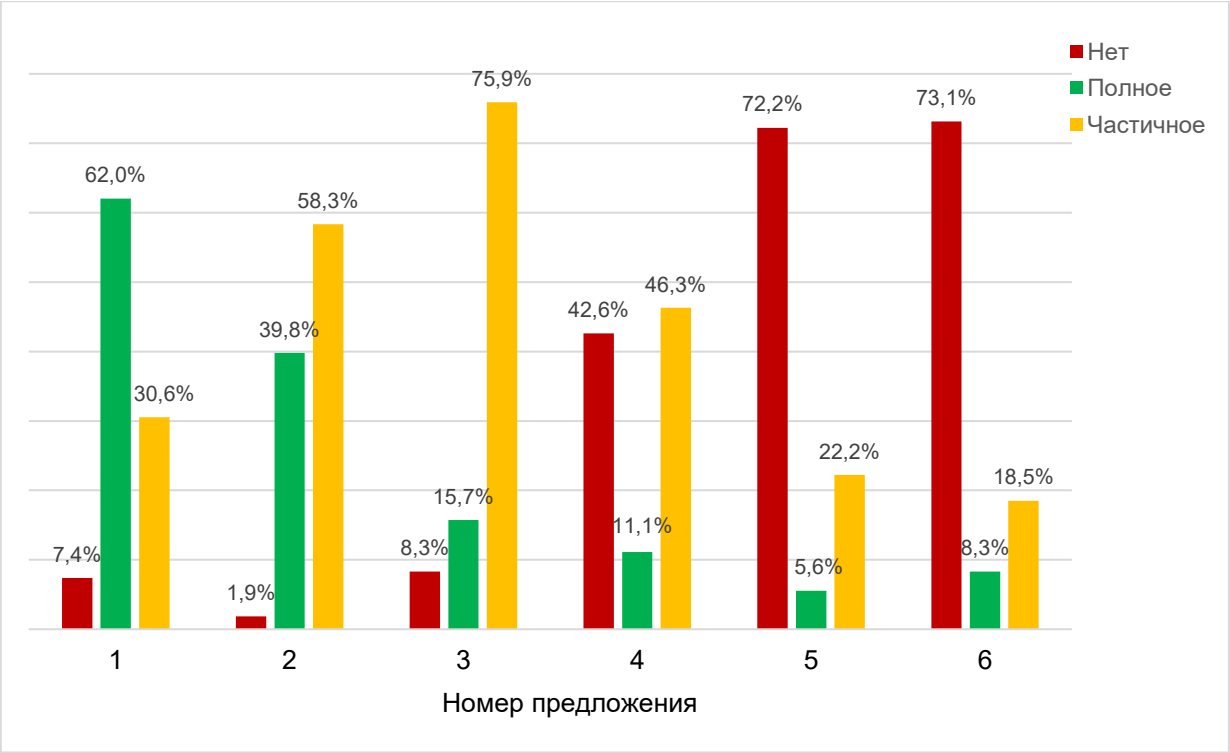

Рис. 2. Процентное распределение совпадений / несовпадений в использовании знаков препинания по номеру предложения

Исследование показало, что точность расстановки знаков препинания зависит не только от уровня подготовки, но и от частоты использования знака в современных текстах. Запятая используется чаще всего, и постановка её вызывает меньше всего затруднений, тогда как точка с запятой и двоеточие представляют собой более сложные случаи.

Полученные данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что современные подходы к изучению пунктуации в образовательных программах требуют пересмотра, особенно в отношении редко используемых знаков (точка с запятой, двоеточие). В дальнейшем мы планируем увеличить выборку предложений и количество опрошенных информантов для более детального анализа влияния контекста на выбор знака препинания.

Литература

1. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.

2. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

3. Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации: Словарь-справочник. М.: Издательство АСТ-ЛТД, 1997. 272 с.

4. Правила русской орфографии и пунктуации / Под ред. С. Г. Бархударова, К. И. Былинского, В. В. Виноградова и др. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.

УДК 811’373

Г. М. Мандрикова
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

SPIN-код: 7127-6700

Аннотация. В статье рассматривается функционирование вербализованных пунктуационных знаков в речи и тексте; уточняются цель и особенности их использования, а также выясняется смысловой и экспрессивный потенциал данных языковых единиц в коммуникации.

Ключевые слова: вербализация знаков препинания, причины трансформации пунктуационных знаков, особенности использования вербализованных знаков в коммуникации.

G. M. Mandrikova
Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

FEATURES OF USING VERBALIZED PUNCTUATION MARKS IN MODERN COMMUNICATION

Abstract. The article examines the functioning of verbalized punctuation marks in speech and text; specifies the purpose and features of their use, and also clarifies the semantic and expressive potential of these linguistic units in communication.

Keywords: verbalization of punctuation marks, reasons for the transformation of punctuation marks, features of the use of verbalized signs in communication.

Современная коммуникация предлагает исследователю различные возможности для изучения функционирования языковых единиц во всём том их многообразии, которое «организует» носитель языка, для которого свобода самовыражения, как кажется, выходит на первое место, зачастую отодвигая и следование языковым нормам, и стремление к точности высказывания. Иногда создаётся такое впечатление, что homo loquens находится в постоянном поиске всё новых средств и способов передачи своего «информационного состояния». Одним из ярких примеров использования языковых средств в ином качестве являются известные всем знаки препинания,

© Мандрикова Г. М., 2025

т. е. «внеалфавитные графические средства, основное назначение которых – выявление синтаксической и смысловой структуры письменного текста, главным образом предложения; образуют центр системы пунктуации» [1, с. 139].

Обратимся к заявленному в названии данной статьи сочетанию «вербализованные знаки препинания». В самом общем виде вербализация предполагает «оязыковление», иначе говоря, словесное воплощение, хотя в лингвистической науке вербализацией изначально считалось «оглаголивание» [2, с. 56].

По мнению Е. Н. Ищук, вербализация пунктуационных знаков – это их «словесное обозначение в письменных и устных текстах, которое может носить и регулярный характер, и использоваться в качестве экспрессивного приёма» [3, с. 131].

Напомним, что в настоящее время в русском языке используются 10 знаков препинания, и все они – в той или иной степени – функционируют в устной и письменной коммуникации в вербализованном виде. Возникает вопрос: с какой целью носители языка используют словесное обозначение знаков, предназначенных для понимания письменного текста, в устной коммуникации? Автор приведённой выше цитаты считает, что основная цель – быть одним из средств выражения экспрессии. Рассмотрим вербализованные пунктуационные знаки и особенно их потенциальные возможности выступать в качестве экспрессивных средств выражения.

Точка. Словарный анализ лексемы *точка* показал, что она является полисемантом (имеет 11 лексико-семантических вариантов). Значение ‘знак препинания’ является вторым после основного (‘метка’, ‘след от прикосновения’, ‘пятнышко’ [4, с. 392]). Отсюда и устойчивое выражение **ставить точку** в значении ‘прекращать что-либо (дело, отношения и т. д.)’, реализующее семантический признак ‘конец, завершение’, которое актуализируется в **точке** как знаке препинания, а также является достаточно эксплицитным и в других значениях полисеманта. Таким образом, лексема ***точка*** делает высказывание эмоционально-экспрессивным, а потому она активно востребована в живой речи: *«Вкусно – и точка!»* Добавим к этому актуализацию семантического признака ‘конец, завершение’, который в данном контексте можно «прочитать» как ‘окончательное решение’ / ‘безоговорочность’:

*В этом важном деле ещё рано **ставить точку**, а потому мы закончим **многоточием**. Как любили говорить лет 20 назад, «процесс пошёл» <…>* [О. Шевкун. Информационное пространство: мир без барьеров // «Информационное общество», 2010].

Запятая. В толковом словаре первое значение ожидаемо описывается как знак препинания, но есть и значение 2. *перен. разг.* Препятствие, помеха, затруднение. *Созреть-то вы созрели, да вот в чём запятая: лень раньше вас созрела* (Чехов, Письмо В. А. Тихонову [5, с. 564]);

*… сюжет небольшого произведения, в конце которого длится и длится извечная **запятая**. Это русская проза, почти тургеневские «Записки охотника»* [Н. Б. Черных. Потому что верую: о новой книге Николая Байтова // «Волга», 2013];

*Русский же человек, будучи не хорошим, но красивым, таких надежд отнюдь не отвергая, в то же время знает, что всегда появится какая-нибудь **запятая**, и сам эти запятые – не с удовольствием, нет, но подчиняясь року – расставляет* [Борис Парамонов. Трава родины, или Сталь и шлак // «Октябрь», 2003].

Обратим внимание на то, что в случае с ***запятой*** простое «препятствие, помеха, затруднение» может «вырасти» до экзистенционального размера – «*извечная **запятая***», *«русский человек … сам эти запятые … подчиняясь року – расставляет».* В некоторых контекстах ***запятая*** поднимается до мировоззренчески философского оттенка значения.

Тире. Словарная интерпретация: в первом значении – знак препинания, во втором – знак такого вида в азбуке Морзе, а также звуковой сигнал, соответствующий этому знаку [4, с. 367]. При этом мы располагаем достаточно объёмной выборкой примеров использования лексемы *тире* в реальной коммуникации:

*Теперь слушай инструкцию **тире** нотацию. Готов? Валюшок молча кивнул* (Олег Дивов. Выбраковка, 1999).

Акцент на проговаривании вербализованного знака в данном контексте делает это высказывание не просто более выразительным, но и функционально нагруженным (реализация конативной функции), позволяя акцентировать основное значение (не столько инструкция, сколько нотация).

Точка с запятой. Данный знак не имеет отдельной словарной статьи, являясь частью (устойчивым выражением) описания лексемы ***точка***, см.: Δ **точка с запятой** – знак препинания [4, с. 392]:

*Куда-то настойчиво просилась **точка с запятой**, но куда, куда именно?* (Н. И. Ильина. Дороги и судьбы (1957–1985)).

Как видим, точка с запятой не имеет явного переносного значения, однако вербализация данного знака представлена примерами его функционирования в коммуникации, что позволяет предполагать наличие в нём некоторого оттенка именно смысловой, а не экспрессивной выразительности.

Двоеточие. Знак препинания в виде двух точек, расположенных одна над другой (:) [5, с. 369], иных значений не отмечено, при этом примеры его использования в речи и текстах представлены в нашей выборке:

*Девица, которую вы мне прислали, даже не догадывается, что существует **двоеточие**, и уверена, что Пушкина убил граф Монте-Кристо* (Ю. М. Поляков. Любовь в эпоху перемен (2015)).

В данном контексте использование вербализованного знака **двоеточие** в качестве показателя сложности / образованности создаёт

«запланированный» автором комический эффект, который легко распознается читателем.

Многоточие. Словарное значение данной лексемы – ‘знак препинания’, другие значения не отмечены, что мы и отмечаем в этом и других примерах:

Он её обнимает после того, как говорит, что любовь пожилой женщины дороже какой бы то ни было другой. У неё больше самостоятельности, а потому она более надежна как «друг жизни». Потом следует ***многоточие****, и он уходит от неё в 12 часов ночи* (А. И. Батюто. Дневник (1937)).

Лексема ***многоточие*** при описании ситуаций недоговорённости / недосказанности является отличным средством для множественности читательских трактовок, в том числе и с юмористическим подтекстом.

Восклицательный знак. Данный вербализованный знак представлен в толковом словаре как пример сочетания с прилагательным *восклицательный* [5, с. 214]. Его вербализация в коммуникации, как правило, связана с акцентированием внимания на интенции говорящего:

У них тонн всегда больше, чем кубов, и коэффициент меньше единицы. Знаете, какой КИПО у череповецких доменщиков? 0,54! Я не зря поставил ***восклицательный знак*** *и хочу его повторить: с каждого кубометра объема печей здесь берут чуть не 2 тонны металла!* [А. Старков. Ровный ход // «Огонек», 1961].

Вопросительный знак. Данный вербализованный знак представлен в толковом словаре как пример сочетания с прилагательным *вопросительный* с пометой *грамм*. в значении ‘служащий для обозначения вопроса’ [5, с. 211]. В коммуникации используется в словосочетаниях ***знак вопроса, поставить знак вопроса, под вопросом, это вопрос*** и проч.:

В Приморье энцефалит найден у одного человека, здоровье ещё четверых – ***под вопросом****. «Подозреваемые» имеются и в Москве. Клещевой энцефалит – вирусная инфекция, которая поражает центральную и периферическую нервную систем* (Николай Ивашов. Атака клещей (14.05.2008));

Но в гуманитарных науках этого нет — это место пусто, оно – ***знак вопроса*** [О. Балла, М. Эпштейн. Мысль в сослагательном наклонении // «Знание – сила», 2010];

Даже в «Современнике» у Ефрейторова над пьесой витает дамоклов ***знак вопроса*** (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

Первый контекст содержит уже фактически устоявшуюся в языке конструкцию «быть / находиться под вопросом» с «потухшей образностью» (как любят говорить лексикологи) в значении ‘неясно / непонятно / неизвестно’. Можно сказать, что мы имеем дело с очень «удобной» для говорящего языковой единицей, своего рода эвфемизмом, который позволяет своей формой (вербализованный знак) скрывать самое разное содержание: *вопрос ещё не решён, ждём решения вышестоящих органов; вопрос решён, но вам пока об этом знать не нужно; вопрос решается, ищем варианты, не знаем, что с этим делать,* и т. п.

Контексты со словосочетанием ***знак вопроса*** можно отнести к той группе вербализованных пунктуационных знаков, в которой – в зависимости от контекста – преобладает не столько экспрессивная, сколько смысловая выразительность, часто с философской направленностью: «*витает дамоклов* ***знак вопроса****», «…место пусто, оно –* ***знак вопроса****».*

Как нам представляется, всё дело в семантике лексемы **знак**, вернее, в одном из его значений, которое делает из **знака препинания** «проявление чего-л., свидетельство, признак чего-л.» [5, с. 615].

Скобки. Словарное значение 2. Знак препинания, однако отдельно отмечены ∆ **сказать** (или заметить, отметить и т.п.) **в скобках** – упомянуть о чем-л. между прочим, попутно, кстати. **Вынести за скобки** [4, с. 112].

Наличие устойчивых выражений, происходящих именно от значения ‘знак препинания’, говорит о его явной востребованности в речи:

Впрочем, о боли пора уже перестать, ***вынести*** *её, так сказать,* ***за скобки.*** *Она сопровождала каждое движение, то вспыхивала, то задрёмывала, притаившись. Когда задрёмывала, возникали мысли* (И. Грекова. Перелом).

Скобки, как мы убедились, демонстрируют диапазон значений от ‘заметить, отметить, упомянуть (попутно, кстати)’ до ‘не принимать во внимание’. Как представляется, в случае со скобками смысловая выразительность всё же преобладает над экспрессивностью.

Кавычки. Знаки (« » или „ “) для выделения прямой речи, цитат, заглавий, а также слов, употреблённых в ироническом или условном, несобственном смысле: *Открыть / закрыть кавычки.* ∆ **в кавычках** (ирон.) – лишь по названию являющийся кем-, чем-л.; так называемый <…> [6, с. 12]:

Кажется, в пятницу отмечал день рождения с партнёрами по бизнесу. Слово партнёры очень хочется ***взять в кавычки*** (Владимир Спектр. Face Control (2002));

Наши ***закавыченные*** *западные партнёры …*

Данное слово и его производные, на наш взгляд, имеют большой потенциал для употребления в переносном значении. Заметим, что активное использование в коммуникации невербального знака «воздушные кавычки», обозначающего иронию, сарказм и под., также свидетельствует о востребованности иронического подтекста, связанного с кавычками.

Таким образом, проведённый нами анализ словарных дефиниций лексем, обозначающих знаки препинания, показал, что все они в той или иной степени проходят процесс семантической трансформации. При этом лексемы *точка, запятая, кавычки* и *скобки,* являющиеся, по сути, вербализованными знаками препинания, по данным лексикографических источников, уже приобрели «законные» переносные значения (как в качестве отдельных слов, так и в составе словосочетаний). Весьма вероятно, что подобную лексикографическую интерпретацию в недалёком будущем вполне могут получить и остальные рассматриваемые нами единицы, поскольку их

использование в современной устной и письменной речи в первую очередь связано с приобретением ими таких сем (семантических признаков), которые актуализируются в современной коммуникации.

Отметим, что источником нашего языкового материала, помимо данных Национального корпуса русского языка, является различный медиаконтент (теле-и радиоречь, интернет), художественная литература и живое общение (метод «лингвистического подслушивания»). Приведённые примеры позволяют в достаточной мере ответить на вопрос, поставленный нами в начале статьи, о целях привлечения в коммуникацию таких языковых средств, как вербализованные знаки препинания. В качестве ответа сошлёмся на Е. Н. Ищук, по мнению которой «вербализованные пунктуационные знаки не только привлекают к себе внимание, актуализируя свою значимость, но и помогают автору сделать акцент на ключевой мысли текста» [3, с. 137].

В название работы мы вынесли проблему, связанную с особенностями функционирования вербализованных пунктуационных знаков. Считаем, что проведённый анализ материала исследования поможет ответить и на этот вопрос. Особенностями использования в реальной коммуникации вербализованных пунктуационных знаков мы считаем желание автора высказывания сделать его: 1) более выразительным, для чего необходимо; 2) создать экспрессивный / эмоциональный эффект; 3) определить авторскую позицию по отношению к ситуации, её протеканию, участникам и т. п.; 4) актуализировать важные для говорящего семантические признаки вербализованных лексем. Сказанное позволяет существенно расширить возможности данных языковых единиц, не ограничиваясь лишь их экспрессивной нагрузкой.

Напомним, что в начале нашей статьи речь шла о такой «примете» современной коммуникации, как постоянный поиск «человеком говорящим» новых лингвокреативных средств. Считаем уместным в связи с этим привести высказывание О. К. Ирисхановой о том, что в этом случае речь может идти не только о создании «нового продукта – текста или слов, которых "никогда не было"», но и о нетривиальном выборе «одного из уже имеющихся и известных говорящему средств конструирования образа объекта» [7, с. 161], к которому мы с полным правом можем отнести вербализованные пунктуационные знаки.

Литература

1. Шварцкопф Б. С. Знаки препинания // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 139–140.

2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

3. Ищук Е. Н. Вербализация пунктуационных знаков в письменных и устных текстах: функциональный аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С. 130–138.

4. Словарь русского языка: в 4-х тт. / Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4, 1984. 794 с.

5. Там же. Т. 1, 1985. 696 с.

6. Там же. Т. 2, 1986. 736 с.

7. Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 158–171.

УДК 811.161.1’28

Е. А. Никитина
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

ТЕОРИЯ ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИХ РЕФОРМ В КОНЦЕПЦИИ Б. И. ОСИПОВА

SPIN-код: 7159-1788

Аннотация. Автор статьи анализирует общую теорию графико-орфографических реформ в разных работах основателя диахронических исследований орфографии Б. И. Осипова и его учеников и выделяет в ней следующие составляющие: история реформ письма, типология реформ, методология реформирования письменности.

Ключевые слова: графико-орфографические реформы, типология, теория, методология.

E. A. Nikitina
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

THEORY OF GRAPHIC AND SPELLING REFORMS IN THE CONCEPT OF B. I. OSIPOV

Abstract. The author of the article analyzes the general theory of graphic and spelling reforms in various works by the founder of diachronic studies of spelling, B. I. Osipov, and his students, and identifies the following components: the history of writing reforms, the typology of reforms, and the methodology of writing reform.

Keywords: graphic and spelling reforms, typology, theory, and methodology.

В рамках научной конференции памяти Б. И. Осипова, профессора, доктора филологических наук, автора единственного в мире исследования узуальной, а не кодификационной истории русской письменности, моего научного руководителя, хочется ещё раз обсудить разные аспекты созданной им теории графико-орфографического реформирования. Теория графико-орфографических реформ включает несколько аспектов: историю реформ письма, типологию реформ, методологию реформирования письменности. Историю русских графико-орфографических реформ можно «вычленить» из общей истории орфографии и пунктуации Б. И. Осипова [1, с. 67–207].

© Никитина Е. А., 2025

В монографии даже номинативно выделяется несколько важных исторических вех: «Евфимьевская реформа…», «Попытки орфографической кодификации в конце XVI–XVII в.», «Петровская реформа графики и её орфографические последствия», «Кодификация современной орфографии» и др.

Первой общепризнанной реформой русского правописания признана реформа московского митрополита Киприана, осуществившего на Руси «Евфимьевскую справу» XIV в., направленную на восстановление исконного вида древних текстов при их переписывании. Итог реформы для одних исследователей – провальный, а для других он состоял в том, что «унификация языкового общения в формирующемся централизованном русском государстве началась с орфографии… Унификация правописания идёт, но не в том направлении, которое намеревались ей придать энтузиасты второго южнославянского влияния: не ук заменяется юсом, а местные черты общерусскими» [1, с. 138].

XVI век знаменуется появлением грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, пытавшихся отрегулировать церковнославянское письмо. Значимым является указ царя Алексея Михайловича 1675 года, разрешившего нарушать орфографические правила в деловом письме носителям разных говоров.

Петровская реформа графики XVIII века не могла не коснуться орфографии. Устранение дублетных букв привело к устранению многих исторических и символических написаний. Конкуренция гражданского и церковного письма постепенно формирует единые нормы орфографии, ориентированные на книжную традицию, в рамках которой морфологический принцип орфографии проводился более последовательно. При этом графическая реформа обострила научные споры о природе орфографии (спор В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова).

Б. И. Осипов считает, что «орфографический педантизм и орфографический террор – порождение теоретической орфографии Я. К. Грота», рассуждая о роли грамматических изысканий Грота в его знаменитых «Спорных вопросах русского правописания от Петра Великого доныне» 1873 года.

Конечно, следующий этап кодификации русской орфографии связан с деятельностью орфографической комиссии под руководством А. А. Шахматова, которая завершилась циркуляром Временного правительства о переходе на новые правила в мае 1917 года и дальнейшей реализацией этой реформы Советским правительством. Как известно, на этом история русских орфографических реформ не закончилась, и предложения 1930–1939 гг. привели к своду орфографических правил 1956 года, но продолжились в орфографических дискуссиях 60-х и 90-х годов, хотя свод правил 1956 года завершил, по мнению Б. И. Осипова, всеобъемлющую кодификацию современного русского письма.

Наблюдения за историей графико-орфографических инноваций привели Бориса Ивановича к разработке методических аспектов реформирования письменности. Эту методологию составили следующие положения:

1) графико-орфографические реформы «всегда возникали как продукт значительных общественных движений – продукт побочный и необязательный…»;

2) искусственная архаизация, или мелочная регламентация русской письменности, терпела крах на протяжении всей русской истории, а радикальная и прогрессивная реформа увенчалась успехом;

3) при радикальной реформе наиболее медленно приживаются наименее частотные нововведения;

4) примерно в течение 10 лет после реформы снижается уровень грамотности, орфография (или её реформирование) всегда нуждается в поддержке авторитета;

5) орфографические проекты не должны выноситься на широкое обсуждение, а должны быть подвержены только профессиональной экспертизе специалистов-филологов.

Чуть позже Борис Иванович и дал более точный рецепт: при реформировании письма любое предложение неадекватно фонемных написаний должно быть отклонено [1, с. 267–286].

Типологию графико-орфографических реформ разрабатывали Н. Б. Мечковская [2], Е. А. Никитина [3], В. В. Попков [4] и др. исследователи. Её можно представить следующим образом. Выделяются 4 типа реформ письма: структурные изменения графики и орфографии, символико-орфографические, квазиорфографические и социальные (см. рис. 1). Символико-орфографические изменения регулируют слитное, раздельное или дефисное написание, выбор прописной или строчной буквы, правила переноса. Квазиорфографические инновации определяют выбор некоторых вариантов слов. Социальные реформы связаны с конфессиональной или государственной маркированностью реформ, а также с направлением процесса реформирования или в сторону демократичности, или в обратную сторону – элитарности.

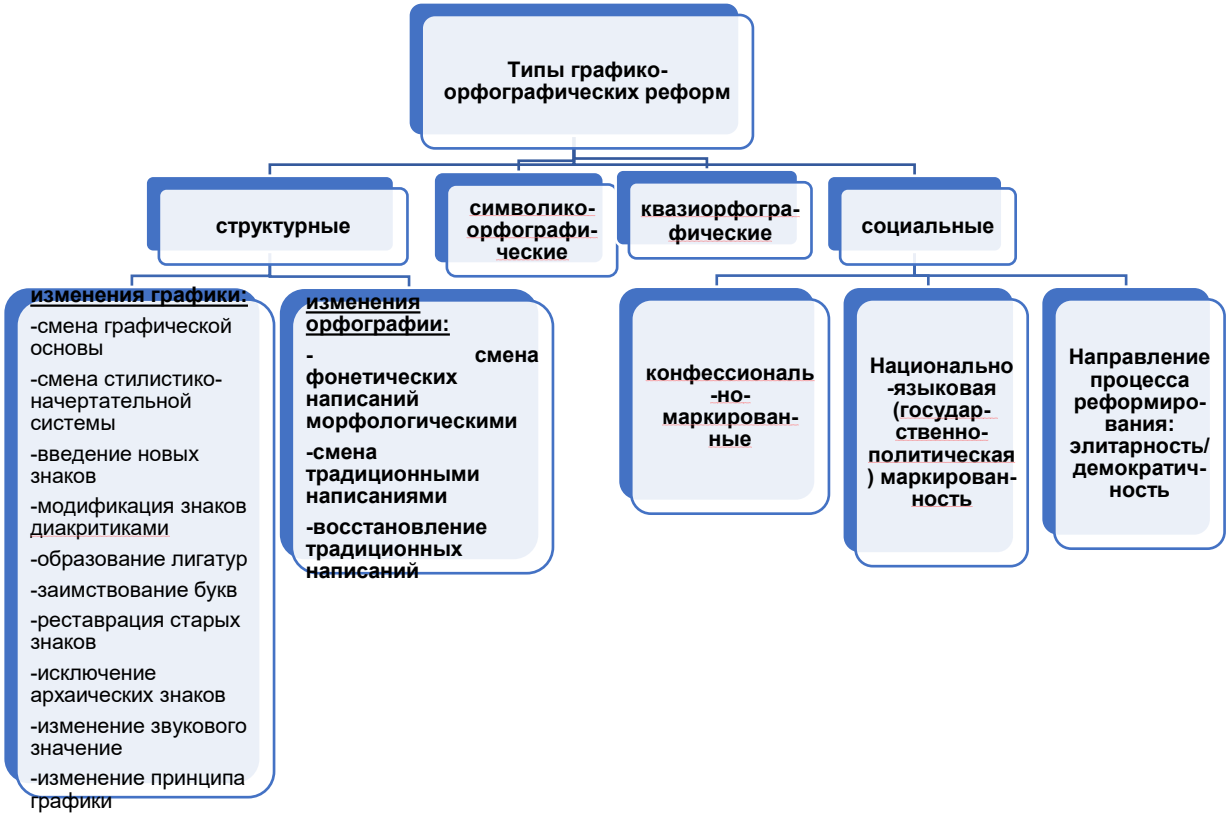

Рис. 1. Типология графико-орфографических реформ

Не вдаваясь в рамках этой статьи в подробности классификации, констатируем, что типология структурных изменений графики и орфографии в работах Б. И. Осипова даже более разнообразна, чем в приведённых исследованиях. Основное же, что принципиально отличает его подход к данному вопросу, – это очень чёткая дифференциация понятий *норма* и *правила*, с одной стороны, и *реформа* – с другой. Для него реформой письменной системы может быть только сознательная нормализаторская деятельность определённых субъектов языковой политики. И главное, что характеризует его концепцию реформ, – это не просто рассмотрение истории кодификации, а анализ изменений в самих письменных памятниках.

Вопросы общей теории орфографических реформ продолжила разрабатывать Е. И. Бреусова, ученица Бориса Ивановича. В своём диссертационном исследовании она выделила серию факторов, определяющих успешность реформ правописания. К ним были отнесены рациональность системы правописания, системность орфографии, радикальность реформы, частота и своевременность проведения реформ, темп перехода на новое правописание людей, владеющих старой орфографией, пределы продолжительности влияния книг, изданных на основе реформируемой орфографии:

1. Рациональность системы правописания: система должна отражать языковые изменения, не противоречить тенденциям развития языка.

2. Системность орфографии: необходимо учитывать, как вводимые правила будут взаимодействовать между собой и как будут соотноситься с языковой системой.

3. Радикальность реформы: определение оптимальной меры радикальности реформ зависит от объёма новых орфограмм, при котором текст узнаётся как отличный от старой орфографии, от степени контрастирования новых орфограмм со старыми (чем больше новые написания будут отличаться от старых, тем быстрее зрительная память будет реагировать на нововведения, т. е. быстрее их воспринимать и фиксировать) и от частотности употребления новых орфограмм (часто встречающиеся орфограммы быстрее проявят себя, чем те, которые встречаются значительно реже).

4. Частота проведения реформ: чем существеннее будут радикальные преобразования, тем частота их проведения будет реже, и наоборот.

5. Своевременность проведения реформ. Так, Проект Главнауки 1930 года был обречён на его неприятие уже в силу того, что был предложен всего через 12 лет после реформы 1917–1918 гг.

6. Темп перехода на новое правописание людей, владеющих старой орфографией, индивидуален, но реформа должна предусматривать достаточно длительный переходный период (в частности, исследования Б. И. Осипова и С. А. Шуйской свидетельствуют о возможности такого перехода в 3-10 лет в зависимости от степени владения старыми нормами).

7. При реформе необходимо учитывать предел продолжительности влияния книг в старой (реформируемой) орфографии, хронологию спроса на литературу, темпы переиздания книг [5].

Как видим, современную теорию графико-орфографических реформ можно считать вполне сложившейся, однако отдельные её положения всё ещё нуждаются в экспериментальном подтверждении.

Литература

1. Осипов Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации. М.: Институт русского языка РАН; Омск: Омский научный вестник, 2010. 319 с.

2. Мечковская Н. Б. Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологический и социосемиотический аспекты. Минск: БГУ, 1998. 34 с.

3. Никитина Е. А. Типология графико-орфографических реформ в истории славянской и германской письменной систем // Русский язык в современной межкультурной коммуникации: коллективная монография / ред. Н. Н. Парфёнова. Сургут: РИО СурГПУ, 2015. С. 107–115.

4. Попков В. В. К проблеме рациональности и нерациональности системы письма: орфографические реформы исландского и фризского языков // Фонетика и письмо в диахронии: Межвуз. сб. науч. тр. / [Редкол.: Б. И. Осипов (отв. ред.) и др.]. Омск: Ом. госуниверситет, 2001. С. 47–53.

5. Бреусова Е. И. К вопросу общей теории реформ орфографии // Слово. Текст. Контекст. 2020. №1. С. 27–36.

РАЗДЕЛ 2. ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

УДК 81.19

Е. П. Антипина
Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнёва (Красноярск, Россия)

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЧЕРТЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ БОГУЧАНСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В ПУБЛИКАЦИЯХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

(Научный руководитель — А. В. Михайлов, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва, Красноярск, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается антропоморфизм в медиадискурсе в контексте описания Богучанской гидроэлектростанции на реке Ангаре. Показано, как антропоморфные образы используются для формирования отношения к объекту и влияния на общественное мнение через метафоры и олицетворение. Рассматривается, как антропоморфные черты проявляются на лексическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: антропоморфизм, медиадискурс, Богучанская ГЭС, метафоры, олицетворение, формирование общественного мнения.

E. P. Antipina
Reshetnev Siberian University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia)

ANTHROPOMORPHIC FEATURES IN THE IMAGE OF BOGUCHANSKAYA HYDROELECTRIC POWER STATION IN MASS MEDIA PUBLICATIONS

Abstract. The article examines anthropomorphism in media discourse in the context of the description of the Boguchanskaya hydroelectric power station on Angara. It shows how anthropomorphic images are used to form attitudes towards an object and influence public opinion through metaphors and personification. It examines how anthropomorphic features manifest themselves at the lexical and syntactic levels.

Keywords: anthropomorphism, media discourse, Boguchanskaya Hydroelectric Power Station, metaphors, personification, formation of public opinion.

© Антипина Е. П., 2025

Антропоморфизм – это лингвистическое и художественное явление, заключающееся в наделении присущими человеку чертами, эмоциями или действиями неживых объектов, животных или абстрактных понятий.

С точки зрения лингвистики, антропоморфизм помогает создать более доступный и понятный язык общения, позволяя людям легче воспринимать и интерпретировать сложные объекты и признаки, связанные с техникой или природой. В контексте изображения крупных промышленных объектов, таких как гидроэлектростанции, антропоморфизм позволяет облечь техногенные системы в человеческие характеристики, тем самым упрощая их восприятие.

Например, наделение гидроэлектростанции *душой* или *характером* может помочь аудитории осознать не только функциональные аспекты этого огромного и технически сложного предприятия, но и социально-экологические последствия его работы. Такой подход способствует формированию эмоциональной связи с объектом описания, что, в свою очередь, может повышать у читателей интерес к работе гидроэлектростанции и знакомить аудиторию с воздействием промышленных технологий на жизнь людей и окружающую среду [1, с. 107].

В средствах массовой информации антропоморфные описания часто используют для визуализации технологий в удобной и понятной пользователю форме, наделяя объекты человеческими чертами и эмоциями. Это позволяет создать эмоциональную связь с аудиторией, подчёркивая как потенциальные преимущества, так и риски, связанные с эксплуатацией техногенных систем. В контексте Богучанской гидроэлектростанции такие представления служат как инструментом для повышения осведомлённости общества о воздействии ГЭС на экосистемы и местное население, так и средством для формирования позитивного имиджа объекта как символа прогресса [2, с. 32].

В медиадискурсе антропоморфизм решает несколько важных задач. Во-первых, он помогает проще понять сложные технические процессы, представляя их как привычные человеческие действия. Во-вторых, он создаёт эмоциональную связь между людьми и объектом, вызывая к нему интерес или заботу о нём. В-третьих, антропоморфизм помогает формировать представления о ГЭС, показывая её как *героя*, который обеспечивает нас энергией, или как потенциальную *угрозу* из-за экологических проблем [3, с. 116].

Используя антропоморфные образы в медиа, можно влиять на общественное мнение и формировать нужное отношение к объекту. В случае гидроэлектростанций (ГЭС) такие образы открывают много возможностей для манипуляции восприятием. ГЭС, как сложный инженерный объект, может быть показана по-разному в зависимости от целей коммуникации. Если нужно создать положительный образ, ГЭС описывается как *трудолюбивый* и *заботливый кормилец*, который обеспечивает нас теплом и светом. Использование фраз с лексемой *ГЭС* в позиции субъекта, таких как *ГЭС питает*

или *ГЭС снабжает*, создаёт ощущение, что она активно участвует в жизни общества [3, с. 117].

В противоположность этому, в критических материалах ГЭС может представать в образе разрушительной силы, *поглощающей* земли и *уничтожающей* экосистемы. Анималистические метафоры, подчёркивающие мощь и неконтролируемость работы ГЭС, усиливают негативное восприятие. Обращение к эмоциям позволяет вызвать у аудитории чувство тревоги и страха, представляя ГЭС как *источник потенциальных катастроф*.

Важно отметить, что эффективность антропоморфных образов зависит от контекста и целевой аудитории. Удачно подобранные метафоры и персонификации способны вызвать сильный эмоциональный отклик, в то время как неумелое использование антропоморфизма может привести к обратному эффекту, вызывая недоверие или отторжение.

Богучанская гидроэлектростанция (БоГЭС) занимает важное место в энергетической инфраструктуре России. Этот масштабный комплекс, расположенный на реке Ангаре, является одним из ключевых звеньев в развитии гидроэнергетики Сибири. Однако строительство и эксплуатация БоГЭС сопровождались рядом спорных моментов, связанных с экологическим воздействием на окружающую среду, затоплением обширных территорий и влиянием на местное население.

Экономическая целесообразность проекта также вызывала дискуссии, особенно в контексте изменений в энергетическом рынке и появления альтернативных источников энергии. В медиапространстве Богучанская ГЭС чаще всего предстаёт в нейтральном или позитивном свете.

СМИ нередко акцентируют внимание на роли Богучанской ГЭС в обеспечении электроэнергией крупных промышленных предприятий, развитии региона и создании новых рабочих мест. Подчёркивается вклад станции в энергетическую безопасность страны и её значение для экономического роста.

Однако в некоторых публикациях затрагиваются и негативные аспекты, связанные с экологическими последствиями строительства и эксплуатации БоГЭС. Поднимаются вопросы о затоплении лесов, изменении гидрологического режима реки, воздействии на рыбные запасы и биоразнообразие. В таких материалах часто звучит критика в адрес государственных органов и энергетических компаний, ответственных за реализацию проекта.

Анализ заголовков с точки зрения антропоморфного изображения Богучанской ГЭС может быть интересным для освещения восприятия объекта в медийном пространстве, особенно в контексте технологической инфраструктуры. Ниже представлен краткий анализ каждого заголовка.

«Энергия лидерства: мощность, команда, технологии» (портал «Деловой Квартал») [4].

Антропоморфный аспект: слово *лидерство* подразумевает наличие личности или команды, которая управляет действиями и направляет их.

Использование термина *команда* придаёт объекту характеристику, которая обычно ассоциируется с людьми. Это может вызвать ассоциации с тем, что ГЭС не только технический объект, но и пространство, где осуществляется коллективная работа.

«Богучанская ГЭС: в полной готовности» («Коммерсантъ-Красноярск») [5].

Антропоморфный аспект: фраза *в полной готовности* может быть истолкована как наличие какого-то состояния «бдительности» или «подготовленности», что также часто характеризует деятельность людей. Это создаёт впечатление, будто ГЭС подготовлена к действию, что даёт ей определённый «характер» и обозначает её активную роль в процессе.

«Богучанская ГЭС стала лидером по производительности труда второй год подряд» («Ангарская правда») [6].

Антропоморфный аспект: заголовок подчёркивает «лидерство» в контексте производительности, что можно воспринимать как конкуренцию среди людей или организаций. Это может создать представление о ГЭС как о спортсмене, который продолжает побеждать. Использование выражения *второй год подряд* усиливает этот эффект, так как это может вызвать ассоциации с достижениями и наградами, присваиваемыми людям.

«Богучанская ГЭС получила паспорт готовности к работе в отопительный сезон» («Ангарская правда») [7].

Антропоморфный аспект: выражение *получила паспорт* подразумевает, что ГЭС как минимум имеет самосознание или статус, что более подходит для описания действий человека или организации. Эта фраза может создать впечатление, будто ГЭС нуждается в удостоверении своей готовности.

Анализ лексики, используемой при описании Богучанской ГЭС в СМИ, выявляет активное применение антропоморфных метафор и олицетворения. Станция наделяется качествами живого существа, способного к действию и обладающего физическими характеристиками. Например, метафора *сердце энергосистемы*, в которой ГЭС уподобляется жизненно важному органу, обеспечивающему функционирование всего организма. Фразы типа *ГЭС дала ток* наделяют станцию активной ролью субъекта действия вместо безличного описания процесса выработки электроэнергии.

Образы *тела плотины* и *лица станции* прямо апеллируют к человеческой анатомии, создавая визуально осязаемые ассоциации. Эпитеты с антропоморфной окраской, такие как *надёжная* (при описании стабильной работы) или *капризная* (в контексте колебаний режима работы), наделяют станцию чертами характера, обычно приписываемыми людям.

На синтаксическом уровне антропоморфные черты проявляются через конструкции с агентивностью, в которых ГЭС предстаёт в роли активного субъекта действия. Фраза *Богучанская ГЭС обеспечивает регион* превращает гидроэлектростанцию в своего рода «артиста», который играет ключевую роль в энергоснабжении. Это контрастирует с более традиционными формами изложения вроде *электроэнергия вырабатывается*,

которые лишают ГЭС статуса действующего субъекта и придают рассказу более безличный характер.

Чередование активных и пассивных конструкций также подчёркивает антропоморфные черты. Активные конструкции, в которых ГЭС представлена как «актор», несут в себе дополнительный смысл, показывая, что станция имеет волю и миссию, тогда как пассивные конструкции акцентируют внимание на результате её работы, а не на самой станции.

Одной из важных стратегий в медиадискурсе является мифологизация, когда ГЭС изображают как *защитника* или *гиганта*. Сравнения с мифическими образами помогают сделать станцию символом чего-то великого и сильного, а иногда даже почти божественного. Это создаёт связь между природой и технологией и подчеркивает её важную роль в жизни людей. Описания могут вызывать разные эмоции: от положительных, когда говорят, что *ГЭС помогает*, до отрицательных, когда акцентируют внимание на её негативных действиях, например, *ГЭС разрушает реку*.

Сравнение публикаций различных средств массовой информации показывает значительные различия в использовании антропоморфных черт при описании Богучанской ГЭС. Официальные издания чаще прибегают к положительным характеристикам, создавая образ ГЭС как надёжного партнера и главного источника энергии для региона. Например, в публикациях может встретиться утверждение о том, что *ГЭС эффективно поддерживает потребности населения в электроэнергии*. В то же время экологические издания предлагают иную интерпретацию, акцентируя внимание на негативных аспектах функционирования ГЭС и её отрицательном воздействии на экосистему.

Таким образом, антропоморфизация не просто художественный приём. Это мощный механизм, который может оказывать значительное влияние на восприятие взаимодействия технологий с окружающей средой и человеком. Важно продолжать исследовать этот феномен, чтобы лучше понять, как люди воспринимают информацию о технологических объектах и какие средства используются различными медиаресурсами для создания образов технологических объектов.

Литература

1. Песина С. А., Юсупова Л. Г., Пулеха И. Р. Антропоморфизм в языке сквозь призму воплощения. // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 106–112.

2. Болотнова Н. С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 155 с.

3. Громов В. И. PR в энергетике на примере РАО «ЕЭС России». Самара: БАХРАХ-М, 2013. 141 с.

4. Новости Богучанской ГЭС // Официальный сайт Богучанской ГЭС. URL: http://www.boges.ru/press-tsentr/smi-o-boguchanskoy-ges/publikatsii-v-presse/46780/ (дата обращения: 25.07.2025).

5. Новости Богучанской ГЭС // Официальный сайт Богучанской ГЭС. URL: http://www.boges.ru/press-tsentr/smi-o-boguchanskoy-ges/publikatsii-v-presse/44360/ (дата обращения: 25.07.2025).
6. Богучанская ГЭС стала лидером по производительности труда второй год подряд // Ангарка.Инфо. URL: https://angarka.info/news/boguchanskaya-ges-stala-liderom-po-proizvoditelnosti-truda-vtoroj-god-podryad/ (дата обращения: 25.07.2025).
7. Богучанская ГЭС получила паспорт готовности к работе в отопительный сезон // Ангарка.Инфо. URL: https://angarka.info/news/boguchanskaya-ges-poluchila-pasport-gotovnosti-k-rabote-v-otopitelnyj-sezon/ (дата обращения: 25.07.2025).

УДК 81

В. В. Богуславская[1], А. Г. Ратникова[2]
[1]Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия)
[2]Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия)

ОБРАЗ РУССКОГО ТУРИСТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВОВ)

[1]SPIN-код: 3395-8942; *[2]SPIN-код: 6617-8272*

Аннотация. В статье образ русского туриста, автора интернет-отзыва, охарактеризован через особенности его самопрезентации. Особенности самопрезентации русского туриста рассматриваются с позиции его коммуникации с потенциальным адресатом.

Ключевые слова: интернет-отзыв, интернет-коммуникация, лингвокультура, адресант, адресат.

V. V. Boguslavskaya[1], A. G. Ratnikova[2]
[1]Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)
[2]Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

THE IMAGE OF THE RUSSIAN TOURIST IN A LINGUOCULTURAL PERSPECTIVE (BASED ON INTERNET REVIEWS)

Abstract. The article contains characterization of the image of the Russian tourist (the author of an internet review) through the lens of his self-presentation strategies. It examines the distinctive features of the self-presentation of a Russian tourist in the context of communication with a potential audience.

Keywords: Internet review, Internet communication, linguoculture, sender, receiver.

Интерес исследователей к изучению сетевой коммуникации как пространства общения, обмена мнениями, самопрезентации пользователей и т. п. обусловлен активным развитием медиатехнологий, а также абсолютным пониманием того, что интернет-коммуникация является неотъемлемой частью современного мира. Мы всё больше обращаемся к комментариям и отзывам при выборе товаров и услуг. Поэтому вполне объяснимо обращение исследователей к интернет-отзывам как источнику изучения различных аспектов современной коммуникации, например, в [1; 2; 3].

© Богуславская В. В., Ратникова А. Г., 2025

По мнению Е. Э. Былиной, «интернет-отзыв – это речевое произведение, относящееся к классу речевых жанров наивного дискурса, реализуемое в рамках асинхронной виртуальной коммуникации речевое произведение и содержащее в себе мнение и оценку автора о товаре или услуге» [4, с. 393].

Можно говорить о том, что интернет-отзыв является автороцентричным жанром коммуникации. Фактически коммуникация происходит между адресантом и образом адресата, созданным сознанием самого адресанта. Самовыражение и самопрезентация в интернет-отзывах являются одной из коммуникативных интенций автора, так как он делится с потенциальными читателями своим личным опытом, а такие характеристики текста отзыва, как особенности графического оформления, демонстрируемый уровень образования, выражение авторских предпочтений и ценностей и т. д., ещё сильнее обозначают индивидуальное авторское присутствие. Выраженная индивидуальность автора делает интернет-отзыв уникальным текстом, имеющим ценность уже этой крепкой привязкой к конкретной человеческой личности. Кроме того, автор интернет-отзыва является представителем определённой лингвокультуры, обладателем и выразителем этнического сознания, этномаркированной языковой личностью [5, с. 104].

Рассмотрим жанр интернет-отзыва с позиции его основной функции – коммуникативной. Основная ценность интернет-отзыва – возможность интерактивного использования информации. В случае интернет-коммуникации, в том числе такой её разновидности, как интернет-отзыв, можно говорить не только о способах получения / передачи информации, обмена информацией, но и об интерактивном использовании информации, соучастии в действии, связанным с передачей, осмыслением, переосмыслением, реконструкцией, интерпретацией и т. д. объекта информативного содержания.

Дискурсивные характеристики жанра интернет-отзыва показывают, что субъекты коммуникации размыты. Адресант воспринимает себя и адресата через себя, коммуникация оказывается рекурсивной, возвращённой к адресанту, стремящейся вовне (к условному адресату, образу адресата в сознании адресанта), но как бы замыкающейся на своём инициаторе.

Цель представляемого исследования – обнаружить лингвокультурные особенности самопрезентации русского туриста в текстах интернет-отзывов. Для достижения цели были проанализированы интернет-отзывы, написанные представителями разных лингвокультурных общностей.

Материалом исследования послужили интернет-отзывы, опубликованные на русском, вьетнамском, датском и финском языках на сайтах https://www.tripadvisor.ru и https://www.tripadvisor.dk/ (Tripadvisor)

– крупнейшей в мире платформе, на которой публикуются отзывы о путешествиях. Всего было отобрано свыше 850 отзывов.

Итак, рассмотрим особенности самопрезентации автора интернет-отзыва – русского туриста.

Особенностью самопрезентации русского туриста с позиции его общения с потенциальным адресатом, в отличие от представителей других рассматриваемых лингвокультур, можно назвать подчёркивание своей этнической идентификации. Так, в отзывах, написанных на русском языке, частотны указания на принадлежность автора к определённой, русской, лингвокультуре (*во всех примерах сохранены орфография и пунктуация источника – прим. авт.*):

Ребята не передаваемая атмосфера, колорит, движение, самобытность.... разрыв шаблонов при посещении Ханоя! ***Люди Русские приезжайте посмотрите!!!*** *Очень понравиться! Не передаваемо!)* 🤟✌🙏 [Старый квартал и окружение!; 25.10.2018; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html].

...маленькие кривые улочки, названия которых похожи одно на другое. Нужно все время сверять ориентиры. Все дорого, хотя туристов не очень много, ***особенно из России*** [есть азиатский колорит; 22.01.2016; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html].

Здесь сбываются все грёзы. Впервые попал сюда летом 2015-го. Всего на 1 ночь. Но в январе 2016-го я отдохнул по полной. Энергетика, люди и кофейни - я влюбился. Друзья, не нужно брать байк. Возьмите 2-ю половинку и в путь. Делайте пит-стопы в уютных кафешках и общайтесь с местными. ***Вьетнамцы очень расположены к русским.*** *Ловите момент в Старом Квартале города Ханой.* [Место для мечтаний; 17.06.2016; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html]

Другой важной особенностью самопрезентации в русскоязычных отзывах является коммуникация с потенциальным читателем. Были выделены несколько типов такого общения в зависимости от способа обращения автора отзыва к адресату:

– общение как со знакомым, чаще «на ты» (потенциальный адресат – отдельная личность);

– общение как с некоторым множеством людей (потенциальный адресат – читатели вообще);

– безличная коммуникация (обращения к читателю / читателям отсутствуют).

Приведем примеры.

Общение «со знакомым»:

Предстать себя ... как будто ты *на Красной прлощади ... Красная площадь – особая площадь Москвы и всей России, самая известная площадь столицы. Красная площадь возникла в конце 15 века. Ты на очень старой площади…* [Предстать себя ... как будто ты на Красной прлощади 02.06.2023; https://www.tripadvisor.dk/Attraction_Review-g298484-d300366-Reviews-Red_Square-Moscow_Central_Russia.html]

Если ты не бывал на Мамаеве Кургане ,то обязательно съездить нужно *. Ведь это великая память наших героев,которые даже через весь этот страх преодолели эту войну !!! Там есть много памятников,которые скрывают интересную историю ,каждый памятник несёт что-то своё...* [Это самое лучшее место,чтобы осознать подвиг нашего народа !; 21.01.2023; https://www.tripadvisor.dk/Attraction_Review-g298537-d550570-Reviews-Mamayev_Kurgan-Volgograd_Volgograd_Oblast_Southern_District.html]

Общение «со множеством людей»:

Это живой, настоящий, древний Вьетнам. Это самое лучшее место в Ханое – ***исколесите его весь, пройдите по улицам ремесленников, зайдите на рынок и в старейший храм города. Посвятите этому полдня минимум.*** [Душа Ханоя; 02.03.2019; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html]

Все очень ярко и ароматно, следите за дорогой. Много сувенирных лавок, ***не стесняйтесь торговаться, но не делайте это надменно****. Люди приветливые, еда вкусная.* [Сердце Ханоя; 01.05.2019; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html]

Безличная коммуникация:

Колоритное местечко. Очень шумно, многолюдно, концентрация мопедов зашкаливает. Много разных магазинчиков и кафе. Каждый турист должен побывать в старом квартале. [Колоритное место; 07.08.2024; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html]

По старым кварталам конечно же стоит пройтись. Посмотреть на пагоды и разного рода достопримечательности. Все очень интересно для туриста, желающего погрузиться в атмосферу города Ханоя. [Колоритные виды, интересные места; 02.05.2020; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html]

Интернет-отзывы туристов можно условно поделить на неэмоциональные и эмоциональные. Лингвистическими маркерами неэмоциональных отзывов являются простые предложения, неконнотативная (нейтральная) лексика; в текстах такого типа отзывов высказаны практические советы и рекомендации. Лингвистическими маркерами эмоциональных отзывов являются обилие восклицательных предложений, средств языковой выразительности, наличие сниженной

лексики, графических средств выразительности, поликодовые текстовые элементы; в тексте высказываются непрактические рекомендации. Отзывы, опубликованные на русском языке, в своём большинстве относятся к эмоциональным, о чем свидетельствует как графическое оформление (например, наличие эмодзи), так и стилистические характеристики текста (например, частотное использование эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики):

Непривычный шум, огромное количество кафе, пробки из байков. Вообщем все отлично👍👍👍👍👍 [Отличный отдых; 31.05.2019; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html]

crazy место, честно)))кто был, тот поймёт))кругом суета, туристы, мотобайки, попрошайки, торговцы, еда, сувениры. заблудиться - проще простого))) [😀; 29.04.2016; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g293924-d317503-Reviews-or90-Old_Quarter-Hanoi.html].

Подведём итоги. Образ русского туриста в текстах интернет-отзывов может быть охарактеризован через особенности самопрезентации адресанта, автора отзыва.

Одной из особенностей самопрезентации русского туриста с позиции его общения с потенциальным адресатом является подчёркивание своей этнической идентификации. Другой важной особенностью является наличие разных типов коммуникации с потенциальным читателем, от общения «на ты» до безличной коммуникации, при которой обращения к читателю / читателям отсутствуют.

Отзывы, опубликованные на русском языке, отличает обилие восклицательных предложений, средств языковой выразительности, наличие сниженной лексики, графических средств выразительности, поликодовых текстовых элементов.

Литература

1. Сунь В. Лингвокультурные характеристики интернет-отзывов российских туристов о поездке в Китай: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2024. 24 с.

2. Космарская И. В. Речевой жанр покупательского интернет-отзыва (на материале отзывов о предметах одежды) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. №5 (886). С. 63–69.

3. Тулупова Е. Н., Головина Е. В. Лексико-стилистические особенности интернет-отзыва туриста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №5. С. 257–261.

4. Былина Е. Э. К проблеме речеактовой отнесенности перформативного высказывания “I recommend” в интернет-отзыве // Преподаватель XXI век. 2020. № 3-2. С. 391–405.

5. Ратникова А. Г., Богуславская В. В. Аксиологический подход к исследованию языкового сознания: лингвокультурные аспекты // Лингвистические и лингводидактические проблемы высшей школы: материалы II Всероссийской научно-методической конференции (25 апреля 2025 г.). СПб.: ВИ (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО им. генерала армии А. В. Хрулева, 2025. С. 103–107.

УДК 81.13

В. С. Бычкова[1], О. Д. Паршина[2]
[1]Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия)
[2]Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия)

ИМЕННЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОВИНЦИАЛА В ТЕКСТАХ СМИ

[1]SPIN-код: 1612-9060; [2]SPIN-код: 5941-8455

Аннотация. В статье анализируются именные словосочетания с лексемой *провинциал* как средство формирования образа в текстах СМИ. Рассмотрены особенности семантики именных словосочетаний, в которых лексема *провинциал* выступает в роли главного и зависимого компонента. Выявлена преимущественно пейоративная оценка образа.

Ключевые слова: образ человека, провинциал, оценка, семантика.

V. S. Bychkova[1], O. D. Parshina[2]
[1]Tolyatti State University (Tolyatti, Russia)
[2]Tolyatti State University (Tolyatti, Russia)

NOMINAL PHRASES AS A MEANS OF CREATING AN IMAGE OF A PROVINCIAL IN MASS MEDIA MATERIALS

Abstract. The article analyzes nominal phrases containing the lexeme provincial as a means of constructing an image in media discourse. It examines the semantic features of such phrases in which provincial functions as both the head and the dependent component. The analysis reveals that the image is predominantly evaluated in a pejorative manner.

Keywords: human image, provincial, assessment, semantics.

Современные лингвистические исследования показывают, что «провинция» не только географическое понятие, но и аксиологическое. Номинация *провинциал* отражает социальные, культурные и поведенческие черты, указывая на взаимоотношения центра и периферии. Средства массовой информации активно формируют и закрепляют этот образ через языковые средства. По словам Ж. К. Гапоновой, провинциал – это «человек, парадоксально сочетающий в себе разнополюсные характеристики: гордость своим происхождением с одновременным ощущением собственной неполноценности, неиссякаемое трудолюбие с мощной недооценкой себя». [1, с. 274]. Продуктивным для настоящего исследования представляется анализ обра-

© Бычкова В. С., Паршина О. Д., 2025

за человека, предложенный Ю. Д. Апресяном. Он рассматривает образ как «совокупность устойчивых лексико-семантических признаков, отражающих наивную картину человека и выраженных в языке» [2, с. 37]. Подход С. В. Черновой расширяет эту модель, включая в неё характеристики, «дающие представление о модели поведения человека и отображающие в тексте его паралингвистические и кинетические характеристики, а также вербализованные сведения о человеке (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т. д.)» [3, с. 555].

В рамках настоящего исследования рассматривается образ провинциала в текстах СМИ на основании именных словосочетаний, содержащих лексему *провинциал*. Методом сплошной выборки выявлено 104 именных словосочетания в 135 периодических изданиях федерального и регионального уровня на базе Национального корпуса русского языка за период с 2000 год по настоящий момент.

Именные словосочетания, в которых лексема *провинциал* выступает в роли главного компонента, а зависимым компонентом являются имена существительные, составляют 21,8% (29 вхождений). Наиболее частотные словосочетания данного типа представлены структурой «*провинциал из* + *место происхождения*»: *провинциал из глубинки* (5 вхождений), *провинциал из Бирюлева* / *Витебска* / *Ярославля* и др. (по одному вхождению соответственно). С точки зрения грамматического значения данные словосочетания реализуют отношения происхождения или локативной отнесённости: зависимое слово указывает на место рождения, жительства или происхождение обозначаемого лица. Использование данных лексем в сочетании с номинацией *провинциал* актуализирует представление о его пространственной изолированности, отсталости и отдалённости от центра: «*Незавершённое высшее образование, интеллект провинциала из сельской глубинки» – так часто говорят и о Пашиняне*» (Новое время, 23.01.2021). В данном контексте пейоративная оценка формируется за счёт сочетания указания на недостаток образования и стереотипного представления о провинциальной ограниченности. Совокупность этих характеристик конструирует образ человека, не соответствующего высоким культурным и интеллектуальным стандартам, тем самым усиливает восприятие его территориальной и ментальной периферийности.

Провинциал в Москве и *провинциал в столице* (по 2 вхождения) являются конструкциями, актуализирующими идею чуждости к столичному пространству, несмотря на физическое присутствие в нём. В контексте они могут выражать оценку, так как указывают на противопоставление, в котором территориальная принадлежность не тождественна принадлежности культурной или социальной: «*Провинциалов в столице никто не любит, поэтому и не печатают*» (НГ. Ex libris, 26.08.2010). Предикативные компоненты *никто не любит* и *не печатают* формируют негативный контекст, в котором столица выступает как символ изолированного, иерархически организованного пространства, из которого провинциалы исключены.

Интерес представляют словосочетания, в которых номинация *провинциал* сочетается с компонентами, указывающими не на пространственную локализацию, а на социальное окружение. К их числу относятся конструкции типа *провинциал среди москвичей* (2 вхождения). Они реализуют комплетивные отношения – зависимый компонент обозначает социальную среду, в рамках которой функционирует субъект. В контексте эти словосочетания приобретают пейоративную оценку, отражая чужеродность провинциала по отношению к москвичам, которые выступают символом центра, нормы, столичной культуры, тогда как провинциал оказывается на периферии: «*Это разделение имеет у Островского и географическое измерение: главный герой «Бешеных денег» – провинциал среди москвичей, говорит как матрос волжского пароходства, то есть окает, в то время как Москва акает*» (Знамя, 01.07.2002). Подчёркивается инаковость провинциала: он физически присутствует в столице, но не принадлежит к ней по культурным признакам. Провинциал противопоставлен жителям столицы, что усиливается за счёт фонетической детали: герой *окает*, тогда как *Москва акает*.

Образ провинциала раскрывается и через именные словосочетания, в которых лексема *провинциал* выступает в качестве зависимого компонента, что составляет 78,2% (104 вхождения). Словосочетания, обозначающие психологическое и эмоциональное состояние провинциала (33 вхождения), отражают его внутренний мир и переживания, раскрывая спектр его самоощущения и реакций на внешнюю среду. К данной группе относятся конструкции с лексемами *комплекс*, *жалоба*, *душа*, *жизнь*, *зависть*, *закомплексованность* и др., каждая из которых позволяет зафиксировать различные аспекты эмоциональной и ментальной напряжённости, связанной с провинциальной идентичностью. Наиболее частотным словосочетанием в этой группе является *комплекс провинциала*, что отражает внутреннюю рефлексию и ощущение неполноценности. Подробный анализ этого словосочетания уже проведён автором в другом исследовании [4]. Большинство подобных словосочетаний характеризуется наличием оценки, что обусловлено как семантикой лексем (*зависть*, *обида*, *жалоба*), так и их функцией в тексте. Например, провинциал предстаёт как носитель эмоциональной реакции на чуждую или дискомфортную городскую среду: «*От женщины из книжной редакции, говорившей со скорострельностью станкового пулемета, в ушах остался режущий треск, будто тебя пропустили через некий металлический агрегат. Понимаешь, что и это жалобы провинциала. Вспоминаешь, какими «первобытными» казались тебе в студенческие годы приехавшие в столицу из так называемой «глубинки», как снисходительно ты к ним относился*» (Дружба народов, 31.12.2010). Словосочетание *жалобы провинциала* здесь функционирует как средство рефлексивного осмысления собственного дискомфорта, вызванного агрессивной речевой манерой жительницы столицы. Воспоминание о приезжих *из так называемой глубинки*,

которые в прошлом казались *первобытными*, усиливает противопоставление центра и периферии.

В отдельную группу можно выделить словосочетания, обозначающие внешний облик провинциала (11 вхождений). Они формируют представление о жителе провинции через описание его телесности, одежды и иных визуальных проявлений, репрезентируя образ провинциала как наблюдаемый извне, доступный внешнему восприятию и стереотипному суждению. К числу таких конструкций относятся: *портрет провинциала* (3 вхождения), *вид провинциала* (2 вхождения), *внешность провинциала* (1 вхождение), *походка провинциала* (1 вхождение), *костюм провинциала* (1 вхождение) и др. Провинциал предстаёт как эстетически непривлекательный и неуклюжий человек, не соответствующий стандартам столицы. Такие конструкции приобретают в контексте оценочную окраску и позволяют идентифицировать провинциала и отделить его от столичных жителей: «*Но если представить себе портрет среднестатистического провинциала, жителя любого отдалённого от центра города, поселка, картина предстанет, прямо скажем, печальная. Одет в китайское тряпье с «Таганского ряда», ибо на другое просто денег нет, у очень многих ужасающе плохие зубы*» (Уральский рабочий, 13.04.2013). Образ провинциала формируется через пейоративную лексику (*тряпьё*, *ужасающе плохие зубы*), указывающую на бедность и запущенность. Признаки внешности (одежда, зубы) маркируют социальную периферийность. Предикаты *одет в китайское тряпье*, *денег нет* подчёркивают бедственность положения. Образ провинциала типичен, подчёркнуто противопоставлен столичному жителю – по уровню жизни, внешнему виду и доступу к ресурсам.

Следующая группа включает поведенческие признаки, приписываемые провинциалу (9 вхождений). В качестве зависимых компонентов в таких конструкциях выступают лексемы, обозначающие черты характера, привычки или манеру поведения: *манеры* (2 вхождения), *замашки* (1 вхождение), *качества* (1 вхождение), *желчь* (1 вхождение) и др. Это субстантивные словосочетания, реализующие управление и выражающие оценочную характеристику поведения: «*А сейчас послушаешь молодого офицера, у него речь и манеры провинциала, сам он весь какой-то забитый*» (Российская газета, 15.06.2007). Лексема *забитый* имеет значение ‘измученный, запуганный, отупелый’ [5, с. 887]. Указание на речь и манеры в совокупности с последующей характеристикой *забитый* формирует образ неуверенного в себе и замкнутого человека. Остальные словосочетания, отражающие поведенческие признаки провинциала, формируются преимущественно на основе лексем с ярко выраженной пейоративной семантикой, что подтверждается лексикографическими источниками. Лексемы в составе словосочетаний типа *замашки провинциала*, *желчь провинциала*, *нахальство провинциала* уже выражают отрицательную оценку, закрепляя за субъектом отрицательные поведенческие стереотипы.

Словосочетания, в которых лексема *провинциал* сочетается с существительными, обозначающими когнитивные и интеллектуальные особенности (5 вхождений), представляют собой конструкции с типом связи управление: *воображение провинциала* (1 вхождение), *глупость провинциала* (1 вхождение), *примитивизм провинциала* (1 вхождение) и др. Эти словосочетания отражают противопоставление «центра» и «периферии» в культурно-интеллектуальном аспекте, когда провинциал оказывается символом вторичности, ограниченности или интеллектуального несоответствия: «*Корпоративное врачебное сообщество откровенно смеялось над Земмельвайсом, считая его идеи несусветной глупостью недалёкого провинциала, мнящего о себе невесть что*» (Медицинская газета, 07.08.2015). Лексема *несусветная* усиливает пейоративную оценку слова *глупость*, делая её максимально выраженной, гиперболизированной в соответствии со значением ‘очень сильный, крайний в своём проявлении’ [6, с. 456]. Оценка также интенсифицируется через образование адъективного словосочетания *недалёкий провинциал*. Адъектив *недалёкий* подчеркивает предполагаемую интеллектуальную ограниченность. Фраза *мнящего о себе невесть что* также усиливает отрицательную оценку.

Обратимся к группе словосочетаний, фиксирующих социально-ролевую репрезентацию провинциала (9 вхождений). Словосочетания *образ провинциала* (5 вхождений), *имидж провинциала* (1 вхождение), *ярлык провинциала* (1 вхождение) и др. указывают на способы восприятия и типизации образа в языковом сознании: «*Ведь ярлык быдловатых провинциалов, у которых на уме лишь стыки и пресс приезжих, уже, кажется, приклеился*» (Советский спорт, 25.10.2011). Лексема *ярлык* в сочетании с номинацией *провинциал* функционирует в переносном значении: «Шаблонная, стандартная (обычно отрицательная), очень краткая характеристика, оценка кого-чего-н. (*неод.*)» [7, с. 1350]. Словосочетание *ярлык провинциала* приобретает функцию негативной стереотипной оценки по его географическому и социальному происхождению. Использование сниженной разговорной лексемы *быдловатых* усиливает пейоративную окраску, а предикат *приклеился* подтверждает образ стандартной социальной характеристики.

Словосочетания, входящие в следующую группу, содержат мотивационно-ценностные характеристики провинциала (6 вхождений) и представляют собой конструкции, в которых лексема *провинциал* выступает в роли зависимого компонента и сочетается с существительными, обозначающими установки, цели, стремления, личностные ориентиры и внутреннюю активность субъекта: *позиция провинциала* (3 вхождения), *мечта провинциала* (2 вхождения), *проявление провинциала* (1 вхождение). Они раскрывают индивидуальные черты мировоззрения и самоощущения провинциала: ««*Да, мы живём на периферии, у нас всё тухло и жухло, и иначе быть не может. Вся жизнь и деньги только в столице» – вот типичная позиция провинциала*» (Аргументы и факты, 22.10.2008). Лексема *позиция* подчёркивает место, которое занимает провинциал в социальной иерархии.

Словосочетание *позиция провинциала* позволяет охарактеризовать его взгляды, акцентирует внимание на том, что человек из провинции воспринимает себя как маргинальную, периферийную фигуру. Разговорная лексема *тухло* и созвучная ей *жухло* подчёркивают, что провинциал воспринимает своё место жительство как ‘отвратительное, пошлое, скверное’ – это значение лексемы *тухлый* сопровождается пометой *презр.* [8, с. 360].

Анализ именных словосочетаний с лексемой *провинциал* в текстах СМИ выявил особенности семантики образа провинциала. Он выступает репрезентантом социальной, культурной и ментальной инаковости, противопоставленной столичной норме. Оценка образа провинциала в текстах СМИ преимущественно пейоративная.

Литература

1. Гапонова Ж. К. Самоидентификация провинциала в массовом сознании современной России // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №. 4. С. 274–280.

2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

3. Чернова С. В. Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке: междунар. сборник науч. трудов. М.: МГОУ, 2012. С. 554–558.

4. Бычкова В. С. Фразеологическая единица «комплекс провинциала» в сетевых текстах: семантические особенности и эмоциональная окраска // Лекантовские чтения – 2024: Материалы Международной научной конференции, Москва, 18 ноября 2024 года. М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 151–157.

5. Толковый словарь русского языка: т. 1–4 / сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т "Советская энциклопедия", 1935–1940. Т. 1: А – Кюрины. Т. 1. 1935. 1562 с.

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. 670 с.

7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.

8. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в двух томах. СПБ.: Златоуст, 2017. Т. 2: О – Я. 2017. 530 с.

УДК 81’25 + 004.9

А. А. Долганина
Национальный исследовательский
Томский государственный университет (Томск, Россия)

ТЕКСТ И ЕГО «НЕЙРОТЕКСТОВЫЙ» ВАРИАНТ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА И ИМИТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

SPIN-код: 2287-4145

Аннотация. Генерация нейротекстов, созданных нейросетью (Chat-GPT 4.5), ставит ряд базовых гуманитарных вопросов, связанных с образом человека в тексте (в частности – с образом автора), созданном без его участия. Определяется стратегия генерации, основанная на сохранении композиционно-стилистических параметров текста для моделирования образа человека и его личностных переживаний.

Ключевые слова: образ человека, образ автора, нейротекст, искусственный интеллект.

A. A. Dolganina
National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

TEXT AND ITS «NEUROTEXT» VERSION: MODELING THE REPRESENTATION OF A PERSON AND IMITATION OF A LINGUISTIC PERSONALITY

Abstract. The generation of neurotexts created by neural network (Chat-GPT 4.5) raises a number of basic humanitarian issues related to the image of a person in a text created without his participation, in particular, the image of the author. A generation strategy is defined based on preserving the compositional and stylistic parameters of the text for modeling the image of a person and his personal experiences.

Keywords: representation of a person, authorial image, neurotext, artificial intelligence.

Появление технологии текстопорождения (генерации текста) на основе больших языковых моделей (БЯМ) вполне может претендовать на новый «гутенбергский переворот» в коммуникации и гуманитарной науке, поскольку предполагает существенный сдвиг в её основе. Искусственный интеллект порождает не существовавший ранее речевой продукт – сгене рированный текст (нейротекст), ведь ранее текстовая деятельность была исключительно прерогативой человека. Лавинообразно появляются ис-

© Долганина А. А., 2025

следования, посвященные нейросетям и БЯМ [1,2,3], однако нейротекст до сих пор не является комплексно осмысленным объектом лингвистического описания. В связи с этим актуально исследование нейротекстов с позиции текстологии как речевого продукта и нового феномена в текстовой коммуникации, создаваемого на естественном языке, моделирующего образ человека, но при этом не созданного человеком.

Цель данного исследования – охарактеризовать моделирование образа человека в нейротекстах персонального дискурса, сгенерированных ИИ (нейросетью Nexus AI | GPT |, Chat-GPT 4.5), полученных на основе текстовых образцов определённого жанра персонального интернет-дискурса (миниатюр).

Нейротекст, как новый речевой / текстовый продукт, обладает «синтетической» природой, но, стремясь к человекоподобию, мимикрирует под знакомую нам систему коммуникации, моделируя все основные текстовые категории [4], которые, однако, значительно меняют свой статус при генерации [5]. К примеру, относительно образа человека в сгенерированном тексте может быть эксплицированы эмоциональная тональность, оценочность, авторская позиция, но её «автор», очевидно, система алгоритмов, поскольку БЯМ не обладает ни способностью к переживанию эмоций, ни к оценочности, ни к мотивации. Принципы и возможности этого моделирования, его семантическая и аксиологическая нагрузка являются перспективными объектами изучения. Характер моделирования образа человека (автора) в тексте представляет научный интерес, поскольку, с одной стороны, по своей сути является «симулякром», с другой стороны, подсвечивает независимость данной текстовой категории от биографического автора и при сопоставлении может определить специфику данной категории.

При этом следует констатировать, что нейротекст действительно является текстом: он обладает связностью, целостностью, содержательными признаками, соотносимыми с определёнными жанром, стилем и дискурсом. В нейротекстах моделируется образ автора (особенно если задана речевая маска) и учитывается определённый тип адресата (особенно если он задаётся в промпте). При этом на сегодняшний день нейротекст отличается от «рукотворного» текста не только наличием речевых, стилистических, грамматических, дискурсивных ошибок, но и характерным уровнем семантической глубины и информативности текста, спорным статусом оригинальности нейротекста.

В качестве материала данного исследования выступают нейротексты (100 ед., общий объём – 1135 слов), сгенерированные по образцу текстов определённого жанра, обозначаемого как интернет-миниатюра – любительские мини-тексты, опубликованные на сайтах литературного творчества либо в социальных сетях, как правило, дневникового или эссеистического типа. Данный тип текстов выбран в качестве образца, так как он удобен в методическом плане за счёт небольшого объёма, простой структуры и наличия специфических речевых стереотипов любительского творчества,

а также данный жанр является персональным: он отражает внутренний мир автора в тексте с его переживаниями и образным выражением эмоций.

Промпт содержал минимальное количество признаков, в основном ориентирован на 10 образцов текста и был задан следующим образом (см. ниже), проведено 10 итераций, итого получено 100 текстов для анализа.

> Напиши 10 текстов по образцу <далее приводятся примеры текстов в заданном жанре, здесь ограничимся 1 примером>

Одиночество.

Оказывается, одиночество может оглушить. Это можно почувствовать, когда ночью смотришь на звёзды или когда на утреннем, полупустом вокзале провожаешь поезд. Когда понимаешь, что у поезда впереди – дорога, а у тебя – ничего, один вокзал, да и тот полупустой. И вся жизнь кажется таким же озябшим вокзалом, от которого время от времени отходят поезда.

Жанр, выбранный для текстового образца, антропоцентричен, направлен на создание образа человека, его личного восприятия действительности, при этом данный жанр соединяет черты дневника, мемуаров и эссеистики. Автор интернет-текстов рассматриваемого жанра «субъективен» и имеет потребность самовыражения через речевое творчество, что проявляется в специфической экспрессивности текста и связанной с ней стилистикой, насыщенной традиционной образностью.

В результате генерации получены нейротексты типа:

Пример 1. > Nexus AI | GPT | Нейросети: ### Текст 1

Ветер. Он шепчет в ржавых проводах и уносит с собой все воспоминания. Ветер, который разносит осенние листья, заставляя их кружить в танце на фоне серого неба. Он играет с распущенными волосами, задевает за плечи, как старый знакомый. Ветер завывает в окне, словно зовёт наружу. Но мне не хочется покидать тепло своей комнаты. За окном собираются тучи, собирается дождь, но в сердце всё равно живёт нежное тепло...

Пример 2. > Nexus AI | GPT | Нейросети: *### Текст 6*

Тишина. Иногда её так не хватает в этом шумном мире. Это время, когда всё замирает, когда остаёшься наедине с собственными мыслями. Сидя в своей комнате, я ловлю каждое молчание, каждое дыхание, слыша, как стучит сердце. Иногда тишина кажется пугающей, но в ней есть что-то успокаивающее. Это возможность остановить бег времени, успокоить мысли и просто побыть собой. И в эти мгновения мне становится легко и приятно...

Прежде всего выделим те признаки и характеристики текстов, которые имитировались: небольшой объём (количество слов: преимущественно 60–70, 5–7 предложений), стиль и образность, наличие рефлексии и личностной модальности (подчёркнутая перцептивность), направленность на эмоциональное воздействие на адресата. При этом все полученные нейротексты представляют собой вариации на близкие темы, созданные по

однотипной структуре. При анализе генерации нейротекстов, созданных нейросетью Chat-GPT 4.5 на основе БЯМ, становится ясно, что все они имеют общую схему текста, поэтому очевидно, что в основу искусственного текстообразования положен композиционный принцип.

Образ человека в нейротекстах моделируется прежде всего через текстовую категорию автора: он генерируется по подобию текстового образца. В заданном жанре категория автора проявляется через «Я-высказывания», т. к. тексты принадлежат персональному дискурсу, что считывается алгоритмами нейросети. Например: «*Я хочу понять, что дарует тёмная сторона: силу, независимость, свободу от границ*». Сравним в исходном тексте, написанном человеком: «*Я хочу от мужчины того, что он, оказывается, В ПРИНЦИПЕ, дать не может: чувство защищённости, пресловутую каменную стену*».

Показательно, что при генерации нейротекста экспрессивность текста моделируется без переживания эмоций, без какой-либо психологической функции речевого творчества, но именно эти признаки позволяют достигать «хуманизации» текста, работают на создание образа человека, воплощая текстовый параметр «образа автора». Таким образом, в результате текст обладает экспрессивностью, близкой по стилистике к «эталонным текстам», что происходит благодаря выразительным возможностям текста, которые заложены в сами механизмы языковой системы.

При запросе к нейросети «проанализировать сгенерированные тексты с точки зрения коммуникативно-прагматических параметров» образ автора характеризуется следующим образом: «Автор представляет собой чувствительного наблюдателя, который открыто делится своими внутренними переживаниями». Такая речевая маска моделируется и в нейротекстах, например: *«Злость – это огненное чувство, которое разгорается в груди, когда сталкиваюсь с предательством*». При этом в ряде вариантных нейротекстов они реализуются по схеме: номинация эмоции + типичный эпитет + номинация родового понятия, объект чувства + рефлексивность «автора» (как текстовой категории), *«Я чувствую, как сердце открывается, чтобы впустить эту энергию, и каждое ссора становится лишь ступенькой к пониманию»* (схема: идея открытого выражения эмоции «лирическим героем», типичный / символичный образ (лестница), номинация эмоционального концепта (ссора)).

При этом генерация нейротекста происходит не от замысла к языковому воплощению, а от заданного пользователем промпта и идёт от формы языка, обработанного алгоритмами БЯМ к содержанию и затем – к потенциальному воздействию на адресата. Именно языковая форма индуцирует экспрессивные характеристики текста для воздействия на адресата.

В создании образа человека в полученной генерации яркой чертой является общий перцептивный компонент. Его вариативность заключается в канале восприятия, при этом акт перцепции присутствует во всех текстах,

образуя «синонимичную» текстовую структуру, т. к. данный компонент занимает центральное место в композиции. Например:

Проводя время в деревне, я ощущаю покой и единение с окружающим миром. / Наблюдая за закатом, я ощущаю чувство завершённости и надежды на новый день. / Наблюдая за рассветом, я ощущаю прилив сил и энергии. / Наблюдая за цветущими цветами, я испытываю чувство покоя и вдохновения.

Образ человека моделируется через подчёркнуто повторяющиеся образы телесности, особенно через традиционные образы: *взгляд согревает сердце; могла бы дотянуться до них рукой; слыша, как стучит сердце; я смотрю в глаза; проникает в сердцевину; сердце стучит так, что кажется, будто оно вырвется из груди.*

Таким образом, в нейротекстах моделируется образ человека в традиционных и стереотипных сентенциях и конструкциях. Алгоритмы способны, следуя за заданной композицией, имитировать образ автора, опираясь на синонимичные замены и устойчивые синтагматические связи, при этом благодаря экспрессии, заложенной в языке, имитируется стиль обобщённой творческой (беллетристической) языковой личности. Близость стилистики и эмоциональной тональности текста создают эффект присутствия автора в текстах, которые лишены реального «автора» при генерации, однако непременное присутствие категории автора во всех человеческих текстах, на которой обучаются нейронные сети, позволяет моделировать её в сгенерированных вариантах.

Литература

1. Хандогин Р. В., Пронер Н. С. Потренируемся лучше… на котах: описание и визуализация художественных образов в генеративных моделях ИИ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. №4. С. 160–193.

2. Bommasani R. et al. On the opportunities and risks of foundation models [Электронный ресурс] // arXiv: 2108.07258, 2022. URL: https://arxiv.org/pdf/2108.07258 (дата обращения: 02.05.2025).

3. Vaswani A. et al. Attention is all you need // Advances in Neural Information Processing Systems. Curran Associates, Inc., 2017, Vol. 30, p. 5998–6008. URL: https://papers.nips.cc/paper_files/paper/2017/file/3f5ee243547dee91fbd053c1c4a845aa-Paper.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

4. Яхиббаева Л. М. Категории цельности / целостности и связности как основные признаки текста // Лингвокультурология. 2008. №2. С. 209–214.

5. Айдагулова А. Р. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2023. №4 (72). С. 154–156.

УДК 81’37

А. В. Екомасова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВЫХ ДОМИНАНТ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Ю. ЛЕВИТАНСКОГО)

(*Научный руководитель – О. В. Золтнер, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия*)

Аннотация. В статье анализируется семантико-синтаксическая структура стихотворения Ю. Левитанского с учётом лингвоантропологического подхода к языку. Сделан вывод о теме времени как главной антропоцентрической смысловой доминанте стихотворения и о необходимости применения метода семантико-синтаксического анализа к анализу текстов Ю. Левитанского.

Ключевые слова: антропоцентризм, смысловая доминанта текста, лингвоантропологический подход, семантико-синтаксический анализ, время.

A. V. Ekomasova
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

SEMANTIC-SYNTACTIC INTERPRETATION OF THE ANTHROPOCENTRIC SEMANTIC DOMINANTS OF THE TEXT (BASED ON THE POETRY OF Y. LEVITANSKY)

(Scientific supervisor: O. V. Zoltner, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia)

Abstract. The article analyzes the semantic and syntactic structure of the poem by Yu. Levitanski, taking into account the linguo-anthropological approach to language. The conclusion is made about the theme of time as the main anthropocentric semantic dominant of the poem and about the effectiveness of applying the method of semantic and syntactic analysis to the analysis of texts by Yu. Levitanski.

Keywords: anthropocentrism, semantic dominance of the text, linguoanthropological approach, semantic and syntactic analysis, time.

Данная статья отражает опыт семантико-синтаксической интерпретации смысловых доминант поэтического текста и является частью иссле-

---

© Екомасова А. В., 2025

дования индивидуально-авторской языковой картины мира Ю. Д. Левитанского. По мысли Р. Якобсона, одного из ведущих представителей русского формализма и автора ряда работ по «поэтической грамматике», интегрированность структуры текста обеспечивается его **смысловой доминантой**: «Доминанту можно определить как фокусирующий компонент художественного произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты» [1, с. 56]. По отношению к творчеству Ю. Левитанского можно утверждать, что смысловые доминанты его текстов носят ярко выраженный антропоцентрический характер, так как фокус внимания автора сосредоточен на собственных впечатлениях, воспоминаниях, размышлениях.

При этом наше исследование осуществляется в русле омской лингвоантропологической школы (под руководством М. П. Одинцовой), продолжает её традиции. В соответствии с главным принципом омской лингвоантропологической школы, создателем языка и субъектом речи-мысли выступает **человек**, «отражающий собственное мировидение, т. е. все свои состояния, настроения, оценки, своё социальное, этническое, философское, эстетическое, нравственное, профессиональное, культурное, индивидуально-личностное “я” в слове, в языке» [2, с. 7]. Это означает, что представления человека о чём бы то ни было, в том числе и о самом себе, объективированы всей системой единиц, структур и правил языка, составляющих языковую картину мира. **Индивидуально-авторская языковая картина мира** понимается нами как фрагмент картины мира, отражённый в тексте его автором. Индивидуально-авторская языковая картина мира имеет «субъективный, творческий характер, проявляющийся в выборе объекта и ракурса изображения, а также определённого аспекта реального мира, увиденного через призму определённых индивидуально-авторских оценок» [3, с. 71].

Художественный текст является в высшей степени организованным речевым произведением, в котором употребление языковых средств всех уровней полностью определяется волей автора и подчиняется его творческому замыслу. При рассмотрении поэтических текстов мы исходим из того, что языковые структуры, репрезентирующие содержание произведения, отражают черты мышления и мировосприятия поэта и дают дополнительную информацию о его представлениях вкупе с той, что представлена в тексте. Этим положением определяется выбранный нами **семантико-синтаксический ракурс** исследования. Он подразумевает выявление взаимосвязи грамматических категорий с индивидуально-авторской языковой картиной мира посредством анализа грамматической структуры текста. Объектом изучения могут становиться как морфологические (лицо, число, вид и время глагола и т.д.), так и собственно синтаксические категории (тип синтаксической связи, позиции субъекта и предиката, роль частиц, междометий, вводных конструкций и т.д.). Данная методология разрабатывается в исследованиях О. В. Золтнер на материале художественного дискурса [4].

Теоретической основой исследования являются труды В. В. Виноградова, В. А. Белошапковой, В. В. Бабайцевой, Е. С. Кубряковой и других отечественных лингвистов. Анализ синтаксических структур осуществлялся с опорой на классификацию структурных схем Н. Ю. Шведовой, изложенную в «Русской грамматике» 1980 года. В настоящей статье метод семантико-синтаксической интерпретации смысловых доминант поэтического текста продемонстрирован на примере анализа стихотворения «Всего и надо, что вглядеться» (Ю. Левитанский, 1976).

В стихотворении поэт рассуждает о том, как важно быть внимательным ко всему, что нас окружает. Мы настолько привыкаем спешить и суетиться, что перестаём вникать в суть происходящего. Стихотворение начинается с призыва остановиться и взглянуть на вещи более внимательно: «***Всего и надо, что вглядеться****, — боже мой, / всего и дела, что внимательно вглядеться, — / и не уйдёшь, и никуда уже не деться / от этих глаз, от их внезапной глубины. // **Всего и надо, что вчитаться**, — боже мой, / всего и дела, что помедлить над строкою — / не пролистнуть нетерпеливою рукою, / а задержаться, прочитать и перечесть* [5].

Междометие *боже мой* выражает непосредственный эмоциональный отклик автора на его внезапное открытие, осознание. Обратим внимание на модальность речевых высказываний: *надо вглядеться; надо вчитаться; (надо) не пролистнуть, а задержаться, прочитать и перечесть*. Этот вид предложений Н. Ю. Шведова относит к не подлежащно-сказуемостным предложениям. В структуре схемы Praed Inf позицию первого компонента занимает предикатив *надо* с модальным значением необходимости. Предикативная конструкция *всего и дела, что вглядеться* является разновидностью данной структурной схемы с фразеологическим сочетанием в позиции первого компонента, во второй части предложения компонент *надо* опущен, но подразумевается. Семантика схемы предполагает «наличие субъектного состояния как возможности, необходимости, способности, своевременности осуществить действие, состояние» [6, с. 322]. Однако субъект состояния не назван. Он предельно обобщён: необходимость осуществить действие автор адресует не только читателю, но и самому себе. Позиции автора и читателя равны, что согласуется с содержанием стихотворения. Усилительная частица *всего* служит эмоциональным маркером высказывания, подчёркивая огромную значимость таких простых действий, как *вглядеться, вчитаться, помедлить*.

В смысловом отношении стихотворение построено на двух ключевых оппозициях. Первая из них – антитеза вечности искусства и кратковременности человеческой жизни. Наблюдается метонимический перенос от части к целому («*строка – часть книги – воплощение литературы как вида искусства»*) и метафорический перенос («*глаза – отражение души человека»*). Строка сохраняется в своём первозданном виде и через время проносит в себе всё богатство содержания, а душа человека живёт с ним, сколько ему отпущено, и уходит тоже вместе с ним. Каждый человек – это целый

непознанный, неоткрытый мир. И если строка остаётся непрочитанной лишь до определённого времени, то душа человека может остаться неузнанной навсегда. Данная мысль выражается посредством предложения, содержащего компаратив, в котором опорным компонентом выступает сочетание глагола с обстоятельственным наречием времени: *«Но вот **глаза – они уходят навсегда, / как некий мир**, который так и не открыли, / **как некий Рим**, который так и не отрыли, / и не отрыть уже, и в этом вся печаль»* [5]. В основе метафорического сравнения лежит аналогия *душа человека – мир – затерянный город*, который уже невозможно восстановить и увидеть. Неразгаданность, таинственность мира человеческой души передаёт неопределённое местоимение *некий*. Фигура синтаксического параллелизма – одинаковое построение частей сложного предложения – усиливает эмоциональную напряжённость высказывания. Однако в данном случае можно говорить не просто о синтаксическом, но о семантическом параллелизме: обе придаточные части предложения построены по одинаковым схемам и заполнены синонимичными лексемами, в результате чего оказываются тождественны по содержанию: сравнение + Vpl3. Семантика этой однокомпонентной схемы такова: “наличие отнесенного к неопределённому субъекту действия или процессуального состояния” [6, с. 327], субъект мыслится как *всякий, любой*. Следующая часть предложения, построенная по инфинитивной схеме Inf, выражает категорическую невозможность осуществления действия (*и не отрыть уже*), усиленную отрицательной частицей *не*, а наречие *уже* содержит эмоциональный компонент высказывания – сожаление об упущенном времени и невозможность ничего вернуть.

Во второй части стихотворения поэт обращается к читателю напрямую: *«**Но мне и вас немного жаль, мне жаль и вас**, / за то, что суетно так жили, так спешили, / что и не знаете, чего себя лишили, / и не узнаете, и в этом вся печаль»* [5]. В безличном односоставном предложении, построенном по схеме Praed (neg) N4/N2 с семантикой «наличия субъектного состояния, обращённого к объекту» [6, с. 326], в роли предикатива употреблено слово категории состояния *жаль*. Носителем эмоционального состояния является поэт, говорящий от первого лица, объект же, на который направлено его состояние, – читатели. Автор выражает не обвинение или упрёк, а скорее сочувствие, замечая, что в спешке мы можем даже не осознавать масштабы упущенного.

В следующей строфе поэт вновь сознательно приравнивает себя к читателям: *«А впрочем, **я вам не судья. / Я жил как все.** / Вначале слово безраздельно мной владело. / А дело после было, после было дело, / и в этом дело всё, и в этом вся печаль»* [5]. Обратим внимание на использование внутристиховых пауз, которые синтаксически выделены при помощи конструкции с союзом *и*, имеющей значение пояснения (ср. *и не отрыть уже, и в этом вся печаль; и не узнаете, и в этом вся печаль; и в этом дело всё, и в этом вся печаль*). Повторяясь в конце трёх строф подряд, она задействуется в качестве эпифоры, что на уровне формы структурирует поэтический текст, а на

уровне содержания придаёт высказываниям драматизм. Структурная схема N1 (*в этом вся печаль*; *в этом дело всё*) имеет семантику существования, наличия предметно представленного состояния, при этом компонент схемы заполнен лексемой с отрицательным значением, что вербализует неутешительный вывод, к которому приходит автор.

Вторая ключевая оппозиция текста – антитеза слова и дела. Суть её раскрывается в финальной строфе: *«Мне тем и горек мой сегодняшний удел — / покуда мнил себя судьей, в пророки метил, / каких сокровищ под ногами не заметил, / каких созвездий в небесах не разглядел!»* [4]. Первая часть предложения представляет собой схему N1 Adj с краткой формой прилагательного, имеющую к тому же субъектный детерминант в дательном падеже *мне*. «При распространении субъектным детерминантом или другой формой с субъектным значением такие предложения способны стать сообщением о психическом, эмоциональном, интеллектуальном состоянии, сосредоточивают это значение во всей части “после распространителя”» [5, с. 296], что мы и наблюдаем в данном случае. Предложение сообщает о чувстве сожаления и даже раскаяния, которое испытывает поэт за то, что возомнил себя судьёй над другими людьми. В этом высказывании заметна также авторская ирония над собой. Особенно ярко она проявляется в словосочетании *в пророки метил*, в котором характерное для разговорной речи выражение «метить в кого-либо» (в значении ‘стремиться занять более высокое положение’) сочетается с лексемой возвышенно-поэтического стиля *пророк*. Финал стихотворения служит своеобразным предупреждением о том, как легко поэт может впасть в гордыню и возомнить себя всеведущим, не видя при этом сути вещей. По мнению Левитанского, стихи такого поэта – пустая игра *слова*. Поэзия лишь тогда становится настоящим *делом*, когда человек перестаёт возвеличивать себя и учится внимательно вглядываться в жизнь вокруг.

Подводя итоги, можно сказать, что в стихотворении Ю. Д. Левитанского «Всего и надо, что вглядеться» сложно переплетаются темы времени, искусства и внутреннего мира человека. При этом смысловой доминантой, организующей содержание текста, выступает **тема времени**. По мысли Ю. Д. Левитанского, ход времени необратим и неостановим, всё ныне существующее с каждой секундой неизбежно уходит в небытие. Жизнь человека коротка, и, когда он умирает, вместе с ним уходит мир его души, который сам по себе является огромной ценностью. Задачу истинного поэта Левитанский видит в том, чтобы эту ценность разглядеть и запечатлеть в искусстве. Данные представления являются частью индивидуально-авторской языковой картины мира поэта и характеризуют концепт времени в сознании писателя. Таким образом, смысловые доминанты, выявленные нами в стихотворении Ю. Левитанского, носят ярко выраженный антропоцентрический, а не абстрактный характер.

В ходе анализа нами было установлено, что в текстах Ю. Д. Левитанского выразительность речи создаётся скорее за счёт игры с

грамматическими формами, тогда как лексическая образность «вплетена» в синтаксические структуры. Таким образом, черты индивидуальности писателя, по нашему мнению, в большей степени проявляются через синтаксический строй текста. Поэтому метод семантико-синтаксического анализа можно считать наиболее подходящим для исследования творчества этого автора. Используемые автором разнообразные структурные схемы предложений наполняются индивидуальным содержанием, синтаксические приёмы упорядочивают сказанное и придают речи выразительность, междометия и частицы вносят эмоциональный компонент. Все выявленные средства «работают» на выражение актуальных для автора смысловых доминант.

Литература

1. Якобсон Р. Доминанта / пер. И. Чернова // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Т. 1. Тарту: [б. и.], 1976. 315 с.

2. Одинцова М. П. Основные понятия лингвоантропологии // Лингвистика человека: антология / под ред. Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой. Омск: Вариант-Омск, 2012. С. 7–13.

3. Полякова А. Н., Сегал Н. А. Метафоризация природы в лирике А. А. Ахматовой // Интерактивная наука. 2020. Т. 6, № 52. С. 71–74.

4. Золтнер О. В. Семантико-синтаксическая организация описательных конструкций (на материале романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка») // Казанская наука. 2025. №4. С. 372–376.

5. Официальный сайт поэта Юрия Левитанского: 2011–2025. URL: https://levitansky.ru/ (дата обращения: 28.07.2025).

6. Русская грамматика. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.

УДК 81-119

Ю. С. Игнатова
Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА АДРЕСАТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПОРАТИВНЫХ САЙТОВ АДВОКАТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)*

SPIN-код: 2100-9000

*Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-20206, https://rscf.ru/project/25-28-20206/ и Кемеровской области – Кузбасса.

Аннотация. В статье продемонстрировано, что в юридической маркетинговой коммуникации, осуществляемой на сайтах адвокатских организаций Кузбасса, используется три способа актуализации образа адресата, а также отмечено, что при описании целевой аудитории имеют особое значение экстралингвистические факторы.

Ключевые слова: образ адресата, юридическая маркетинговая коммуникация, клиент, доверитель, адвокат.

Yu. S. Ignatova
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

WAYS TO UPDATE THE ADDRESSEE'S IMAGE IN LEGAL MARKETING COMMUNICATION (BASED ON THE CORPORATE WEBSITES OF LAW FIRMS IN THE KEMEROVO REGION)*

*The Reported Study Was Funded by Russian Science Foundation, Project no 25-28-20206, https://rscf.ru/en/project/25-28-20206/ and Kemerovo Region – Kuzbass.

Abstract. The article demonstrates that legal marketing communication carried out on the websites of Kuzbass law firms uses three ways to update the image of the addressee, and also notes that extralinguistic factors are important when describing the target audience.

Keywords: addressee image, legal marketing communication, client, principal, lawyer.

Усиление конкуренции в сфере юридических услуг приводит к активному применению маркетинговых технологий для продвижения компаний. В современном мире важно не только качественно оказывать услуги, но и выстраивать успешную маркетинговую коммуникацию, которая позволит

© Игнатова Ю. С., 2025

привлечь внимание потенциальных клиентов и убедить их в необходимости воспользоваться продукцией или услугами определённого бренда.

В связи с этим в сфере правовых отношений появляется новый вид коммуникации – юридическая маркетинговая коммуникация, которая «представляет собой комплекс коммуникативных стратегий, нацеленных на продвижение юридических услуг от исполнителей (юристов, адвокатов) к потребителям (клиентам, доверителям)» [1, с. 2361].

Образ адресата в юридической маркетинговой коммуникации имеет особое значение, что обусловлено спецификой предоставляемых услуг:

1) причина обращения за юридической помощью связана, как правило, с негативной ситуацией (конфликты, проблемы и др.);

2) потенциальному клиенту сложно оценить качество юридических услуг, так как они имеют нематериальную специфику [2; 3].

Данная статья посвящена изучению способов актуализации образа адресата в юридической маркетинговой коммуникации адвокатских организаций.

При проведении исследования был проанализирован контент сайтов десяти адвокатских организаций Кемеровской области. Выбор сайтов в качестве источника материала исследования обусловлен тем, что «наличие информативного сайта является неотъемлемой частью продвижения юридической компании, коллегии адвокатов или отдельных специалистов. Сайт одновременно выступает одним из главных инструментов привлечения потенциальных клиентов и коммуникации с целевой аудиторией» [3, с. 696].

В процессе исследования было выявлено три способа актуализации образа адресата юридической маркетинговой коммуникации. Рассмотрим их более подробно (*в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация, а также речевое оформление – прим. ред.*).

1. Обозначение адресата юридической маркетинговой коммуникации с помощью специальной юридической лексики. Образ адресата на сайтах адвокатских организаций может формироваться посредством юридических терминов, представленных в различных нормативных правовых актах. Наиболее частотным является термин *доверитель*, закреплённый в законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Данный термин является официальным обозначением субъекта, обратившегося за помощью к адвокату: *Предлагаем наиболее оптимальные варианты достижения целей* ***доверителя*** (Коллегия адвокатов «Адвокатский бизнес Альянс»); *Всегда уделяем особое внимание защите конфиденциальности полученных сведений, бережно относясь к любой информации, поступившей* ***от доверителя*** (Адвокатское бюро «Шаройко и Партнеры»).

С точки зрения гражданского кодекса за адвокатской помощью могут обратиться *юридические* и *физические лица*: ***Адвокаты окажут помощь*** *как* ***физическим,*** *так* ***и юридическим лицам*** *в оспаривании актов*

контролирующих, административных органов (Кузбасская коллегия адвокатов № 42/7).

С позиции уголовно-процессуального кодекса помощь адвоката может быть полезна как стороне защиты (*подозреваемым, обвиняемым, подсудимым*), так и стороне обвинения (*потерпевшим, истцам*) и свидетелям: *Довольно частым является заблуждение, что* ***адвокат участвует в уголовном судопроизводстве лишь осуществляя защиту подозреваемых и обвиняемых, тогда как потерпевший точно так же нуждается в защите своих прав*** (Коллегия адвокатов № 3 Заводского района г. Кемерово КО); *В период с 2019 по 2022 год* ***в интересах обвиняемых и подсудимых*** *прекращено на следствии и в суде более 25 уголовных дел*. ***В интересах потерпевших*** *возбуждено более 10 уголовных дел и направлено в суд* (Адвокатский кабинет «Вострилков В. В.»).

С точки зрения финансового права потенциальным адресатом адвоката являются *кредиторы*, *должники*, *стороны сделки, банкроты* и др.: *Представляем интересы* ***должников, кредиторов, стороны сделки,*** *контролирующих лиц в любых делах о банкротстве* (Коллегия адвокатов «Юрпроект»).

Из представленных юридических терминов, используемых для обозначения субъекта, нуждающегося в защите адвоката, наиболее частотным и универсальным является термин *доверитель*. Иные номинации адресата используются либо в том случае, когда адвокаты работают только по делам какой-то определённой сферы права (уголовным, экономическим и др.), либо при более подробном описании специфики разных отношений с потенциальными доверителями, когда адвокатская организация готова выступить по делу из любой правовой сферы (на сайтах адвокатских организаций разным видам дел посвящены отдельные разделы), что также способствует формированию образа клиентоориентированной организации.

2. Обозначение адресата юридической маркетинговой коммуникации с помощью специальной маркетинговой лексики. При обозначении адресата юридической маркетинговой коммуникации активно используется лексема *клиент*: *Коллегия адвокатов «Лойер ЛК» – это сильнейшая команда, чей обширный опыт и правовая квалификация позволяют решать неординарные бизнес-задачи* ***наших клиентов*** (Коллегия адвокатов «Лойер ЛК»); *За 10 лет нашей работы мы получили много отзывов* ***от наших клиентов****, которые помогли нам стать лучше* (Коллегия адвокатов «Юрпроект»); ***Клиенты ценят Коллегию адвокатов «Регионсервис»*** *за уникальную экспертизу,* ***глубокое понимание проблем клиентов****, умение ведения дел в судах и альтернативных институциях урегулирования споров* (Коллегия адвокатов «Регионсервис»).

В соответствии с «Рекомендациями по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката» (2022) использование на сайтах адвокатских организаций термина *клиент* и обозначение деятельности адвоката словом *услуги* нежелательны, так как вызывают у адресата

коммуникации ассоциативное отождествление работы адвоката с коммерческой деятельностью. Однако в рекламных текстах, на сайтах и в социальных сетях адвокатских организаций наряду с термином *доверитель* используется и лексема *клиент*, в связи с чем можно отметить, что «клиентоориентированность как ценностная доминанта юридической маркетинговой коммуникации формируется в рамках двух противоположных подходов: сакрализации и коммерциализации образа потенциального получателя правовой помощи» [1, с. 2364].

В некоторых адвокатских организациях, которые в маркетинговой коммуникации следуют подходу коммерциализации образа адресата, отмечается ориентир на определённую категорию клиентов по социальному статусу, уровню дохода и другим параметрам: *Юристы и адвокаты практики специализируются на консультировании* ***состоятельных клиентов (High Net Worth Individuals)*** *по вопросам, связанным с владением, структурированием и управлением активами, а также по семейному и наследственному праву* (Коллегия адвокатов «Регионсервис»). При этом на сайте адвокатской организации перечислен список достижений клиентов (высокий уровень дохода, достижения в бизнесе или какой-либо иной сфере и др.) или упомянуты имена публичных людей, интересы которых были успешно представлены адвокатской организацией: ***Среди наших клиентов состоятельные частные лица***, ***входящие в список Forbes, предприниматели, топ-менеджеры российских корпораций, политики, представители шоу-бизнеса, деятели искусства, культуры, спорта*** (Коллегия адвокатов «Регионсервис»); ***Представление интересов Евгения Гришковца*** *в споре с певицей Земфирой*[1]*, обратившейся с иском о защите чести и достоинства* (Коллегия адвокатов «Регионсервис»). Размещение подобной информации на официальном сайте позволяет сформировать образ успешной адвокатской организации [4, с. 200–201], а также показать потенциальным клиентам, что они, обратившись в данную компанию, могут встать в один ряд с успешными публичными личностями.

Однако ориентированность на клиента с высоким уровнем дохода характерна только для одной адвокатской организации Кузбасса, имеющей филиалы в нескольких, в том числе в центральных, городах России. Как правило, региональные адвокатские организации стремятся к тому, чтобы их услуги были доступны любому человеку, нуждающемуся в юридической помощи: ***Мы всегда готовы принять и выслушать клиента*** *в удобное для него время,* ***учесть конкретные жизненные обстоятельства, в том числе и материальные****, предложить, в случае необходимости, рассрочку оплаты помощи адвоката* (Кузбасская коллегия адвокатов № 42/7).

3. Обозначение адресата юридической маркетинговой коммуникации без использования специальной юридической или маркетинговой лексики. Адресат маркетинговой коммуникации может быть

[1] В соответствии с распоряжениями Минюста России включена в реестр иностранных агентов

обозначен при помощи местоимений *тот, кто, каждый и др.* или существительных *человек, гражданин и др*., при этом отмечается сложное положение, в котором находится субъект: *Дело, которому мы служим – помогать* ***тем, кто, столкнувшись с трудностями****, доверился нашей команде* (Адвокатское бюро «Шаройко и Партнеры»); *Мы обеспечиваем индивидуальный подход к* ***каждому***, *тщательное изучение конкретной проблемы, которая привела за помощью адвоката, и выработку способа выхода* ***из любой самой сложной ситуации*** *с наименьшими потерями* (Кузбасская коллегия адвокатов № 42/7); *Для нас, прежде всего, важны отношения с* ***людьми****, чтобы с нами было комфортно работать* (Коллегия адвокатов «Юрпроект»); *Ведь* ***каждый человек, какое бы преступление он не совершил****, заслуживает справедливого судебного разбирательства, соразмерного наказания и снисхождения*! (Адвокатский кабинет «Вострилков В. В.»). В представленных примерах отсутствует обращение к конкретному человеку, адресат коммуникации обозначен как абстрактная группа людей, имеющая некоторые проблемы в сфере права.

Однако на сайтах адвокатских организаций представлено и прямое обращение к читателю, что на языковом уровне выражается при помощи местоимений *Вы* и *ваш*: *Наши специалисты всегда готовы помочь* ***вам*** *в любой сложившейся ситуации*. *Мы будем рады сотрудничеству* ***с вами*** (Коллегия адвокатов № 3 Заводского района г. Кемерово КО); *Мы готовы помочь и защитить* ***Ваши права*** на всех процессуальных этапах (Коллегия адвокатов «Артымук, Шемет и партнеры»); *Оставьте заявку и я подскажу* ***вам****, как проще всего решить* ***вашу проблему*** (Адвокатский кабинет Шереметьевой Оксаны Николаевны); *Что мы* ***для Вас*** *сделаем: обеспечим надежную* ***защиту Ваших интересов*** *и положительный исход дела!* (Адвокатский кабинет «Вострилков В. В.»).

При обращении к адресату посредством местоимений *Вы* и *ваш* на сайтах адвокатских организаций также обозначаются сложные юридические ситуации и предлагаются способы решения проблемы: ***Если исчерпаны все возможности защиты ваших прав*** *в российских судах,* ***а вы считаете ваше дело несправедливо разрешенным***, ***адвокаты нашей коллегии помогут*** *составить жалобу в Европейский Суд по правам человека* (Кузбасская коллегия адвокатов № 42/7). В представленном примере адвокатская организация даёт надежду на положительный исход дела, что является эффективным способом привлечения потенциальных клиентов: адвокат готов защитить человека даже в том случае, когда ситуация кажется безвыходной и другие специалисты не справились с её решением.

Таким образом, в процессе анализа сайтов адвокатских организаций установлено, что образ адресата юридической маркетинговой коммуникации формируется несколькими способами: указанием конкретного статуса адресата с точки зрения закона (*доверитель, подсудимый, кредитор и др.*), номинацией из сферы маркетинга (*клиент*) и абстрактным обозначением группы лиц, нуждающихся в юридической помощи (*люди, каждый, все и др.*).

На сайте может использоваться несколько способов актуализации образа адресата, что обусловлено разными функциями номинаций и способствует созданию образа клиентоориентированной организации.

Проведённое исследование также позволяет отметить, что образ адресата, представленный на сайтах адвокатских организаций, зависит от статуса компании на рынке юридических услуг: чем престижнее и крупнее организация, тем чётче обозначены критерии, которым должны соответствовать их потенциальные клиенты (уровень дохода, социальный статус, масштаб бизнеса и др.). На сайтах небольших региональных адвокатских компаний образ адресата обозначен более абстрактно, как правило, подобные компании готовы работать с любым человеком, нуждающимся в юридической помощи.

Литература

1. Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Стратегия клиентоориентированности в юридической маркетинговой коммуникации (на материале корпоративных сайтов адвокатских организаций Кемеровской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 6. С. 2359–2365.

2. Долгова И. В., Жамборов А. А. Маркетинг юридических услуг: стратегический подход // Human Progress. 2024. Т. 10. № 4.

3. Саяпина А. М. Особенности рекламы и PR в сфере юридических услуг // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 24. С. 693–698.

4. Кондратьева О. Н., Рогожникова С. Ю. Корпоративный сайт как средство создания образа успешной адвокатской организации (на материале сайта московской коллегии адвокатов «Жорин и партнеры») // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1, № 4. С. 196–202.

УДК 81’42

Ю. Д. Кравченко
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ КРИТИКА В АРТ-МЕДИАДИСКУРСЕ

SPIN-код: 1829-1634

Аннотация. Автор обращается к понятиям, характеризующим субъекта коммуникации, – «языковая личность», «речевой портрет», «дискурсивная личность», уточняет понятие «арт-медиадискурс» и формулирует критерии описания дискурсивной личности критика как типового участника этого сегмента медиадискурса.

Ключевые слова: языковая личность, дискурсивная личность, медиадискурс, арт-медиадискурс, арт-критик.

Yu. D. Kravchenko
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

DISCURSIVE PERSONALITY OF A CRITIC IN ART-MEDIA DISCOURSE

Abstract. The author refers to such concepts that characterize the subject of communication as "linguistic personality", "speech portrait", and "discursive personality", clarifies the concept of "art media discourse" and formulates criteria for describing the discursive personality of a critic as a typical participant in this segment of media discourse.

Keywords: linguistic personality, discursive personality, media discourse, art media discourse, art critic.

Понятие *«дискурсивная личность»* можно условно рассматривать как следующую ступень в эволюции понятий, характеризующих субъекта коммуникации.

«Языковая личность» как более традиционное понятие, идущее от идей немецкого языковеда Й. Л. Вайсгербера, затем впервые использовавшееся в работе В. В. Виноградова «О художественной прозе» и получившее научное определение в работах Г. И. Богина и Ю. Н. Караулова, рассматривает способность человека создавать и воспринимать речевые произведения, отражающие его индивидуальные и культурные особенности [1]. Сейчас это понятие востребовано в антропологической лингвистике, но не упо-

© Кравченко Ю. Д., 2025

требляется избыточно широко для обозначения коллектива носителей языка.

Концепция языковой личности в дальнейшем получила развитие через призму коммуникативной лингвистики в интерпретации В. И. Карасика, который рассматривает языковую личность в трёх аспектах изучения: ценностном, познавательном и поведенческом – и говорит об обобщённом образе «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [2, с. 22].

Понятие *«речевой портрет»*, введённое в научный оборот М. В. Пановым, конкретизирует эти особенности и фиксирует индивидуальные и групповые проявления речи – от фонетических до стилистических. Отметим, что понятия «языковая личность» и «речевой портрет» неразрывно связаны. Речевой портрет – это «обобщённый образ носителя языкового сознания, национальной картины мира, языковых знаний, умений и навыков, речевых способностей и особенностей, речевой культуры и вкуса, языковых традиций и языковой моды» [3, с. 356].

Понятие же *«дискурсивная личность»* входит в парадигму феноменов лингвоперсонологии и расширяет рамки предыдущих понятий, подчёркивая роль человека как активного участника коммуникации в самых разных видах человеческой деятельности, различных социальных и профессиональных контекстах [4]. Термин наводит фокус внимания на речевое поведение личности в определённых условиях общения и, следовательно, предполагает учитывать как вербальные (лингвистические), так и невербальные (внелингвистические) факторы общения, требуя обязательного учёта «всех социо-, культурно- и личностно-обусловленных прагматических параметров» [5, с. 32].

Сейчас не наблюдается однозначного понимания этого термина в научных работах. По мнению исследователей, можно выделить два понятийных поля, связанных с форматом его изучения [6, с. 24].

В первом случае предполагается *типологический подход* к дискурсивной личности, которая понимается как личность, исследуемая с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует (Волгоградская школа В. И. Карасика; Кемеровская школа Н. Д. Голева; Воронежская школа И. А. Стернина; Уральская научная школа А. П. Чудинова). При таком подходе выявляются лингвокультурные типажи как функционально обусловленные типы языковых личностей, формируется коллективный образ типового участника данного вида дискурса. «Выделение дискурсивной личности становится возможным благодаря наличию у субъектов, участвующих в коммуникации, общих когнитивных установок, складывающихся в пределах того или иного дискурса и соответствующих специфической дискурсивной картине мира» [там же]. На основании таких общих признаков можно составить коллективный образ типового участника данного вида дискурса.

Второе понимание дискурсивной личности представлено в исследованиях научной школы под руководством Л. Н. Синельниковой. В центре

внимания исследователей при таком подходе оказывается *индивидуальный дискурс* личности, в котором «выявляются его этнические, профессиональные, возрастные, гендерные признаки» [6, с. 25]. Дискурсивная личность выступает носителем реального языкового и жизненного опыта.

В настоящей статье мы попытались рассмотреть *дискурс личности критика* с позиций первого подхода с целью выявить у субъектов, участвующих в коммуникации, общие когнитивные установки, складывающиеся у них в пределах определённого дискурса, а именно арт-медиадискурса, и сформулировать критерии, по которым можно описать такой типаж арт-критика.

При этом уточним, что под понятием «*арт-медиадискурс*» мы понимаем сегмент медиапространства, в котором фиксируются актуальные события и факты, связанные с национальной и мировой культурой и искусством (театральной, литературной, музейной, музыкальной, кинематографической и т. д.) [7].

Как представляется, актуальными критериями для описания дискурсивной личности арт-критика как *типового участника* соответствующего дискурса, являются следующие.

1. *Характеристика дискурса* с точки зрения его ситуативной интерпретации: институциональный или личностно-ориентированный дискурс. В нашем случае мы рассматриваем статусно-ориентированный дискурс, реализуемый в информационном поле масс-медиа. При этом необходимо учитывать репрезентацию соответствующих типу дискурса медиатопиков с учетом ряда критериев СМИ, таких как *периодичность изданий* (ежедневные, еженедельные, ежемесячные, поквартальные), *типа аудитории* (специальные, специализированные, общенациональные), *места издания* и *масштаба распространения* (корпоративные, местные, региональные, общенациональные).

2. *Технологические характеристики* арт-медиадискурса: необходимо учитывать специфику традиционных СМИ и так называемых новых медиа (во втором случае речь идёт об интерпретации дискурса, созданного в социальных сетях, онлайн-журналах, блогах, видеохостингах, подкастах и других интерактивных ресурсах). Эти особенности накладывают отпечаток на создание арт-медиадискурса и поведение дискурсивной личности критика.

3. *Идейно-содержательная составляющая* арт-медиадискурса, т. е. это медиатопики, которые выбраны как информационные поводы для анализа и критики и связаны с темами культуры и искусства. Однако выбор конкретных тем определяется актуальностью информации, интересом целевой аудитории, форматом медиа.

4. *Жанровая палитра* современного арт-медиадискурса, которая во многом зависит от предыдущих критериев и является результатом их влияния на конечный продукт деятельности арт-критика. Среди основных жанров выделяют *авторскую рецензию*, *комментарий, отзыв, анонс, аналитический обзор*, а также ряд синкретичных жанров.

5. *Прагматический аспект речевого поведения* личности, связанный с использованием коммуникативных стратегий и тактик для достижения коммуникативной цели. Здесь необходимо выявить общие, типовые коммуникативные стратегии и тактики с учётом интенциональной установки арт-критика, анализировать и в той или иной степени критически оценивать предмет речи.

Вместе с тем совершенно очевидно, что подобная типология критериев потребует дальнейшего анализа как дискурсивно заданных параметров для исследования субъекта заданного типа дискурса, так и индивидуально-личностных характеристик арт-критика, которые могут вербально эксплицироваться в устной и / или письменной коммуникации и включать лингвистические, экстралингвистические и паралингвистические аспекты: *внешний вид* (если это *визуальные медиа*); *фонационные* (тембр голоса, интонация, темп, громкость, дикция) и *кинетические* (жесты, позы, мимика) характеристики; *языковые приёмы* (оценочные средства, языковая игра, интертекстуальность), репрезентирующие идиостилевые особенности дискурсивной личности арт-критика, которые должны быть включены в поле анализа.

Таким образом, дискурсивная личность – многоаспектный феномен, способный постоянно трансформироваться в процессе социального взаимодействия, поэтому система критериев для анализа отдельного типа дискурсивной личности требует дальнейшей разработки.

Литература

1. Иванцова Е. В. О термине «Языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2010. №4 (12). С. 24–32.

2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

3. Джукман Э. Р. Н. Соотношение понятий «речевой портрет» и «языковая личность» // Мир науки, культуры, образования. 2019. №2 (75). С. 354–357.

4. Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «Дискурсивная личность» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. №2-1. С. 454–463.

5. Кубрякова Е. С. О термине *дискурс* и стоящей за нем структуре знания // Язык. Личность. Текст. М.: Языки славянских культур. 2005. С. 23–34.

6. Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31.

7. Цветова Н. С. Искусство в массмедиа. Учебное пособие. СПб.: ВВМ, 2019. 91 с.

УДК 811

А. Г. Кукобникова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

ОБРАЗ БОГА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ В. ФРАНКЛА «ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЙ БОГ»)

Аннотация. В данной статье образ Бога рассматривается на основе книги В. Франкла «Подсознательный бог». Автор определяет Бога как внутреннего собеседника и «орган смысла», проявляющийся в трансцендентных диалогах с человеком независимо от его религиозных убеждений.

Ключевые слова: психологический дискурс, логотерапия, образ Бога, В. Франкл.

A. G. Kukobnikova
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

THE IMAGE OF GOD IN PSYCHOLOGICAL DISCOURSE (BASED ON VIKTOR E. FRANKL «THE UNCONSCIOUS GOD»)

Abstract. In this article the image of God is considered based on the book by Viktor E. Frankl "The Unconscious God". The author defines God as an internal interlocutor and "organ of meaning" that manifests itself in transcendental dialogues with a person regardless of religious beliefs.

Keywords: psychological discourse, logotherapy, image of God, V. E. Frankl.

Образ Бога присутствует в разных типах дискурса, будь то религиозный, философский, культурный или психологический. Он является сложным и многогранным понятием, которое формируется под влиянием религиозных, философских, культурных и личных убеждений.

В религиозном дискурсе образ Бога часто строится на основе священных текстов, догматов и традиций, в то время как в философском дискурсе он может быть предметом размышлений о природе бытия, морали и смысле жизни. В культурном же дискурсе на образ Бога влияют социокультурные нормы и ценности. В психологическом дискурсе образ Бога в большей степени понимается как субъективное представление о Боге, сформированное в психике человека. На данный образ оказывают влияние личный опыт, религиозные убеждения или их отсутствие, а также психологические особен-

© Кукобникова А. Г., 2025

ности индивида. Он не отражает объективную реальность напрямую, а скорее является интерпретацией информации о Боге в сознании [1, с. 121].

Книга В. Франкла «Подсознательный бог» интересна тем, что автор – учёный и врач, а это произведение является его диссертацией. В нём он даёт операционное определение Бога и рассуждает о Нём в психологическом дискурсе, что особенно интересно для исследования, ведь большинство текстов о Боге подразумевает религиозный дискурс.

Если говорить о композиции, то произведение делится на предисловие, двенадцать глав и резюме. Тема текста – это философские и психологические проблемы, затрагивающие феномен религиозности человека. Главной идеей книги является то, что у людей, которые думают о себе как о нерелигиозных, подсознательно проявляется стремление к религиозности. Автор обнаруживает подтверждение этому, работая с разными людьми.

Произведение построено автором так, чтобы читатель держал в фокусе внимания основные положения книги. Каждая следующая глава опирается на предыдущую: создаётся форма спирали мысли, которая усложняется по мере продвижения текста. Автор и читатель совместно проходят путь исследования «подсознательного бога» внутри себя. В конце книги В. Франкл обозначает операциональное определение Бога как «собеседника в наших интимнейших диалогах с самим собой». Особенность психологического дискурса заключается в том, что определение нейтрально и позволяет людям, которые принадлежат к разным конфессиям и имеют разные убеждения, быть честными в том числе и с собой и начать задавать вопросы о смысле:

Это операциональное определение Бога как собеседника в наших интимнейших диалогах с самим собой. Это практически означает, что, когда мы совсем одни и когда мы наедине с собой ведём максимально откровенный диалог с собой, правомерно назвать Бога партнёром в таких диалогах – независимо от того, веруем мы или нет. Последнее не важно в рамках такого операционального определения. Наше понимание находится на стыке атеистического и религиозного мировоззрений [2, с. 200].

Автор говорит, что у человека есть внутренняя потребность в смысле, и он может её реализовать, так как воля является внутренним ресурсом. Тема текста навевает мысли о религии, о которой автор пишет подробно. Цели религии и психотерапии сходятся в своём устремлении, однако их не стоит смешивать:

Эту «волю к смыслу» можно противопоставить и психоаналитической, и индивидуально-психологической теориям мотивации [2, с. 177].

Автор описывает, что через совесть Бог способен говорить с человеком, совесть – это некий «орган смысла», уподобленный биологическому органу в теле человека:

Как уже говорилось, совесть – это голос трансцендентного, и поэтому она сама трансцендентна. Нерелигиозный человек – это тот, кто не осознает этой трансцендентности. Нерелигиозный человек также «имеет»

совесть и ответственность, но перед ним не встают дальнейшие вопросы: перед чем ответственность? Откуда совесть? И это не должно нас удивлять.

Но совесть не только указывает на трансцендентность, но и возникает в трансцендентности, она онтически нередуцируема. Из проблемы возникновения совести не существует психологического или психогенетического выхода, есть лишь онтологический [2, с. 96].

Автор рассматривает модели мышления религиозного и нерелигиозного человека и подчёркивает, что совестью обладают все люди, различия лишь в уровне осознания, в способности заглянуть глубже:

Совесть не может «иметь голос» уже потому, что она сама «есть» голос – голос трансцендентности [2, с. 93].

В данном высказывании автор указывает на некое оживление совести, он рассматривает её как субъект, который может действовать, «подавать голос», наставлять человека. Через подобные замечания формируется образ трансцендентности, или образ Бога. При этом В. Франкл не раз говорит о том, что не так важна религиозность или её отсутствие, ведь она накладывает только внешнюю форму на выражение самого явления. В то время как образ трансцендентности присутствует во всех, вопрос лишь в том, как каждый человек его видит.

В каждой главе В. Франкл рассматривает разные аспекты взаимосвязи психотерапии и религии, вспоминает опыт коллег, приводит примеры личной работы с пациентами. В конце книги он формулирует тезисы о том, что смысл нужно искать и находить. Автор описывает совесть универсальным механизмом, «органом смысла», который призван помочь нам обнаружить уникальный смысл, который скрыт в каждой ситуации.

Базовым концептом всего произведения является *смысл* и его поиск даже в незначительной ситуации.

В концептуально-тематическом отношении связность текста достигается благодаря соединению научной, социально и индивидуально значимой информации [3, с. 94–95].

В. Франкл говорит о том, что недостаток духовности и потеря ценностей могут вызывать неврозы, увеличение патологических проявлений в психике, а также быть фактором дезадаптации в обществе в современном мире.

В тексте автор обращает к этой теме и заставляет читателей задуматься о «подсознательном боге», которым является совесть. Это осознание легло в основу его концепции логотерапии и является центральным для всей книги. Данное определение Бога как совести характерно именно для психологического дискурса. Автор определяет Его как некое место, локализованное в психике:

Понятие «личность» (Person) приобретает в этом новом свете совсем иное значение, ведь мы можем теперь сказать: совесть человеческой личности озвучивает (per-sonat), олицетворяет некую надчеловеческую

инстанцию. Что это за инстанция, мы не можем на этом этапе понять, исходя только лишь из начальных представлений о совести и её трансцендентном происхождении [2, с. 94].

Прагматический фокус текста содержит несколько аспектов. Автор ставит вопрос о структуре бессознательного и обосновывает духовную составляющую, которая присуща всем людям:

О неколлективном, индивидуальном неврозе навязчивости и о неврозе вообще нередко можно сказать: в невротическом существовании мстит самому себе дефицит трансцендентности [2, с. 122].

Автор цитирует Веды, философов и психологов, в начале книги приведена цитата из Псалтыря. Эти интертекстуальные отсылки связаны с опорой на авторитет и обобщением мнений по теме, затрагиваемой в тексте. Этим цитированием В. Франкл показывает проблему смысла и духовного бессознательного, которая не возникла прямо сейчас, а существовала ещё давно, однако своё осмысление она приобретает в настоящий момент.

В целом, образ Бога в дискурсе – это результат сложного взаимодействия различных факторов, и его понимание зависит от контекста, в котором он рассматривается. Важно помнить, что ни один образ не может полностью выразить всю глубину и многогранность понятия Бога и его восприятие часто остается личным и субъективным. Психологический дискурс – это коммуникативная среда, которая предполагает особый вид социального поведения участников речевого взаимодействия, а сам процесс общения подразумевает применение лингвосуггестивных техник манипуляции, которые способны повлиять на изменение картины мира участников коммуникации. Однако в нашем случае по причине того, что текст относится к научному стилю, влияние на адресата происходит ещё и посредством логической аргументации.

Литература

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Карасик В. И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. 354 с.

2. Франкл В. Подсознательный бог: Психотерапия и религия / Пер. с нем. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 218 с.

3. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 128 с.

УДК 81’42

Е. Г. Малышева
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ИНТЕРВЬЮЕРА ЮЛИИ МЕНЬШОВОЙ: ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

SPIN-код: 4530-2469

Аннотация. Статья посвящена исследованию прагмастилистической специфики портретных и экспертных интервью, представленных на YouTube-канале «Сама Меньшова». Выделены базовые когнитивные стратегии интервьюирования, которые не являются уникальными, и специфический набор коммуникативных тактик Юлии Меньшовой, позволяющих ей «отстроиться» с точки зрения стиля ведения интервью от многочисленных авторских каналов изучаемой платформы.

Ключевые слова: дискурс масс-медиа, интервью, дискурсивная личность, коммуникативные стратегии и тактики интервьюирования.

E. G. Malysheva
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

DISCURSIVE PERSONALITY OF THE INTERVIEWER YULIA MENSHOVA: PRAGMASTYLISTIC SPECIFICITY

Abstract. The article is devoted to the study of the pragmastylisis specificity of portrait and expert interviews presented on the YouTube channel «Sama Menshova». The basic cognitive strategies of interviewing, which are not unique, and a specific set of communicative tactics of Yulia Menshova, allowing her to «distinguish» herself from the numerous authorial channels of the studied platform in terms of interview style, are highlighted.

Keywords: mass media discourse, interview, discursive personality, communicative strategies and tactics of interviewing.

Поскольку жанр интервью в различных его разновидностях сегодня является наиболее востребованным на платформе YouTube (см. подробнее, например, в [1], [2] и др.), очевидно, что интервьюеру важно найти авторский стиль, который будет выделять его на фоне «коллег по цеху». Юлия Меньшова является человеком, который пришёл на YouTube, уже имея за плечами богатый опыт работы на телевидении.

© Малышева Е. Г., 2025

В анализируемых интервью заметен высокий уровень профессионализма Юлии Меньшовой: она контролирует ход беседы, придерживается заданной темы, внимательно слушает собеседника и задаёт уточняющие вопросы по существу. Если гостю трудно формулировать ответы или он закрывается, интервьюер может мягко менять направление разговора, создавая комфортную атмосферу и поддерживая интерес к диалогу.

В процессе коммуникации большое значение имеет невербальное общение: мимика, жесты и тональность общения помогают передать эмоциональное состояние и понять истинное отношение собеседника.

Юлия Меньшова часто невербально выражает свое отношение к сказанному собеседником, используя мимику и жесты для передачи своих чувств и эмоций, таких как удивление, сочувствие или заинтересованность. Такой подход помогает сделать интервью более живым и искренним.

Однако ключевым фактором успеха интервьюирования являются речевые особенности дискурсивной личности журналиста. В целом можно констатировать, что успешное достижение коммуникативных целей изучаемого диалогического жанра связано прежде всего с использованием системы определённых речевых стратегий и тактик.

Исходя из сказанного проведем анализ прагмастилистических особенностей вербальной составляющей портретных и экспертных интервью на канале «Сама Меньшова».

Вслед за Е. Ю. Джандалиевой мы считаем, что базовой стратегией для портретных интервью является **стратегия презентации собеседника**, поскольку «речевое поведение интервьюера в портретном интервью направлено на получение такой информации, которая носит специальный, личный, персональный характер, является новой, малоизвестной, которую читателю, слушателю, зрителю будет логично узнать именно от этого человека. В портретном интервью журналисту принадлежит основная роль инициатора и координатора беседы. Все формы его высказываний направлены только на получение информации о личности собеседника, с целью раскрыть какую-то её грань… Необходимо получить новую информацию, которой до интервью никто не владел, а для этого надо заручиться доверием и найти подход к человеку» [3, с. 89].

В изучаемых портретных интервью данная стратегия реализуется с помощью следующих тактик и приёмов.

Одной из наиболее заметных тактик Меньшовой является **тактика апелляции к фоновым знаниям**. Такой подход характеризуется использованием метатекстовых маркеров, которые сигнализируют о том, что у слушателя уже есть нужная информация по теме разговора:

Юлия Меньшова: Вообще сегодня быть публичным человеком – это достаточно опасное такое…

Ида Галич: Минное поле!

Юлия Меньшова: Да, стало минным полем, и, ***как писал когда-то Михаил Жванецкий, «одно неловкое движение – и ты отец», да****? А тут одно*

неловкое движение, не то слово, не та ситуация, и в полный рост вдруг ***расцветает «культура отмены»****, и мы думали, что смеялись над западными проявлениями такого рода <…> Но вдруг обнаружилось, что мы тоже это очень даже умеем. Тебе приходится себя как-то контролировать, проверять, чтобы потом не надевать извинительную водолазку?*

Ещё одной частотной тактикой, к которой обращается Юлия, является **тактика моделирования гипотезы**. В разговоре со своим собеседником она озвучивает некое предположение исходя из его ответов. В ходе дальнейшей беседы герой начинает развивать гипотезу с помощью своих рассуждений:

Сергей Минаев: Всё время же говорили, что вот до этого снимали актёра Петрова, а до этого Иванова…

Юлия Меньшова: ***А сейчас Ваню Янковского…***

Сергей Минаев: А сейчас Ваню Янковского, да. Но это ведь не от хорошей ведь жизни

Юлия Меньшова: ***Или мы сами так делаем?***

Когда собеседник отвечает недостаточно подробно, ведущая прибегает к **тактике уточнения**, направленной на получение более полного ответа, а также на предотвращение недоразумений и неправильных интерпретаций сказанного:

Юлия Меньшова: А как тебе удалось преодолеть неуважение к мужчинам, которое в тебе было?

Ирина Горбачёва: Посмотреть в корень.

Юлия Меньшова: ***А в чём был корень?***

Ирина Горбачёва: В корень неуважения к отцу и братьям.

Юлия Меньшова: ***А почему оно (было)..?***

Сергей Минаев: Я безумно Лизе благодарен за то, что она терпит всё, что происходит дома.

Юлия Меньшова: ***А что дома происходит?***

В интервью прагматическая коммуникативная стратегия направлена на установление контакта и создание благоприятной, располагающей к разговору атмосферы.

Часто для этого применяется **тактика комплимента**, которая может быть как скрытой, имплицитной, так и явной, эксплицитной. Использование комплиментов способствует уменьшению дистанции между ведущим и гостем, а подобное речевое поведение положительно воспринимается аудиторией:

*Юлия Меньшова – Ирине Горбачёвой: Смотри, ты всегда придерживалась точки зрения, и ты это говорила ещё даже в интервью у Дудя** (*блогер Юрий Дудь признан в РФ иноагентом), *и* ***это меня очень подкупает в тебе, потому что в этом мы очень похожи.*** *Ты говорила, что не надо артистов спрашивать про политику…*

Также можно отдельно выделить **тактику похвалы.** В отличие от комплимента, ведущая с её помощью оценивает достижения своего собеседника или его поступки, а не внутренние или внешние качества:

Сергей Минаев: Я понял, что всё это как бы наркомания, и я закончил, меня ломало дико. В шестнадцатом году я бросил.

Юлия Меньшова: ***Молоток!***

Владимир Кристовский: Кстати, мы сделали песню, нам так понравилось…

Юлия Меньшова: ***Офигенный вы сделали кавер!***

Интервьюер также прибегает к **тактике шуточных комментариев**, которые она может «отпускать» в адрес собеседника. Их нельзя характеризовать как грубые, ведь они похожи, скорее, на **дружеские подтрунивания**, которые герой может услышать от людей из своего близкого окружения:

Ника Здорик: Она (режиссёр Светлана Дружинина. – *прим. Е. М.*) *нас сразу всех блондинами сделала, как Харатьяна. Он натуральный, а нас она всех блондинами сделала…*

Юлия Меньшова: ***Он не натуральный тоже, здрасьте, приехали!*** (смеётся).

Ника Здорик: Да?

Юлия Меньшова: Конечно! Когда Светлана Сергеевна его покрасила, с тех пор стал блондином! (сквозь смех).

Ника Здорик: Да? Ничё себе, ну вот видите как…

Юлия Меньшова: (с наигранным возмущением, при этом смеясь) *Вообще его открыла не Светлана Сергеевна, а мой папа* (режиссёр Владимир Меньшов. – *прим. Е. М.*) *в фильме «Розыгрыш»,* ***и я хорошо помню, что он был тёмненький!***

Нередко Юлия в момент беседы можно использовать **тактику авторской ремарки**, когда она в рамках беседы добавляет от себя короткие комментарии, которые не всегда несут большую смысловую нагрузку. Это можно описать как естественное проявление эмоций, выраженное в словесной форме. Оно помогает герою понять, что его внимательно слушают.

Юлия Меньшова также активно использует **диалоговую стратегию**. Эта стратегия способствует тому, чтобы интервьюер сохранял контроль над инициативой и поддерживал связь с аудиторией.

Юлия Меньшова в ходе беседы активно использует **тактики интимизации общения** и **имитации дружеского общения**, которая направлена на то, чтобы приглашенный гость расслабился и смог проникнуться имитацией домашней обстановки, в которой легко говорить на разные темы. Так, например, интервьюер в беседе может приводить примеры из личного опыта:

Юлия Меньшова – Марии Ароновой: Очень хорошо тебя понимаю и должна тебе признаться, что вот ***поскольку я подхватила курс, который был у папы*** (режиссёр Владимир Меньшов. – *прим. авт.*) ***и у мамы*** (актриса Вера Алентова. – *прим. авт.*), ***и стала преподавать во ВГИКе…***

Юлия Меньшова – Сергею Жукову: Кто пришёл с этой идеей и какова была первая реакция? ***Потому что вот я в своей жизни сталкивалась с тем, что ко мне приходили издательства с просьбой написать книжку…***

При реализации диалоговой стратегии невербальные средства общения сочетаются с вербальными: ведущая улыбается собеседнику, демонстрируя заинтересованность, смеётся в ответ на забавные реплики, постоянно повёрнута в его сторону и кивает головой в знак согласия с его высказываниями. Юлию Меньшову можно назвать достаточно эмоциональным интервьюером, чью реакцию на слова героя легко проследить по выражению лица, как мы уже подчёркивали ранее.

Если анализировать экспертные интервью на канале «Сама Меньшова», то можно констатировать, что в беседе с приглашённым экспертом Меньшова не пытается раскрыть его как собеседника, а пытается узнать ту информацию, которая непосредственно связана с его профессиональной деятельностью. Информация, которую пытается «выведать» ведущая, необязательно должна быть уникальной или ранее нигде не озвученной. Она рассчитана на зрителя, который либо слабо погружён в тему беседы, либо вообще не погружён. Таким образом, в экспертных интервью реализуются когнитивные стратегии **запроса информации** и **объективации сведений / знаний / представлений, которыми обладает эксперт.**

Стоит отметить, что в изучаемых экспертных интервью данные стратегии реализуются прежде всего с помощью тактик, которые мы описали выше. С гостями-экспертами ведущая тоже поддерживает дружелюбную атмосферу, использует шутки и авторские ремарки. Однако не только они помогают Меньшовой добиться своей коммуникативной цели.

Чаще всего во время интервью с приглашёнными специалистами Меньшова обращается к **тактике вопроса через пример**. Это значит, что, прежде чем задать вопрос, ведущая может привести факт из реальной жизни, который станет подводкой для её мысли. Часто этими примерами становятся случаи из мировой практики, стереотипы в рамках выбранной темы, а также личный опыт самой Юлии.

Также интервьюер может использовать **тактику вопроса через мнение интервьюера**. В таких случаях Меньшова может выразить собственную позицию по одному из аспектов темы, а затем уточнить, насколько её представление о нём соответствует реальности:

Юлия Меньшова – Михаилу Тетюшкину: ***У меня лично есть ощущение, хотя, возможно, это я брюзжу как человек старшего поколения, а возможно, я констатирую правду, что более младшее поколение менее устойчиво к тревогам, гораздо больше пользуется транквилизторами*** *<…> И я пытаюсь сделать из этого выводы. Тут развилочка простая:* ***либо они чаще обращаются к врачам, либо они слабачки, которые не справляются с вызовами, с которыми мы вполне справлялись…***

Итак, анализируя всё вышесказанное, можно выделить следующие отличительные черты Юлии Меньшовой как интервьюера:

– подготовка к интервью: знакомство с деятельностью гостя, отсылки к его высказываниям и т. д.;

– глубокая вовлечённость в беседу, выражающаяся в открытом проявлении эмоций (смех, слёзы, удивление, нарочитое возмущение и т. д.);

– уважительное отношение к собеседнику, повышающее его значимость и снимающее психологические зажимы;

– формулирование вопросов, которые вытекают из жизненного опыта ведущей, которым она неизменно делится.

По ходу разговора с гостем ведущая применяет определённые коммуникативные стратегии и тактики, чтобы добиться своей коммуникативной цели.

Типичная для портретного интервью стратегия презентации собеседника воплощается посредством применения тактики обращения к фоновым знаниям, тактики уточнения и тактики моделирования гипотезы.

С помощью тактик интимизации общения, имитации дружеского общения, комплимента и шуточного комментария (дружеского подтрунивания) воплощается прагматическая стратегия, которая позволяет Меньшовой создать уютную для разговора атмосферу.

Охарактеризованные выше прагматические тактики типичны и для экспертного интервью, однако в этом случае тактики вопроса через пример и тактики вопроса через мнение интервьюера помогают реализовывать когнитивные стратегии запроса информации и объективации сведений / знаний / представлений, которыми обладает эксперт.

Литература

1. Баранова Е. А. Трансформация жанра интервью на YouTube-платформе // Журналістыка – 2020: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 22-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 110–113.

2. Высоцкая И. В. Альтернативный вопрос в YouTube-интервью: лингвистический, прагматический, когнитивный аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2022. Т. 21, № 6. С. 79–88.

3. Джандалиева Е. Ю. Портретное интервью как жанр речевого общения: некоторые особенности коммуникативного поведения участников (на материале немецкого языка) // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 86–101.

УДК 81

И. В. Нелюбова
Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия)

СТРАХ ОДИНОЧЕСТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВЕКА)

SPIN-код: 8183-7938

Аннотация. Статья посвящена исследованию отрицательного психоэмоционального состояния в русской языковой картине мира. В исследуемом материале выявлено 79 высказываний с семантикой «страх одиночества», проведён анализ в аспекте диахронии с разделением на три временные эпохи (XIX, XX, XXI вв.).

Ключевые слова: страх одиночества, диахрония, структурная схема предложения, психоэмоциональное состояние.

I. V. Nelyubova
Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia)

THE FEAR OF LONELINESS AND ITS INFLUENCE ON THE LINGUISTIC PERSONALITY (BASED ON RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX TH– XXI ST CENTURIES)

Abstract. The article is devoted to the study of negative psychoemotional state in the Russian language worldview. In the studied material, 79 utterances with the semantics of "fear of loneliness" were identified, and an analysis was conducted in the aspect of diachrony, divided into three time periods (XIX th, XX th, and XXI st centuries).

Keywords.: fear of loneliness, diachrony, structural scheme of a sentence, psychoemotional state.

Вопрос об образе человека и языковой личности занимает ключевое место в отечественной лингвистике, так как язык не только отражает, но и формирует представления о носителе эмоционального состояния в разные исторические эпохи. Диахронический подход позволяет рассмотреть, как менялись социальные, ценностные, моральные, эмоциональные установки

© Нелюбова И. В., 2025

под влиянием социальных и исторических факторов. Изучение эмоциональных состояний помогает понять внутренний мир героев на протяжении интервала времени, понять причины формирования отрицательных эмоций. Страх одиночества – один из ключевых страхов языковой личности, позволяющий детально проанализировать специфику психологизма на основе русской литературы XIX–XXI века.

Рассмотрение психоэмоциональных процессов через исследование структурных схем простых предложений позволяет выявить совокупность признаков психоэмоциональных состояний в рамках единства структурного строения. Под структурной схемой мы понимаем «знак мыслительного акта предикации, то есть акта приписывания предмету речи предикативного признака и тем самым формирования суждения» [1, с. 85; 2, с. 255].

Для выявления и дифференцирования высказываний, определения состояния одиночества нами были использованы исследования по психолингвистике [см.: 3; 4].

Цель работы заключается в выявлении и анализе высказываний с семантикой «страха одиночества», построенных по структурной схеме «кто боится кого/чего», в аспекте диахронии. Структурная схема «кто боится кого/чего» представлена тремя компонентами: субъект – предикат (отрицательное эмоциональное состояние) – объект-каузатор.

Эмпирическим материалом исследования послужили высказывания из отечественной литературы XIX–XXI веков. Нами было выявлено 79 высказываний с семантикой «страха одиночества», демонстрирующих понимание развития внеязыковой деятельности и тенденции модификации структуры языковой личности.

Наше исследование базируется на концепции «языковой личности» Ю. Н. Караулова: это «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)» [5, с. 35]. В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением [5, с. 37].

Одиночество – многогранный психосемантический феномен, отражающий внутренний мир человека, связанный с ощущением отсутствия социальных контактов, поддержки или отнесённости к общности людей.

В настоящем исследовании анализ высказываний производится с точки зрения диахронии. Выявленный языковой материал систематизируется по временной шкале XIX, XX, XXI веков: анализируются высказывания в исторической перспективе, акцентируется внимание на специфике развития «страха одиночества», изменении триггеров состояния, возникновении новых дискурсивных подходов, трансформации ценностей, социальных и коммуникативных норм.

Анализ высказываний позволил отметить:

1. В XIX веке образ человека зафиксирован как романтик, индивидуалист в совокупности с сохранением моральных и духовных ценностей. Герои повествования очень часто противопоставлены всему миру.

Главенствующее место в произведениях занимает психологизм, особенно ярко раскрывающийся в монологах, душевных «исповедях» героев.

2. В XX веке образ человека формируется по принципу «кризиса идентичности»: наличие революций, войн, социального кризиса способствует поиску нового смысла, борьбе с собой. В центре находится психологизм с акцентом на внутреннем конфликте. Языковая личность становится более индивидуализированной, но одновременно и типизированной (советский дискурс).

3. В XXI веке образ человека проявляется в индивидуализации, глобализации и реализуется через цифровой дискурс. Герои XXI века находятся в конфликте с обществом, выраженном отчуждением, поиском себя в мире технологий и виртуальных сетей. Языковая личность XXI века становится более многоаспектной (авторы используют разные виды дискурса, жанры, стили). Возрастает роль и ценность индивидуального голоса, самоиронии.

В рамках статьи рассмотрим 6 высказываний, построенных по структурной схеме «кто боится кого/чего» и репрезентирующих «страх одиночества»:

1. В высказывании *«Но другое, более глубокое и искреннее чувство подсказывало ему:* ***Она испугалась одиночества****… Он ясно видел перед собою её раскрытые, остекленевшие глаза»* [6, с. 165]. «Страх одиночества» продемонстрирован как крайне травмирующее чувство, находящее своё начало в подсознании. Носитель состояния – женщина, характерная гендерная роль которой способствует представлению характера как *хрупкого, эмоционально лабильного, уязвимого перед чувством одиночества*.

Автор акцентирует внимание на внутреннем мире персонажа через описание её визуального образа, используя словосочетание *её раскрытые, остекленевшие глаза*. Данные эпитеты символизируют внутреннюю пустоту и опасение, что позволяет прочувствовать эмоционально насыщенную атмосферу.

По мнению исследователя М. Криницкого [6], в художественном дискурсе начала XX века «страх одиночества» раскрывается через психоанализ с акцентом на внутреннем мире носителя состояния.

2. В высказывании *«В свою деревню мне ехать не хотелось: отец мой недавно скончался, близких родных у меня не было****, я боялся одиночества****, скуки…»* [7, с. 3] «страх одиночества» выражен через раскрытие внутреннего мира носителя состояния. Экзистенциальный страх, чувство утраты родного человека, отсутствие близких людей являются триггером к возникновению «страха одиночества».

Языковая личность носителя продемонстрирована через использование личных местоимений *мне, мой, у меня*, что символизирует «оторванность от других», переживание в одиночестве, эмоционально окрашенной лексики *не хотелось, недавно скончался, боялся одиночества, скуки*, что демонстрирует высокий накал эмоций, отсылку к потере поддержки, необходимость действовать в одиночку.

Автор через описание эмоций героя повествования показывает, как любое трагическое событие способно «заставить» субъекта испытывать «страх одиночества».

3. В высказывании *«Поздравляя вас с учреждением гильдии, я предполагал говорить о том, что сегодня, когда нам наконец удалось объединиться, невзирая на наши разногласия и пестроту убеждений, никто,* ***никто не вправе бояться своего одиночества*** *и бесприютности, ибо мы теперь, как никогда, вместе, – вот о чём я хотел вам сказать и, быть может, ещё вам скажу другими словами несколько позже»* [8, с. 81] «страх одиночества» основан на опасении отсутствия единства, опоры и принадлежности к общности.

В данном высказывании превалирующими триггерами «страха одиночества» являются следующие: страх изоляции (герой произведения акцентирует внимание на том, что после объединения никто не должен опасаться одиночества, что может говорить о прежнем внутреннем переживании отрицательного состояния), потребность в единстве (герой повествования акцентирует внимание на «преодолении разногласий», что говорит о внутреннем опасении вновь оказаться разобщёнными в отсутствие поддержки), неуверенность в завтрашнем дне (носитель состояния на подсознательном уровне не уверен в стабильности единства, поэтому ещё раз озвучивает своё убеждение в общности).

4. В высказывании *«****Он равно опасался*** *многолюдья и* ***одиночества****, льстивой вражды и требовательной дружбы, но пуще всего боялся он чистосердечной откровенности и людской близости»* [9, с. 600] «страх одиночества» преимущественно выражен через внутриличностный конфликт. Герой произведения одновременно опасается одиночества и общности людей. На когнитивном уровне носитель состояния не доверяет ни близким людям, ни себе, ни обществу, что демонстрирует психотравмирующую ситуацию в прошлом, а повторение аналогичной ситуации вызывает у субъекта отрицательное эмоциональное состояние – боязнь.

Данное произведение относится к прозе с элементами психоанализа; внутренние монологи проецируют душевный мире носителя состояния.

5. В высказывании *«Старухой* ***я боялась*** *болезней,* ***одиночества****, боялась, что, заболев, не смогу работать, сделаюсь обузой для тебя и ты мне дашь это почувствовать»* [10, с. 75] «страх одиночества» выражен через внутренний монолог героини произведения, раскрывающий её переживания и боль.

У субъекта состояния отрицательное эмоциональное состояние страха сформировано опасением причинить дискомфорт другим людям (*быть обузой, в тягость*), уязвимостью перед независящими от героини обстоятельствами (*болезнь, потеря работоспособности*), пониманием особенностей своего возраста и возможностей.

В указанном высказывании лексема *бояться* употребляется два раза, что демонстрирует высокий уровень отрицательного психоэмоционального состояния страха.

Языковая личность проявляется через использование оценочности, внутреннего конфликта, эмоциональности, что позволяет понять внутренний мир героя произведения.

6. В высказывании *«Мало что стремает меня по жизни.* ***А вот одиночества я боюсь****. Одиночество – это когда следить не за кем»* [11, с. 139] «страх одиночества» выражен через призму социальных отношений. Триггером страха одиночества выступает зависимость от кого-то, что формирует опасение потери объекта наблюдения (в которого вложена порой иррациональная важность). Под влиянием страха носитель состояния становится «токсичным», так как преследует только свои цели, иногда любыми способами, противоречащими нормам морали.

Таким образом, образ человека многогранен, страх одиночества раскрывается через монологи, психологизм, анализ внутреннего состояния субъекта. Языковая личность демонстрирует в текстах художественного дискурса, в соответствии с особенностями каждой эпохи, динамику: от романтической, рефлексирующей, эмоциональной к прагматической и комической, иронической. Страх одиночества – одна из причин отрицательного эмоционального состояния, которое проявляется во все временные эпохи, трансформируясь и подстраиваясь к особенностям времени.

Литература

1. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): монография. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. 225 с.

2. Попова З. Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст: Сборник научных статей. М.: Наука, 1996. С. 255–268.

3. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. М.: Наука, 1981. 213 с.

4. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 320 с.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2002. 261 с.

6. Криницкий М. Маскарад чувства. М.: ГЕЛЕОС, 2004. 335 с.

7. Тургенев И. С. Фауст: рассказ в девяти письмах // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 90–129.

8. Носов С. А. Фигурные скобки: роман. СПб.: Лимбус Пресс, 2015. 270 с.

9. Николаева Г. Е. Битва в пути: роман. М.: Советский писатель, 1958. 752 с.

10. Гроссман В. С. Жизнь и судьба. Роман. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 752 с.
11. Щигельский В. В. Инородное тело // Волга. 2013. №11–12. С. 137–146.

УДК 81’37

Л. Б. Никитина
Омский государственный педагогический университет
(Омск, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В ЖАНРАХ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

SPIN-код: 5538-2939

Аннотация. Языковой образ человека рассматривается в аспекте детского речетворчества – через выявление типичных для речи дошкольников жанров: вопроса, утверждения, предположения.

Ключевые слова: языковой образ человека, детская речь, речевой жанр.

L. B. Nikitina
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

TO THE PROBLEM OF THE IMAGE OF A PERSON IN THE GENRES OF CHILDREN'S SPEECH

Abstract. The linguistic image of a person is considered in the aspect of children's speech creativity – through the identification of genres typical for the speech of preschoolers: questions, statements, assumptions.

Keywords: linguistic image of a person, children's speech, speech genre.

Комплексные исследования языкового образа человека в его разнообразных ипостасях и проявлениях, выполненные представителями Омской лингвоантропологической школы под руководством М. П. Одинцовой и её учеников, пополнили багаж современного языкознания новыми знаниями о человеке как ´продукте творческой языковой / речевой деятельности, языкового / речевого самовыражения человека (говорящего) как мыслящего и чувствующего субъекта, реализующего способность оценивать себя и себе подобных как в рамках традиций и стереотипов, действующих в национально-культурном сообществе, так и выходя за эти рамки, пренебрегая существующими нормами и создавая новые правила, диктуемые индивидуальным сознанием и изменяющимся окружающим миром [1].

Аргументированное обоснование и плодотворное развитие получила методика семантического моделирования образа человека через обращение как к содержательно ориентированным языковым единицам разных уровней, так и к имеющим концептуальную наполненность речевым жанрам. Так, языковой образ человека описан через призму таких речевых жанров, как «одобрение», «порицание», «портретирование», «сентенция», «при-

© Никитина Л. Б., 2025

знание в любви», «объявление о знакомстве» и многих других [1].

Описать языковой образ человека через призму речевого жанра – значит соотнести речетворческую (субъектную) языковую ипостась человека с результатом его речетворчества, с объективно существующим языковым образованием.

В настоящей статье языковой образ человека рассматривается применительно к детской речи, которая плодотворно изучается лингвистами в разных аспектах [2; 3; 4; 5; и мн. др.]. Мы обратились к типичным для детской речи жанрам, которые включают смыслы, составляющие содержание образа человека.

Материалом исследования являются высказывания детей-двойняшек в возрасте от 3 до 7 лет (далее: М – мальчик; Д – девочка).

Наиболее активно в детской речи представлен жанр **вопроса**, что неудивительно: многочисленные *почему*, *зачем* и *как* обусловлены осмыслением детьми мироустройства как сложного, неосвоенного, часто непонятного и даже чуждого им пространства.

Среди детских вопросов преобладают те, которые имеют непосредственное отношение к человеку, его ролям, проявлениям, атрибутам и связям человека с себе подобными и окружающим миром.

Выделяются следующие тематические группы вопросов: рождение человека, временны́е периоды человеческой жизни, отношения между людьми, их действия и поступки. По преимуществу детские вопросы касаются конкретных личностей: самих детей и членов семьи, сверстников, с которыми дети общаются, или всех тех, чьи проявления попадают в их поле зрения. В то же время детей интересует и человек вообще, его природа и самые разные нюансы человеческого существования.

Так, собственное появление на свет воспринимается детьми как физиологическое таинство:

М. *Как дети рождаются, если у взрослых в животе вода?.. Как дети дышат там?*;

Д. *А я не помню, как я была в животике у мамы.* – М. *Этого никто не помнит, потому что мы… считались мёртвыми?*;

М. *Мама, у тебя было три сердечка? Ты была неубиваемая?*

Рождение человека в вопросах детей предстаёт как реализация запланированного действия, которое должно иметь цель:

М. *Мама, ты сначала подумала ребёночка завести, а потом придумала имена, а потом породила их?*;

Д. *Мама, а зачем ты нас хотела породить?*;

Д: *Мама, зачем ты нас двух родила, мы ведь драться будем?*

Кроме вопросов с семантикой цели и образа действия, которые обусловлены интересом детей к появлению человека на свет, фигурируют вопросы, в которых отражается стремление осознать соотношение человеческой жизни и времени. Например, в вопросах из серии «кто кого родил» усматривается прообраз временно́й шкалы, точкой отсчёта которой

является детское Я, и далее вырисовывается устремлённая в прошлое последовательность событий:

М. *А кто нас сделал?*;

Д. *<...> А тебя кто породил? <...> А бабушку кто породил? <...> А прабабушку кто породил? <...> А прадедушку кто породил? <...> А бабусю кто породил?..*

При этом детские вопросы свидетельствуют о том, что временна́я цепочка в их представлении ещё не сформировалась и человек как будто курсирует от одного временно́го отрезка к другому, а граница между прошлым и настоящим подвижна:

Д: *Бабушка, ты раньше стала бабушкой?*;

М. *Бабушка, тебя раньше родили? Ты раньше была мамой? <...> А я не помню, что ты была мамой*;

М. *Ты была, когда мама уже выросла?*

Помимо вопросов, в которых объектами внимания являются близкие люди, дети задают вопросы о человеке вообще. Тематика их вопросительных высказываний расширяется до проблем человеческого происхождения и существования, пределы которого требуют осмысления:

Д. *А как первые люди вырожаются* (= рождаются)?;

Д. *Почему время так быстро летит, что человек забывает, когда он был маленьким?*;

М. *А бывает человек, который всю жизнь живёт?*;

М. *А как умирают? Ложатся и спят?*;

М. *А что будет, когда все люди умрут?*

Выходя за пределы собственного Я и круга родных и близких людей, дети в вопросительной форме рассуждают о том, что человек может проявлять себя по-разному: в орбиту вопросов попадают человеческие действия, поступки, чувства, которым дети стремятся найти объяснение:

Д. *А зачем люди едят?*;

М. *Бабушка, ты меня любишь? – Конечно. – И я тебя люблю. – А как это – любишь?* (= что это значит);

М. *А бывает так, что девочка пристаёт к мальчику и, значит, он понравился?*;

М. *Бывают такие люди, которым жалко выбрасывать ёлочки и они её куда-то кладут или ставят, где она дальше растёт?*;

Д. *Почему, когда вырастают взрослые, когда становятся стареньками, становятся меньше ростом?*;

Д. Почему так люди устроили или кто-то другой, что сначала одно надо съесть, а потом другое?

Итак, в речевом жанре вопроса отражается представление детей о человеке как существе, происхождение и жизненный путь которого имеют причинно-следственную обусловленность, связаны с определённым временем, шкала которого подвижна и не имеет чётко выраженной последовательности. В сознании детей формируется представление о внешних и

внутренних проявлениях человека, у которых также есть причины и которые связаны между собой, образуя единое целое. И это целое под названием *человек* вызывает у детей многочисленные вопросы, ответы на которые они получают от взрослых или формулируют сами, облекая их в форму утверждений.

Утверждением мы называем жанр детской речи, для которого характерно отсутствие маркеров предположения или сомнения и которому свойственна формальная безапелляционность и повествовательная интонация. Подобным высказываниям предшествуют наблюдения детей за тем, что их окружает, осмысление увиденного, услышанного, прочувствованного, на основании чего дети делают выводы относительно собственных и чужих проявлений, формируют мнение о людях, их действиях и поступках, дают им оценку.

Такие выводы могут опираться на факты собственной жизни и отсылать к прошедшему времени, базироваться на воспоминаниях о прошлом или содержать соотношение прошлого и настоящего:

Д. *Я вот забыла, не помню своё детство, как мы были в животике у мамы*;

М. *Когда мы только выродились, мы ещё не ходили в садик*;

М. *Маленькие дети два раза в день сплят* (= спят).

Подобные умозаключения могут также приобретать форму рассуждения о свойствах человека или форму обобщения осмысленных ребенком человеческих качеств:

М. *Насекомые тысячи рождаются, а человек за один раз может выродить два-три ребёнка*;

М. *Люди бывают человеком.* – Д. *Люди не бывают человеком, а они бывают все разные*;

М. *Вообще человеку невозможно жить и ничего не делать. Даже мёртвому.* – *???* – *Ну ты же мёртвый лежишь.*

Среди утверждений выделяются конструкции с причинно-следственной связью, что подчёркивает их логичность, эксплицирует опору выводов на факты:

М. *Когда я выросту, я буду военным. Потому что миллионы погибших*;

Д. *Бабушки старенькие – они тихо ходят*.

Большая часть высказываний-утверждений отражает устремлённость в будущее: дети говорят о том, что с ними будет, когда они станут взрослыми. Будущее связывается с выбором профессии, образованием семьи, изменением внешности и другими атрибутами взрослой жизни:

М. *Когда я выросту, ты будешь отдыхать дома. А я буду ходить на работу*;

М. *Я, знаешь, хочу кем стать, когда выросту? Но это опасно. Спасателем, например. Если какое-то землетрясение – людей спасать*;

Д. *Я поженюсь на Арсюше – заведу щенка, котика, ящерку, хомячка*;

Д. *Какая тётя красивая! Когда я выросту, тоже буду такая красавица*;

М. *Когда я вырасту папой, а Алиса вырастет мамой, я буду возить её в салон красоты*;

Д. *Когда я буду большая, мама подарит мне колечки*;

Д. *Когда мне поменяют голову, я буду мамой.*

В форме утверждений фигурируют многочисленные высказывания с модальностью желания:

М. *Я хочу стать художником: они красиво всё рисуют*;

Д. (надевает мамину кофточку) *Я хочу быть тётенькой*;

Д. *Я хочу чем-то помазаться, чтобы я была красивая*;

Д. *Я хочу большой стать, чтобы вот это* (= компьютер) *нажимать*.

Утвердительные высказывания о прошлом содержат упоминания о фрагментах собственной жизни, а также размышления о том, как люди жили раньше, что их окружало в малопонятное для детей время. Например, говоря о себе, дети часто используют обстоятельственные формы *в детстве, с детства*:

М. *Мы в детстве ходили в садик*;

Д. *Я помидорки с детства полюбила*.

Рассуждая о далеком прошлом, дети употребляют семантически опустошённые указательные наречия *тогда, там*, а также слова и словосочетания с семантикой далекого от сегодняшнего дня времени:

Д. *У вас тогда телевизора-то не было*;

М. *А сто лет назад люди обезьянами были*;

Д. *Обезьяны там превратились в людёв* (= людей).

Подобные указатели на далёкое время присутствуют и в вопросах о том, что человек имел в прошлом:

Д. *А тогда пляжи-то были?*; М. *А у вас там, в древности, дома были?*

Очевидно, что человек, по данным детской речи, существует во времени: настоящее – это то, что происходит здесь и сейчас, прошедшее, как и будущее, имеет широкие перспективы и привлекательно своей неизведанностью. При этом детские высказывания демонстрируют эгоцентричность: на первое место выходит собственное Я и как точка отсчёта времени, и как основание для характеристики и оценки того, что в этом времени происходит.

Итак, в речевом жанре «утверждение» человек предстаёт как существо, которое с течением времени меняется, строит планы на будущее, мечтает о взрослой жизни с её пока недоступными детям атрибутами. Взрослость в представлении детей открывает перед человеком новые возможности, связанные со свободой принятия решений, к которым относится выбор профессии, спутника жизни, занятий, элементов внешности.

Ещё одним жанром детской речи, в котором представлен образ человека, является **предположение**. Высказывания этого типа основаны на знаниях детей о том, что свойственно человеку, и выражают их мнение о возможных человеческих проявлениях или вероятных событиях, связанных с деятельностью человека. Этот жанр отчасти граничит с выдумкой,

фантазией: дети конструируют реальность, которая не существует, но присутствует в их воображении.

Частотны конструкции с семантикой условия: дети представляют картины собственного настоящего или будущего, которое возможно при определённых обстоятельствах:

М. *Если бы я был медведем, я бы весь мёд съел*;

Д. *Мама, прости, но, когда я вырасту, я не знаю, на ком я поженюсь. Если я поженюсь на Илюше, то обидятся Артур с Олегом. Если на Олеге, то обидятся Илюша с Артуром. Если на Артуре, то обидятся Олег с Илюшей*;

М. *Раз ты пристаешь к Демьяну, значит, ты в него влюбилась*.

Дети также размышляют о человеке, выходя за рамки собственного Я:

Д. *Если бы лоб отрубили, люди бы не знали, что думать надо*;

М. *Вот у некоторых людей ножки отрезают, у кого там болит что-то. Если бы люди были как ящерицы, они бы выросли*;

М. *Если не будет детей, не будет людей.*

Детское *если бы было так* или *так может (могло) быть* основано на представлении о том, что существует зависимость человека от неких обстоятельств и, наоборот, обстоятельства оказывают влияние на человека.

В речи детей отражается способность сравнивать собственные и чужие проявления, а также соотносить внешние характеристики, действия и поступки человека с разнообразными природными явлениями. Например, высказывания со сравнительно-предположительной модальной частицей *как будто*:

М. *Мама тебя заплела, как будто что ты осьминог*;

Д. *Этот мальчик ведёт себя как будто балованный*;

М. *Мы для инопланетян как будто что звёздочки*.

Итак, детям свойственно предполагать, и эти предположения антропоцентричны.

В заключение отметим, что жанровые формы вопроса, утверждения и предположения в речевой практике детей коррелируют и являются базовыми речевыми продуктами, отражающими мыслительные операции, с помощью которых происходит познание ребёнком окружающего мира и человека как его главного фрагмента.

Перспективы исследования образа человека в речевых жанрах детской речи мы связываем с выявлением и описанием языковых средств реализации различных жанровых форм, а также с анализом смыслов, которые порождаются данными языковыми средствами. Интерес представляет сравнение образа человека в детской речи и в речи тех, чей багаж знаний о мире и человеке является сформировавшимся.

Литература

1. Лингвистика человека: антология / под ред. Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой. Омск: Вариант-Омск, 2012. 360 с.

2. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций: монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2018. 446 с.

3. Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций: монография и словарь. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 202 с.

4. Семантические категории в детской речи. Отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб.: Нестор-История, 2007. 436 с.

5. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

УДК 811.11

Т. Г. Рабенко[1], А. Д. Чардынцева[2]
[1]Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)
[2]Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АДВОКАТА (на материале корпоративных сайтов адвокатских организаций Кемеровской области)*

[1]SPIN-код: 2205-8544; [2]SPIN-код: 7301-2190

*Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-20206, https://rscf.ru/project/25-28-20206/ и Кемеровской области – Кузбасса (соглашение № 09/2025).

Аннотация. Исследование посвящено установлению ценностных доминант профессиональной языковой личности адвоката, отражённых в контенте корпоративного сайта адвокатской организации. В ходе работы выявлены аксиологические доминанты и средства их вербальной и невербальной репрезентации.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, адвокат, адвокатская организация, корпоративный сайт, ценностная доминанта.

T. G. Rabenko[1], A. D. Chardyntseva[2]
[1]Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
[2]Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

VALUE DOMINANTS OF THE PROFESSIONAL LINGUISTIC PERSONALITY OF A LAWYER (BASED ON THE MATERIAL OF CORPORATE WEBSITES OF LAWYER ORGANIZATIONS OF THE KEMEROVO REGION)*

*The Reported Study Was Funded by Russian Science Foundation, Project no 25-28-20206, https://rscf.ru/en/project/25-28-20206/ and Kemerovo Region – Kuzbass.

Abstract. The study is devoted to establishing the value dominants of the professional linguistic personality of a lawyer, reflected in the content of the corporate website of a lawyer's organization. In the course of the work, axiological dominants and means of their actualization were identified.

Keywords: professional linguistic personality, lawyer, lawyer organization, corporate website, value dominant.

© Рабенко Т. Г., Чардынцева А. Д., 2025

С утверждением антропоцентрического подхода в лингвистике объектом научных изысканий становится языковая личность. Созданная Ю. Н. Карауловым [1] и подхваченная его последователями теория языковой личности получает дальнейшее развитие в исследованиях, связанных с описанием коммуникативных ролей, выполняемых человеком в процессе профессиональной коммуникации (работы Е. И. Головановой, Г. В. Кубиц, С. В. Мыскина, И. О. Прохоровой, М. И. Солнышкиной, Л. А. Шкатовой и др.). В контексте лингвистического изучения человека как участника профессионального общения возникает понятие профессиональной языковой личности. Под профессиональной языковой личностью мы, вслед за С. В. Мыскиным, понимаем «совокупность языковых компетенций, основанных на восприятии профессиональных субдискурсов и трансформации субъектом обыденной реальности текстов в соответствии с профессиональными задачами» [2, с. 155].

Языковая личность адвоката неоднократно становилась объектом лингвистических (и не только) исследований. В фокусе исследовательского внимания оказывались языковая личность классических деятелей адвокатуры, особенности судебного ораторского искусства, средства речевого воздействия, используемые адвокатами в судебных выступлениях, и пр. [3; 4]. В центре настоящего исследования – профессиональная языковая личность адвоката, рассматриваемая с позиции ценностных доминант, которые определяют характер его профессиональной деятельности. М. А. Реньш отмечает, что «с момента начала осуществления профессиональной деятельности экспертами ценностного поля личности выступают профессиональная практика и профессиональный опыт. Благодаря им осуществляются коррекция и упрочение ценностного поля, поскольку личность сама включена в процесс» [5, с. 187]. Таким образом, ценностные доминанты, сформированные в процессе профессионального становления, являются важной составляющей языковой личности адвоката.

Цель предпринимаемого исследования сводится к установлению ценностных доминант профессиональной языковой личности адвоката, отражённых в контенте корпоративного сайта адвокатской организации. Источником фактологического материала послужили сайты ряда адвокатских организаций Кемеровской области: адвокатский кабинет «Вострилков В. В.»; адвокатский кабинет «Шацких Е. В.»; адвокатское бюро «Шаройко и партнёры»; коллегия адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44; коллегия адвокатов «Шеманский и партнёры»; коллегия адвокатов Рудничного района г. Прокопьевска Кемеровской области №53; коллегия адвокатов «ЮрБизнесКоллегия»; юридическая консультация «Надёжный адвокат»; коллегии адвокатов «Артымук, Шемет и партнёры»; Коллегия адвокатов «Шеманский и Партнёры» (всего – 10 сайтов).

Авторы настоящего исследования исходят из положения о том, что корпоративный сайт адвокатской организации, как официальное представительство компании в Интернете, может послужить источником

выявления ценностных доминант, проявленных в профессиональном поведении адвоката и определяющих его приоритеты в отношении к заявителю (доверителю), коллегам, самому себе. Под **ценностью** понимается «отношение между человеком (социальной группой) и явлением, ставшим носителем особой позитивной (в рамках данной социальной общности) значимости чего-либо, кого-либо» [6, с. 160]. Аксиологическое исследование корпоративного сайта даёт основание судить о ценностных координатах, процессах и результатах оценочной деятельности профессиональной языковой личности адвоката, отражаемой в контенте сайта, а также позволяет определить аксиологические доминанты его ценностной картины мира. Обнаружение ценностных доминант осуществляется с опорой на выявление ключевого элемента текста (их комбинаций) – опорного слова, которое «аккумулирует основной смысл текста, является его семантическим и композиционным центром» [7, с. 104].

Аксиологические доминанты, отражённые в текстах корпоративного сайта адвокатской организации, фиксируют основные нравственные критерии профессионального поведения языковой личности адвоката, зафиксированные в Кодексе профессиональной этики адвоката [8]. Перечислим и кратко охарактеризуем основные из них:

1. **Легитимность осуществляемой профессиональной деятельности** как ценность. Идея легитимности реализуемой адвокатом деятельности актуализирована рядом средств (вербальных и невербальных). В ряду способов репрезентации данной ценностной доминанты – единицы с корнесловом *закон-*, адъективные и адвербиальные сочетания со словами *законный*, *законно*, представленные в различных частях контента (*в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация, а также речевое оформление – прим. ред.*):

а) в слогане, размещённом на главной странице сайта (см. рис. 1): *«Я заставляю **закон** работать. Всегда! **Закон** для всех – Защита каждому»* («Вострилков В. В.»);

Рис. 1 Идея легитимности, актуализированная на сайте адвокатского кабинета «Вострилков В. В.»

б) в разделе «Преимущества»: *«Концентрируясь на одном направлении, я изучаю все стороны своей специализации. Такой подход позволяет всегда быть в курсе нововведений и* ***знать законы досконально****»* («Шацких Е. В.»).

Категория легитимности репрезентируется с помощью невербальных средств – размещения изображений правовых символов: образа Фемиды, древнегреческой богини правосудия, её атрибутов – меча и весов, молотка судьи, столпа Закона и пр. (рис. 2). Под *правовым символом* вслед за П. Д. Шалагиновым нами понимается «создаваемый или санкционируемый государством условный знак, ценностное образование, выражающий определённое юридически значимое содержание и охраняемый государством» [9].

Рис. 2. Столп Закона как правовой символ
на сайте коллегии адвокатов «Шеманский и партнёры»

2. **Соблюдение норм адвокатской этики** как ценность. Ценностная доминанта проявляется с помощью лексических единиц, указывающих на положительные личностные качества адвоката: *добросовестность*, *ответственность*:

«Приоритетом работы адвокатов коллегии является оказание юридической помощи на высоком профессиональном уровне, добросовестное исполнение своих обязанностей, ***соблюдение принципов и норм адвокатской этики****»* («ЮрБизнесКоллегия»).

3. Добросовестное исполнение профессионального долга адвоката связано с задачей «защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами» [8]. Идея **профессиональной помощи адвоката своему доверителю** как ценность активно реализуется в контенте корпоративных сайтов посредством лексических единиц с корнесловом *помощь- / помог-, защит- / защищ-*: *юридическая / правовая помощь, юридическая / профессиональная защита* и др.:

*«****ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАЩИТА*** *ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ»* («Шацких Е. В.»).

4. **Конфиденциальность (соблюдение профессиональной тайны адвокатом)** как ценность. Обозначенная ценностная доминанта

актуализируется посредством лексических единиц *конфиденциальность, конфиденциально, (адвокатская) тайна*:

«Строгое соблюдение адвокатской тайны – один из принципов моей работы» («Шацкий Е. В.»); *«Адвокатская тайна. Полная конфиденциальность информации» (*коллегии адвокатов «Артымук, Шемет и партнёры»).

5. **Профессионализм адвоката** как ценность. Данная ценностная доминанта репрезентируется посредством лексических единиц с корнесловом *профессионал-*: *профессионализм, профессионал, профессиональная (работа / помощь)* и пр., а также словосочетаний *компетентность адвоката, высококомпетентный и ответственный специалист, квалифицированная помощь* и пр.:

а) на главной странице сайта:

«Адвокаты нашей коллегии – это ***высококомпетентные и ответственные специалисты****, имеющие серьёзную подготовленность к выполнению задач адвокатской деятельности […] Залогом высокого* ***профессионализма*** *адвокатов коллегии является постоянное повышение ими своей квалификации, своего* ***профессионального*** *уровня» (*«ЮрБизнесКоллегия»*)*; «*Коллегия состоит из талантливых и опытных адвокатов, каждый из которых обладает выдающимися знаниями и* ***профессиональными*** *навыками в своей области»* («Шеманский и партнёры»);

б) в заголовках блоков сайта:

«Команда профессионалов» (заголовок, под которым размещены фотографии сотрудников организации);

в) в отзывах клиентов:

«*Хочу поблагодарить Вас за выигранный процесс […] благодаря* ***профессионализму и компетентности*** *Владислава Викторовича – СПРАВЕДЛИВОСТЬ на моей стороне!*» («Вострилков В. В.»)

6. **Самосовершенствование и повышение профессионального уровня** как ценность. Обозначенная ценностная доминанта реализуется с помощью:

а) вербальных средств – размещения информации об участии сотрудников компании в конкурсах профессионального мастерства, научных конференциях:

«Председатель коллегии — адвокат с многолетним стажем […] В коллегии есть ***победители и номинанты*** *областных профессиональных конкурсов Адвокатской палаты Кемеровской области»* (коллегия адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44); *«За время работы в органах прокуратуры* ***прошел стажировку и обучение*** *в Иркутском институте при Генеральной прокуратуре РФ, отмечен* ***поощрениями****»* («Вострилков В. В.»);

б) невербальных (иконических) средств – размещения на сайте адвокатской организации скриншотов документов: сертификатов, удостоверений о повышении квалификации сотрудниками организации.

7. **Индивидуальный подход в своей работе** как ценность. Обозначенная доминанта репрезентируется с помощью единиц *индивидуальный (подход), индивидуально*:

«Каждый клиент, обратившийся к нам, для нас очень важен. Поэтому мы обеспечиваем ***индивидуальный*** *подход к каждому, тщательное изучение конкретной проблемы, которая привела за помощью адвоката, и выработку способа выхода из любой самой сложной ситуации с наименьшими потерями»* («ЮрБизнесКоллегия»).

8. **Корпоративность** как ценность. Данная доминанта особенно значима для таких форм адвокатских организаций, как коллегия адвокатов, адвокатское бюро, юридическая консультация, где корпоративность является основополагающим принципом работы адвокатов. Выявленная доминанта репрезентируется с помощью субстантива *корпоративность* (рис. 3), а также сложных слов с первым элементом *взаимо-* (*взаимопомощь, взаимозаменяемость*):

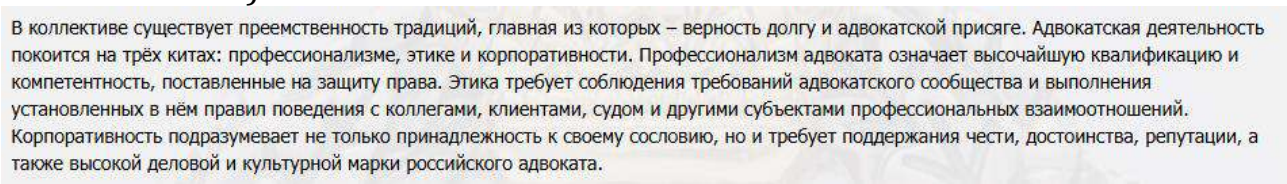

В коллективе существует преемственность традиций, главная из которых – верность долгу и адвокатской присяге. Адвокатская деятельность покоится на трёх китах: профессионализме, этике и корпоративности. Профессионализм адвоката означает высочайшую квалификацию и компетентность, поставленные на защиту права. Этика требует соблюдения требований адвокатского сообщества и выполнения установленных в нём правил поведения с коллегами, клиентами, судом и другими субъектами профессиональных взаимоотношений. Корпоративность подразумевает не только принадлежность к своему сословию, но и требует поддержания чести, достоинства, репутации, а также высокой деловой и культурной марки российского адвоката.

Рис. 3 Идея корпоративности, актуализированная на сайте Коллегии адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44

Таким образом, ценностные доминанты профессиональной языковой личности адвоката, эксплицированные вербальными и невербальными средствами в контенте корпоративных сайтов адвокатских организаций Кемеровской области, соответствуют профессиональной картине мира адвоката. Полученные результаты исследования расширяют существующие представления о профессиональной языковой личности в юридическом дискурсе, демонстрируя то, каким образом цифровые коммуникативные площадки становятся пространством конструирования профессиональной идентичности.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.

2. Мыскин С. В. Профессиональная языковая личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12. С. 150–157.

3. Климович О. В. Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С. А. Андриевского и Н. П. Карабчевского): дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2016. 213 с.

4. Багишева З. В. Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2001. 46 с.

5. Реньш М. А. Профессиональные ценности как фактор социально-профессиональной мобильности личности // Социально-

профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов и докладов Международной конференции / Под редакцией Г. М. Романцева, В. А. Копнова. Екатеринбург: РГППУ, 2014. С. 186–190.

6. Большаков В. П. Теория культуры. СПб.: Санкт-Петербург, 2008. 164 с.

7. Тороп П. Тотальный перевод. Тарту: Научный поиск, 1995. 256 с.

8. Кодекс профессиональной этики адвоката. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/ (дата обращения: 20.07.2025).

9. Шалагинов П. Д. Функции правовых символов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 26 с.

УДК 811.161.1

К. Р. Руссу
Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск, Россия)

РАЗЫСКНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ С ДИСКУРСИВНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ «РАЗЫСКНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ»)

SPIN-код: 2588-0028

Аннотация. Исследование выполнено в русле дискурсивной семантики. Целью являются выявление и анализ разыскных дискурсивных стратегий конца XVIII – начала XIX века, определяющих характер коммуникативного взаимодействия в текстах с дискурсивным содержанием «разыскное предписание». Материалом для исследования послужили разыскные документы, оригиналы которых хранятся в Государственном архиве г. Тобольска и в Государственном архиве г. Тюмени.

Ключевые слова: разыскной дискурс, дискурсивное событие, дискурсивные стратегии, конец XVIII – начало XIX века, архивные документы.

K. R. Russu
Ugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia)

INVESTIGATIVE DISCURSIVE STRATEGIES LATE XVIII – EARLY XIX CENTURY (BASED ON THE MATERIAL OF TEXTS WITH DISCURSIVE CONTENT "SEARCH WARRANT")

Abstract. The research is carried out in line with discursive semantics. The aim is to identify and analyze the investigative discursive strategies of the late 18th and early 19th centuries that determine the nature of communicative interaction in texts with the discursive content of the "search instruction". The material for the study was search documents, the originals of which are kept in the State Archive of Tobolsk and in the State Archive of Tyumen.

Keywords: investigative discourse, discursive event, discursive strategies, the end of the XVIII – beginning of the XIX century, archival documents.

Тональность разыскных документов конца XVIII – начала XIX века можно охарактеризовать как относящуюся к официально-деловому стилю,

© Руссу К. Р., 2025

неформальный дружелюбный тон отсутствовал. Именно такой тон являлся прагматическим способом нейтрализации возможных деструктивных ситуаций со стороны всех участников пенитенциарного взаимодействия.

Данный перечень дискурсивных элементов позволяет эксплицировать ряд **шаблонных** (то есть типичных, частотных, воспроизводимых) **дискурсивных стратегий**, которые были активно представлены в системе разыскного дискурса:

– стратегия *информирования*,
– стратегия *прогнозирования*,
– стратегия *активации*.

Отметим, что стратегия *информирования* использовалась авторами разыскных деловых бумаг для репрезентации фактов пенитенциарной действительности и в принципе не несла какой-либо аксиологической нагрузки (передача актуальных событий без оценки составляла основу функционально-прагматической системы разыскного дискурса в указанный исторический период).

Стратегии *прогнозирования* и *активации* обладали свойством условной прагматической двойственности и могли конструировать как положительные возможности для репрезентации разыскной системы (*пропавшее лицо обнаружено*), так и отрицательные. Составители документов прекрасно понимали, что пропавшее лицо могло быть не обнаружено в тот момент, когда были запущены первичные поиски. Как следствие, *розыскъ*, а также *сыскъ* / *отысканіе* / *разысканіе* и иные варианты экспликации оперативно-разыскных мероприятий включали пейоративные коннотации.

Все понимали, что тот или иной словесный портрет не всегда точно передавал внешность человека, предполагал возможность множественной интерпретации. Безусловно, обозначенные дискурсивные стратегии часто пересекались, дополняли друг друга в разных фрагментах разыскного дискурса конца XVIII – начала XIX века.

Рассмотрим более детально каждую из приведённых выше дискурсивных стратегий:

1. Стратегия информирования на лексическом уровне актуализировалась посредством использования составителями документов специальных юридических терминов: например, в *Предписаніи Тобольскаго городничего о розыскѣ беглыхъ колодниковъ* от 4 июня 1815 г. [1] упоминается инициатор розыска – Ялуротовский уездный суд, который предписывает *учинить разысканіе* пяти колодников, сбежавших *изъ запримотру*. Последняя предложно-падежная форма репрезентировала семантику наличия охраны, характеризовала особенности контроля тех лиц, что становились частью пенитенциарной системы конца XVIII – начала XIX века. На оборотной стороне листа 48 был указан регистр бежавших колодников: имена и прозвания, возраст, рост и приметы, во что был одет пропавший, что также подтверждало наличие нейтральной лексики.

Другой пример: предписание из Омского земского суда *Тюменскому господину городничему* от 15 мая 1810 г. содержало информацию о розыске *неизвестно куда отлучившагося* 25 апреля 1810 г. Федора Калугина [2]. Описание его внешности было шаблонизировано, содержало типичные языковые формулы: *учинить разысканіе* того, кто сбежал *изъ заприсмотру*.

В рамках настоящего исследования было рассмотрено 1250 разыскных документов с дискурсивным содержанием «разыскное предписание». Приведём количественные данные, иллюстрирующие употребление специальных юридических терминов, которые помогали раскрыть содержание стратегии информирования в данной группе текстов:

– существительное *розыскъ* занимало первое место по количеству контекстов – оно встречалось 701 раз. Такая частотность объясняется жанровой природой рассматриваемых источников, их дискурсивной направленностью;

– существительное *публика* являлось частью двучленного атрибутивного словосочетания *учинить публику*, занимало второе место по количеству контекстов – оно встречалось 375 раз;

– существительное *сыскъ* являлось частью другого двучленного атрибутивного словосочетания *распубликованіе осыску* (или *распубликованіе о сыску*), занимало третье место по количеству контекстов – оно встречалось 245 раз. При этом раздельное написание предложно-падежной формы *о сыску* в двучленном атрибутивном словосочетании *распубликованіе о сыску* встречалось в рассматриваемых контекстах всего 7 раз.

Наименования субъектов и объектов разыскного дискурса в данной группе текстов также были представлены посредством номинативов. Приведём некоторые из них в порядке убывания частотности употребления:

– *судъ* (1615 раз),
– *секретарь* (800 раз),
– *подканцелярист* (800 раз),
– *городничій* (359 раз),
– *колодникъ* (346 раз).

Отметим, что лексема *судъ* могла употребляться несколько раз в одном тексте, поскольку число адресатов увеличивалось в целях улучшения разыскных мероприятий, быстрого поиска объектов розыска: это становилось возможным, когда зона реализации всех задач расширялась. Лексемы *секретарь* и *подканцелярист*ъ выступали в качестве обязательных конечных реквизитов, поэтому их количество соответствует числу рассмотренных в настоящем параграфе документов.

На уровне грамматики стратегия информирования реализуется через использование различных форм причастий: так, актуальной оказывается синкрета *неизвестно куда отлучившегося*, сведения об употреблении которой также были приведены выше.

2. Стратегия прогнозирования представляла опережающее отражение действительности и была связана с принципами реализации разыскных шагов. Данная стратегия актуализировалась посредством использования лексических единиц с семой футуральности и лексических единиц с семантикой планирования. Так, например, ядерную роль выполняло многочленное предикативное словосочетание *и о последующемъ уведомить*. Оно употреблялось в каждом разыскном документе данной дискурсивной направленности: «разыскное предписание» было невозможно без предоставления обратной связи, информация о которой всегда оказывалась включена в тексты соответствующей жанровой группы.

3. Стратегия активации реализуется лексическими единицами с семантикой активного действия и лексическими единицами с семантикой вербального действия. Так, например, двучленное предикативное словосочетание *следуетъ приказать* характеризовалось частотностью употребления (860 контекстов), определяло тип разыскной задачи: получатель разыскного документа должен был дать поручения нижестоящим организациям, связанные с поиском конкретного лица. Другое двучленное предикативное словосочетание *учинить распубликованіе* характеризовалось частотностью употребления (680 контекстов), определяло тип разыскной задачи: получатель разыскного документа должен был отправить разыскные документы в иные нижестоящие организации.

Грамматически стратегия активации чаще всего реализуется прямым порядком слов в предложении и глаголами в действительном залоге: например, данное утверждение иллюстрируют обороты типа *губернское правленіе приказали о сыску* (889 контекстов), *просить о сыску* (689 контекстов), *предписать указами* (718 контекстов) и *требовать о последующемъ сообщить* (789 контекстов). Все приведённые различные с точки зрения структуры предикативные словосочетания составители документов часто использовали для передачи соответствующей дискурсивной информации: передать определённый тип разыскных задач конкретному ряду получателей, начать процесс поиска, ускорить план успешной реализации разыскных мероприятий.

Разыскной дискурс конца XVIII – начала XIX века был нацелен и на устное взаимодействие с теми, кто декодировал полученное сообщение. При этом ориентация именно на группу читателей, не обозначенных в тексте, была постоянной, поскольку было неизвестно, при каком именно знакомстве с документом субъекта розыска будет обнаружен объект розыска, кого необходимо будет привлечь для этого. С другой стороны, разыскной деловой документ предполагал наличие конкретного слушающего, что всегда находило лингвистическое воплощение в начальных реквизитах документа.

Иными словами, разыскной дискурс конца XVIII – начала XIX века характеризовался высокой степенью композиционно-структурной, тематической и жанрово-стилистической стандартизации, уходящей корнями в

строго нормативную систему приказного делопроизводства XVII века и коммуникации в пенитенциарной сфере. Рассмотренный тип дискурса характеризовался сдержанной, лаконичной и неэмоциональной дискурсивной тональностью высокого или среднего регистра, в которых неуместны экспрессивность и пространность средств выражении.

Литература

1. Предписание Тобольского городничего о розыске беглых колодников // ГБУТО «ГА в г. Тобольске», ф. И1, оп. 1, д. 234, л. 48.

2. Предписание Городской полиции г. Тюмени Тюменской области Тобольской губернии // ГБУТО «ГАТО», ф. И3, оп. 1, д. 40, л. 152.

УДК 81’37

И. С. Харитонова
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРАЗА-КОНЦЕПТА «РУССКИЙ ЯЗЫК» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

SPIN-код: 8705-4492

Аннотация. Статья посвящена образу-концепту «русский язык» в профессиональной картине мира преподавателя русского языка как иностранного. Результаты проанализированного материала соответствуют утверждению о том, что значимые для человека неживые объекты действительности осмысляются как антропоморфные.

Ключевые слова: профессиональная картина мира, антропоморфизация, образ русского языка.

I. S. Haritonova
South Ural State University (National Research University)
(Chelyabinsk, Russia)

ANTHROPOMORPHIC FEATURES OF THE IMAGE-CONCEPT "RUSSIAN LANGUAGE" IN THE PROFESSIONAL PICTURE OF THE WORLD OF A TEACHER OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article is dedicated to the image-concept "Russian language" in the professional worldview of a teacher of Russian as a foreign language. The results of the analyzed material correspond to the assertion that significant inanimate objects of reality are conceptualized as anthropomorphic.

Keywords: professional worldview, anthropomorphism, image of the Russian language.

В современной когнитивной лингвистике метафора рассматривается как способ познания и концептуализации знаний. Сравнения и аналогии, которыми мыслит носитель языка, складываются в особые рода схемы – метафорические модели [1, с. 40–45]. Одной из базовых, реализующихся в разных понятийных областях, является модель «Х – это живой организм». В научных работах доказывается, что человеческое тело в значительной сте-

© Харитонова И. С., 2025

пени определяет жизненно важные аспекты нашего опыта и существования в целом, а человек воспроизводит информацию «по своему подобию». Предметом нашего исследования является антропоморфная модель восприятия самого языка.

Впервые мысль об антропоморфном образе языка была высказана З. Д. Поповой и И. А. Стерниным по результатам психолингвистического исследования Л. А. Тавгиридзе, которое показало, что русское когнитивное сознание приписывает языку многочисленные человеческие качества – моральные, психические, интеллектуальные, физические, эмоциональные [2, с. 58]. Например, в ближнюю периферию входят такие признаки, как *грубый 4%; интересный 4%; хороший 3,1%; доступный 3%; благородный 2,9%; <…>; старый 1,9%; умный 1,8%; звучный 1,8%; могучий 1,7%* [3, с. 14].

Отталкиваясь от этой идеи, мы обратились к сообществу преподавателей русского языка как иностранного, для которых язык является не только национально, но и профессионально значимым концептом. Эмпирической базой исследования стали письменные высказывания, базой для отбора которых послужил закрытый профессиональный чат РКИ Talks Методика (https://t.me/rkitoday). Методом сплошной выборки был осуществлён поиск фрагментов с компонентом *язык*, имеющих непосредственно или опосредованно выраженное отношение к живому организму.

Исследование строится с опорой на теоретико-методологическую базу омской лингвоантропологической школы, основные принципы которой заложены М. П. Одинцовой, в частности в направлении моделирования образа человека в русской языковой картине мира в разных его ипостасях. Вслед за Н. А. Седовой, исследующей образ человека в оппозиции часть – целое [4], мы рассматриваем образ-концепт «русский язык» как целостный организм (номинуется в общем как *русский язык, русский, язык*) и как совокупность множества частей, уровней, аспектов, сторон (*грамматика, падежи, буквы*).

Рассмотрим на примерах, какие стороны «живого существа» отражаются в образе-концепте «русский язык».

Для начала обратимся к семантико-синтаксическим моделям (ССМ) Х какой / каков, Х есть кто / что, Х что делает, Х что делает как, У (В) Х есть нечто, предложенные Л. Б. Никитиной при реконструкции образа-концепта «homo sapiens», но универсальные для описания высказываний любой тематики [5].

Характеризуя язык в целом или его часть, преподаватели русского языка акцентируют внимание на его интеллектуальной стороне. Интеллектуальная оценка языка как сложного и логичного / нелогичного формируется в контексте его объяснения преподавателями и освоения обучающимися [*в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация, а также речевое оформление – прим. ред.*]:

Суровые и беспощадные числительные; *Я думаю, за 3 месяца можно вызубрить эти несчастные буквы; Русский - особенный язык - его не надо понимать, его надо учить наизусть!* 🤣.

Эстетическая, нравственная, эмоциональная и др. характеристики менее важны в профессиональной деятельности преподавателя РКИ.

Модель «Х есть кто / что» представлена значением тяжёлых состояний, присущих человеку:

Головная боль всех без исключения глаголы движения; *Да, шипящие это просто смертоубийство и для них, и для меня...* 😅; *Даже на высоких уровнях владения вид - вечная проблема.*

Закономерно, что если есть боль, то есть, а точнее, хочется, чтобы было и средство от этой боли:

Пока за время работы чудесная падежно-глагольная таблетка не обнаружена.

В ССМ «Х что делает» наиболее частотная «деятельность» языка – физическое перемещение, сопровождаемое препятствиями:

Пока проходили активные причастия было все хорошо и понятно, сейчас перешли к страдательным - идет со скрипом 😬; *В правильном ответе стоял глагол СВ. А у нас он никак не хотел туда вставать Грамматика подхрамывает*.

В последнем примере образ вызывает ассоциацию с физическим недостатком. Заметим, что для обозначения уровня владения русским языком преподавателями РКИ используются качественно-количественные характеристики *хромой, шаткий*:

Предупредите, что тогда вы снимаете с себя ответственность за его хромую грамматику, уровень — шаткий В1 😁.

Среди эмоционального проявления «человека» – страдание:

На письме грамматика страдает; Возможно у неё страдает произношение звукотипов; Рыдаю... Великий, могучий... Всё стерпит 😉.

Научные знания о системности русского языка, взаимосвязи его компонентов лежат в основе образа языка, состоящего из живых существ, взаимодействующих друг с другом:

Всё-таки дело в глаголе. В русском языке принято двойное отрицание. Думаю, оно и перетягивает на себя одеяло.

В высказывании подчёркивается определяющая роль глагола в высказывании. Структурные особенности языка могут влиять не только на внутренние процессы, но и иметь внешнее воздействие:

Именно семантический субъект позволяет понять "необычность" русских конструкций типа Меня зовут, мне 20 лет и т.д.; В данном случае родительный падеж подчеркивает именно нравственную воспитанность человека и употребляться может только в этом контексте.

Языковые явления нижнего порядка помогают обучающимся понять явления более сложные (*Грамматика создаёт ложного друга*). Здесь язык

предстаёт непредсказуемым и склонным вводить в заблуждение тех, кто его осваивает. Отметим, что при выражении действий языка или описания состояния филологи-русисты часто обращаются к идиоматическим выражениям (*Грамматика в одно ухо влетает, в другое вылетает*; *С этими глаголами движения чёрт ногу сломит* 😂*).*

Модель Х что делает как. Поэтапное, в том числе уровневое, обучение иностранному языку выражается метафорой его взросления:

На уровне В2 Р.п. должен уже «сидеть твёрдо».

Автор, употребляя разговорное выражение *сидеть твёрдо*, означающее прочное усвоение, превращает абстрактное понятие (падеж) в физическую структуру, которая надёжно зафиксирована.

А так как родительный уже хорошо усвоен, то и винительный одушевлённых довольно легко заходит – во второй части высказывания мы снова наблюдаем использование разговорной формы.

Грамотностью и профессиональным взглядом объясняется редкое употребление высказываний о языке по модели «У (В) Х есть нечто»:

У русского дательного типичная роль – пациенс, то есть участник, на которого мы направляем действие. Основная модель здесь всё-таки «в Х» (*в русском языке, в фонетике, в звуках).*

Перейдём к высказываниям, где Х (язык и его «части») выражен косвенным падежом, но антропоморфные черты также проявляются:

Без грамматического скелета невозможно освоение русского языка. Грамматика представлена метафорически скелетом, т.е. основой, обеспечивающей устойчивость и дальнейшее развитие, функционирование. В семах физиологии человека отражаются профессиональные знания о системе языка и методике его преподавания.

Освоение языка требует усилий и времени подобно процессу усваивания еды организмом:

Им надо всё это переварить и запомнить 😁*. Они судорожно начинают искать кого-то из "своих", кто им всё на их родном языке разжуёт* – первое значение глагола *разжевать*, связанное с актом пережёвывания пищи зубами перед глотанием, приобрело переносное значение ‘понятно объяснить, упростив материал’. *«Зажёвывает» первые слоги* – трудности с артикуляцией сравниваются с жеванием, так как обучающийся буквально «не успевает прожевать» первые слоги.

Выявленные антропоморфные черты образа-концепта «русский язык» в очередной раз подтверждают восприятие предметов действительности по «мерке человека», в том числе в профессиональной картине мира. Одной из принципиальных особенностей в преподавании иностранцам является разложение языка «по косточкам», поэтому и разные стороны, аспекты, части языка как бы «оживают». Русский язык, являясь самой сутью профессиональной деятельности преподавателя РКИ, любим, дорог,

совершенен и занимает центральное положение в профессиональной концептосфере.

Литература

1. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2003. 248 с.

2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

3. Тавдгиридзе Л. А. Концепт "Русский язык" в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Воронеж, 2005. 23 с.

4. Седова Н. А. Соотношение образов частичного (частей) и целостного человека в языковой картине мира: На материале семантико-функционального макрополя "часть человека" в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 21 с.

5. Никитина. Л. Б. Образ «homo sapiens» в русской языковой картине мира: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. 188 с.

РАЗДЕЛ 3. ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕМАНТИКИ, ГРАММАТИКИ И ПРАГМАТИКИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

УДК 81

И. И. Абдулганеева
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)

СПЕЦИФИКА АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

SPIN-код: 2749-7749

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования актуализации категории интенсивности средствами словообразования на основе выявления и анализа когнитивной природы и прагматической специфики дериватов, образованных при помощи словообразовательных формантов интенсификации, функционирующих в русскоязычных текстах рекламного дискурса.

Ключевые слова: категория интенсивности, прагматика, словообразование, русский язык, когнитивная лингвистика, рекламный дискурс.

I. I. Abdulganeeva
Kazan (Privolzhsky) Federal University (Kazan, Russia)

SPECIFIC FEATURES OF THE ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF INTENSITY IN RUSSIAN-LANGUAGE ADVERTISING DISCOURSE

Abstract. This article presents the results of a study on the problem of actualizing the category of intensity through word formation, based on the identification and analysis of the pragma-semantic potentials of derivatives formed by means of word-formative intensification markers functioning in Russian-language advertising discourse.

Keywords: intensity category, pragmatics, word formation, Russian language, cognitive linguistics, advertising discourse.

Особенности репрезентации категории интенсивности в языке являлись и являются предметом многих отечественных и зарубежных исследований. Научный интерес к функционально-семантической категории ин-

© Абдулганеева И. И., 2025

тенсивности обусловлен следующими её особенностями: интенсивность может быть выражена в языке единицами различных уровней; отражает субъектно-объектные отношения и их взаимодействие; обладает как универсальными, так и этноспецифичными чертами, проявляясь в каждой лингвокультуре за счёт единиц определённого языкового уровня в большей или меньшей степени.

Актуальность заявленной проблематики объясняется тем, что изучение категории интенсивности на материале русскоязычных рекламных текстов в рамках когнитивной парадигмы современного научного лингвистического знания проводится впервые и обусловлено несколькими факторами: междисциплинарным вектором исследования феномена интенсивности в языке; комплексными и неоднородными характеристиками современного рекламного дискурса; необходимостью выявления когнитивно-прагматического потенциала словообразовательных формантов интенсификации в русском языке; значимостью изучения этнических стереотипов и этнокультурной специфики рекламного сообщения с целью выявления эффективного влияния на этнокультурные и когнитивные схемы определённой потребительской группы, определения специфики репрезентации этнокультурного своеобразия и этноспецифических свойств в языке на основе изучения особенностей «когнитивных механизмов, участвующих в выборе определённого словообразовательного форманта при актуализации категории интенсивности сквозь призму этнокультурной обусловленности и конвенциональных параметров сопоставляемых языков в отношении словообразовательной и когнитивной семантики дериватов, образованных посредством словообразовательных формантов интенсификации» [1, с. 510]. Материалом исследования послужили тексты русскоязычного рекламного дискурса.

В настоящем исследовании, учитывая наличие различных трактовок понятия дискурс, используется определение дискурса Н. Д. Арутюновой. Согласно Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [2, с. 284]. Реклама, таким образом, всегда апеллирует к таким когнитивным механизмам субъекта, как восприятие, пробуждение интереса, познание, порождение эмоций.

В современном пересечении и смешении различных семиотических систем в мультимедийном пространстве рекламный дискурс представляет собой разнородный поликодовый феномен социокультурного значения и характера с конкретными прагматическими установками, направленными на воздействие на потенциального покупателя или клиента, субъекта, который является носителем определённого этнокультурного сознания. Перечисляя такие понятия, как мультимодальность, полимодальность, кроссмодальность, интермодальность, мультиканальность, поликодовость,

интермедиальность, креализованность, синкретизм, О. К. Ирисханова подчёркивает, что «все они указывают на свойственную человеку тенденцию порождать значения (смыслы), комбинируя разные семиотические ресурсы и используя разные каналы» [3, с. 15]. Абсолютно справедливо высказывание Э. Фромма о том, что «современная реклама взывает не к человеческому разуму, а к восприятию. Как и любое гипнотическое воздействие, она проникает в мозг человека через его органы чувств, эмоционально воздействуя на них, чтобы заставить потенциального клиента подчиниться интеллектуально» [4, с. 167].

По своей природе рекламный текст всегда прагматичен, построен на реализации конкретных прагматических задач. Рекламный текст, как и «…любое общение, как и вообще любая деятельность, представляет собой целенаправленную психологическую активность, более того, оно сознательно, мотивированно и предметно» [5, с. 81]. Осознавая рекламный текст как поликодовый, следует подчеркнуть, что речь идёт о гибридном одномоментном языковом, графическом и визуально-медийном воздействии на субъекта. Цифровые решения позволяют сегодня мобильной таргетированной рекламе передавать и накапливать информацию о потенциальном потребителе. Данные сведения сводятся к учёту не только гендерных, возрастных, социальных, но и локальных и этнокультурных особенностей. Согласно анализу практического материала русскоязычных рекламных сообщений, рекламный продукт, который успешно «считывает» этнокультурные и когнитивные схемы, эффективен в убеждении потенциальных клиентов и покупателей в выборе определённой продукции. Данный эффект достигается только при актуализации совокупности всех лингвопрагматических средств. В ряду сложных и многоаспектных следует выделить лингвистическую категорию интенсивности.

Категория интенсивности как функционально-семантическая категория актуализирует положительное и / или отрицательное усиление качества или признака рекламируемой продукции в сопоставлении с другой продукцией. Говоря об интенсивности, В. П. Москвин приводит определение И. В. Арнольд из её работы «Стилистика современного английского языка», где интенсивность включается в понятие экспрессивности: экспрессивность трактуется как «такое свойство текста или части текста, которое передаёт смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление. Данную дефиницию нельзя признать точной, поскольку интенсивность связана не только с эмоциональной (например, *высоченный*), но и с интеллектуальной оценкой (и логическим усилением, ср. *очень высокий*») [6, с. 30].

До сих пор менее исследованным остаётся морфологический уровень репрезентации категории интенсивности, наиболее изученным является лексический уровень. Е. А. Земская указывает на то, что в экспрессивном словообразовании «производное создаётся для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется,

или к адресату речи, его микромиру» [7, с. 9]. В контексте рекламного сообщения производное со словообразовательным формантом интенсификации, функционирующее в русскоязычном рекламном дискурсе, – это уже опережающее субъективное принятие индивидуумом рекламируемого товара посредством намеренной интенсификации качеств и характеристик продукции. Если рекламный текст повлиял и «задел» субъективные смыслы, которые значимы для отдельного индивида, значит, ему удалось вызвать «верные» когнитивные механизмы в виде положительных эмоций и чувств и сформировать нужное для рекламодателя представление о рекламируемой продукции. В этой связи справедливо вспомнить указание Э. Бенвениста о том, что «язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком» [8, с. 295].

Русскоязычный рекламный дискурс сегодня представляет собой сложный разнородный лингвокультурный феномен социокультурного характера с конкретными прагмасемантическими установками, направленными на воздействие на потенциального покупателя, индивидуума, который является носителем определённого этнокультурного сознания. Учитывая, что интенсивность может включать в себя оценочный компонент по отношению и к внешнему, и к внутреннему миру субъекта, следует говорить об интерпретационном потенциале интенсивности. Этнокультурные и когнитивные детерминанты обусловливают специфику актуализации категории интенсивности в поликодовом рекламном сообщении.

Согласно результатам настоящего исследования, выражение усилительного значения средствами словообразования в русскоязычном рекламном дискурсе отмечено рядом тенденций: с одной стороны, в русском языке наблюдается тенденция к функционированию словообразовательных формантов иноязычного происхождения *супер- мега-, ультра-,* с другой – тенденция к проявлению уникального этноспецифического контента как в содержании, так и в выражении интенсивности средствами словообразования. В частности, в русском языке к таким формантам мы относим увеличительный суффикс *–ищ(е).* Наиболее репрезентативно когнитивно-прагматическая функция указанного форманта актуализирована в серии рекламной продукции МТС. Начиная с 2021 года МТС [9] эффективно и довольно успешно использует в своей рекламной продукции образования с *–ищ(е): безлимитище, забугорище, тарифище* (см. рис 1, 2, 3).

Рис. 1

Когнитивно-прагматическая семантика лексемы *безлимитище* детерминирована последующим предложением с ярко выраженной этнокультурной спецификой: *Ужас как много интернета*… Субъект русскоязычной лингвокультуры понимает, что в данном случае *ужас* следует интепретировать как положительную, выгодную характеристику тарифа. Этнокультурная специфика интенсивности актуализирована и в рекламном тексте, отражённом на рис. 2: для русскоязычного носителя совершенно очевидно, что *забугорище* предполагает наличие Интернета во время посещения зарубежных стран.

Рис. 2

Рис. 3

Прагматический эффект рекламы может быть достигнут только при реализации совокупности всех функций рекламного сообщения. Главной отличительной чертой актуализации категории интенсивности в

рекламном типе дискурса является положительный вектор интенсификации. Интенсивность высказывания всегда направлена на демонстрацию положительного качества товара, интенсивность сопряжена с безальтернативно высоким качеством товара или продукции определённого бренда или производителя. Согласно Н. Н. Болдыреву, «в окружающем нас мире нет хороших или плохих вещей в абсолютном смысле, они выделяются как таковые только в сознании человека, с точки зрения человека и только с помощью и на основе языка» [10, с. 276]. Активное использование в русскоязычных рекламных сообщениях словообразовательных формантов интенсификации нацелено на формирование и отстаивание положительного образа рекламируемой продукции. Учитывая, что интенсивность связана с модусными смыслами рекламного сообщения, основным получателем которого является субъект, на которого проецируются определённое содержание и тактика воздействия, выбор того или иного средства словообразования для актуализации категории интенсивности с целью прагматического эффекта детерминирует наличие *прагматического вида интенсивности* в сообщениях рекламного дискурса.

Литература

1. Абдулганеева И. И. Актуализация категории интенсивности в публицистическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 508–512.

2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

3. Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 448 с.

4. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Издательство АСТ, 2023. 288 с.

5. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения массовой коммуникации. М.: Смысл, 2019. 270 с.

6. Москвин В. П. Теоретические основы стилистики: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 280 с.

7. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 220 с.

8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.

9. Официальный сайт МТС – Казань. URL: https://tatarstan.mts.ru/personal (дата обращения: 23.04.2025).

10. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 478 с.

УДК 81.25

Г. М. Аль-Хаяни Муаадх[1], В. В. Балыков[2]
[1]Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия)
[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

АЛГОРИТМ ПЕРЕВОДА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье рассматриваются моменты, на которые необходимо обращать внимание при обучении студентов переводу с одного языка на другой. Особое внимание уделяется преобразованиям, которые претерпевают единицы оригинала при переводе, т. е. переводческим трансформациям. Выделяются основные признаки, обусловливающие качество перевода, приводятся примеры.

Ключевые слова: перевод, алгоритм перевода, переводческие трансформации, качество перевода.

G. M. Al-Hayani Muaadh[1], V. V. Balykov[2]
[1]Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (Moscow, Russia)
[2]Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

TRANSLATION ALGORITHM AS A TOOL FOR IMPLEMENTING TRANSLATION TRANSFORMATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE ARABIC LANGUAGE)

Abstract. The article discusses the points that need to be paid attention to when teaching students to translate from one language to another. Particular attention is paid to the transformations that the original units undergo during translation, i.e. translation transformations. The main features that determine the quality of translation are highlighted. Examples are given.

Keywords: translation, translation algorithm, translation transformations, translation quality.

Перевод как многогранный процесс не ограничивается лишь заменой слов одного языка на слова другого. Он представляет собой сложное

© Аль-Хаяни Муаадх Г. М., Балыков В. В., 2025

взаимодействие языковых, культурных и контекстуальных факторов, где переводческие трансформации играют ключевую роль. В контексте арабского языка, обладающего уникальной структурой и культурной спецификой, вопросы о том, как осуществляются эти трансформации и какие принципы ими руководят, становятся особенно актуальными.

Арабский язык, имеющий многочисленные диалекты и богатую литературную традицию, требует от переводчика глубокого понимания не только лексических и грамматических особенностей языка, но и культурных контекстов, в которых этот язык используется. Как было уже отмечено ранее, «перевод между русским и арабским языками имеет свои особенности и вызовы, связанные с различиями в грамматике, лексике, культуре и истории обоих языков» [1, с. 7].

Цель переводчика – достичь адекватности в переводе. Основная задача для достижения адекватности перевода – грамотно произвести различные переводческие трансформации, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка [2].

Преобразования, которые претерпевают единицы оригинала при переводе, называются переводческими трансформациями.

Перевод представляет собой процесс преобразования речевого произведения, при котором при неизменности содержания осуществляется замена языковой формы. Из-за различий между языковыми системами перевод требует грамматических трансформаций. Эти трансформации включают как изменение структуры предложений, так и замены на синтаксическом и морфологическом уровнях, обусловленные, в первую очередь, грамматическими факторами, отражающими особенности строя языков.

Однако понятие «преобразование» не стоит понимать буквально: оригинальный текст «не преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, остаётся неизмененным, но вместе с ним и на основе его создаётся другой текст на другом языке. Если мы сравним два текста – текст оригинала и текст перевода, мы заметим, что некоторые части текста языка оригинала переведены дословно, «слово в слово», а другие переведены со значительными отклонениями от буквального перевода.

Выделяют следующие переводческие трансформации:

- стилистические;
- морфологические;
- синтаксические;
- семантические;
- грамматические;
- лексические.

В практической деятельности переводчика трансформации чаще всего представляют собой смешанный тип, то есть при переводе с одного языка на другой типы (виды) трансформаций могут комбинироваться.

Как правило, переводческие трансформации разного типа происходят одновременно, сочетаясь друг с другом. Так, например, перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование – лексическим [3, с. 54].

Я. И. Рецкер пишет о том, что в процессе перевода грамматические преобразования заключаются в трансформации структуры предложения согласно правилам и нормам языка перевода [4].

Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы.

На наш взгляд, удачным следует считать тот перевод, который соответствует двум критериям:

1. Точность (достоверность). Точность подразумевает, что переводной текст сохраняет смысл оригинала: не прибавляет или не уменьшает, не усиливает или не ослабляет чего-либо в изначальном смысловом составе высказывания.

2. Качество перевода: представляет собой результат процесса перевода, который определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы [5, с. 27].

Выделим основные признаки, обусловливающие качество перевода:

– степень смысловой близости перевода оригиналу;

– жанрово-стилистическая принадлежность текстов оригинала и перевода [6, с. 24].

Рассмотрим пример, в котором наблюдаются различные виды переводческих трансформаций, и проанализируем его перевод с опорой на схему А. П. Седых для работы над исходным высказыванием с учётом следующих аспектов:

1. Словарные соответствия (лексика, грамматика, синтаксис).
2. Логико-геометрическая структура (модальность / концепт).
3. Смысловой вывод.
4. Версии перевода.
5. Контекстуальный эквивалент.
6. Оптимальный образец узуса.
7. Анализ оптимального примера [7, с. 170].

В оригинале пословица имеет следующий вид:

«الشجرة على عشرة من خير اليد في عصفور.» (букв. ‘воробей в руке лучше, чем десять на дереве’).

1. Словарные соответствия (лексика, грамматика, синтаксис):

عصفور – сущ., «птица», «воробей»;

في – предлог, «в»;

اليد – сущ., «рука»;

خير – прил. (сравнительная степень), «лучше»;

من – союз, «чем»;
عشرة – числительное, «десять»;
على – предлог, «на»;
الشجرة – сущ., «дерево».

2. Логико-геометрическая структура (модальность / концепт):

2.1 Отношение: сравнение и предпочтение между двумя различными уровнями реальности – реальным и идеализированным.

2.2 Модальность (конкретность): способ существования предмета в руках (*синица*) и в мечтах (*журавль*).

2.3 Объективные характеристики: лучше довольствоваться тем, что уже есть, чем рисковать, стремясь к большему, и в итоге остаться ни с чем.

3. Смысловой вывод:

– следует ценить то, что имеем, даже если это меньше по количеству или качеству;

– обращение к реальным возможностям вместо мечтаний о недостижимом;

– практичность и рациональность важнее идеализированных ожиданий.

4. Версии перевода:

1. Лучше иметь малое, чем мечтать о большем;
2. Достойно ценить то, что под рукой, а не гоняться за недостижимым;
3. Цени то, что имеешь, а не то, чего нет.

5. Эквивалент:

Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Переводческие трансформации:

1. Лексические:

عصفور ⟶ Лучше;
في ⟶ синица;
اليد ⟶ в;
خير ⟶ руках;
من ⟶ чем;
عشرة ⟶ журавль;
على ⟶ в;
الشجرة ⟶ небе.

2. Грамматические (синтаксис):

сложное предложение ⟶ сложное предложение;
утвердительное предложение ⟶ утвердительное предложение.

3. Стилистические:

разговорный стиль ⟶ разговорный стиль.

Таким образом, переводя данную пословицу на русский язык, мы совершаем следующие переводческие трансформации:

1) перестановка (изменение порядка слов в предложении);

2) замена (произошло изменение некоторых частей речи в высказывании).

Примечательно, что количество слов осталось неизменным.

В результате переводческих трансформаций эквивалент в русском языке выглядит следующим образом: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Как видим, происходят некоторые преобразования исходного эквивалента «الشجرة على عشرة من خير اليد في عصفور.»

Подводя итог, можно сказать, что любое высказывание (на родном или иностранном языке) построено по определённым семантико-логическим законам, что требует выявления их сущностных признаков. Данное качество высказывания используется для интерпретативного анализа и эквивалентного перевода [8, с. 16].

Переводческие трансформации играют ключевую роль в процессе перевода, особенно когда речь заходит о языках с радикально отличающимися структурами, таких как арабский. Понимание и применение различных трансформаций помогают переводчику справляться с семантическими и культурными нюансами, что в приводит к более точному и адекватному переводу. Интеграция переводческих трансформаций в практику перевода является актуальным и важным направлением для дальнейших исследований в области перевода и межкультурной коммуникации.

Литература

1. Балыков В. В., Ал-Хаяни М. Д. М. Особенности перевода между русским и арабским языками: вызовы и стратегии // Коммуникативное поведение билингва в образовательном и культурном пространстве поликультурного региона: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Махачкала, 10–12 ноября 2023 года. Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. С. 5–9.

2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. М., СПб.: Филологический фак. СПбГУ: ACADEMIA, 2008. 368 с.

3. Балыков В. В., Петрова Л. Г. Роль перевода в изучении РКИ: алгоритм осуществления переводческих трансформаций // Роль и место русского языка в современном мире: Сборник научных статей XVI Международной научно-практической конференции, Белгород, 18 апреля 2024 года. Белгород: Эпицентр, 2024. С. 53–58.

4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2010. 244 с.

5. Балыков В. В., Петрова Л. Г. Переводческие трансформации как этапы действий переводчика // РКИ: лингвометодическая образовательная платформа: Сборник трудов Международной научно-практической

конференции, Белгород, 24 мая 2024 года. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 24–30.

6. Балыков В. В., Петрова Л. Г. Обучение переводу: к вопросу об алгоритме переводческих трансформаций // Педагогический вестник. 2021. № 20. С. 24–26.

7. Бузинова Л. М., Зиборов С. И., Седых А. П. Коммуникативно-когнитивные технологии и алгоритм перевода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5(138). С. 170–173.

8. Балыков В. В. Переводческие трансформации как необходимая составляющая перевода // Русский язык – путь к успеху: Сборник научных трудов III Международной студенческой научно-практической конференции, Курский государственный университет, 25 апреля 2024 года. Курск: Курский государственный университет, 2024. С. 13–16.

УДК 811.161.1

Е. Н. Антонова
Государственный университет по землеустройству
(Москва, Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ И ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТЕМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

SPIN-код: 3393-0257

Аннотация. В статье уделено внимание прагматике устойчивых языковых единиц как элементов интертекста. На примере интертекстем с компонентами «дух» и «душа», извлечённых из лексикографии и отражающих эмоционально-чувственную сферу человеческого бытия, было показано их функционирование в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: интертекстемы, поэтический дискурс, прагматика, текстообразующие элементы, смыслообразующие структуры.

E. N. Antonova
State University of Land Use Planning (Moscow, Russia)

PRAGMATIC AND TEXT-FORMING SIGNIFICANCE OF INTERTEXTEMES IN POETIC DISCOURSE

Abstract. The article focuses on the pragmatics of stable linguistic units as elements of intertext. Using the example of intertextemes with the components "spirit" and "soul", extracted from lexicography and reflecting the emotional and sensory sphere of human existence, their functioning in poetic discourse was shown.

Keywords: intertextemes, poetic discourse, pragmatics, text-forming elements, meaning-forming structures.

Прагматике дискурса и текста в качестве важнейших лингвистических категорий посвящены научные изыскания Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, Е. В. Астремской, И. Р. Гальперина, А. А. Кибрика, Т. М. Николаевой и многих других исследователей. Феномен дискурса многогранен, характеризуется неразрывной связью с текстовыми категориями, отличается интегративностью, поскольку широко используется в разных областях науки – филологии, когнитологии, социологии, философии и других. Этим фактом отчасти обосновывается многообразие дефиниций дискурса, в том числе и отсутствие исчерпываю-

© Антонова Е. Н., 2025

щего определения.

Примем в работу мнение А. А. Кибрика, согласно которому в основе определения дискурса лежит тезис о единстве языковой деятельности как процесса и текста как результата этого движения. Следовательно, *дискурс* формируется при участии устного или письменного *текста*, процессов его *конструирования*, *понимания*, а также *хронотопических параметров* [1, с. 4].

Текст признаётся «организующим центром дискурса» [2, с. 7] во многих современных исследованиях. Помимо лексико-грамматических факторов, в формировании дискурса особую роль играет *прагматика*, включающая в себя сведения об авторе, условия и время создания текста, интертекстуальные отношения. **Прагматика** понимается в качестве учения, посвящённого «отношению знаков к их интерпретаторам» [2, с. 42], реализующего антропоцентрический принцип, поскольку важно изучать язык в действии при использовании его адресатом и адресантом в «консолидирующей их коммуникативной ситуации» [2, с. 42]. Наблюдение над языком с позиции прагматики ведётся согласно утилитарным идеям, основанным на практической пользе для носителей языка в процессе передачи и получения информации посредством вербальных знаков.

Поэтический дискурс как особый подвид художественного [3] и разновидность персонального с элементами институционального [4, с. 195–204] дискурса обладает особой прагматикой в силу жанровой специфики. Согласно определению И. И. Чумак-Жунь, **поэтический дискурс** – «сложная и нелинейно организованная система поэтических текстов» [5, с. 21], включающая в себя вербализированные образные структуры, которые формируют интегративную целостность со специфическими лексико-семантическими, паралингвистическими, лингвокультурологическими, психолингвистическими, социокультурными, прагматическими признаками.

Прагматическое значение в поэтическом дискурсе имеют интертекстемы как текстообразующие элементы, к которым относятся и фразеологизмы. Используя материалы из «Словаря образных выражений русского языка» (далее – СОВРЯ) [6] и глобальные базы данных поэтического дискурса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), в качестве примера охарактеризуем эмоционально-чувственную сторону человеческого бытия посредством наблюдения над прагматическим и текстообразующим значением интертекстем с компонентами *дух, душа*.

Интертекстемы, зафиксированные в СОВРЯ [6]:

– *«**на дух** (не хотеть, не выносить, не надо и т.п.)»* (С. 96), *«**не в духе** (кто)»* (С. 81), *«**падать / упасть** <пасть> **духом** (кто)»* (С. 84), *«**ни сном ни духом** (не знать, не ведать, не подозревать; не быть виноватым, нет вины»* (С. 183), *«**не хватать / не хватить духу** (у кого)»* (С. 83), *«**как на духу** (говорить, рассказывать)»* (С. 216);

– «***душа нараспашку*** *(кто, у кого)»* (С. 32), «***душа <сердце> в пятки [уходит / ушла, ушло]*** *(у кого)»* (С. 74-75), «***душа в пятках***» (С. 75), «***душа <сердце> не на месте*** *(у кого)»* (С. 75), «***сердце <душа> разрывается <рвётся>*** *[на части] (у кого, чьё)»* (С. 90), «***душа не лежит*** *(у кого, чья к кому, к чему)»* (С. 92), «***по душам*** *(говорить, беседовать и т. п.)»* (С. 222), «***кошки скребут*** *<скребли / заскребли>* ***на душе*** *<реже –* ***на сердце****> у кого»* (С. 79), «***по душе*** *(кто, что кому) быть, приходиться и т. п.»* (С. 99), «***души не чаять*** *(кто в ком)»* (С. 92), «***с лёгким сердцем <с лёгкой душой>***» (С. 88), «***ни копейки <ни гроша> [за душой]*** *у кого»* (С. 170), «***стоять*** *<сидеть>* ***над душой*** *(кто [у кого, чьей])»* (С. 277), «***выматывать / вымотать*** *<вытягивать / вытянуть> [всю]* ***душу*** *(кто, что [кому, из кого])»* (С. 71), «***отводить / отвести душу*** *(кто [с кем в чём])»* (С. 83–84), «***вкладывать / вложить*** *[всю]* ***душу*** *(кто во что)»* (С. 91), «***плевать / плюнуть*** *<наплевать>* ***в душу*** *(кто кому)»* (С. 98), «***изливать / излить*** *[свою]* ***душу*** *(кто [кому, перед кем, в чём])»* (С. 216), *«[без мыла]* ***лезть / влезть*** *<залезть>* ***в душу*** *(кто [к кому])»* (С. 235).

Реализацию данных интертекстем в поэтическом дискурсе проиллюстрируем контекстами из поэтического корпуса НКРЯ.

В указанном корпусе НКРЯ зафиксировано 8 текстов и столько же примеров с интертекстуальным элементом ***на дух*** (Л. М. Иоффе. «Люблю тебя, свет наш, Израиль…» (1990); А. А. Галич. О том, как Клим Петрович восстал против экономической помощи слаборазвитым странам: «...Прямо, думал – я одно – быть бы живу…» (1970); С. А. Клычков. Очажный бес: «Сидит он днем под рукомойником…» (1925); Н. А. Клюев. Медный кит: «Объявится Арахлин-град…» (1918); Ю. Н. Верховский. «Следя за стрелкой часовой…» (1917); М. А. Дмитриев. «Дождя ни капли нет! – Крестьянам, братье нищей…» (Деревенские элегии) (16.01.1860); Г. Р. Державин. Христос: «О Сый, которого пером…» (1814); Г. Р. Державин. Целение Саула: «Саул, Сиона царь, сын Кисов, волю Бога…» (1809)):

Когда-то я званым был, жданым,
желанным был дружбе, любви,
а ныне – прямым стариканом
кажусь им на дух и на вид [Л. М. Иоффе. «Люблю тебя, свет наш, Израиль…» (1990)].

Выражение ***падать духом*** встречается трижды в трёх примерах (И. Л. Сельвинский. Мадам Эн-Эн: «Нельзя на допросе бравировать, право…» (Письма из тюрьмы, 1920); Н. П. Огарев. (Т. Н. Грановскому): «Твоё печальное посланье…» (06.04.1843); М. П. Загорский. «Друзья и ты, любезный пол…» (Илья Муромец, 1824)):

– Учись
Не падать духом в заключенье;
Неверным счастьем не гордись
И чти богатством – добродетель! [М. П. Загорский. «Друзья и ты, любезный пол…» (Илья Муромец, 1824)].

Ни сном ни духом фиксируется в двух контекстах (Т. Ю. Кибиров. «Что «симулякр»? От симулякра слышу!..» (1998); Ю. П. Мориц. След мамонта: «Он шёл к воде. Он к морю шёл напиться…» (1962)):

О сроках

ни сном, ни духом не дано нам знать [Т. Ю. Кибиров. «Что «симулякр»? От симулякра слышу!..» (1998)].

Не хватит духу найдено в двух примерах (М. Н. Айзенберг. «Кто помнит, что за зверь «гилярная лиса»?..» (1986); И. С. Никитин. Кулак: «День гаснет. Облаков громада…» (1854–1857)):

Куда ни плюнь, везде свои дела.

Не хватит духу. Не хватает зла [Н. Айзенберг. «Кто помнит, что за зверь «гилярная лиса»?..» (1986)].

«Как на духу» зафиксировано в 17 текстах (М. Н. Айзенберг. «Говорю как на духу…» (2011); О. А. Юрьев. Смерть Ахилла: «Воздуха спихни доху…» (2011); Е. Ф. Сабуров. «– Что вы помните, сенатор…» (Вторая поэма, 2006–2009); Б. Ш. Кенжеев. «Как нам завещали дядья и отцы…» (1999) и т. д.):

«Не только Бог услышал это слово;

Как на духу, перед лицом зари

Три женщины возникли из былого

И жадно прошептали: – Повтори!» (1994) [Ю. П. Кузнецов. Слово: «Устал я жить и говорить некстати…» (1994)].

Душа нараспашку встречается в трёх примерах (В. Блаженный. «Боже, как хочется жить!.. Даже малым мышонком…» (1972); Р. И. Рождественский. Стихи о собаках: «Дворовых собак / по-особому холят…» (1972); И. П. Уткин. Мы с тобой: «Мы с тобой / На открытой платформе…» (1933)):

Нет у букашки рубашки, душа нараспашку,

Солнце горит, и букашка садится на солнце [В. Блаженный. «Боже, как хочется жить!.. Даже малым мышонком…» (1972)].

Выражение ***душа не на месте*** найдено в четырёх примерах (М. М. Степанова. «Волк въедался в мою лошадь все глубже…» (Священная зима 20/21, 2021); М. М. Степанова. Невеста: «Май был жарк небывало, бело…» (2001); А. Т. Твардовский. Старожил: «Тебя-то какими судьбами…» (1958); В. С. Шефнер. Выпускающий птиц: «В квартире одной коммунальной…» (1956)):

Душа не на месте, а тело

Скорбит от лихой мошкары [А. Т. Твардовский. Старожил: «Тебя-то какими судьбами…» (1958)].

Фразеологизм ***душа разрывается*** встречается в одном тексте (В. С. Соловьев. Память: «Мчи меня, память, крылом нестареющим…» (29.02.1892)):

Горькой тоскою душа разрывается,

Жизни там две сожжены,

Новое что-то вдали начинается

Вместо погибшей весны [В. С. Соловьев. Память: «Мчи меня, память, крылом нестареющим…» (29.02.1892)].

По душам фиксируется в 31 тексте, всего – 32 примера (Ю. П. Кузнецов. Три желания: «Самолет летел над океаном…» (1995); Е. Ф. Сабуров. «Гляди на зеркало! – Гляжу…» (1985–1990); Лев Лосев. «Я похмельем за виски оттаскан…» (1975–1985) и др.):

Скажи поклон заморским корешам:
Потолковал бы с ними по душам,
Пока тускнеет золото заката [А. А. Сопровский. «Угадывая фальшь и даже ложь…» (Тоска по ностальгии, 1984)].

Кошки скребут (на душе) есть в двух примерах (Лев Лосев. Самодеятельность: «Джон в сафьяновы сапожки обут…» (1987–1996); Н. М. Коржавин. Танька: «Седина в волосах. / Ходишь быстро. Но дышишь неровно…» (1957)).

По душе отмечается в 122 текстах, в 131 примере (Н. Н. Моршен. «В мозгу могилу заступ рыл…» (1990–1999); Е. Ф. Сабуров. «Как много гибельных строк…» (1990–1999); Е. Б. Рейн. «Арарат»: «Год шестьдесят второй. Москва и Святки…» (1998); Б. А. Ахмадулина. Поездка в Зеленогорск: «На остановке собрался народ…» (1996) и т. д.).

Ни гроша за душой обнаружено в двух примерах (Г. С. Семенов. В чужом городе: «И бульвар, и канал…» (1964); Л. А. Мей. Рыжая Жанна: «Спит на груди у ней крошка-ребенок…» (17.10.1858)):

Ни гроша за душой,
только голос в окне,
и от славы чужой
холодок по спине [Г. С. Семенов. В чужом городе: «И бульвар, и канал…» (1964)].

Стоять над душой задействовано в одном контексте:

И что возмущаться впустую,
Как совесть, стоять над душой, –
При этом и впрямь претендуя
На угол в квартире чужой [Н. М. Коржавин. Сплетения: «Не стоит всерьез удивляться…» (31.01.1980)].

«Отвести душу» встречается в одном тексте:

Вот уж к двадцати шести
Путь мой движется годам,
А мне не с кем отвести
Душу, милая мадам [П. Н. Васильев. В защиту пастуха-поэта: «Лукавоглаз, широкорот, тяжел…» (1934)].

Таким образом, компоненты *дух, душа* в составе интертекстем сохраняют свою концептуальную основу, отражают разнообразие в репрезентации эмоционально-чувственной стороны человеческого бытия, реализуясь в контекстах русского поэтического дискурса и характеризуя пессимистичные настроения (*падать духом*), человеческие слабости (*не*

хватит духу), проявление страха (*душа в пятках*), высокую степень бедности (*ни гроша за душой*) и т. д. Высокая концентрация данных интертекстем в русской лингвокультуре свидетельствует об особой значимости концептов ДУХ и ДУША, участвующих в художественном текстообразовании, в том числе в поэтическом и прозаическом дискурсах. Концептуализация «русского духа/души» активно исследуется современными филологами (см., например, работы С. М. Колесниковой [7, с. 25]), при этом прагматика поэтических интертекстем обусловлена не только текстообразующими факторами, но и мотивированной эстетикой, нестандартно-образным мышлением, адекватным отрицанием творческих ограничений, вербализованной креативностью.

Литература

1. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Автореферат дис. … доктора филол. наук. Москва, 2003. 90 с.

2. Проблемы функционирования языковых единиц в различных типах дискурса / З. Р. Аглеева, М. В. Беззубикова, Ю. А. Васильева [и др.]. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2023. 444 с.

3. Кияшко В. А., Фанян Н. Ю. Поэтический дискурс как подвид художественного дискурса // Филология в системе современного гуманитарного знания: Сборник научных трудов. К 85-летию факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета / Под редакцией Н. Ю. Фанян. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 109–115.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2002. 477 с.

5. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: монография. Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2009. 244 с.

6. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др.: Под ред. В. Н. Телия. М.: «Отечество», 1995. 368 с.

7. Колесникова С. М. Контекстные и семиотические способы репрезентации «русской души» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 19–29.

УДК 81–23

Е. Н. Белая
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАНЦУЗСКИХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

SPIN-код: 4923-3641

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию французских метафорических цветообозначений, которые отражают менталитет, быт, культуру народа. Метафорические цветообозначения соотносятся с цветами животных, птиц, растений, фруктов, овощей, напитков, продуктов питания, французских архитектурных сооружений.

Ключевые слова: цветообозначение, метафора, картина мира, ассоциация.

E. N. Belaya
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF FRENCH METAPHORICAL COLOR NAMES

Abstract. This article is devoted to the study of French metaphorical color designations, which reflect the mentality, life, culture of the people. Metaphorical color designations relate to the colors of animals, birds, plants, fruits, vegetables, drinks, food, French architectural structures.

Keywords: color designation, metaphor, world picture, association.

Человек живёт в мире цвета, который является, по мнению Р. М. Фрумкиной, феноменом чисто психологическим: «В природе существуют только световые волны, а цвет есть порождение нашего глаза и мозга. Эта феноменология отражена в языке и каким-то образом структурирована» [1, с. 6]. Учёный утверждает, что на разных уровнях нашего сознания происходит узнавание цвета, запоминание слов, обозначающих цвет, номинация, категоризация и т.п. [там же].

В цветообозначениях языка того или иного этноса отражаются его менталитет, мироощущение, быт, особенности культурной и духовной жизни народа.

По справедливому наблюдению В. Г. Гака, «во французском языке

© Белая Е. Н., 2025

очень часто используются метафорические обозначения цвета – по цвету растения, минерала, вещества» [2, с. 227]. Н. Д. Арутюнова определяет метафору как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [3, с. 296]. По мнению В. Н. Телия, метафоризация рассматривается не только как средство номинации, но и «как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов» [4, с. 174]. И действительно, с помощью метафорического переноса создаются новые наименования цветовых оттенков, например *couleur soleil* (солнечный), *couleur de perle* (жемчужный).

Французы предпочитают использовать метафорические обозначения различных оттенков того или иного цвета, которые отражают национально-культурные традиции, в частности savoir vivre «искусство жить». Этот факт подтверждает и исследователь Е. Ю. Воробьева, по мнению которой «современные французские цветообозначения свидетельствуют о зависимости номинаций цвета от национально-культурной традиции и особого стиля французской жизни – savoir vivre, что отражается в номинациях цветовых оттенков французского языка, не имеющих аналогов в других языках» [5, с. 15].

Т. Ю. Загрязкина считает, что «savoir vivre может ассоциироваться с понятием высокого класса, хорошего вкуса, продуманности формы и её наполнения» [6, с. 50]. Кроме того, исследователь констатирует, что «умение жить» предполагает знание этикета, умение его применять, воспитанность, вежливость, умение жить в коллективе [там же]. Французы стремятся к изысканности, оригинальности, эстетике, стараются видеть мир через призму многообразия красок.

Во французском языке широко используются метафорические оттенки цветов, которые сравниваются с теми или иными предметами, явлениями, обладающими этим цветом.

Цветовые нюансы соотносятся с цветом следующих предметов и явлений:

1) ***с цветом животных, птиц или их соматизмов***: *ventre de biche* (живот лани), *queue de vache* (хвост коровы) (по-французски это особые коричневые оттенки), *poil de chameau* (тёмно-желтый, цвет верблюжьей шерсти), *vert de canard* (цвет, напоминающий окраску селезня, сине-зелёный), *gorge de pigeon* (серо-синий, сизый), *vert taupe* (цвет, напоминающий цвет крота, серый с оттенком зелёного), *couleur jaune poussin* (цвет только что родившегося цыплёнка, этот оттенок отражает ещё и свежесть), *couleur ventre de girafe* (цвет брюха жирафа, отражает жёлтый цвет с оранжевым оттенком), *gris tourterelle* (серый цвет по аналогии с птицей горлицей), *vert taupe* (цвет, напоминающий цвет крота, обозначает

серый с оттенком зелёного), *gris moineau* (серый как воробей), *gris souris* (серый мышиный), *jaune canari* (канареечный, ярко-жёлтый);

2) ***с цветом растений***: *bleu pervanche* (бледно-голубой с сиреневым оттенком барвинка), *lavande* (лавандовый оттенок), *myosotis* (оттенок незабудки), *vert anis* (жёлто-зелёный оттенок аниса), *vert asperge* (спаржевый оттенок), *vert menthe* (зёленый оттенок мяты), *bleu bleuet* (васильковый оттенок), *rouge coquelicot* (цвет красного мака), *rose aveline* (розовый оттенок лесного ореха), *blanc orchidée* (белый матовый оттенок белой орхидеи);

3) ***с цветом фруктов и овощей***: *vert pomme* (оттенок зелёного яблока), *vert kiwi* (цвет киви), *jaune citron* (жёлто-лимонный оттенок), *cerise* (вишнёвый оттенок), *prune* (сливовый оттенок), *pêche* (розовый цвет с персиковым оттенком), *jaune banane* (банановый оттенок), *rouge tomate* (ярко-красный цвет помидора);

4) ***с цветом вещества***: *vert d'eau* (цвет воды, зеленовато-синий оттенок), *bleu pétrole* (цвет нефти, тёмно-синий оттенок), *une couleur terre cuite* (оттенок пересушенной земли), *craie* (цвет мела), *jaune mastic* (цвет замазки с тёмно-желтым оттенком), *jaune soufre* (цвет серы с жёлтым оттенком), *argile verte* (цвет глины с зелёным оттенком), *noir charbon* (цвет угля), *jaune cireux* (цвет воска);

5) ***с цветом напитков и продуктов питания***: *lie de vin* (цвет винного осадка), *caramel* (карамельный цвет со светло-коричневым оттенком), *cappuccino* (цвет кофе капучино), *champagne* (цвет шампанского с бледно-жёлтым оттенком), *sorbet citron* (цвет лимонного сорбета), *beurre frais* (оттенок свежего масла), *couleur de la crème dessert Montblanc* (оттенок кремового десерта «Монблан», популярного десерта во Франции), *rose dragée* (оттенок розового драже); некоторые цветовые оттенки возникли по аналогии с цветом кулинарных блюд: *rouge carpaccio* (яркий цвет карпаччо, свежего мяса), *jaune moutarde* (горчичный оттенок жёлтого цвета);

6) ***с цветом французских архитектурных строений***: *gris trianon* (серо-бежевый оттенок ассоциируется с цветом стен дворцов Трианон на территории Версальского парка), *gris des toits de Paris* (серый цвет ассоциируется с крышами Парижа), *bleu de Chartre* (синий шартрский оттенок отражает своеобразный синий цвет витражей в Шартрском соборе).

По мнению В. Г. Гака, цветовые метафорические обозначения, принятые в одном языке, нелегко воспроизводятся в другом языке, так как подчас неясно, какой именно оттенок при этом имеется в виду. Переводчики воздерживаются от дословного воспроизведения метафорического обозначения оттенка цвета и часто заменяют его неметафорическим определением. Но, как утверждает В. Г. Гак, «если метафорические цветообозначения воспроизводятся дословно в переводе, то при этом даётся указание на известный рецепиенту цвет, так что

метафорическое обозначение выступает в роли уточнения этого знакомого цвета» [2, с. 228].

Литература

1. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.

2. Гак В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Едиториал УРСС 2004. 336 с.

3. Арутюнова Н. Д. Метафора // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 296–297.

4. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–205.

5. Воробьева Е. Ю. Динамика коннотативного потенциала цветообозначений во французском языке XX–XXI вв. (на примере номинаций товаров повседневного спроса): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2020. 34 с.

6. Загрязкина Т. Ю. Франция в культурологическом аспекте: учеб. пособие. М.: Стратегия, 2007. 192 с.

811.161.1

А. А. Глибина
Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации (Новосибирск, Россия)

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ В ПСЕВДОНАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

SPIN-код: 4386-3318

Аннотация. Псевдонаучный дискурс характеризуется широким использованием языковых средств, транслирующих оценку. В проанализированных текстах превалирует эксплицитная оценка. Слова, отражающие оценку, используются кластерами.

Ключевые слова: оценочность, коннотация, псевдонаучный дискурс, пейоратив.

A. A. Glibina
Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of Russia
(Novosibirsk, Russia)

SPECIFIC FEATURES OF EVALUATIVITY REPRESENTATION IN A PSEUDOSCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. Pseudoscientific discourse uses various linguistic means to convey the value of something. Explicit valuation representation prevails in the analyzed texts. Words expressing valuation are used in clusters.

Keywords: evaluativity, connotation, pseudoscientific discourse, pejorative.

Развитие научного знания нередко сопровождается интеграцией и дифференциацией наук, которые представляют собой разнонаправленные тенденции. Первая из них приводит к возникновению новых научных дисциплин в рамках «материнской» фундаментальной науки. Это происходит в связи с изменением предмета и содержания отделившейся области знания.

Как отмечает А. Р. Даулеткериев, появившаяся «дочерняя» отрасль науки обладает всеми атрибутами самостоятельной научной дисциплины, среди которых он выделяет специфический предмет и методы исследования, некий набор ключевых категорий и т. д. [1].

© Глибина А. А., 2025

Демаркация астрономии и астрологии произошла в XVII веке [2]. Разделение данных областей знания возникло вследствие активного развития научных методов познания. Астрономия сконцентрировалась на изучении строения, происхождения, развития и движения небесных тел и их систем, в то время как предметом изучения астрологии стало влияние небесных тел на человека и события.

Поскольку астрология отделилась от астрономии, возможно предположить, что от «материнской» науки она должна была унаследовать и неразрывную связь с научным дискурсом, который в данном исследовании, вслед за С. В. Карчаевой, будет рассматриваться достаточно широко как «научное общение, представленное в совокупности устных и письменных, вербальных и невербальных текстов» [3, с. 9].

В свою очередь, для научного дискурса характерен научный стиль, которому, в частности, свойственны абстрактность, отвлечённость, объективность, логичность, обобщённость, точность, а также нейтральность изложения [4, с. 8]. Тем не менее для астрологических текстов стилистическая нейтральность не характерна. Наоборот, их отличительной чертой является максимальная реализация категории оценочности, исследование которой в рамках псевдонаучного дискурса является актуальным, поскольку позволяет выяснить, какие языковые средства используются для привлечения и удержания внимания целевой аудитории.

В связи с этим целью настоящей статьи является изучение способов реализации категории оценочности в псевдонаучном дискурсе на примере астрологических текстов.

В качестве материала исследования взяты тексты астрологической тематики общим объёмом 105 000 печатных знаков, излагающие специфику влияния созвездий, планет и звёзд на человека.

При проведении исследования автор работы исходил из того, что оценочность – это «свойство языковых единиц выражать относительно устойчивую позитивную или негативную характеристику…, суждение о положительной или отрицательной для языковой личности ценности» [5, с. 7] чего-либо, т. е. это конкретная реализация оценки при помощи какого-либо языкового средства. При этом, по мнению Н. Г. Комиссаровой и Д. Р. Якуповой, «оценка может содержаться как в понятийном компоненте значения, так и в коннотативном» [6, с. 84].

По справедливому замечанию К. В. Клименко, для выражения оценки могут использоваться единицы разных уровней: «не только лексемы, но также морфемы, словосочетания, <…> контекст» [7, с. 217]. Однако обычно разноуровневые средства комбинируются в рамках микроконтекста и создают синергетический эффект воздействия на целевую аудиторию.

Анализ отобранного материала показал, что, во-первых, в рассмотренных текстах транслируется как рациональная, так и эмоциональная оценка. В подавляющем большинстве случаев оценка

даётся эксплицитно, например, при помощи слов *хорошо / плохо, ложный / верный, трудно / легко (орфография, пунктуация и речевое оформление источника сохранены – прим. ред.)*:

В Ашлеше Марс достигает максимума своего падения. Он склоняет к манипуляциям, лжи, вызывает даже насилие, травмы и смерть. Он ***плохо*** *резонирует с эмоциональной энергией этой накшатры – он направляет её в* ***ложном*** *направлении или вредит ей* [8, с. 14].

Как демонстрирует данный пример, оценка чаще всего выражается через употребление лексем, обладающих ярко выраженным коннотативным значением и имеющих в своей семантической структуре соответствующую сему. Например, в следующем фрагменте используются лексические единицы *беда, гнев, аутсайдер, отщепенец, бандитизм* и др., которые изначально выражают негативную оценку:

Ещё она соотносится с ***кармой****, судом и* ***воздаянием****. Она может* ***обрушить*** *на нас* ***беды*** *или божественный* ***гнев*** *... Те же, кто не способен открыть себя Богу, под влиянием этой накшатры остаются* ***аутсайдерами, отщепенцами*** *и представителями* ***общественного дна****. Она обнажает уязвимую суть эго, которое может толкнуть нас на путь* ***бандитизма****, либо всецело преодолеть себя. В этом смысле, Шатабхишак является самой противоречивой – самой духовной и самой мирской из накшатр. Она более всего отражает энергию Водолея* [8, с. 24].

Наличие негативной оценки прослеживается в определениях перечисленных выше слов, зафиксированных в толковых словарях. Так, при помощи слова *аутсайдер* человек оценивается как отстающий, плетущийся позади всех:

Аутсайдер, а; м. [англ. outsider]. 1. Обычно мн. ч.: аутсайдеры. *Спорт*. Команда или спортсмен, занимающие последние места в соревновании. 2. *Разг*. О том, кто отстаёт от других в каком-либо деле [9, с. 52].

Более негативную оценку человеку даёт слово *отщепенец*, которое имеет помету «пренебрежительное слово» и является пейоративом:

Отщепенец, -нца; м. *Пренебр*. Человек, утративший, порвавший связь со своей общественной средой [9, с. 767].

Во-вторых, для псевдонаучного дискурса также характерно выражение оценки при помощи грамматических средств. Прежде всего, к ним следует отнести степени сравнения имён прилагательных. При этом в рамках одного микроконтекста может быть сконцентрировано сразу несколько случаев подобного употребления. Например, в следующем фрагменте прилагательные использованы в сравнительной степени:

Мула вызывает в нас ***самое глубокое сомнение*** *относительно того, кто мы есть. Это может ввергнуть нас в* ***ужаснейшую гордыню*** *и эгоизм, иногда демонические по размаху...* [8, с. 29].

Следует отметить, что выделенные прилагательные и в положительной степени имеют сему, выражающую оценку. Однако для

интенсификации отрицательного значения эти прилагательные используются в превосходной степени.

В-третьих, оценочность в псевдонаучном дискурсе реализуется при помощи устойчивых словосочетаний и различных образных выражений. Например, сюда можно отнести метафорические конструкции, имеющие оценочный компонент:

АШЛЕША … представляет мудрость и знания, скрытые в подсознательном, в частности, в эмоциональной натуре ... Она требует от нас ***кристальной честности*** *и чистоты* [8, с. 14].

В данном случае *честность* сопоставляется с *кристаллом*, который имеет особую ценность только в том случае, если в нём нет примесей, которые в рамках анализируемого контекста сопоставляются с ложью.

Как правило, для таких лексических единиц характерна структура «прилагательное + существительное», например:

Он представляет необоримую силу правды, ***несгибаемую волю*** *к истине, кроющуюся в сердцевине нашей души, которая сама вызывает препятствия и преодолевает их* [8, с. 22].

Другой продуктивной моделью трансляции оценки является структура «наречие + глагол»:

У мужчин, родившихся под влиянием Пушьи, нет определённой внешности. Иногда может быть шрам или чёрная родинка на лице. Они мягкосердечны, имеют сомневающийся характер, им ***трудно*** *принять какое-либо решение. Имеют хорошие манеры, но пользуются ими только в эгоистических целях. Снаружи «+», а внутри «–». Эти мужчины… любят* ***хорошо*** *одеваться* [10].

Для проанализированных текстов также свойственно наличие диаметрально противоположных оценок какого-либо явления или предмета в рамках одного контекста:

Шатабхиши бывают ***неаккуратны*** *... Их негативные особенности включают в себя* ***лень, зависимость, извращение, уязвимость*** *любого типа,* ***психические и эмоциональные расстройства****. Их позитивные качества –* ***предприимчивость, умеренность, разборчивость****, философское отношение к миру,* ***стремление к истине и незашоренное восприятие*** [10].

В данном фрагменте люди, родившиеся в период Шатабхиши, характеризуются, с одной стороны, крайне отрицательно, а с другой – достаточно положительно. Поэтому каждый клиент псевдонаучного дискурса может выбрать «своё» описание.

Также оценочность проявляется в контексте целого высказывания. Например, в следующем отрывке слово *расчётливость* начинает транслировать негативную оценку благодаря наличию в микроконтексте слов с отрицательной коннотацией и, в частности, слов с приставкой *не-*:

Часто бывает, что интеллект здесь оказывается просто ***неуместным****, так как ему свойственны* ***неустойчивость*** *и*

***расчётливость**. Меркурий – **поверхностная** планета – **плохо** чувствует себя здесь, в накшатре глубин* [8, с. 25].

В семантической структуре слова *расчётливый* присутствуют семы, которым присуща как положительная, так и отрицательная оценка, о чём свидетельствует словарное толкование данного слова:

Расчётливый, -ая, -ое. 1. Бережливый, экономный; 2. Действующий с расчётом (3 зн.). **Расчёт** – 3. Соображение, направленное на получение какой-либо выгоды, пользы. *Жениться по расчёту* [9, с. 1104–1105].

Только благодаря контексту становится понятным, что речь идёт об отрицательной черте характера человека.

Аналогичным образом контекст «подсказывает», что слово *поверхностный* также транслирует отрицательную оценку, реализуясь в третьем значении:

Поверхностный, -ая, -ое. 1. Находящийся, происходящий на поверхности, у поверхности чего-либо; неглубокий; 2. Несущественный, неосновательный; 3. Не умеющий вникнуть в существо дела (о человеке) [9, с. 851].

Таким образом, проанализированный материал наглядно демонстрирует, что псевдонаучному дискурсу, в отличие от научного, свойственна оценочность. При помощи эксплицитно и имплицитно выраженных оценок клиентам дискурса без какой-либо аргументации, присущей научному дискурсу, презентуется и навязывается определённая точка зрения. При чтении псевдонаучных текстов целевая аудитория погружается в информационное пространство, в котором буквально всё подвергается оценке, которая варьируется от максимально положительной до максимально отрицательной. При этом одно и то же явление в рамках одного микроконтекста может иметь диаметрально противоположные оценки.

Литература

1. Даулеткериев А. Р. Особенности дифференциации и интеграции науки в современных условиях // Общество: философия, история, культура. 2017. Вып. 6. С. 16–18.

2. Сурдин В. Г. Астрономия и астрология – перипетии современной конфронтации // Поругание разума: экспансия шарлатанства и паранормальных верований в российскую культуру начала XXI века: Материалы международного симпозиума «Наука, антинаука и паранормальные верования». Москва, 3–5 октября 2001 г. М.: Российское гуманистическое общество, 2001. С. 103–104.

3. Карчаева С. Х. Дискурсивность научного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2010. 21 с.

4. Копыл Д. А. Современный англоязычный научный дискурс: коммуникативно-прагматический потенциал убеждения: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 26 с.

5. Яхина А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека): автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2008. 24 с.

6. Комиссарова Н. Г., Якупова Д. Р. Оценочность в дискурсе СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 83–87.

7. Клименко К. В. Оценочность как особый приём субъективации и как способ передачи авторской позиции (на материале автобиографических текстов Ю. М. Нагибина) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 215–222.

8. Фроули Д. Астрология провидцев: курс по Ведической астрологии. Американский Институт Ведических Исследований. Ч. III М.: Саттва, 2003. 169 с.

9. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

10. SudarshanaRu. Портал о ведической астрологии и культуре. URL: https://sudarshana.ru/ (дата обращения: 07.06.2025).

УДК 81’42

О. В. Ерохина
Московский государственный лингвистический институт
(Москва, Россия)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ДИАЛОГА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XVI века)

SPIN-код: 8515-7807

Аннотация. В статье на примере английской драмы XVI века описываются характерные особенности реализации глагольных форм в диалоге с учётом литературного направления на указанном синхронном срезе.

Ключевые слова: грамматический комплекс, диалогический модуль, коммуникативный тип.

O. V. Erokhina
Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

GRAMMAR PECULARITIES IN A DIALOGUE (BASED ON XVI CENTURY ENGLISH DRAMA)

Abstract. Based upon the XVI century English drama plays the article presents a set of grammar features of verb forms in a dialogue taking into account the relevant literary types in the drama throughout the given historical period.

Keywords: grammar complex, dialogic module, communicative type.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы оценить роль, которую выполняют грамматические категории, а именно темпоральность, аспектуальность и таксис, в диалоге, установить качественный и количественный состав того комплекса, который они формируют, а также оценить возможность его использования в качестве инструментария для оценки вероятной зависимости индивидуально- авторского выбора набора семантических категорий от литературного направления и социокультурного контекста исследуемого исторического периода. Корпус репрезентантов для данного исследования составлен путём сплошной выборки.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо выполнить следующее:

© Ерохина О. В., 2025

1) провести коммуникативную сегментацию драматического диалога (деление на диалогические модули) и обосновать применение данного подхода;

2) описать композиционное содержание грамматического комплекса с позиций функциональной грамматики;

3) провести анализ коммуникативных типов диалогических модулей в рамках исследуемого корпуса;

4) проанализировать некоторые особенности функциональной семантики грамматических категорий и оценить, насколько та или иная форма является индивидуальным выбором драматурга либо предопределяется литературным направлением в рамках исследуемого синхронного среза.

Корпус данного исследования составили пять пьес английской драматургии XVI века: Дж. Пиль «Суд Париса» (1584 г.), Дж. Лили «Эндимион» (1591 г.), У. Шекспир «Укрощение строптивой» (1592 г.), К. Марлоу «Трагическая история доктора Фауста» (1593 г.), Дж. Чапмен «Слепой нищий из Александрии» (1596 г.).

Прежде чем перейти непосредственно к репрезентации полученных результатов, остановимся на нескольких опорных теоретических принципах, которые учитываются при делении диалогического текста драматического произведения. Ввиду того что драматический диалог относится к осложнённой форме диалогического взаимодействия, до настоящего момента не существует единого подхода к его исследованию, в частности не существует единого метода сегментации диалога на минимальные диалогические составляющие. На наш взгляд, представляется разумным придерживаться комплексного подхода при делении диалогического текста драматического произведения, так как выделение одного фактора при разделении диалога не позволяет составить полноценную картину особенностей диалогического общения в рамках драматического произведения. Таким образом, комплексный подход, разработанный В. Л. Соколовой, по нашему мнению, объединяет ряд лингвистических и паралингвистических параметров. С учётом предложенной лингвистом терминологии мы будем использовать следующие термины:

– диалогический модуль [1, с. 47];

– коммуникативное задание [1, с. 47];

– базовый концепт (тип диалогического модуля, выполняющий определённую коммуникативную задачу) [1, с. 47];

– концептуальные операторы (подтип диалогического модуля) [1, с. 47].

Вышеуказанные параметры используются для анализа структуры отдельного диалогического модуля и оценки способа (-ов) реализации коммуникативной задачи.

Согласно принципам функциональной грамматики А. В. Бондарко, грамматическая основа диалогического модуля представляет собой совокупность таких компонентов, как темпоральность, аспектуальность и таксис, что формирует категориальную ситуацию. Категориальная ситуация является частью концептуальной триады «семантическая категория – функционально-семантическое поле – категориальная ситуация» [2, с. 10]. Как правило, выделяется «основная категориальная ситуация, которая определяет смысл, а остальные элементы высказывания выполняют второстепенную роль и придают высказыванию дополнительные смыслы» [2, с. 324–325].

В рамках исследования проведён анализ репрезентации грамматического многокатегориального комплекса в английском драматическом диалоге XVI в. Результаты анализа сводятся к следующему:

1. Объём диалогического текста в среднем составляет ≈88 тыс. печатных знаков. Хотя все пьесы обозначаются как пятиактные или представлены отдельными сценами, хотя они близки хронологически и большинство принадлежит к одному жанру (комедии), их объёмы значительно различаются: тексты Шекспира и Лили в два раза больше по объёму, чем тексты Пиля и Чапмена (ср. ≈120 тыс. печатных знаков и ≈57 тыс. печатных знаков соответственно).

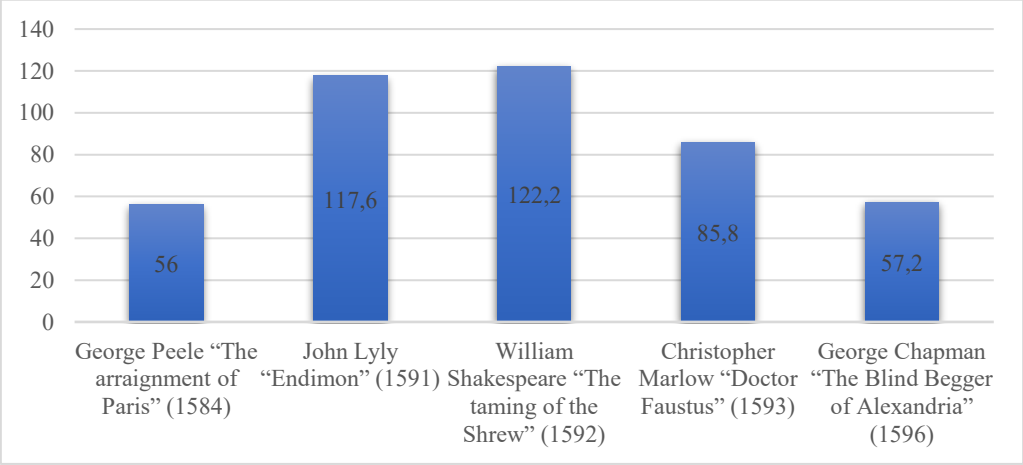

Рис. 1. Объём диалогического текста (в тыс. п. з.)

2. Рост общего количества диалогических модулей в основном соответствует увеличению объёма текста (например, от 65 до 125). Некоторое несоответствие наблюдается в пьесе Лили: на больший объём диалогического текста приходится меньшее количество диалогических модулей. Частотность базовых и смешанных типов диалогических модулей определяется авторским выбором и драматургическими задачами.

3. При сопоставлении базовых и смешанных коммуникативных типов диалогических модулей отмечается доминирование базовых типов (≈84%). Исключение составляет пьеса Дж. Пиля, где наблюдается 100% наличие базовых диалогических модулей.

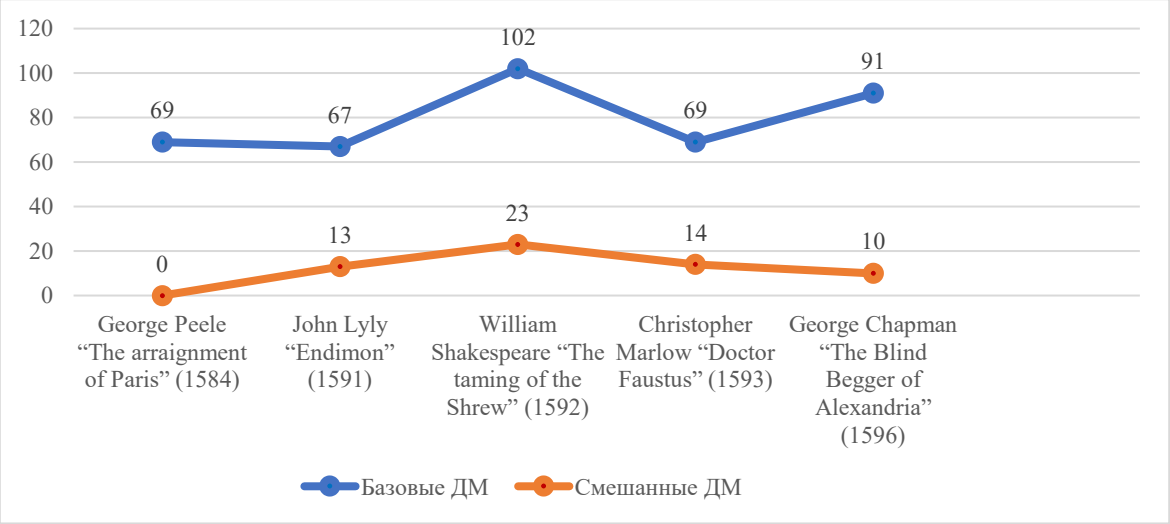

Рис. 2. Соотношение базовых и смешанных типов диалогических модулей (в рамках отобранного корпуса)

4. Доминирующие базовые типы диалогических модулей – «сообщение информации» и «побуждение к действию».

5. Среди концептуальных операторов (подтипов диалогических модулей) наиболее часто встречаются следующие: экспликация, согласование действий с собеседником, стремление изменить эмоциональное состояние собеседника и выражение мнения.

6. Общее количество глагольных форм индикатива в XVI веке в целом отражает объём диалогического текста.

7. Доминирующие глагольные формы – недлительные неперфектные формы настоящего, прошедшего и будущего времени, где наблюдается значительное преимущество форм настоящего и прошедшего времени (68% и 19% соответственно), при этом формы будущего времени встречаются значительно реже (13%). Примерно 92% форм относятся к категории темпоральности, при этом параметры аспектуальности редко выражаются формами Present и Past Continuous (до 1%). В некоторых произведениях вообще не используются формы Continuous. Драматурги чаще используют формы Present Common, например, для выражения длительного действия в настоящем времени (до 35% случаев). Категория таксиса выражается в основном формами Present Perfect (около 8–10% употребленных глагольных форм). Сложные формы Perfect Continuous отсутствуют.

В итоге многокомпонентный комплекс драматического диалога в пьесах английских авторов XVI века главным образом реализуется посредством категории темпоральности, аспектные признаки выражены незначительно. На исследуемом синхроническом срезе диалогическое взаимодействие осуществляется преимущественно в двух временны́х планах (настоящем и прошедшем) с существенным отставанием будущего. На основании проведённого анализа особенностей литературного направления, которому принадлежат отобранные художественные произведения, и принципов функциональной семантики в диалогическом взаимодействии в драме

можно предположить существование взаимозависимости между авторскими особенностями создания драматического диалога в рамках произведения, выбором грамматических форм и их функциональной семантики, а также принципами развития соответствующего литературного жанра [3, с. 47].

Литература

1. Соколова В. Л. Коммуникативная структура англоязычного художественного диалога: дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 250 с.

2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале рус. яз. / Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 736 с.

3. Ерохина О. В. Функциональная семантика поликатегориального комплекса в драматическом диалоге (на материале английской драматургии XIX в.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4 (885). С. 45–51.

УДК 81’367.63

Е. В. Карпова
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПЕРАТИВНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ

SPIN-код: 7870-0917

Аннотация. Статья посвящена императивным междометиям со значением требования молчания, тишины. На материале анализа междометия *тсс* выявляются частные функции единиц группы, условия их реализации.

Ключевые слова: междометие, функциональная грамматика, функция-потенция, функция-реализация, контекст.

E. V. Karpova
Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

FUNCTIONAL POTENTIAL OF IMPERATIVE INTERJECTIONS

Abstract. The article is devoted to imperative interjections with the meaning of the requirement of silence, quietness. On the basis of the analysis of the interjection *tss*, private functions of the units of the group, conditions of their implementation are revealed.

Keywords: interjection, functional grammar, function-potency, function-realization, context.

Современный подход к изучению лингвистических объектов характеризуется апелляцией к разноаспектным знаниям для решения задач разностороннего их описания. Уточнение системных характеристик единиц языка, выявление репертуара их частных функций, определение контекстных условий реализации функционального потенциала расширяют представления о самих языковых единицах и об определённых типах речи, характеризующихся активным их употреблением. Функциональный подход в лингвистике позволяет решить данные задачи с опорой на ряд базовых понятий, таких как «функция» и «среда». При этом функции разделяются на изначально заложенные в системе языка функции-потенции и реализующиеся при определённых условиях функции-реализации, а под средой понимаются элементы (от лексических значений до характеристик определённого дискурса), во взаимодействии с которыми реализуется потенциал объекта [1, с. 4].

© Карпова Е. В., 2025

Междометия представляют собой языковые единицы, обладающие специфическими характеристиками и функциями. Функциональный потенциал междометий до настоящего времени остаётся актуальным объектом исследований ([2], [3], [4] и мн. др.).

Определяемое отсутствием номинативной функции отличие междометий от знаменательных частей речи и отсутствие системных синтаксических характеристик, свойственных служебным, даёт основание для включения их в особую группу, именуемую сентиментивным классом [4, с. 413]. Связь с эмоциональной сферой языка обусловливает их основную семантическую функцию – выражение эмоциональной реакции; данная функция свойственна практически всему классу междометных слов и выражений при наличии внутренней их классификации. Дистрибутивные характеристики междометий, нередко имеющих разговорный характер, связаны с таким параметром коммуникации, как степень официальности, и ограничивают сферу взаимодействия неофициальным общением. Особую группу междометий представляют собой императивные, или волитивные, междометия, выражающие волеизъявление, реализующие конативную функцию (по определениям в исследованиях коммуникативно-прагматической направленности [2, с. 30]), обладающие большим (более того, наибольшим среди частей речи) персуазивным потенциалом [4, с. 413]. Призывы и команды, обращённые к живым существам, представляют собой наиболее общую формулировку семантической функции данной группы, внутри неё выделяются побуждения к осуществлению или прекращению каких-либо действий, побуждения к отклику, призывы о помощи и т.д.

Интересным объектом в ряду волитивных междометий представляются единицы с семантической функцией «требование тишины, внимания, согласия». «Русская грамматика» объединяет в данном ряду междометия *тш, тсс, ш-ш, чш, чу* и *чур* (отдельно от приведённого ряда в классификации по семантическим функциям упоминается также *цс*) [5, с. 734]. Междометие *тсс* характеризуется, наряду с *тш*, *цс* и *ш-ш*, как единица ограниченного круга непервообразных междометий, соотносимых с наречиями (в данном случае – с наречием *тише*) [5, с. 732]. Состав группы отчасти определяется фонетической вариативностью междометий и по-разному отражён в словарях. Так, «Толковый словарь русского языка» содержит описание четырёх из них (*тсс*, *ш-ш*, *чу* и *чур*) [6], словарь структурных слов – трёх (*тсс, ш-ш* и *чш*) [7] и т. д. При этом толкования мало отличаются друг от друга и сводимы за некоторыми исключениями к требованию тишины, молчания. Вместе с тем необходимость дифференциации частных семантических функций отражается в лексикографическом описании рассматриваемой группы междометий, что подтверждается, в частности, данными идеографического словаря, включающего употребление единицы подраздела «Молчание» в раздел «Тайна. Молчание» [8]. Наблюдения над системным описанием и поведением в речи волютивных междометий со значением требования тишины, молчания позволяют говорить о существовании

некоторых лакун и возможности уточнения, расширения их семантических функций. Рассмотрим потенциал подобных междометий на примере одного из элементов группы – междометия *тсс*.

Требование молчания ситуативно обусловлено и может быть связано, как показывает материал, как минимум с двумя частными интенциями говорящего. С одной стороны, речь идёт о выражении модальности необходимости прекращения шума как раздражающего фактора (способного помешать чьему-то покою, отдыху, напугать кого-то и т. п.), с другой – о необходимости ограничения доступа к информации, о сохранении тайны, секрета. Сравним:

1) *Да, это не Филармония, где музыку слушают, затаив дыхание, не решаясь пошевелиться, чтобы не нарваться на сердитое: «**Тс-с**!»* (Н. Ф. Новиков. Дневник) [9];

2) *В тот день на катке Хвола открыла мне тайну. О том, что она посещает исторический кружок и — «только **тс-с-с**, поклянись, что никому ни слова!..»* (Б. Е. Клетинич. Моё частное бессмертие) [9].

Представленные иллюстрации имеют общие характеристики: междометие *тсс* и в том, и в другом случае выражает семантику императивности (требование тишины, молчания), контекст допускает включение внешне одинакового жестового сопровождения – в обоих случаях возможно использование характерного жеста призыва к молчанию.

Различия употребления рассматриваемой единицы в речи заключаются в названных частных интенциях субъекта речи и шире – в характеристиках ситуации, а также в условиях контекста – языковых средствах, поддерживающих соответствующую ситуации семантику междометия.

Ситуация, в которой имеет место употребление междометий со значением требования тишины, молчания, во втором случае (пример 2) характеризуется, как представляется, спецификой прежде всего темы обсуждения и языковых средств её выражения. Тема так или иначе связана с секретом, тайной, то есть представляет собой информацию, не предназначенную для разглашения (которое может иметь негативные последствия), – закрытую информацию. Передача такого рода информации может исходить от владеющего ею и адекватно оценивающего её «закрытый» статус участника коммуникации и сопровождаться специальными маркерами, соответствующими комментариями, как это происходит в примере (2). Закрытая информация может исходить от человека, не оценивающего «закрытый» статус информации адекватно (не знающего об этом или не согласного с данным статусом, не считающего ситуацию опасной для сохранения информации в секрете), ведущего себя недостаточно осторожно с точки зрения его собеседника. Иными словами, существуют разновидности ситуации, связанные с наличием / отсутствием намерения передачи закрытой информации при адекватной оценке её статуса и ситуации общения.

Характеристики ситуации передачи закрытой информации и определяют появление языковых средств – междометий со значением требования

тишины, молчания вообще и междометия *тсс* в частности, особенности их позиции, вербального и невербального окружения.

Разновидности ситуации передачи закрытой информации играют существенную роль в реализации междометных функций и позиции междометий в составе высказывания. Употребление междометия в случае непреднамеренной передачи закрытой информации естественным образом характеризуется постпозицией по отношению к сообщаемому:

*«Алик, соблюдение законов погубит большевиков!» — «**Тс-с**!»* (Ирина Прусс. Легенда пушкинской площади) [9].

В данном случае наблюдается естественная реакция собеседника на нежелательное разглашение секрета, и междометие характеризуется эмотивностью. Наличие намерения передачи закрытой информации при адекватной оценке её статуса и ситуации общения допускает вариативность позиции междометия по отношению к сообщаемому. Однако в этом случае доминирующей остается прагматическая функция оценки информации, контроля над её распространением.

Как показывает материал, для употребления междометия *тсс* как сигнала передачи закрытой информации и необходимости сохранения её в секрете (пример 2) характерно использование частицы *только* в императивном употреблении – для выражения угрозы, предостережения [7, с. 349]. Нередко использование междометия сопровождает запрос на выполнение требования, связанный со спецификой передаваемой в сообщении информации и необходимостью сохранения её в секрете (напр., *поклянись…*), аргументация в виде характеристики самой информации:

Тс-с, *это секрет*… (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч) [9].

Использование междометия *тсс* как маркера закрытой информации предполагает намеренное ограничение субъектом речи круга получателей информации. При этом репрезентация адресации может иметь в более широком контексте выражение общей референции: ***никому*** *не слова*; может конкретизировать круг людей, для которых информация является закрытой, напр., *только не говори* ***сестре.*** Однако не всегда ограничение адресации представлено эксплицитно: ситуация передачи закрытой информации сама по себе предполагает определённые представления о запрете на её распространение (см., например, [10, с. 26]). Очевидно, что рассматриваемая единица не столько реализует запрет на ограничение характеристик звучания, сколько предупреждает от распространения закрытой информации: опасность подслушивания её третьими лицами может отсутствовать.

Невербальный контекст также требует комментария по причине отличия набора характеристик невербального поведения в случае реализации функции маркера закрытой информации. Анализируемая единица в описаниях русских жестов рассматривается как звуковое сопровождение к коммуникативной, намеренно передаваемой диалогичной кинеме ‘приложить палец к губам’. При этом в первом значении жеста (соответствующего примеру 1) описание жеста сопровождается комментарием о

произнесении звукового сопровождения шёпотом, тогда как во втором словарное описание не содержит указания на подобную просодическую характеристику [11, с. 122]. Представляется, что это позволяет с определённой долей относительности связать заданные в наименовании рассматриваемой группы волитивных междометий интенции междометия с разными частными функциями: с требованием тишины (как отсутствия громких звуков) и требованием молчания (как неразглашения закрытой информации). В последнем случае невербальное поведение в описании ситуации передачи закрытой информации связано, как правило, с попыткой ограничения круга адресатов. Речь идёт о визуальном контроле за невозможностью получения информации сторонними лицами (говорящий оборачивается, оглядывается, осматривается и т. д.), эмоциональной реакции на гипотетическую возможность этого получения (говорящий пугается неосторожно, с его точки зрения, произнесённых слов); не исключается и понижение тона:

Тс-с-с! — *оборачиваясь, испуганно зашипел Борька и прижал к губам указательный палец.* (А. Иванов. Комьюнити) [9].

Таким образом, функциональный, в частности персуазивный, потенциал группы императивных междометий раскрывается в частных семантических функциях. Группа междометий со значением требования тишины, молчания способна реализовывать частные, ситуативно обусловленные, функции. Одна из них связана с требованием тишины, прекращения шума как раздражающего фактора, другая – с необходимостью ограничения доступа к секретной информации. Реализация последней функции связана с более сложной ситуацией, предполагающей определённые отношения между коммуникантами, специфический характер содержания сообщения, оценку адресантом и адресатом статуса сообщения как закрытой информации и степень готовности к сохранению этого статуса. Следовательно, рассматриваемая единица – междометие *тсс* как элемент группы императивных междометий – может выполнять семантическую функцию требования молчания, тишины в связи с запретом на распространение передаваемого сообщения и выступать в роли маркера закрытой информации.

Литература

1. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII-ой Международной конференции (под ред. Е. И. Дибровой): сборник. М.: СпортАкадемПресс. М., 2001. Т. 1. С. 4–13.

2. Мамушкина С. Ю. Коммуникативные функции междометия // Научен вектор на Балканите. 2020. Т. 4. № 2(8). С. 29–32.

3. Нагорный И. А. Функционально-экспрессивный потенциал эмотивных междометий в текстовом диалоге (на материале рассказов В. М. Шукшина) // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 91–101.

4. Середа Е. В. Реализация персуазивного потенциала сентиметивных частей речи в публицистическом и художественном тексте // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 412–415.

5. Кручинина И. Н. Междометие // Русская грамматика 1980. Т. 1. М.: Наука, 1980. С. 732–736.

6. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.

7. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Ок. 1200 единиц / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва и др.; под. Ред. В. В. Морковкина. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 421 с.

8. Русский идеографический словарь / Ред. Н. Ю. Шведова. URL: https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485 (дата обращения: 21.07.2025).

9. Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 14.07.2024).

10. Крейдлин Г. Е., Козеренко А. Д. Фразеология молчания: *держать язык за зубами* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 21–36.

11. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М. – Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с.

УДК 81

Б. Дж. Кокова[1], Л. Дж. Кокова[2]
[1]Северо-Кавказский государственный институт искусств (Нальчик, Россия)
[2]Кабардино –Балкарский госуниверситет им. Х. М. Бербекова (Нальчик, Россия)

АПЕЛЛЯТИВ *ЛУГ* В СЛАВЯНСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Аннотация. Исследование является попыткой не только рассмотреть апеллятив *луг* в ономастическом аспекте (как топоним, антропоним, мифоним), но и проследить историю и этимологию этого слова в разных славянских языках. Историко-этимологическая характеристика позволяет выявить как историю его бытования, так и уникальные славянские фонетические особенности формирования его производных лексем.
Ключевые слова: апеллятив, оним, топоним, антропоним, мифоним.

B. J. Kokova[1], L. J. Kokova[2]
[1]North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Russia)
[2]Kabardino–Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Nalchik, Russia)

THE APPELLATIVE *ЛУГ* IN SLAVIC ONOMASTICS

Abstract. The study is an attempt to examine the appellative *луг* not only in the onomastic aspect (as a toponym, anthroponym, and mythonym), but also to trace the history and etymology of this word in different Slavic languages. The historical and etymological analysis allows us to identify both the history of its use and the unique Slavic phonetic features of the formation of its derived lexemes.
Keywords: appellative, onym, toponym, anthroponym, mythonym.

Апеллятив *луг* в славянских языках имеет древнейшее происхождение, обусловленное особенностями ландшафта мест проживания славянских племён в древности и славянских народов в настоящее время.

В. И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» даёт следующее толкование слова: «Лугъ … травная земля, покосъ, пастбище,пожня, пажить; мелкотравная (не болотистая, не бурьянистая) равнина… Въ пѣснѣ: Во лузяхъ, Волка въ плугъ, а онъ въ *лугъ»* [1, с. 271].

© Кокова Б. Дж., Кокова Л. Дж., 2025

Апеллятив *луг*, видимо, нашёл отражение и в названии западнославянского народа *лужичане*, или *серболужичане*, в том числе и в наименовании их языков – *верхнелужицкого* и *нижнелужицкого*.

Производные от апеллятива *луг* онимы представлены в следующих разделах ономастики: топонимы (*Лугань, Луганск* и под.), антропонимы (*Луганский, Лужков* и под.), мифонимы (*Луговой*).

В словаре И. И. Срезневского слово *луг* представлено в форме *лѫгъ*:

– лѣсъ, дубрава: – лоугъ нарицаѥтьсѧ раи, а ограды мѣста раиска (Изб. д. 1300 г. (Іо. Злат. толк.ис.);

– болото: – В лузѣ подлѣ рѣку. Исх.II 3 по сп. XIVв.;

– низменное мѣсто, заливной лугъ, лугъ: – Придоша Киеву и сташа шатры противу Кыеву по лугови. Лавр. летопись 6659 г. [2, с. 50].

А. Преображенский приводит следующие список слов, связанных с апеллятивом *луг*:

«*лѣсъ на низменности*»; *луговина – пастбище; лугарь – разбойникъ, скрывавшийся въ степныхъ лѣсахъ;*

сл. лѫгъ – лѣсъ на низкомъ мѣстѣ;

luh – низкое болотистое мѣсто, *palouh – поляна, лужокъ (незаливной*).

Следующие толкования представляются А. Преображенскому спорными: «Не совѣсмъ ясно. Brьckner относитъ къ одной группе съ лука**,** пол. laka *лугъ, долина* и *лужа.* Горяевъ пытается соединить с лѧгѫ (лечь). Это едва ли. Другие сравнивают: лит. laьkas *поле*, лат. lьcus *роща*, сскр. lokas *сободное пространство.* Не вполне соответствуют в звуковом отношении» [3, с. 474].

М. Фасмер приводит наиболее полный сравнительный этимологический ряд апеллятива *луг* в славянских языках: «…укр. *луг,* ст.-слав. *лѫгъ, лѫжьнъ*, болг. *лъг(ът)* «ровное, низкое место под небольшим лесом, роща, кустарник, луг», сербохорв. *лу̑г* … «лес в низине, тростник, камыши», словен. *ло̑g* «лес на низком месте», польск. *łag, łęg* «топь, болото, лес на болоте, болотистый луг», в.-луж. *łuh*, н.-луж. «травянистое болото» [4, с. 527].

Среди топонимов от апеллятива *луг* самым известным является наименование города *Луганск*, расположенного на реке *Лугань* (разг. – *Луганка*), – столицы ЛНР.

Город *Луганск* основан в 1795–1796 гг. согласно правительственному указу Екатерины II «Об устроении литейного дела в Донецком уезде при реке Лугани»: «Возникшее при заводе селение получило Луганск по расположению на р. Лугань; гидроним от термина луг. Селение утверждено городом в 1882 году» [5, с. 167]. В 1935 году город переименован в Ворошиловград в честь советского партийного и военного деятеля К. Е. Ворошилова. Примечательно, что это название город получал дважды. В 1957 году согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР населённым пунктам было запрещено присваивать имена государственных деятелей при их жизни. Так, в 1958 году городу было возвращено историческое

название Луганск. В 1970 году, после смерти К. Е. Ворошилова, город опять стал Ворошиловградом. В 1990 году Луганску было возвращено историческое название. В топонимике такая ротация одних и те же названий происходит нечасто. Река Луганка протекает по самому старому району Луганска – Каменному броду.

Город в Ленинградской области носит название *Луга*: «Название дано по реке Луге, на которой стоит город, и не имеет никакой связи со словом луг – «пространство земли, покрытое травянистой растительностью; сенокосное ли пастбищное угодье» [6, с. 192]. По мнению. А. И. Попова, «в основе лежит какое-то неизвестное слово, соответствующе эстон. *laugas* … «углубление, яма», «отверстие», «лужа», финск. *laukka* – «отверстие; отверстие для ловли лососей», «ворота». Возможно, *Луга* – «река, где ставили заграждения, запруду с отверстием для ловли лососей» [7, с. 86–87]. В. А. Никонов связывал этимологию топонима *Луга* с «эстон. lauxaan «топкий, трясинный». Связь с рус. луг безусловно невозможна» [8, с. 242].

Примечательно существование созвучного топонима *Лугано* – города в Швейцарии на берегу одноименного озера, название которого «из гаальск. Lakvannos ‘приозёрные жители’» [8, с. 242].

Одна из улиц Санкт-Петербурга носит название *Лужская*: «Эта улица в Калининском районе получила свое имя 27 июля 1970 года. Как указано в решении Ленгорисполкома, «в честь Луги» [9, с. 359]. Важно отметить, что она входила в состав петербуржского микротопонима ГДР, то есть Гражданка Дальше Ручья (Лужская, Киришская и Токсовская улицы). Топоним ГДР перекликается с названием Германской Демократической Республики, существовавшей с 1949 по 1990 гг.

Жители Луги – *лужане*, Луганска – *луганчане* или *луганцы*. В первом случае это результат так называемой первой палатализации согласных звуков: «В палеославистике под палатализациями традиционно понимают праславянские изменения («переходы») заднеязычных (велярных) согласных *k, *g, *x в мягкие шипящие и свистящие согласные перед и после гласных переднего ряда» [10, с. 126].

Апеллятивы *луг* и *лужок* вошли в состав не только топонимов, но и антропонимов. В антропонимике слово *луг* представлено не очень широко, но достаточно интересно. В фундаментальном труде Б. О. Унбегауна «Русские фамилии» антропонимы с апеллятивом *луг* не представлены в классификации основных групп фамилий, но дважды упоминаются как псевдонимы известных людей:

«А. Луговой вместо А. А. Тихонов» [11, с. 186] – псевдоним русского писателя-беллетриста; «Казак Луганский вместо датской фамилии известного лексикографа В. Даля» [11, с. 187].

В антропонимике, кроме фамилий, апеллятив *луг* стал основой для образования прозвищ:

«Лужок. Фам. Юрий Михайлович Лужков» [12, с. 680]; «Лужкарлеоне шутл.-иронич. Юрий Михайлович Лужков» [13, с. 680]: «Прозвище

образовано контаминацией фамилий Лужков и Карлеоне. Карлеоне – персонаж романа Марио Пьюзо «Крёстный отец» и фильма о семействе Карлеоне» [13, с. 338].

Апеллятив *луг* нашёл применение и при формировании мифонимов. В славянской мифологии *Луговой,* или *луговичок,* – маленький зелёный человечек, обитающий в норах и помогающий людям во время сенокоса: «Однако, если косари запаздывают с покосом, он сердится и гонит траву в буйный рост; заплетает травы так, что коса путается в них и не может срезать…» [14, с. 334].

Представленный в статье материал является лишь небольшой частью анализа апеллятива *луг* в славянской ономастике. Дальнейшие исследования предполагают анализ других «ландшафтных» апеллятивов и их составляющих в славянских и неславянских онимах.

Литература

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: ГИС, 1956. 779 с.

2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1895. 1802 с.

3. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1910–1914. 677 с.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967. 671 с.

5. Поспелов Е. М. Топонимический словарь. М.: Астрель: АСТ, 2005. 229 с.

6. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. 416 с.

7. Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. СПб.: Ленанд, 2021. 208 с.

8. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.

9. Владимирович А. Г., Ерофеев А. Петербург в названиях улиц. Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009. 752 с.

10. Аверина С. А., Навтанович Л. М., Попов М. Б. Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 448 с.

11. Унбегаун Б. О. Русские фамилии (перевод с английского). М.: Прогресс. 1989. 443 с.

12. Волкова Н. А. Прозвище как активный компонент лексико-семантической группы «наименование лица» в современном русском жаргоне // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе:

Сб. докладов междунар. науч. конф. (Магнитогорск 12–14 нояб. 2003 г.). Магнитогорск: Магнитогор. гос. ун-т, 2003. С. 675–681.

13. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 704 с.

14. Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО Русские словари, 2003. 624 с.

УДК 811.161.1’42

И. А. Кузнецов
Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева (Москва, Россия)

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ПСЕВДОИМПЕРАТИВЫ КАК МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОГО ФАТИЧЕСКОГО РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

SPIN-код: 4236-0979

Аннотация. В работе рассматриваются метаязыковые употребления некоторых русских псевдоимперативных конструкций типа *поговори у меня / мне, скажи ещё / ещё скажи, не скажи* и под. Показано, что при использовании в фатическом диалогическом общении эти конструкции выступают в роли конфликтогенных маркеров.

Ключевые слова: фатическое речевое общение, конфликтная коммуникация, псевдоимперативы, метаязыковые употребления, русская диалогическая речь.

I. A. Kuznetsov
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia)

META-LANGUAGE PSEUDO-IMPERATIVES AS MARKERS OF CONFLICT PHATIC SPEECH INTERACTION

Abstract. The paper examines the meta-lianguage uses of some Russian pseudo-imperative constructions such as *pogovori u menya / mne, skazhi yeshche / yeshche skazhi, ne skazhi*, etc. It is shown that when used in phatic dialogic communication, these constructions act as conflict markers.

Keywords: phatic speech interaction, conflict communication, pseudo-imperatives, meta-lianguage, Russian dialogic speech.

В работе обсуждаются очередные результаты предпринятого нами исследования некооперативных разновидностей фатической коммуникации в русской диалогической речи [1]. Теоретической базой исследования выступают идеи и принципы когнитивно-дискурсивного подхода к изучению речевых практик разного типа [2]. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа [3]. Материалом исследования являются контексты, извлечённые из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка [4].

© Кузнецов И. А., 2025

Под фатической стороной речевого взаимодействия традиционно понимают «общение ради общения», т. е. ориентацию коммуникантов в ходе осуществления диалогических интеракций на установление межличностных отношений, зачастую в ущерб информативной стороне коммуникации [5]. Здесь следует отметить, что в область нашего исследования мы также включаем и условно фатические диалоги, в которых фатический компонент не отменяет информативный, но присутствует в фоновой, имплицитной зоне в качестве добавочной информации об условиях ведения диалога, об отношениях коммуникантов друг к другу или к ситуации в целом и пр.

В центре нашего исследования находятся минимальные единицы диалогического общения, которые принято именовать как «диалогические единства» [6]. Прототипической, базовой разновидностью диалогических единств считаются вопросно-ответные диалогические единства, которые и являются непосредственным предметом настоящего исследования.

Вопреки традиционному пониманию, установка собеседников на достижение взаимопонимания не является единственно возможным фактором реализации фатической коммуникации. Межличностные отношения могут складываться и в режиме взаимных претензий, и в этом случае фатика может развиваться в направлении некооперативного, конфликтного речевого взаимодействия, когда ориентация на установление межличностных отношений переходит в установку на «выяснение отношений», часто на повышенных тонах. Именно такие модели конфликтного фатического речевого взаимодействия являются предметом исследовательского внимания в настоящей работе.

Фатические вопросно-ответные диалогические единства в силу своей природы часто организованы посредством устойчивых речевых формул, которые выступают в роли выразителей интенциональной сферы речевого взаимодействия, задают эмоциональный тон, а также отвечают за прагматическую связность интеракций [7]. Особый кластер устойчивых речевых формул составляют так называемые метаязыковые показатели, которые, собственно, и оформляют дискурс [8]. Однако в диалогической фатике их роль гораздо более значима, потому что часто именно они непосредственно «включают» тот или иной модус интеракции, инициируют ту или иную коммуникативную стратегию или тактику. В данной работе мы коснёмся только одной группы метаязыковых показателей, которые так или иначе эксплицируют сам факт приглашения к говорению адресата (или, соответственно, запрета на говорение), но реально, в режиме косвенного речевого акта, выражают совсем иные установки, содержащие элементы вербальной агрессии. Иначе говоря, данные метаязыковые показатели выступают как конфликтогенные маркеры.

В известной работе В. Ю. Апресян в числе распространённых средств имплицитной вербальной агрессии указываются так называемые «псевдоимперативы», которые, употребляясь в форме повелительного наклонения, на самом деле выражают не побуждение к называемому глаголом

действию, а, напротив, либо грубый запрет на его совершение, либо угрозу [8, с. 32–33]. Ср, например, сопровождаемую в устной речи особым интонационным контуром императивную речевую формулу *Попробуй только (сделать X)!*, которая реально означает предостережение, а не побуждение к действию. Наиболее частотны в этом ряду метаязыковые псевдоимперативы, которые эксплицитно представлены формами повелительного наклонения глаголов *говорить / сказать*. В частности, В. Ю. Апресян обращает внимание на агрессивный псевдоимператив *Поговори у меня (тут)*: «Функция императива в этих фразах – не приглашение совершить некоторое действие, а угроза. Говорящий угрожает, что если некоторое действие будет совершено, то он от вербальной агрессии перейдет к агрессивным действиям» [9, с. 33].

В нашей корпусной выборке вопросно-ответных диалогических единств метаязыковой псевдоимператив *Поговори у меня* также представлен достаточно широко и в самых разных контекстах.

– А что, мужики? Если по душам: или вам никому никогда не стыдно было быть человеком русским? Никогда в жизни? // ***Поговори у меня****! – замахнулся старикашка с костылём – костылём и замахнулся* [Сергей Залыгин. Однофамильцы // «Новый мир», 1995];

– Нормалёк, – невозмутимо ответил киллер и закурил, – слушай, Хилый, не гони так! Спешить-то вроде некуда. Слышал поговорку такую: «Не спеши, а то успеешь»? // ***– Поговори у меня****, – просопел бугай, – Пенза ты и есть Пенза. Если спешу – значит, надо* [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)].

Нетрудно видеть, что здесь имеет место определённое противоречие между эксплицитно выраженным приглашением к говорению и имплицитным запретом на продолжение коммуникации посредством угрозы.

Менее распространённым вариантом данной речевой формулы в конфликтных диалогах выступает выражение *Поговори мне ещё*, в котором элемент *ещё* эмоционально усиливает иллокутивную силу угрозы:

– Кто тут мужчина-то? – с презрением спросила Надя. ***Поговори мне ещё****! – прикрикнул на неё Будкин* [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)];

Но послышался голос, пробился, и он тут же схлестнулся с ним, затянул узел: «Шестая? Ты что, языка не вяжешь? Где Хабаров?.. Что ты сказал?» // «Пьяная морда, ***поговори мне ещё****...»* [Олег Павлов. Казённая сказка (1993)].

Возможны также усечённые варианты этой псевдоимперативной речевой формулы с элиминацией компонента *мне*, например:

– В следующий раз застану – голову оторву, хулиганское отродье! А что я тебе сделал, сукиному сыну? – ещё слезливей спросил парень. <...>. // ***– Поговори ещё****! – сказал Александр Семёнович, надвигаясь, и парень опасливо попятился, подняв руку перед лицом* [Б. А. Лавренев. Комендант Пушкин (1936)];

– Чего это дёрнуло на старости лет? // – ***Поговори ещё****! На старости, – передразнил он беззлобно* [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)];

Флегонт остановил игру и изумлённо поглядел на отца. // – Я тебе чем помешал?.. // – А ну, ***поговори ещё****! – угрожающе крикнул Севостьян* [Г. Д. Гребенщиков. По красному зверю (1914)].

Отметим, что все рассмотренные диалоги возможны только в условиях неформальной коммуникации, в разговорной речи. Их объединяет наличие общей инференции – выводного знания об условиях коммуникации или о статусе коммуникантов [10]. В нашем случае можно отметить следующие инференции в речевой зоне отвечающего: ‘твои слова неуместны и не значат для меня ничего, потому что ты ниже меня по статусу и недостоин со мной разговаривать, не имеешь права вообще в данной ситуации мне что-либо говорить’ → ‘если ты будешь продолжать коммуникацию, то тебя ждут негативные последствия’. Это, собственно, и придаёт данным интеракциям статус конфликтогенных, вербально-агрессивных, даже грубых.

Гораздо меньшая степень конфликтогенности характерна для метаязыковых псевдоимперативов с компонентом *скажи / не скажи*. В частности, речевая формула *скажи ещё / ещё скажи* с дальнейшей экспликацией того, что якобы должен был сказать инициатор диалога, в речевой зоне отвечающего реально выражает несогласие отвечающего с возможной, с его точки зрения, позицией инициатора диалога, его неприятие предполагаемой линии развития беседы:

– … А что если на этом тёмном участке записана наша душа, наша судьба? – спросила Софи. // – Не говори глупостей, – поморщился Лёнька. – ***Скажи ещё****,* ***что*** *Пятикнижие записано в генах* [Александр Иличевский. Перс (2009)];

– Но что ты там делал? И зачем соврал мне, что находишься возле дома? // – Ты что, совсем слетела с катушек? ***Скажи ещё****,* ***что*** *я убил эту беззащитную тётку и квартиру её поджёг. За кого ты меня принимаешь?* [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)].

Здесь также можно видеть определённое расхождение между эксплицированным приглашением высказать некую пропозицию и имплицитным упреждающим возражением на эту не высказанную самим инициатором диалога пропозицию:

– Всё равно бросить и пристрелить – это, брат, разные вещи. И зачем ему устраивать террористическую акцию в булочной своей ненаглядной, пусть даже бывшей? А может, Арциева?.. // ***– Скажи ещё****,* ***что*** *его брата как раз она и заказала!* [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)];

– А что случилось, что мной занимается Совет Координации? // –- ***Скажи ещё****,* ***что*** *не знаешь!.. Ты нужен здесь, все остальное – по прибытии* [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)].

Явления подобного рода в исследовании Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева трактуются как использование манипулятивной стратегии *de re*, при

которой говорящий переформулирует позицию оппонента в нужную для себя сторону, вместо стратегии *de dicto*, направленной на объективное изложение позиции собеседника [11].

В более мягкой форме конфликтогенные модели ответного возражения, которое в косвенной форме выражает неприятие вопроса в целом, реализуется в типизированной псевдоимперативной речевой формуле *не скажи*, эксплицирующей запрет инициатору диалога на совершение речевого акта, правда, так сказать, уже post factum:

Bolt*: Сам подумай, где проще подкупить экзаменационную комиссию: в какой-нибудь сельской школе, или в крупном московском ВУЗе, вроде МГТУ или Ломоносовки?* // **general Havoc**: ***Не скажи****. Как раз из-за этого ЕГЭ пишут не у себя в школе, а в другой* [Форум: Ваше отношение к ЕГЭ (2008)] *(орфография, пунктуация и речевое оформление источника сохранены – прим. ред.)*;

– … Может, он маньяк, может, он из психушки сбежал? // – Не похож, – оглянулась Лидия на сарай. // – А какой маньяк на маньяка похож? // – ***Не скажи****. Я вот по телевизору…* [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006];

– И кто же у нас эта мадам? // – Удивляюсь, что ты её не узнал. Это Ведерникова Матрёна Никифоровна. Чем не Грицацуева? // – ***Не скажи****. Бабуля – Божий одуванчик. Что с неё возьмёшь* [Аркадий Мацанов. Бабник // «Ковчег», 2012].

В этих случаях по тем или иным причинам подвергается сомнению уместность или приемлемость вопроса со стороны инициатора диалога:

– … Но ведь ваше окружение знало, что… ну, это не Аня? // – ***Не скажи****, – опять кривая ухмылка искривила губы с прилипшей шелухой. – Когда она на телевидении прозвездила, ни одна собака не догадалась!* [Елена Сафронова. Так проходит слава земная // «Бельские просторы», 2018];

– … А то что ты там видишь у себя под машинами, в яме своей? // – Ну ***не скажи****, – хотел возразить ему Петров, а Игорь уже стоял на обочине и протягивал, голосуя, руку с пакетом* [А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016].

В целом проанализированный материал свидетельствует о существенном богатстве и разнообразии коммуникативно-прагматических возможностей метаязыковых псевдоимперативных устойчивых речевых формул с формами глаголов *говорить / сказать*, выступающих в роли маркеров конфликтной фатической коммуникации. Характерным признаком имплицитного характера выражаемой ими вербальной агрессии является противоречие между эксплицитно выраженным побуждением к говорению и имеющим место реальным запретом или ограничением на порождение ответного речевого акта.

Литература

1. Кузнецов И. А. Национально обусловленные модели конфликтной коммуникации в русских диалогических вопросно-ответных единствах // Активные процессы в современном русском языке: Национальное и интернациональное: Сборник научных статей. М.: Флинта, 2021. С. 338–346.

2. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

3. Радбиль Т. Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. Том 8. № 4. С. 406–420.

4. Национальный корпус русского языка. URL: http: // www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.05.2025)

5. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева; РАН, ИРЯ им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1993. С. 5–29.

6. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 8–17.

7. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.

8. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 304 с.

9. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог – 2003» / Под ред. И. М. Кобозевой, Н. И. Лауфер, В. П. Селегея. М.: Наука, 2003. С. 32–35.

10. Кузнецов И. А. Модели языковой демагогии в русскоязычной фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 1 (69). С. 67–83.

11. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 545 с.

УДК 81’373.48

Ю. Р. Лемешко
Иркутский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации (Иркутск, Россия)

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ЛОЗУНГА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

SPIN-код: 7926-0239

Аннотация. В статье рассматривается роль экстралингвистической ситуации, обеспечивающей воспроизводимость различных моделей лозунгов на конкретном хронологическом отрезке (в синхронии), а также демонстрируется динамика их использования в сопоставительном аспекте (в диахронии).

Ключевые слова: лозунг, модель лозунга, экстралингвистическая ситуация, синхрония, диахрония.

Yu. R. Lemeshko
Irkutsk branch of Moscow State Technical University of Civil Aviation (Irkutsk, Russia)

EXTRALINGUISTIC DETERMINATION OF FUNCTIONING OF SLOGAN MODELS IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

Abstract. The article examines the role of extralinguistic situation in using of various models of slogans in a specific chronological period (in synchrony), and also demonstrates the dynamics of their use in a comparative aspect (in diachrony).

Keywords: slogan, slogan model, extralinguistic situation, synchrony, diachrony.

Лозунги являются своеобразным документом эпохи, поскольку «фактором, определяющим их [лозунгов] речевой облик, является социально-историческая обусловленность» [1, с. 109].

Термин «лозунг» традиционно трактуется как «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политические требования» [2].

Высказывания лозунгового типа отличаются краткостью, экспресси-

© Лемешко Ю. Р., 2025

вностью, явной прагматичностью, автономностью употребления и в то же время необходимой функциональной связью с порождающим их экстралингвистическим контекстом.

Как отмечает большинство исследователей, лозунги функционируют в рамках коммуникативных событий. Они содержат концентрированно сформулированную идею, порождённую определённой экстралингвистической ситуацией. В силу этого обстоятельства лозунги рассматриваются как высказывания, «описывающие некоторую модель реального мира – “желательную” с точки зрения адресанта, как один из “возможных миров”» [3, с. 551].

Исследователи выделяют разные исторические этапы функционирования языка, что отражено в работах [4], [5], [6] и др. С опорой на предложенные в них классификации мы считаем возможным выделить более крупные хронологические отрезки: 1917–1941 гг., 1941–1945 гг., 1945–1985 гг., 1985–1991 гг., 1991–2010 гг., 2010–2025 гг.

Как особый вид письменного текста, лозунг организуется по определённой структурной модели. Лозунги различной структурной организации описываются нами в ряде статей: [7], [8], [9], [10].

Структурная организация лозунгов разнообразна. Сравним: (1) *Берегите воздух!*; (2*) Сохраним мир птиц!*; (3) *Сохранить историю!*; (4) *Социальные завоевания Советской Державы – в жизнь!*; *Все на каток!*; (5) *Мирный атом – это миф!*; (6) *Разум. Воля. Результат.*

Приведённые примеры демонстрируют, что иллокутивная установка выражается различными языковыми средствами – морфологическими и синтаксическими. К первым относятся императив 2 лица, или «императив адресата», (1), императив совместного действия (2), инфинитив (3), предложно-падежные конструкции (4); ко вторым – синтаксические модели простых предложений, например $N_1 – N_1$ (5), цепочки номинативов $N_1 \geq 3$ (6) и другие способы.

При этом одни структурные модели лозунга стабильно воспроизводятся в разные исторические периоды, а другие оказываются непродуктивными на определённом хронологическом отрезке. Чем обусловлены корреляции между типами лозунгов и социально значимыми вехами в истории? Почему одни структурно-семантические модели лозунгов оказываются универсальными, а другие употребляются избирательно или вовсе выходят из употребления?

В данной работе предлагается попытка дать ответ на поставленные вопросы.

Далее рассмотрим корреляцию между типами лозунгов и социально значимыми вехами в истории на примере периода Великой Отечественной войны. В данный период существовала одна идеологическая установка – выстоять в смертельной схватке и победить врага.

Представим распределение типов лозунгов, характерных для этого периода.

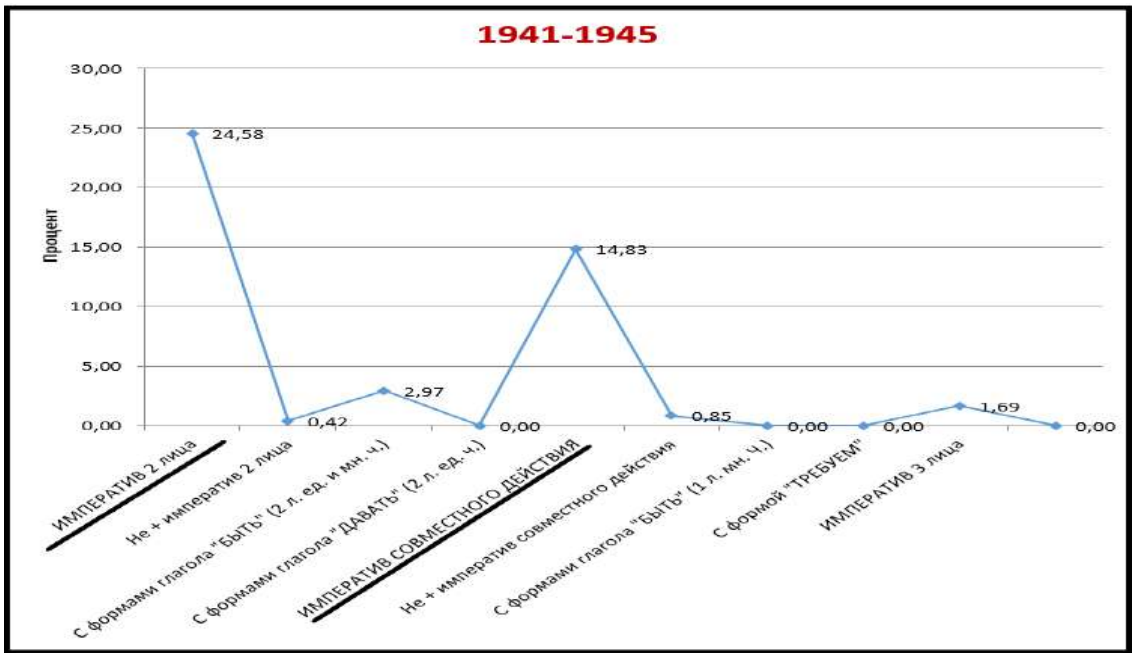

Рис. 1. Лозунги, организованные морфологическими показателями императивности, 1941–1945 гг.

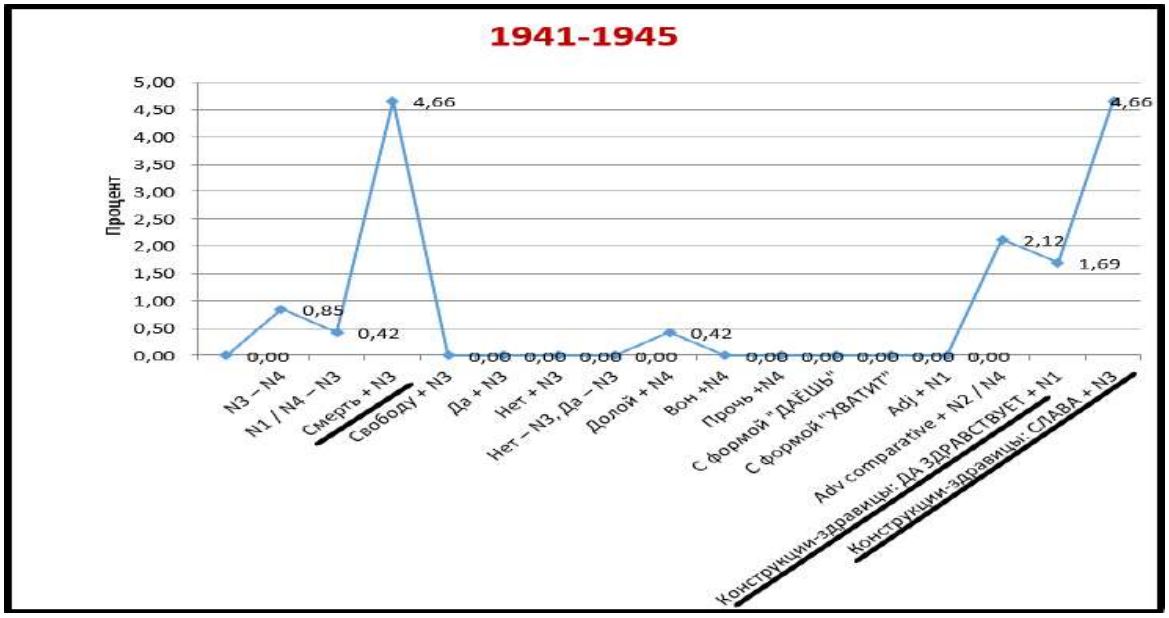

Рис. 2. Лозунги с лексико-синтаксическими показателями, 1941–1945 гг.

В период экстралингвистической ситуации 1941–1945 гг. наиболее употребительными оказываются следующие модели:

– с императивом 2 лица;
– с императивом совместного действия;
– *Смерть + N_3!*;
– конструкции-здравицы *Слава + N_3*;
– конструкции-здравицы *Да здравствует + N_1*.

Актуальность данных моделей лозунга вполне объяснима, поскольку именно данные конструкции отвечают идеологической установке периода 1941–1945 гг. В данной экстралингвистической ситуации необходимо было

давать чёткие указания, что реализуется формой императива 2 лица; важно призвать к совместным усилиям уничтожить врага, что транслируют модели лозунгов с императивом совместного действия и *Смерть + N_3!*; а также укреплять дух советской армии и народа, что осуществляется с помощью конструкций-здравиц.

Любопытно отметить, что в описываемый период из употребления выходит модель императива 2 лица, осложнённая частицей *НЕ*. Представляется, что её исчезновение из лозунговой коммуникации связано с тем, что семантика этой модели – неосуществление действия – не соответствует идеологической установке в условиях войны (≈ ‘воззвание к борьбе против врага ради защиты Родины’ и т. п).

Если рассмотреть лозунги, организованные морфологическим способом, в диахроническом аспекте (см. рис. 3), то увидим, что они актуальны во все рассматриваемые периоды, однако на графике также отчётливо видно, что наивысшего значения данные модели лозунга достигают именно в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и схожий по идеологическим установкам период революции и гражданской войны 1917–1941 гг.

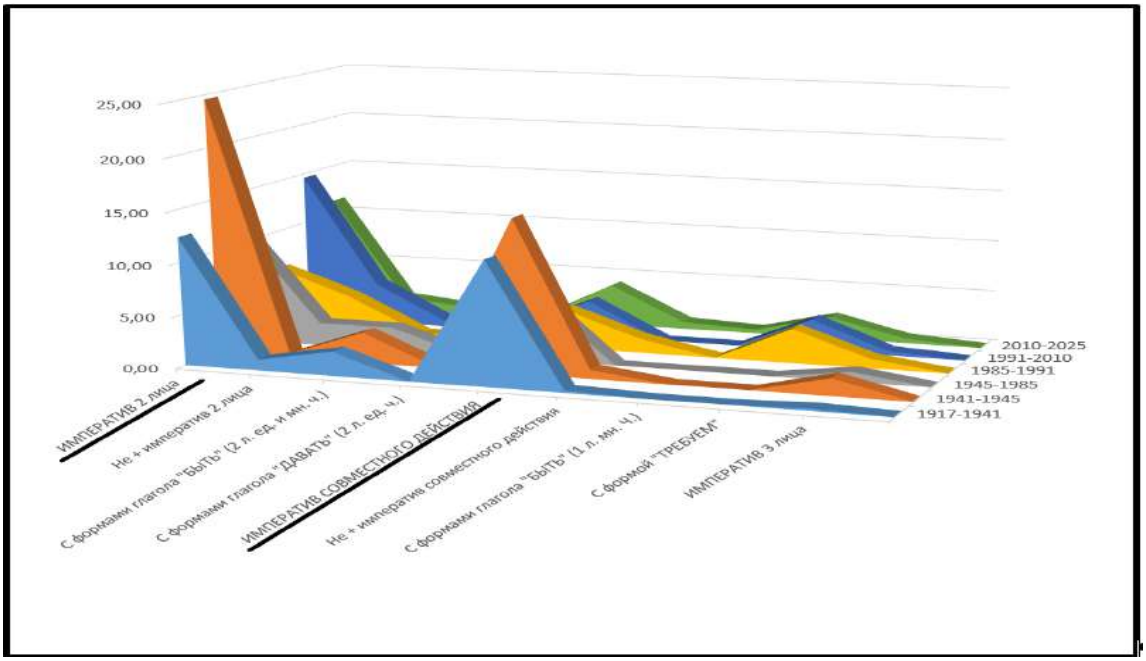

Рис. 3. Лозунги, организованные морфологическими показателями императивности: диахронический аспект

Если изучить график лозунгов с лексико-синтаксическими показателями 1945–1985 гг., то можно заметить, что после войны частотность реализации модели *Смерть + N_3!,* в лозунговой коммуникации сводится к нулю. Но также можно отметить, что резко вырастает показатель продуктивности модели *N_3 – N_4!,* которая была невостребованной в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ср.*: Детям – мирное небо! Молодым – мастерство новаторов! Октябрю – ударный труд!*

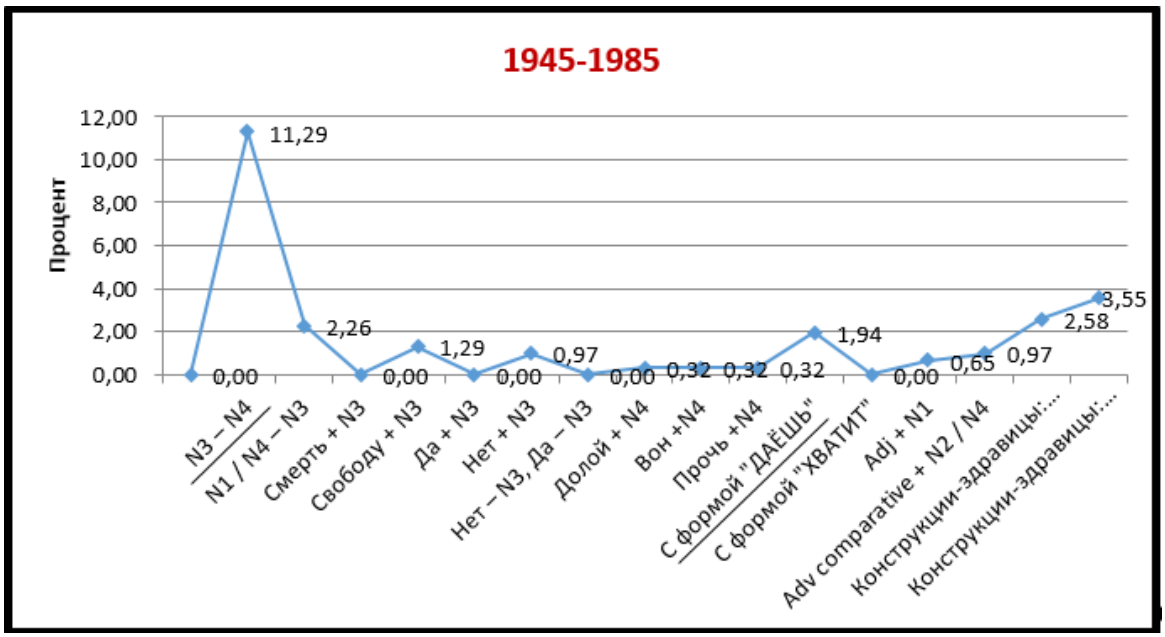

Рис. 4. Лозунги с лексико-синтаксическими показателями, 1945–1985 гг.

Однако в послевоенный период 1945–1985 гг. такие конструкции, как $N_3 – N_4$, конструкции с формой *Даёшь*, становятся востребованными в связи с обозначившейся экстралингвистической ситуацией, «поскольку структурно-семантическая природа данных моделей содержит выражение идеи получения тех необходимых благ, которых люди были лишены во время войны» [9, с. 8].

Таким образом, существует значительная зависимость между выбором модели лозунга и экстралингвистической ситуацией. Предпочтение конкретной модели лозунга часто обусловлено необходимостью транслировать ключевые идеи и цели конкретного момента, будь то победа над врагом, восстановление экономики или социальная реформа.

Литература

1. Ярославцева А. Е. Лозунги нового времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 4 (8). С. 109–115.

2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.

3. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Шк. «Языки рус. культуры»: Кошелев, 1998. С. 542–558.

4. Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного технического университета, 2000. С. 21–42.

5. Ryazanova-Clarke L., Wade T. The Russian Language Today. London, New York, 1999. 371 p.

6. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 143 с.

7. Лемешко Ю. Р. Дискурсивные перформансные формулы как конструкции "в действии". Часть I. морфологический аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 1(39). С. 67–72.

8. Лемешко Ю. Р. Дискурсивные перформансные формулы как конструкции "в действии". Часть II. Синтаксический аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 2(40). С. 113–118.

9. Лемешко Ю. Р., Ташлыкова М. Б. Структурно-семантические модели лозунгов в синхронии и диахронии // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 8(44).

10. Лемешко Ю. Р. Лозунг как «дискурсивная формула»: устойчивость и варьирование // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1(435). С. 90–96.

УДК 82.02/09+82-192

Е. В. Локтевич
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

АВТОРСКАЯ МЕЖСУБЪЕКТНОСТЬ В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДРАМ-Н-БЕЙС ГРУППЫ «НЕЙРОМОНАХ ФЕОФАН»

SPIN-код: 9656-8211

Аннотация. В статье рассматривается субъектная организация современной песенной поэзии, маркированная постпостмодернистскими стратегиями воплощения авторского сознания. Дифференциация биографического автора, медийного автора, собственно автора, лирического субъекта и нейросубъекта осуществляется в фокусе эпохальной интерпеллятивности.

Ключевые слова: песенная поэзия, субъектная организация, автор, нейросубъект, карнавализация.

E. V. Loktevich
Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

THE AUTHOR'S INTERSUBJECTIVITY IN THE SONG LYRICS OF THE MODERN RUSSIAN DRUM-N-BASE GROUP «NEUROMONK FEOFAN»

Abstract. The article examines the subjective organization of modern song poetry, marked by post-postmodern strategies for embodying the author's consciousness. The differentiation of the biographical author, the media author, the author himself, the lyrical subject and the neural subject is carried out in the focus of epochal interpellationality.

Keywords: song poetry, subject organization, author, neurosubject, carnivalization.

Современная российская песенная поэзия создаётся и функционирует на границе устной традиции, цифромодернистских знаково-словесных интенций, аудиовизуальной репрезентации, стратегической медиатизации и перформансивной графики, что в совокупности актуализирует проблему выявления и описания авторского сознания как субъектно-объектного механизма художественной коммуникации. Репрезентативным примером в фокусе обозначенных тенденций выступает, по нашему мнению, песенное

© Локтевич Е. В., 2025

творчество музыкального проекта «Нейромонах Феофан» (далее – НМФ), что подтверждается синтезом (нео)фольклорной стилистики, электронной музыки (драм-н-бейс) и карнавальной эстетики, который требует переосмысления традиционных представлений о категории автора в контексте цифромодернизма. Отметим, что НМФ, по нашему мнению, имеет все признаки музыкальной группы с приметами оригинальной песенной поэзии, а не проекта (наличие «тотального» автора и нескольких постоянных участников, продолжительный характер функционирования (с 2009 г.), коллективная медиапрезентация, художественно-символическое значение вербального текста и др.), и в этой связи далее мы будем рассматривать этот коллектив именно как группу. Думается, что именно активность фронтмена группы Олега Степанова, создавшего ряд успешных проектов («Пневмослон», «KOSHI»), и утвердила в медиасреде видение НМФ как проекта.

Прежде всего подчеркнём, что феномен фольклоризма в творчестве НМФ не сводится к механической стилизации. Г. Г. Поддубная замечает, что музыкальный фольклор – это «витальная по сути и текучая во времени» система, «феномен экстравертный по своей природе, направленный на постоянное развитие» [1, с. 90]. В текстах НМФ [2] архаичные формулы (*надо поле притоптать*, *можно зело заскучать*) и аудиальные повторы (*ать, ать, ать, ать, ать*), анафоры (*эх*, *рубить*, *кидать*), эпифоры (*топором*) и рефрены (*так и знай*, *а сейчас хочу в пляс!*), однородные глагольные рифмы (*щекотать – хохотать*, *поймать – притоптать*, *накосил – растопил*) согласуются с ритмикой драм-н-бейса и указывают на творческое переосмысление «собственно автором» (термин Б. О. Кормана) синкретической песенной традиции. Выявленная тенденция – свидетельство акцентуации авторского сознания на художественном видении современной трактовки словесной «моды» как «зримого воплощения немотивированной новизны», при которой «традиционность сама является… экстравагантной формой отрицания экстравагантности» [3, с. 74]. *Балалайка, изба, посох* и *медведь* в вербальных субтекстах НМФ – это не фольклорные аллюзии, а семиотические маркеры «непрерывного процесса превращения незначимого в значимое» [3, с. 74]. Природу такого художественного преобразования точно определил В. Ф. Асмус: «Вымысел – неустранимая и плодотворная категория образного, художественного мышления», это сфера, в которой «“неадекватность” художественной фикции по отношению к действительности может – при известных условиях – приобретать остроту и значение подлинно диалектического “познания”» [4, с. 33–34]. Постпостмодернизм успешно модифицирует классические формы художественности в условиях эпохальной интерпеллятивности, продуцирует новые контексты карнавального бытия творческого сознания.

По нашему мнению, концепция карнавализации позволяет лучше «подсветить» некоторые приметы динамики субъектной организации песенных текстов НМФ. Карнавал актуализирует взаимозаменяемый и уравнивающий типы субъектной организации и, согласно воззрениям

М. М. Бахтина, разрушает иерархическую последовательность, создавая «мир без дистанций» [5, с. 137], в котором амбивалентность (*хвала–брань, жизнь–смерть*), «отсутствие завершённости» и «отрицание односторонней серьёзности» [5, с. 378] становятся коммуникативной стратегией обновления. В песне «Холодно в лесу» [2] (*Попляшу-ка драм-н-бейсу, / Ведь холодно в лесу*) коллективное страдание (*очень лютая зима*) сменяется страданием индивидуальным (*а в моём лесу так и подавно*) и далее трансформируется в экстатический танец (*весело пляшу, да начинаю петь*), воплощая «своеобразную логику “обратности”, образность “наизнанку”» [6, с. 141], характерную для карнавала. Семантический потенциал понятия «карнавализация» сегодня выходит «за пределы области литературной критики» [7, с. 63] и становится инструментом формирования новых бытийных хронотопов: *«Согреваюсь я, пою и пляшу, / И домой в тепло да поскорей спешу. / Как придёт нужда, выйду на мороз, / Песню я тогда да затяну и в пляс»* [2]. Перформансы-челленджи НМФ, позволяющие публике участвовать в слэме под квазинародные напевы, в полной мере иллюстрируют данный тезис. Современное прочтение карнавала требует учёта контекста изменчивого жизненного мира, который, считает И. М. Дзялошинский, заставляет человека «постоянно контролировать внешнюю среду и успевать менять способы жизни» [8, с. 22], порождая потребность в ситуативных актах выхода за пределы реальности. Философско-эстетический посыл текстов НМФ отвечает этой потребности, актуализируя *хронотопическую рамку* «фамильярного контакта с живыми современниками» [9, с. 122]: *«Жизнь моя аскетична, други, / Развлечений у меня почти да нету. / Посему сижу на пне, в дебрях, / Распеваю драм-н-бейс да пляшу я»* [2].

Интерес группы к поликодовым системам обусловлен природой современного искусства, ведь «уже с глубокой древности словесность (в том числе – художественная словесность) была интермедиальной» [10, с. 608]. Межсубъектный автор НМФ создаёт синкретические тексты, в которых *вербальный компонент* имитирует фольклорную речь посредством славянизмов (*зело, други*), устойчивых фольклорно-поэтических сочетаний (*печаль-тоска, грусть-печаль, пучина дней*) и просторечий (*ядрён-задор*), аудиальный субтекст демонстрирует синтез балалайки с электронными битами, парадоксально объединяя «древнерусское» и «драм-н-бейс», а визуальный ряд (клипы, концерты, стримы) поддерживается «хипстерскими» стрижками [11, с. 123] и традиционными костюмами, усиливая игровую условность. При наличии «двух типов авторства» и двух типов «рождения» песенной поэзии – сочинения и исполнения, отмечает В. А. Гавриков, каждое выступление «есть сиюминутная интерпретация ранее созданной и часто уже обкатанной в репертуарной практике “партитуры”, то есть ментального инварианта» [10, с. 610]. Анонимность участников НМФ усиливает эффект внесубъектности, что переносит авторский оценочный фокус в область коллективного «поступка».

Анализ К. М. Королевым специфики творчества группы «Нейромонах Феофан» как примера «игр в религиозность и народность» [11, с. 116], с нашей точки зрения, требует уточнения. С одной стороны, исследователь справедливо указывает на некоторую клишированность образов НМФ («условно-фольклорные формулы») [11, с. 121], однако незамеченным остаётся важный аспект теоретической поэтики – многоуровневость авторского сознания в эпоху цифровой культуры. Тезис К. М. Королева о том, что «народность» и «славянизация» в текстах НМФ – «лишь художественный приём» [11, с. 124], и размышления о невербально явленных «признаках иронической трактовки» подаются без учёта, например, амбивалентной природы этой иронии в вербальных текстах. Так, в песне «Лесные забавы» [2] экспериментальная неопародия на аскезу представлена в сочетании с искренней экспрессией лирического субъекта: *«Жизнь моя аскетична, други, / Развлечений у меня почти да нету. / <…> Нападёт когда печаль-тоска, / Начинаю заниматься этим делом: / Рубить ель топором. / Кидать шишку в белок. / Рубить осиночку топором. / Кидать мох в лисицу. / Рубить берёзоньку топором»*. Не учитывается также и функция медийного автора, который в статье К. М. Королева сводится к абстрактному авторскому «Я». Вместе с тем О. Степанов, раскрывая в интервью своё биографическое имя, сохраняет и медийную маску, создавая дистанцию между биографическим и сценическим «Я». Не осмыслена исследователем и другая ипостась авторского сознания – нейросубъект как категория цифрового присутствия в субъектной организации современной песенной поэзии.

В интервью 2017 г. «TOPSPEAKER» медийный автор уточняет, что «“Нейро-” – приставка, которая указывает на связь с нервной системой, органами чувств. То есть “Нейромонах Феофан” воздействует на все органы чувств целостностью образа. А “монах” означает “отшельник”, “одиночка”» [12]. Однако думается, что в дисплее современной эпохи символический смысл названия группы, созданной выпускником ГУАП, может быть прочитан и с точки зрения нейросубъектности. «Нейро+монах» – контрастный неологизм, обладающий признаками оксюморона и воплощающий пост-постмодернистский синтез, который предполагает привнесение свободы «в те сферы, которые в реальности ею не располагают» [3, с. 129].

По нашему мнению, модель авторской межсубъектности, выявленная в вербальном «теле» песен группы «Нейромонах Феофан», может быть представлена следующим образом:

1) автор биографический – Олег Степанов;

2) медийный автор – публичный образ «нейромонаха»;

3) собственно автор – создатель песенных текстов;

4) лирический герой – субъект сознания и речи, явленный в вербальных текстах песен;

5) внутритекстовые и затекстовые герои ролевой лирики – субъектность, устанавливающая коммуникативные связи между геройным, авторским и реципиентным планами художественного бытия;

6) нейросубъект – цифровая проекция собственно автора / группы, рождённая с помощью AI и функционирующая в интернет-среде.

В песнях НМФ авторские ипостаси взаимодействуют посредством нескольких уровней «коммуникации». Один из них – сакрально-профанные инверсии: в стихе «Озаряя край родимой своим ликом сам» [2] лирический герой с ролевой функцией Нейромонах Феофан «переходит» в сферу прямооценочной точки зрения медийного автора, который в дальнейшем стилистически подкрепляет агиографические приметы автора биографического. Другой уровень – карнавальная амбивалентность субъектов сознания и речи. Так, в строках *«Горы ловко бы раздвинул, / Реки вспять бы повернул <...> / Но потом, не сейчас. / А сейчас хочу в пляс!»* [2] очевидная гиперболизированная духовная мощь («богатырская» идеальная повседневность у К. М. Королева [11, с. 122]) снижается физическим порывом героя. Третий уровень – полифонический – визуализирует «древнерусский рейв», в котором танец становится молитвой, а электронная музыка – обрядовым ритмом.

Нейросубъект НМФ – творческий «продукт» цифромодернизма: образ «Медведя» (сценический субъект и условно-авторская ипостась) существует как медийный фантом, подменяющий реальность «концептом симуляции реальности и концептом воображаемого» [13, с. 95]. Карнавализация в вербальных текстах О. Степанова согласуется с современными культурными процессами, ориентированными на взаимопроникновение «праздничности и повседневности», благодаря чему карнавал становится «механизмом культурного развития» [14, с. 32]. Карнавал дает «право взглянуть на мир вне признанной правды, вне священного» [5, с. 112], и в этом контексте карнавализованный нейросубъект – ответ на запрос молодёжи, которая, желая «утвердить свое “Я”, стремится нарушить табу» [6, с. 141].

Песенное творчество НМФ показывает, как субъектная структура современной песенной поэзии адаптирует иерархическую субъектно-объектную систему к принципам экзистенциально-виртуального типа субъектной организации, при которой авторский, геройный и реципиентный планы интерферируются, рождая множественные диалогические вариации в условиях интернет-бытия.

Таким образом, авторская межсубъектность в песенных текстах НМФ не игра религиозными и народными символами, а способ адаптации фольклорного сознания к персонализации виртуально-визуальных коммуникативных условий. Обновление искусства возможно, по мнению М. М. Бахтина, там, где «безальтернативное получает альтернативу» [3, с. 129]. В песенных текстах НМФ соединены концепты драм-н-бейса и квазифольклора, в них создаётся не стилизованный художественный мир, а, скорее, новая мифология – пространство той свободы, где Нейромонах Феофан, диджей Никодим и Медведь становятся символами диалога синкретической эпохи и эпохи художественной модальности (неклассического периода). Именно в зоне художественной условности собственно автор вербальных текстов

НМФ получает возможность адаптации прямо-оценочной и косвенно-оценочной точек зрения к бытию / инобытию / небытию через маркеры биографического автора, медийного автора, нейросубъекта, лирического субъекта и ролевых (медийно-ролевых) героев.

Литература

1. Поддубная Г. Г. Феномен народности: фольклор и фольклоризм, интенция истокового и современное // Вестник Омского университета. 2024. №4 (29). С. 85–92.

2. Нейромонах Феофан // Text-Lyrics. URL: https://text-lyrics.ru/n1/neiromonax-feofan/ (дата доступа: 21.07.2015)

3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство–СПБ», 2000. 704 с.

4. Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики: сборник статей. М.: «Искусство», 1968. 654 с.

5. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов / Под ред. С. Г. Бочарова, Л. А. Гоготишвили. М.: Русские словари, 1997. 731 с.

6. Вербина О. В. Карнавализация сознания молодежи в современной культуре // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 3 (11). С. 140–144.

7. Викторино Л. Карнавал в современной культуре // Вестник СПбГИК. 2019. № 4 (41). С. 63–69.

8. Дзялошинский И. М. Медиакарнавал в эпоху глобализации // МедиаАльманах. 2019. № 3. С. 18–28.

9. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 799 с.

10. Гавриков В. А. Визуализация в песенно-поэтической культуре // Художественная культура. 2023. № 4. С. 604–627.

11. Королев К. М. Репрезентации народного и религиозного в современной массовой культуре (на примере музыкального проекта «Нейромонах Феофан») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 4. С. 112–136.

12. Нейромонах Феофан: Технологии – это очень сложные знания! // TOPSPEAKER. URL: https://topspeaker.ru/articles/tech/neyromonakh-feofan-tekhnologii-eto-ochen-slozhnye-znaniya/ (дата доступа: 21.07.2015)

13. Овчинников В. М., Паулюс П. Й. Карнавализация в культуре эпохи постструктурализма на примере образа «чулка». Философский аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 93–99.

14. Загибалова М. А. Особенности культурного развития современности: феномен карнавализации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 2. С. 32–39.

УДК 811

Р. Г. Мамедова
Бакинский государственный университет
(Баку, Азербайджан)

О ВРЕМЕННЫ´Х ФОРМАХ ГЛАГОЛА В «КАБУС-НАМЕ»

Аннотация. Статья посвящена произведению «Кабус-наме», автором которого является Унсур аль-Меали Кей-Кавус ибн Искендер ибн Кабус ибн Вошмгир ибн Зийар. Сочинение является первым известным образцом прозы, написанной на новоперсидском языке. В статье рассматриваются характерные особенности образования и употребления временны´х форм глаголов, использованных в «Кабус-наме».

Ключевые слова: Кей-Кавус, Кабус-наме, временны´е формы глагола.

R. G. Mamedova
Baku State University (Baku, Azerbaijan)

ON THE TENSE FORMS OF THE VERB IN "KABUS-NAME"

Abstract. The article deals with Qabus-nameh written by Onsor-al-Ma'ali Keikavus ebn-e Eskandar ebn-e Qabus ebn-e Vushmagir ebn-e Ziyar in the XIth century. The literary work is the first example of prose which has been written in classic Persian language. This article considers grammatical features of some verbs of the work.

Keywords: Keikavus, Qabus-nameh, grammatical features of the verbs.

Персоязычная литература славится своей богатой поэзией и прозой, представившей сокровищнице мировой культуры такие произведения, как «Синдбад-наме», «Шахнаме», «Бустан», «Бахарестан», «Хамсе» и многие другие. Среди сочинений, относящихся к её классическому периоду, особое место занимает произведение «Кабус-наме».

«Кабус-наме» – собрание нравоучительных рассказов дидактического характера и, как принято считать, «первое известное прозаическое произведение на фарси» [1]. Сочинение, состоящее из 44 глав, написано в дружеском тоне, язык и манера повествования отличаются искренностью и простотой изложения. Каждая глава произведения посвящена определённой теме: автор повествует о почитании Всевышнего, уважении к родителям, приобретении знаний, о том, как выбирать профессию, друзей, как вести

© Мамедова Р. Г., 2025

себя на поле боя или при покупке дома, земельного участка, раба, коня и в других ситуациях.

Автор произведения Унсур аль-Меали Кей-Кавус ибн Искендер ибн Кабус ибн Вошмгир ибн Зийар (1021–1098), как известно, относился к старинному гилянскому роду, существовавшему в Табаристане. Табаристан – средневековое (IX–XII века) название провинции, расположенной на южном побережье Каспийского моря (нынешняя территория Ирана), между Гиляном на западе и Хорасаном на востоке. С XIII века известна как Мазендеран [2].

Известный иранский поэт, учёный-филолог, общественный деятель, профессор Тегеранского университета М. Бахар в своём исследовательском трехтомнике «Стилистика», касаясь «Кабус-наме», пишет: «Это выдающийся образец наилучшего и самого прекрасного сочинения персидской прозы» [3, с. 114].

Следует отметить, что одной из примечательных черт произведения является использование большого количества различных временны́х форм глагола, отсутствующих в современном персидском языке. Рассмотрим некоторые из них, выделяющиеся высокой частотностью:

1. Использование глагола в настоящем времени по типу образования: корень глагола в сочетании с личным окончанием без необходимой для данной формы приставки “mi”:

نه بینی *که چون موم نقش پذیر تر از سنگست از موم مهر* ***سازند*** *و از سنگ* ***نسازند*** [4, с. 10].

*(**Не видишь**, потому как воск лучше, чем камень, принимает оттиск, из воска **изготавливают** печати, а из камня **не изготавливают**).*

Следует отметить, что, к примеру, профессор Н. Хатеми [5] вышеприведенную конструкцию, где глагол указывает на неоднократность и постоянство действия, считает нормой для классического персидского языка, и такая форма носит название اکنون همیشگی (aknun-e hamisheqi).

2. Использование дополнительного элемента “ha” перед частицей настояще-будущего времени “mi”.

و منشور عزل زندگانی را از موی خویش بر روی خویش کتابتی ***همی‌بینم*** *که این کتابت را دست چاره جویان بستردن* ***نتواند*** [4, с. 3].

*(И указ об отстранении от жизни я **вижу** в начертаниях своих волос на моём лице, и рука ищущих спасения **не может** стереть эту надпись).*

Глагол همبینم использован в настояще-будущем времени с дополнительной частицей “ha”, которая неупотребительна в данном случае с точки зрения грамматики современного персидского языка. Также в данном предложении глагол ستردن должен был следовать после модального глагола توانستن, который тоже в должен быть образован с помощью приставки “mi” с соответствующим личным окончанием “ad”, присоединённым к его основе настоящего времени.

Н. Хатеми [5] отмечает, что частица “hami” в сочетании с корнем глагола и личным окончанием указывает на продолжительность какого-либо действия и называется اکنون پیوستگی (aknun-e peyvasteqi).

3. Повелительная форма глагола вместо необходимого для этой

формы префикса “be” образуется с помощью префикса “hami”.

لکن صدقه اگر چه فریضه نیست در مروت و مردمی است چندانکه متوانی ***همی ده*** *و تقصیر مکن* .[4, c. 23]

(Однако, хотя милостыня и не является долгом, подаётся по великодушию и вежливости. Сколько можешь, ***подавай*** *и не допускай погрешности).*

Как видно из примера, слово همی ده «подавай» использовано в повелительной форме без необходимого, согласно правилам современного персидского языка, префикса “be” с его заменой на “hami”. Можно предположить, что частица “hami” в подобных случаях указывает на многократность действия и при этом присоединяется к корню глагола, что является условием образования повелительной формы.

4. В тексте форма образования простого прошедшего времени часто отличается от правил современного персидского языка, употребляясь с дополнительным префиксом “be”.

و بر هر دو توانا بود و دانا بود آنچه به بود ***بکرد*** *و خلاف دانش خود نکرد و بهنگام کرد* .[4, c. 13]

(И Он был властен (сотворить) и ведал оба, но ***сделал*** *то, что было лучше, и не поступил против своего знания, и сделал своевременно).*

В вышеприведенном предложении глагол «сделал» – بکرد в форме простого прошедшего времени, в отличие от правил современного персидского языка, образован с помощью дополнительной приставки "به". Профессор Р. Султанов в своей книге «Sədi yaradıcılığında “Gülüstan”» сообщает, что такие глаголы в некоторых случаях указывают на настоятельную просьбу или требование, а иногда выступают в роли деепричастия и предполагают после себя употребление основного глагола, значение которого они дополняют либо определяют [6], а также считает интересным мнение И. Березина, рассматривающего использование данных форм либо для выражения категоричности, решительности, настаивания, либо (иногда) для выполнения функции деепричастия [7]. Ю. Рубинчик в своём словаре указывает на использование этой частицы в языке классического периода для подчёркивания однократности действия глагола в простом прошедшем времени [8; 9]. Н. Хатеми считает, что частица به в данной конструкции указывает на выполнение какого-либо действия с применением упорства, настойчивости.

5. После модального слова باید в случаях необходимого аориста часто используется неопределённая форма глагола:

چه اگر کسی ازیشان پای بران کرم نهد و کرم زیر پای او بمیرد این آب که اندر سبوی بر سر دارد در وقت گنده شود صعب چنانکه ***بباید ریختن*** *و* ***باز باید گشتن*** *و سبوی* ***شستن*** *و دیگر باره آب از چشمه* ***برداشتن*** .[4, c. 42]

(И если кто-то из них ступит ногой на того червя и червь под его ногой сдохнет, то эта вода в кувшине, который держит на голове, сразу испортится, трудность в том, что ***нужно*** *будет* ***вылить*** *её, и опять* ***вернуться***, ***вымыть*** *кувшин и снова* ***набрать*** *воду из родника).*

6. В тексте произведения после модального глагола توانستن вместо должного аориста, с точки зрения правил современного персидского языка,

наблюдается употребление глагола в неопределённой форме, что является распространённой характерной чертой произведений периода IX–XI вв.:

پس نخجیر ایدر کن تا وقت خوردن بسرای باقی آسان ***توانی خوردن*** [4, с. 5].

(В таком случае охоться здесь, чтобы во время проедания в вечном мире ты легко ***мог питаться****).*

7. Образование формы прошедшего длительного времени без характерной для этой конструкции частицы “mi” с использованием дополнительного окончания “i”, что несвойственно правилам грамматики современного персидского языка. Н. Хатеми [5] вышеприведенную конструкцию в текстах классического персидского языка рассматривает в качестве средства для выражения последовательности, неоднократности действия, где окончание “i” именуется "یای استمراری". Например:

هر روز بیست تا نان بر طبقی نهاده، بر روی آب ***فرود آمدی****، و من* ***جهد کردمی****، و دو سه* ***بگرفتمی*** [4, с.31].

(Каждый день двадцать штук хлеба, разложенные на подносе, ***спускались*** *по воде, а я* ***ловчился****, и два-три хлеба* ***выхватывал****).*

В вышеприведённом предложении использовано сочетание “cahd kardami” и “qereftami”, вместо “cahd mikardam” и “miqereftam”, где такая конструкция связана с неоднократностью действия и, соответственно, должна передаваться формой прошедшего длительного времени несовершенного вида.

8. В художественном тексте «Кабус-наме» формы прошедшего времени заметно преобладают над другими временны´ми формами. Частотная употребляемость прошедшего времени объясняется характером повествования.

چنان ***شنودم*** *که هارون الرشید خوابی* ***دید*** *بران جمله که* ***پنداشتی*** *که همه دندانهای او از دهن* ***بیرون افتادی*** *بیکبار* [4, с.44]

(Я так слышал, что Харун ар-Рашид ***увидел*** *сон, в том смысле, что,* ***подумал****, что все его зубы разом* ***выпали*** *изо рта).*

Таким образом, мы рассмотрели наиболее характерные особенности образования и употребления временны´х форм глаголов, приведённых в «Кабус-наме».

Литература

1. Кабус-наме… что такое Кабус-наме // Большой энциклопедический словарь. URL: http://www.vedu.ru/BigEncDic/25015 (дата обращения: 20.07.2025).

2. Табаристан // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Табаристан (дата обращения: 20.07.2025).

3. بهار، محمدتقی. سبکشناسی یا تاریخ تطوّر نثر فارسی: [در دو جلد]/محمد تقی بهار.– تهران: امیر کبیر، جلد دوم،–1382 ، 448 ص.

4.غلامحسین یوسفی– .تهران :شرکت انتشارات علمی و فرهنگی –1378، – ٦٠٩ ص

عنصرالمعالی کیکاووس بن اسکندر بن قابوس بن وشمگیر بن زیار .قابوسنامه/ به اهتمام و تصحیح

5. Hatəmi N.M. Fars dili. Bakı: Maarif, 1992. 309 s.
6. Sultanov R.S. Sədi yaradıcılığında “Gülüstan”. Bakı: Azərnəşr, 1961. 336 s.
7. Березин И. Н. Грамматика персидского языка. Казань: Типография Университета, 1853. 480 с.
8. Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь [в двух томах]. Том I. М.: Русский язык, 1983. 800 с.
9. Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь [в двух томах]. Том II. М.: Русский язык, 1983. 864 с.

УДК 81

М. Р. Мирошниченко
Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Россия)

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОМОНИМОВ СЛОВА *ТОГО*

SPIN-код: 9931-0475

Аннотация. Статья впервые предлагает интегративное описание омокомплекса формы *того*. Совмещая этимологический, семантико-структурный, прагматический и кинетический анализ, автор количественно фиксирует состав омокомплекса и показывает, что частеречная принадлежность каждой реализации определяется лишь при одновременном учёте дистрибуции, контекста и невербальных маркеров.

Ключевые слова: функциональная омонимия; омокомплекс *того*; интегративный подход; невербальная семиотика; русский язык.

M. R. Miroshnichenko
Samara State University of Social Sciences and Education
(Samara, Russia)

AN INTEGRATIVE APPROACH TO THE STUDY OF FUNCTIONAL HOMONYMS OF THE RUSSIAN WORD *ТОГО*

Abstract. This article offers the first integrative description of the omocomplex formed by the Russian word *того*. Combining etymological, semantic-structural, pragmatic and kinetic analyses, the authors quantify the complex's composition and demonstrate that the part-of-speech status of each realization can be determined only through the simultaneous consideration of distribution, context and non-verbal markers.

Keywords: functional homonymy; *того* omocomplex; integrative approach; non-verbal semiotics; Russian language.

Вопрос о количественном и качественном составе функциональных омонимов слова *того* принадлежит к числу нерешённых отечественной русистикой. Омокомплекс *того* – сравнительно мало описанное явление. До настоящего времени получили краткие комментарии отдельные аспекты функционирования конкретных омонимов *того* в связи с изучением дискурсивных слов русского языка, явлений языковой переходности, диалек-

© Мирошниченко М. Р., 2025

тологических исследований и процессов словообразования [1–9]. Результатом изолированного, одноаспектного изучения омонимов *того* становится скрупулёзное описание конкретного фрагмента из всей матрицы функционирования слова. Однако комплексного представления о слове *того* и его функциональных омонимах в таком режиме научной оптики, по-видимому, добиться не представляется возможным. Это становится особенно ясным при обращении к лексикографическим источникам. Лексикографическое портретирование слова *того* показало отсутствие в словарях информации о количественном и качественном составе омокомплекса *того*, всех лексико-семантических вариантах омонимов *того*, а также сведений об особенностях интонационно-просодического оформления слова в высказывании и прагматической нагрузке слова [10].

Данные наблюдения ведут к выбору принципиально иной научной методологии для изучения функционирования слова *того* в русском языке. В современной лингвистике наметился интегративный подход к описанию языковых явлений, предполагающий единый анализ разных уровней языка – от грамматической структуры до семантики и прагматики. Такой подход объединяет внутреннюю интеграцию (комплексное описание формально-грамматических и семантико-прагматических свойств языковых единиц) и внешнюю интеграцию (учёт когнитивных, дискурсивных и социокультурных факторов) [11]. Применение интегративной методологии особенно актуально при изучении функциональной омонимии и дополняет предложенную В. В. Бабайцевой классическую исследовательскую парадигму описания омокомплексов [12]. В настоящей статье описан опыт применения интегративного подхода при описании омокомплекса *того* с перспективой разработки лексикографической карточки слова.

В форме *того* мы видим пример языковой полифункциональности: одна фонетическая оболочка обслуживает разные функции. Применение интегративного подхода при анализе омокомплекса *того* становится не просто выбором научного направления, но единственно возможным методологическим условием, гарантирующим корректность результатов. Рассмотрим аспекты внутренней и внешней интеграции, актуальные для описания функционирования омокомплекса.

Омокомплекс *того* объединил в себе как знаменательные (притяжательное местоимение, местоглаголие, слово категории состояния, наречие), так и незнаменательные (частица) омонимы. Частеречная идентификация формы *того* возможна лишь при одновременном учёте этимологических, семантических, структурных, прагматических и в ряде случаев невербальных семиотических условий.

Форма *того* кристаллизовалась из формы указательного местоимения *тот* в Род. п. и приобрела «нулевое» склонение по типу притяжательных местоимений *его, её, их*. Этимологический аспект позволяет не только установить исходную форму слова и проследить путь его перехода в неизменяемую форму, но и обнаружить базовую семантическую категорию для

последующего функционирования всего омокомплекса. Так, указательное местоимение *тот* является компонентом местоименной оппозиции «этот – тот», репрезентирующей универсальную дихотомию «свой – чужой» с вариантами «близкий – дальний», «наш – их». Переход *того* (в фонетическом варианте – *тово*) в притяжательное местоимение устойчиво закрепил за словом значение ‘другой, чужой, не такой, ненормальный’. При этом абстрактность и максимальная обобщённость местоименной семантики сохранилась, что отразилось на прагматическом потенциале слова, а именно активном его функционировании в качестве эвфемизма, передающего завуалированно (за счёт обобщенной семантики) значения (1) ‘ненормального, сумасшедшего человека’, (2) ‘физического насилия или смерти’, (3) ‘действия сексуального характера’, (4) ‘социально неодобряемого действия’ или (5) ‘неуверенности, нерешительности, путаности в изложении мыслей’. Например:

(1) *«Да этот арбитр совсем **того**!» – показал Босс характерным жестом, покрутив пальцем у виска* [Павел САДКОВ, Ярослав КОРОБАТОВ, Артем ГУСЯТИНСКИЙ. Португальцы показали нам даже не фигу, а кукиш! // Комсомольская правда, 17.06.2004];

(2) *А вдруг он **того**… окочурится?!* [Н. А. Крашенинников. Живое противоречие // «Русская мысль», № 5, 1906];

(3) *Он этим словам обрадовался, мой неожиданный принц: «Ну, Нин, хорошо, нам же не жениться, а **того**… переспать только»* [А. А. Андронова. Вариант нормы, 2008];

(4) *Ухитрились – так сказать – Извините… вероятно, Вы **того**… наворовать?* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Смешные песни Александра Иволгина (Чижик). Издание А. Каспари, 1868);

(5) ***Не тово…не тово**…как его? Не хватайте руками! Пустите руки!* [А. П. Чехов. Хирургия, 1884[.

Частеречная квалификация омонимов *того,* согласно методике В. В. Бабайцевой, требует подключения структурно-семантического анализа [13]. Однако с учётом неизменяемости формы, проявляющейся в отсутствии у слова морфологических «подсказок» для исследователя, важным аспектом анализа становятся дистрибутивно-контекстуальные условия функционирования *того*.

Поскольку форма *того* не содержит внутренних грамматических маркеров рода, числа или падежа, её функциональный статус раскрывается прежде всего через распределение по синтаксическим позициям и характер соседних лексем. Именно дистрибуция и шире – ближайший контекст – позволяют надёжно отличить один функциональный омоним от другого. Так, например, для притяжательного местоимения *того* в атрибутивной позиции характерна сочетаемость с интенсификаторами степени и, в частности, с наречием *совсем*. Уточняющая конструкция, нередко следующая за словом *того* с целью сузить круг возможных эвфемистических замен, в таком случае будет иметь признаковую семантику и определять субъект с точки

зрения его качественной характеристики. Напр.: *Да-а, – протянул фельетонист, ковыряя в зубах, – вы* ***того… действительно незадачливый…*** [А. С. Грин. Человек, который плачет, 1908]. Тогда как в другом примере мы можем наблюдать типовой набор актантов при глагольном предикате (комитативный субъект, локатив, ситуатив): *А может у него любовница, и* ***он с ней в машине…того, при свечах****, – предположил Лифчик* [Борис Левин. Инородное тело, 1965–1994]. В данном случае дистрибуция настолько очевидно соответствует глаголу, что уточняющая конструкция становится нерелевантна и поэтому опускается. В противном случае постконструкция выражает процессуальную семантику, тем самым способствуя идентификации частеречного статуса *того* как местоглаголия, например: *Министр-то наш, кажется,* ***того, сбрендил****!* [Д. С. Мережковский. Александр Первый, 1922].

Внешняя интеграция слова *того* интересным образом отражается в его связи с невербальной семиотикой. Жесты и речь образуют единый интегрированный комплекс коммуникации, поэтому жестовая семиотика часто дополняет и уточняет вербальное высказывание [14]. В рамках внешней интеграции языкового анализа омокомплекса *того* жесты и просодика выступают дополнительными знаковыми слоями, которые соотносят вербальное сообщение с когнитивными и социокультурными параметрами коммуникации. В случае со словом *того* жесты берут на себя часть семантической нагрузки, устраняя двусмысленность.

В примере: *А дома, т. е. наедине…* ***того-с****!»* ***(и он жестом по шее показал, как в горло льётся водка)*** [А. В. Жиркевич. Три встречи с Толстым (1915) // Знамя, 1990, №11, 1990] *того* приобретает конкретное значение ‘выпивать’ при сопровождении многозначительным жестом. В корпусах НКРЯ фиксируются и такие примеры интеграции слова *того* с невербальными единицами семиотики (в том числе просодическими средствами): *Прямо* ***того****…заболеть! – в самое ухо* ***шепнул*** *Башкин* [Б. С. Житков. Виктор Вавич. Книга вторая, 1926–1931]; *А вот то, – начал Виктор и* ***подёргал бровями вверх-вниз****, – а вот то, что папаша-то ваш* ***того****!* [Б. С. Житков. Виктор Вавич. Книга третья, 1926–1931]; *Ну так…* ***того…*** *–* ***начал краснеть*** *Артем* [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха, 2004]; *А ты уж, видно,* ***того…*** *втюрился в пассажирку? –* ***насмешливо промолвил*** *милорд* [К. М. Станюкович. Пассажирка, 1892]; *Вот он там… какой там,* ***того…*** *– пояснил он главным образом жестом,* ***показав на Гурлова, мотнув головою вверх и обведя пальцем вокруг шеи*** [М. Н. Волконский. Вязниковский самодур, 1914].

Как отмечалось выше, ремарки, содержащие указание на невербальный семиотический компонент (жест или просодику), в ряде случаев становятся дополнительным средством распознавания функциональных омонимов *того*. Например, ремарки, описывающие просодические признаки (запинается, мямлит и др.) могут указывать на *того*-частицу, участвующую как вербальный хезитатив в ситуации речевых затруднений. Замедление перед поисковой частицей *того* или после неё указывает, что слово несёт не обычное указательное значение, а сигнал особого статуса высказывания.

Интонационные исследования отмечают, что говорящий заранее планирует особую интонацию для вставных элементов неопределённости [15].

Невербальный компонент может заполнять смыслом семантически редуцированную часть *того*, как в случае с примером, в котором жест описывает маскируемое эвфемизмом состояние: *Вот он там… какой там,* ***того…****– пояснил он главным образом жестом,* ***показав на Гурлова, мотнув головою вверх и обведя пальцем вокруг шеи*** [М. Н. Волконский. Вязниковский самодур, 1914].

Таким образом, мы видим, что благодаря интегрированию в лингвистическом анализе этимологических, семантических и морфологических данных становится возможным, во-первых, определить основания прагматического использования омонимичных форм *того*, активирующих то или иное значение формы. Во-вторых, комплексный подход позволяет проследить функциональную стратификацию омокомплекса. Наконец, интегративный анализ уточняет механизмы семантической деривации. Наряду с этим интегративное описание демонстрирует, как взаимная проекция лексико-семантических, морфологических и прагматико-кинетических параметров выявляет особенности функционирования знаменательных и служебных омонимов *того*. Такой мультифокусный ракурс позволяет рассматривать омонимию *того* не как статическое совпадение форм, а как динамичный процесс, в котором грамматическая принадлежность, коммуникативная цель и невербальная поддержка со-участвуют в формировании значения отдельных функциональных омонимов.

Литература

1. Кибрик А. А., Подлесская В. И. Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12), С. 7–55.

2. Киров Е. Ф., Беляева М. В. Местоименные и гибридные части речи русского языка в сопоставлении с немецким языком // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. 1(49). С. 52–66.

3. Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайар. М.: Метатекст, 1998. С. 7–11.

4. Куншина В. С. Глаголы с местоименной семантикой в современном русском языке: история вопроса и проблематика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–3(59). С. 108–111.

5. Подлесская В. И. О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Нестор – История, 2006. С. 189–210.

6. Соколова С. В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка. Автореферат дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 27 с.

7. Соколова С. В. Об одном случае лексикализации в системе русских местоименных слов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 15. С. 181–187.

8. Судзинец Н. А. Функционально-семантический потенциал словоформы *того* в русском языке / речи. ВКР на соискание степени магистра. СПб., 2016. 61 с.

9. Федюнева Г. В. Дискурсивное слово *то, того* и его дериваты в северо-восточных русских говорах // Филологические науки. Вып. 2. 2013. С. 43–51.

10. Мирошниченко М. Р. Лексикографический портрет знаменательного слова *того* // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2025. Вып. 4. С. 11–14.

11. Галич Г. Г. Научная парадигма интегративной лингвистики // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 4. С. 298–302.

12. Мирошниченко М. Р. Развитие идей В. В. Бабайцевой в изучении функциональных омонимов: современное состояние научной области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Том 18. Вып. 2. С. 470–479.

13. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

14. Sweller N, Sekine K, Hostetter AB. Editorial: Gesture-Speech Integration: Combining Gesture and Speech to Create Understanding. Front Psychol. 2022.

15. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

УДК 372.881.111.373

С. В. Мичугина
Московский государственный педагогический университет
(Москва, Россия)

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО RED)

SPIN-код: 5321-8510

Аннотация. В статье рассматриваются возможности интегративного подхода к изучению терминов цвета в английском языке на примере термина *red* как одного из базовых цветообозначений. Интегративность рассматривается как синтез лингвистических (лексикографических и дискурсивных), исторических, когнитивных, культурных и корпусных данных, которые позволяют всесторонне охарактеризовать термин *red* на современном этапе развития языка.

Ключевые слова: интегративный подход, термины цвета, термин *red*.

S. V. Michugina
Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

THE INTEGRAL APPROACH TO COLOUR TERMS (BASED ON ENGLISH RED)

Abstract. The article explores the potential of the integrative approach to studying color terms in the English language, where the term *red* is used as an example of one of the basic color nominations. Integrativity is viewed as a synthesis of linguistic (lexicographic and discourse-related), historical, cognitive, cultural, and corpus-based data, which together allows to characterize the term "red" as comprehensive unit at the current stage of language development.

Keywords: the integrative approach, color terms, the term *red*.

Термины цвета занимают особое место в языке, выполняя не только денотативную функцию – обозначение оттенков видимого спектра, – но и активно участвуя в формировании культурных стереотипов, метафорических моделей и социальных дискурсов. Среди всех цветовых лексем английского языка *red* является базовым термином и выделяется своей высокой частотностью употребления, полисемией и глубокой интеграцией в англоязычную языковую картину мира, что объясняет зна-

© Мичугина С. В., 2025

чительный интерес к его изучению, поскольку именно через базовые цвета раскрываются механизмы формирования более сложных, в том числе редких, цветовых наименований.

Цель данной статьи заключается в демонстрации возможности интегративного подхода к анализу цветовых терминов на примере английского *red*. Под интегративным подходом понимается синтез лингвистических, исторических, когнитивных, культурных и корпусных методов, который позволяет дать всестороннюю характеристику языковой единицы. В результате данного подхода даётся лексико-семантический анализ термина *red*, его историко-этимологическое развитие в языке, когнитивная концептуализация, культурно-прагматический контекст его семантики и некоторые данные корпусного анализа. Такой комплексный взгляд позволяет не только описать семантику термина, но и выявить лингвистические закономерности, применимые к изучению всех цветовых наименований.

Лексико-семантический анализ термина *red*

Лексикографические данные позволяют сделать следующие выводы о функционировании термина *red* в английском языке. В словарях данное цветонаименование имеет различные частеречные маркеры, но практически все словари в первую очередь определяют *red* как прилагательное. Далее, по частотности, *red* может выступать в роли существительного (red – красный цвет, оттенок красного, краснота, красное вино и т. д.) и редко глагола (to red a paper – выделить красным).

Основное денотативное значение *red* определяется как часть цветового спектра, которая покрывает все возможные оттенки красного. Однако семантическая структура термина достаточно разветвлённая и включает 67 значений [1], большая часть из которых включает типичные цветовые ассоциации в европейской культуре. Семантическая структура также пополняется большим количеством ассоциативных значений, возникших на основе идиоматических выражений. Например, *red light* – запрет или опасность; *red tape* – бюрократия; *red carpet* – почётный приём; *to see red* – прийти в ярость.

Полисемия *red* также проявляется в оттеночной дифференциации, т. к. в английском языке насчитывается более тысячи цветонаименований для обозначения различных оттенков красного (*French red, garnet red, gold-red, hell-red, fuchsia red, Derby red, fire red*, etc.)

Словообразовательный потенциал термина *red* достаточно высок. Помимо вышеперечисленных сложных слов, словообразовательные модели включают аффиксацию с такими элементами, как суффикс прилагательного -ish (*reddish*), глагольный суффикс -en (*redden*), что свидетельствует о высокой продуктивности термина в системе английского языка.

Историко-этимологическое развитие термина *red*

Этимология термина *red* восходит к германским корням (Old Frisian *rād*, Middle Dutch *root, rood*, Old Saxon *rōd*, Middle Low German *rōt*, Old High German *rōt*, Middle High German *rōt*, German *rot*). В древнеанглийском языке оно имело форму *read*, зафиксированную в названиях некоторых топонимов (*Radecliue*, Lancashire (1086; now *Radcliffe*), *Radeclive*, Buckinghamshire (1086; now *Radclive*), *Redmelde*, Leicestershire (1086; now *Redmile*), *Redeford*, Nottinghamshire (1086; now *Radford*) [1].

Интересно отметить, что в древнеанглийском *read* не только использовалось для обозначения цвета, но и имело уже символические значения, построенные на метонимическом переносе цвета объекта (*red* (OE) – designating fire, a flame, lightning; designating the sky or sun, esp. at dawn or sunset, etc) [1]. Некоторые из них зафиксированы и в современной семантической системе термина.

Влияние норманнского завоевания привело к появлению французских и латинских заимствований, расширивших оттеночную палитру: *vermillion* (от лат. *vermiculum*), *scarlet* (от араб. *saqalat*, через фр. *escarlate*), *crimson* (через исп. *cremesin* от араб. qirmiz). Эти заимствования не вытеснили базового термина *red*, так как обозначают более узкие, специализированные оттенки в общем денотативном пространстве термина [2].

Термин *red* также выступает и в качестве семантической опоры для декодирования многих редких терминов, которые описываются через сравнение с *red*. Например, *reddish-brown*, *pinkish-red*. Кроме того, *red* участвует в составных названиях, расширяя цветовую палитру: *blood-red, fire-red, brick-red*. Это указывает на его роль как «ядра» цветовой категории.

Таким образом, историческое развитие *red* демонстрирует процесс от узкого, конкретного значения (цвет крови, огня) к расширению в метафорическую и символическую сферы, а также интеграцию заимствованных терминов, обогащающих цветовую лексику английского языка.

Когнитивный аспект: концептуализация цвета

С точки зрения когнитивной лингвистики цвет является не просто физическим явлением, а концептом, организованным в языковом сознании по определённым принципам. В рамках когнитивной лингвистики, прежде всего вслед за антропологами Б. Берлином и П. Кейем, необходимо определить *red* как один из базовых терминов цвета в общей иерархичной цепочке возникновения цветов в европейских языках, где *red* занимает вторую ступень, т. е. является третьим цветонаименованием после белого и чёрного [3]. Раннее возникновение данного цвета свидетельствует о его высоком когнитивном статусе, т. к. концепт *red* в языковом сознании занимает важное место и является неотъемлемой частью картины мира.

Одним из вариантов построения цветового концепта в языковом сознании является прототипическая организация. Прототип, как самый яркий образец всей категории, отражает все основные базовые

характеристики всех членов категории. Согласно исследованиям Элиноры Рош, *red* в сопоставлении с другими предъявленными цветами выполняет функцию прототипа в категории красного цвета [4].

В концептуальную структуру термина *red* также входят и метафорические модели. Ранее мы отмечали их в семантической структуре этого термина. Наиболее типичными являются следующие из них: RED IS DANGER (*red light, red alert, red zone*); RED as PASSION (*red lips, red room, burning red desire*); RED as ANGER (*to see red, red with rage*); RED as DESEASE (*red throat, red eyes, red finger*). Более того, эти метафоры универсальны и зафиксированы во многих европейских языках, включая русский. Таким образом, термин *red* не просто обозначает цвет, а является когнитивным маркером физического, эмоционального и социального состояния.

Культурно-прагматическая составляющая термина *red*

Культурная значимость термина *red* в англоязычных странах чрезвычайно высока, что определяется его многочисленными символическими значениями. В Великобритании красный цвет ассоциируется с некоторыми символами, составляющими национальную идентичность: *красный автобус, красная телефонная будка, красный флаг профсоюзов*. В Соединённых Штатах Америки термин *red* является частью политического дискурса: *red states* (республиканские штаты), в то время как такие идиомы как *red scare*, *better dead than red* отсылают к антикоммунистической истерии прошлого столетия.

В религиозном дискурсе *красный* символизирует жертву по ассоциации с кровью Христа, символична также «красная нить» для первого из рождённых близнецов. В религиозной мифологии и фольклоре *красный цвет* связан с демонами, огнём ада, но также с любовью и плодородием.

В социальном контексте также сформированы устойчивые коннотации: *red carpet* (престиж и внимание); *red tape* (бюрократическая волокита); *in the red* (финансовое проблемы, долги).

В маркетинге *красный* используется как цвет привлечения внимания: логотипы Coca-Cola, Netflix, YouTube, McDonald’s демонстрируют, что все эти компании активно используют красный для усиления визуального воздействия, что основано на устойчивых ассоциациях красного цвета с возбуждением, активностью и энергией в психологии [5], что и делает его идеальным для рекламы.

Корпусно-лингвистический анализ употребления *red*

Анализ корпуса английского языка COCA позволяет выявить наиболее частотные коллокации и контексты употребления термина *red*. В COCA единица *red* имеет индекс частотности 169751, что доказывает высокую активность данного термина в языке. Наиболее частотные словосочетания в корпусе представлены в порядке убывания: *red cross* (5446), *red pepper* (4466), *red light* (4390), *red wine* (3538), *red flag* (3438), *red hair* (3015) [6]. Среди всех типов дискурса художественный (fiction) является наиболее типичным для функционирования *red* в языке, хотя самой частотной

коллокацией в текстах блогов является *the Red Sox* (профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Бостоне, штат Массачусетс).

Контекстный анализ показывает, что *red* чаще всего употребляется в сочетании с конкретными существительными, обозначающими физические объекты (*red dress, red car*), эмоции (*red face, red cheeks, see red, red with anger*), но также может употребляться и с абстрактными понятиями (*passion, ritual*) [6].

Динамика употребления *red* за последние 50 лет свидетельствует о росте его метафорического использования: если в 1970-х *red* чаще описывал физический цвет, то в 2000-х и 2010-х годах увеличивается доля его символических употреблений. Это отражает тенденцию к семантической абстракции базовых цветовых терминов, где *red* не является исключением.

Выводы

Анализ термина *red* с позиций интегративного подхода показывает, что даже базовый термин цвета представляет собой сложную языковую единицу, фиксирующую социокультурную реальность картины мира. Его изучение требует синтеза лексико-семантического, историко-этимологического, когнитивного, культурного и корпусного анализа. Представленные результаты позволяют сделать вывод, что цвет – это не просто физическая характеристика, а продукт языковой и культурной конвенции.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение интегративного подхода к изучению обозначений других цветов, особенно редких и устаревших лексем, а также изучение цветовой лексики в цифровых дискурсах, где визуальность и символика цвета приобретают всё большее значение.

Литература

1. Oxford English Dictionary (OED). URL: https://www.oed.com/?tl=true (дата обращения: 20.07.2025).

2. Мичугина С. В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

3. Basic Color Terms, Their Universality and Evolution, by Brent Berlin and Paul Kay, University of California, Berkeley, 1969; reprinted in paperback, 1991, 209 pp.

4. Rosch Eleanor. Prototype classification and logical classification. The two systems. In E. F. Scholnick, New Trends in Cognitive Representation. Erlbaum, 1983. Pp. 73–86.

5. Мичугина С. В. О некоторых подходах к изучению цвета и цветонаименований // Аракинские чтения. Актуальные проблемы лингвистики и методы преподавания английского языка: Сборник научных трудов. М.: МГПУ, 2002. С. 97–109.

6. Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения 25.07.2025).

УДК 81’42

Е. В. Моспаненко
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

ОБРАЗ ВЫСТАВКИ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ: РОЛЬ АФИШИ В КОНСТРУИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО СОБЫТИЯ

SPIN-код: 3880-4876

Аннотация. В статье рассматривается специфика поликодового текста афиши выставки и его роль как инструмента позиционирования и продвижения культурного события. Материалом исследования стали названия современных выставочных проектов и визуальные компоненты поликодового текста афиши, анонсирующей культурное событие. Понимание роли поликодовых текстов в продвижении выставок позволяет лучше понять механизмы привлечения аудитории к культурным событиям.

Ключевые слова: поликодовый текст, дискурсивные практики, рекламный дискурс, нейминг, речевое воздействие.

E. V. Mospanenko
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

THE IMAGE OF THE EXHIBITION IN POLYCODE TEXTS: THE ROLE OF THE POSTER IN THE CONSTRUCTION OF A CULTURAL EVENT

Abstract. The article examines the specifics of the polycode text of the exhibition poster and its role as a tool for positioning and promoting a cultural event. The research material includes the names of modern exhibition projects and the visual components of the polycode text of the poster announcing the cultural event. Understanding the role of polycode texts in the promotion of exhibitions allows us to better understand the mechanisms of attracting audiences to cultural events.

Keywords: polycode text, discursive practices, advertising discourse, naming, speech impact.

В современном мире выставочная деятельность занимает особое место в культурной жизни общества. Она представляет собой не только площадку для демонстрации произведений искусства, но и пространство для обмена идеями, опытом и знаниями. Выставки становятся местом встречи различных культур, традиций и взглядов, способствуя формирова-

© Моспаненко Е. В., 2025

нию более глубокого понимания многообразия мира.

Поскольку проведение выставок имеет коммерческую составляющую, продвижение событий в сфере выставочной деятельности является важной маркетинговой задачей. Оно требует применения различных стратегий в использовании инструментов позиционирования и продвижения. Поэтому различные инструменты рекламного продвижения событий в этой сфере, например афиши, представляют особый интерес для исследования дискурсивных практик в сфере культуры.

Поликодовость – это свойство текста, в котором сообщение передаётся при помощи различных кодов, таких как вербальный, визуальный, аудиальный и другие. Афиши являются типичным жанром поликодовых текстов, которые используются для продвижения событий в культурной жизни общества. Они сочетают в себе вербальную часть и визуальные элементы (изображения, текст, цвет, шрифт и др.), тем самым создавая уникальное и запоминающееся сообщение.

В последние десятилетия лингвистические исследования поликодовых текстов значительно расширились: это обусловлено и преобладанием широкого понимания «текста» в современной гуманитарной парадигме, и актуализацией изучения жанров, появившихся в связи с новыми коммуникационными интернет-технологиями (комиксов, демотиваторов, мемов и др.) [1; 2; 3; 4; 5 и др.].

При всех различиях аспектов исследований поликодовые тексты в большинстве публикаций рассматриваются как средство коммуникации, которое объединяет в себе различные знаковые системы и создаёт новые смыслы за счёт синергетического эффекта. Изучение поликодового текста в качестве инструмента продвижения в медиапространстве особенно актуально в нынешнее время развития цифровых технологий, используемых для разработки яркого визуального образа, без которого трудно представить реализацию дискурсивных практик в сфере культуры.

Материалом исследования стали поликодовые тексты афиш выставок, в том числе их названия (неймы). Выборка осуществлялась путём поиска текстов на специализированных интернет-ресурсах, посвящённых музеям и галереям России, а также методом включённого наблюдения. Всего было отобрано более 50 рекламных афиш выставок с сентября по декабрь 2024 года, которые были дифференцированы согласно разным жанровым формам. Среди них – интернет-афиша в виде страницы сайта, буклет, листовка, постер и наружная реклама. В качестве единиц анализа выступали наименование, сопроводительный текст, визуальные компоненты рекламного текста.

В работе использовались методы дискурс-анализа, семиотический, контекстуальный, лингвостилистический анализ. Последовательно рассматривались приёмы использования ресурсов вербальных и визуальных компонентов рекламной афиши, а затем разные способы их взаимодействия (синергетический эффект).

Поликодовые тексты функционируют в самых различных сферах, что определяет их дискурсивную специфику. В данном исследовании анализируется жанр афиши как реализация поликодового текста в сфере культуры с учётом особенностей дискурсивных практик выставочной деятельности.

Эмпирические исследования дискурсивных практик подразумевают выявление эффектов интердискурсивного взаимодействия, обусловленных комплексом коммуникативных целей отправителя сообщения. Например, если мы рассматриваем дискурсивные практики в сфере искусства, то можем обнаружить, что в определённых жанрах и форматах они приобретают черты рекламного дискурса, который подразумевает использование текста в качестве инструмента рекламного продвижения события, персоны, произведения искусства. Выявление характерных для объекта наблюдения (афиш, анонсирующих выставки) взаимодействий кодов и признаков интердискурсивности и является целью настоящего исследования.

Практически любая рекламная кампания в выставочной деятельности не обходится без применения поликодового текста в качестве продвигающего инструмента. Е. Н. Ремчукова справедливо отмечает: «Целевая направленность такого текста, использующего язык не только как источник и как средство, но и как цель, определяет его коммуникативные, структурные и стилистические особенности…» [6, с. 187–188]. Об этом также упоминает Т. В. Шмелева, описывая актуальность «изучения визуального аспекта» поликодового медиатекста через противопоставление вербальных и невербальных кодов [7, с. 228].

Объём вербального компонента в тексте афиши может различаться. Так, поликодовые тексты на афишах не всегда подразумевают развёрнутый сопроводительный текст: достаточно указания названия выставки, раскрывающего её тематику, периода проведения выставки и контактов. К примеру, на рис. 1 показано, как можно информировать о выставке, используя изображение экспоната, подходящий рукописный шрифт, цветовую гамму и композиционное решение для формирования соответствующих ассоциаций.

Рис. 1. Афиша с минимальным вербальным компонентом

В связи с коммуникативной целью анонсирующего выставку текста необходимо учитывать такие понятия, как концептуальность и контекстуальность афиши, которые логически дополняют друг друга. Концептуальность определяется основной идеей выставки, которая выражается через визуальные и вербальные элементы. Концепция может быть связана с тематикой выставки, её целями и задачами, что выражается в особом взгляде куратора на подбор и представление экспонатов, а также с ожиданиями и интересами целевой аудитории.

Контекстуальность афиши связана с её окружением и ситуацией, которую отражает выставочный проект (например, особенности эпохи, ценности, идеология). Афиша должна соответствовать контексту выставки, её месту проведения, особенностям формирования коллекции и другим факторам. Например, контекстуальность может проявляться в выборе языка, стиля и тональности афиши, которые соответствуют контексту и ожиданиям аудитории.

Эффекты воздействия вербального компонента исследуемых афиш описаны на материале неймов экспозиций и текстов-анонсов с учётом ресурсов разных языковых уровней, а эффекты визуальной части текста – ресурсов изобразительного искусства, то есть художественных приёмов, реализованных в рассматриваемом материале.

Классификация неймов выставок может осуществляться на основе признаков выразительности, образности, креативности и полисемантичности [6, с. 189]. Так, рассмотрим интернет-афишу выставки «Найти Бэнкси» (по мотивам творчества Бэнкси), размещённую на тематическом сайте (https://banksy.ru/), презентующем данное

мероприятие (см. рис. 2). Здесь есть вся необходимая информация для ознакомления с экспозицией, сопровождающаяся авторскими иллюстрациями.

Рис. 2. Вербальный компонент превалирует над визуальным

Название экспозиции («Найти Бэнкси») отсылает к самому образу уличного художника Бэнкси, который по сей день остаётся неузнанным: никто не знает, как он выглядит и как его зовут на самом деле (https://banksy.su/). Поэтому посетителям предлагается «найти» его самостоятельно, став частью его творчества через созерцание копий его работ и участие в квест-экскурсии и мастер-классе. Бэнкси не просто художник, а граффитист, поэтому в оформлении афиши использовались его работы-граффити и соответствующие надписи на английском языке и детали, выполненные краской, которые реализуют поддерживающую вербальное сообщение функцию.

В качестве подзаголовка в названии выставки используется слоган: «Сохранить нельзя закрасить». Это прецедентное высказывание является отсылкой к распространённой фразе, иллюстрирующей важность пунктуационных знаков: «Казнить нельзя помиловать». Эффект креативности (по Е. Н. Ремчуковой) основан на фоновых знаниях, с одной стороны, трансформированного прецедентного текста, а с другой – прецедентного феномена, связанного с историей граффити Бэнкси.

Ярким примером комплексного взаимодействия интертекстуальности, языковой игры и идеологического переосмысления служит название выставки «Венера Советская», организованной Мурманским художественным музеем. Название раскрывает образ женского идеала, который являлся неотъемлемой частью идеологической пропаганды в эпоху СССР. Имя собственное *Венера* выступает мощным культурным кодом, отсылающим к античному канону классической, вневременной женской красоты, чувственности, гармонии и мифологическому началу. В противоположность этому определение *советская* жёстко закрепляет образ в конкретной историко-политической парадигме, ассоциируясь с идеологией, коллективным трудом, аскетизмом и подчинением личности общественным целям. Соединение этих двух

дискурсивно несовместимых понятий создаёт смысловое напряжение и мгновенно привлекает внимание, что подчёркивается изображением на афише, представляющим женщину в рабочем комбинезоне (рис. 3).

Рис. 3. Силуэт Венеры Милосской на красном фоне символически перекрыт эмблемой СССР

Название московской выставки «Будущее воспоминаний», посвящённой «вопросам памяти, культурного наследия и меценатства», строится на оксюмороне и выражает концепцию экспозиции работ современных художников, размещённую в старой усадьбе – объекте культурного наследия РФ (рис. 4).

БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЙ

11.12.2024, 5:52 PM / MR GROUP, РЕДАКЦИЯ A-INDEX

Новое краеведение: выставка, посвященная вопросам памяти, культурного наследия и меценатства, открылась в стенах Дома Демидова при поддержке MR Group.

Рис. 4. Приём оксюморона в названии поддерживается визуальным образом

Парадоксальное название позволяет выразить замысел экспозиции, основанный на эклектике, характерной для современного искусства. Данная афиша представляет интерес в аспекте взаимодействия вербального и визуального кода, выражающегося в использовании оксюморона и в названии, и в визуальном решении. На фоне стены старого здания представлена работа современного художника с чертежом фасада этого же здания: прошлое (реконструированный проект здания) встретилось с современностью в одном пространстве.

Таким образом, можно определить признаки выразительности, образности, креативности, полисемантичности и интертекстуальности как наиболее актуальные для создания привлекающих внимание названий выставочных проектов.

В рамках данной научной статьи были рассмотрены основные приёмы наименования выставок, а также комплекс функций, которые они выполняют. В ходе исследования было установлено, что нейминг выставок выполняет не только функции идентификации культурного события, привлечения к нему внимания аудитории, но и просветительскую и эстетическую функции, что в целом свойственно дискурсу культуры.

Маркетинговая функция реализуется через позиционирование выставки путём её дифференциации от других объектов. Это позволяет выставке выделиться на фоне конкурирующих культурных проектов и привлечь целевую аудиторию.

Взаимодействие вербального и визуального кодов в нейминге выставок создаёт синергетический эффект, который усиливает восприятие названия и способствует успешному продвижению мероприятия. Таким образом, нейминг играет важную роль в создании уникального образа выставки и привлечении целевой аудитории. Результаты данного исследования могут быть использованы для разработки эффективных стратегий нейминга выставочных мероприятий и создания анонсирующих их текстов.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение особенностей нейминга выставочных проектов в различных культурных контекстах, а также на разработку рекомендаций по созданию эффективных названий выставок с учётом их специфики и целевой аудитории.

Литература

1. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

2. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20 / Гл. редактор Чудинов А. П. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2006. С. 75–80.

3. Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15.

4. Иссерс О. С. Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, №2. С. 26–41.

5. Ремчукова Е. Н. Особенности номинаций в сфере культуры // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей V Международного симпозиума, включённого в программу Международного фестиваля «Великое русское слово». В 2-х томах, Симферополь, 08–12 июня 2021 года / Отв. редактор Е. Я. Титаренко. Том 1. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021. С. 212–217.

6. Ремчукова Е. Н. Интеллектуально-информативные и эстетические составляющие «продвигающего текста» в сфере культуры // Медиалингвистика. 2021. № 8. С. 187–190.

7. Шмелева Т. В. Рекламный модульный текст в медиа: визуальный аспект. // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 226–238.

УДК 811.161.1

Н. В. Орлова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ОФИЦИАЛЬНЫЙ» В НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ

SPIN-код: 6198-4244

Аннотация. Выявлены разновидности семантико-синтаксических контекстов прилагательного *официальный* в высказываниях, не относящихся к официально-деловой коммуникации. Общей особенностью ряда контекстов является имплицитное указание на неточность семантики слова *официальный* и стремление субъекта речи её преодолеть. В контексте, содержащем противопоставление двух позиций, прилагательное *официальный* приобретает значение ‘ложный’.

Ключевые слова: «официальный», дискурс, контекст, уточнение, аргументация, хедж-маркер.

N. V. Orlova
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

THE FUNCTIONING OF THE LEXEME "OFFICIAL" IN UNOFFICIAL DISCOURSES

Abstract. The article identifies various semantic and syntactic contexts for the adjective *official* in statements unrelated to official business communication. A common feature of several contexts is an implicit reference to the semantic imprecision of the word *official* and the speaker's desire to overcome it. In a context containing a contrast between two positions, the adjective *official* acquires the meaning of ‘false’.

Keywords: "official," discourse, context, clarification, argumentation, hedge marker.

В официально-деловой коммуникации, которая объединяет пересекающиеся между собой государственный, правовой, письменный деловой дискурсы, частично – политический и некоторые другие, прилагательное *официальный* употребляется, как правило, в основном значении ‘правительственный или должностной // являющийся представителем правительства, администрации и т. п.’ [1, с. 142]; ‘установленный

© Орлова Н. В., 2025

правительством, администрацией, должностным лицом и т. п. или исходящий от них’ [2, с. 726]. Соответственно, в атрибутивном словосочетании «*официальный* + сущ.» в позиции определяемого слова оказываются именования должностных лиц (*представитель*), мероприятий (*открытие*), документов (*заявление*) и электронных носителей информации (*интернет-сайт*). В подобных эталонных контекстах *официальный* ведёт себя как иные качественные прилагательные с характеризующей функцией, которые обозначают признак, относительно независимый от определяемого предмета [3]. Стоит, однако, обратить внимание на высказывание М. В. Сандаковой, которая отмечает, что «такая контекстуальная независимость осуществляется в сравнительно узком круге определяемых и этим же кругом ограничивается» [4, с. 204]. Функционирование атрибута *официальный* в различных корпусах «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) позволяет согласиться с автором цитаты. По данным нашего исследования, проведённого на материале более 800 высказываний из Основного корпуса, Газетного корпуса, корпуса Социальные сети, семантика прилагательного *официальный* не всегда очевидна, а значение комплекса «*официальный* + сущ.» не является простой суммой значений имён объекта и его атрибута. Выделим и опишем несколько разновидностей контекстов, которые позволяют об этом говорить.

Уточняющие контексты

Из-за абстрактности семантики, диффузности отдельных значений употребление слова *официальный* в высказываниях сопровождается разного рода расшифровками. Они имеют место как в официальных, так и в неофициальных дискурсах, однако смысловое содержание уточняющих и пояснительных конструкций в правительственных документах и, например, в публицистике заметно различается. Как показывает материал, в первом случае именное выражение, уточняющее смысл конструкции «*официальный* + сущ.», призвано точно обозначить денотат последней. Расшифровка имеет однозначное содержание, и дополнительные интерпретативные усилия не требуются. В примере (1) объём понятия *официальные лица* в документе Министерства спорта о правилах дзюдо совпадает с денотатом, обозначенным перечислительным рядом в скобках, а *официальный* ассоциируется с 1-м и 2-м словарными значениями ‘исходящий от правительства’ и ‘соблюдающий правила’ [1; 2]:

(1) ***Официальные лица (представители команд, тренеры, спортсмены и судьи****), принимающие участие в соревнованиях, обязаны в своих действиях руководствоваться настоящими Правилами.* [Министерство спорта Российской Федерации. «Правила вида спорта «дзюдо» (утв. приказом Минспорта России от 06.02.2020 N 80) (ред. от 04.10.2021) (2020) (131340:10:0)].

Во втором случае формально уточняющее выражение фактически называет новое свойство объекта, определяемого как *официальный*,

является характеристикой, практически независимой от семантики *официальный*, и не реализует какое-либо из системно-языковых значений этого прилагательного:

(2) *Обычно этика отношений между полами и, особенно, внутри семьи формируется двумя культурами – «официальной», **консервативной**, и «поп-культурой», более либеральной.* [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017) (22478:5339:7)].

Контексты с аргументацией

Характеристика *официальный* в неофициальных дискурсах сопровождается обоснованием, чего не наблюдается в государственном и правовом дискурсах. Во-первых, таким обоснованием регулярно является отсылка к письменному свидетельству авторитетного источника. Рассмотрим примеры, в которых смысловой компонент ‘подтверждение официального статуса’ относится к *миллиардерам, церковным данным, каталогу картин*. Особенность референтных ситуаций, в которые включается атрибут *официальный*, состоит в том, что определяемые им объекты не относятся к сфере действий субъектов, указанных в основном значении *официальный* (*правительство, администрация, должностное лицо*). На их роль претендуют субъект каждый раз разный, но авторитетный и / или компетентный в соответствующей сфере жизнедеятельности. Грамматически смысл ‘подтверждение официального статуса’ выражается вводной (3) или определительной (4, 5) конструкцией:

(3) *Например, за время мирового финансового кризиса число официальных миллиардеров в нашей стране удвоилось с 34 до 62, **по данным журнала ФОРБС.*** [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011) (1028:178:7)];

(4) *Официальные церковные данные, **публикуемые в «Справочных книжках епархии»**, включают только исповедовавшихся и причастившихся (хотя бы раз в год) прихожан* [Д. С. Бахарев. Православные приходы Екатеринбурга в начале XX века: численность и соотношение // «Церковь богословие история», 2020 (51267:23:0)];

(5) *Все 14 подаренных картин… включены в официальный каталог картин Н. К. Рериха, **изданный галереей*** [Владимир Чернявский, Кирилл Рыбак. Картины из собрания С. Н. Рериха в фондах Государственного музея Востока: история формирования коллекции // «Культурологический журнал», 2017 (130886:75:31)].

Необходимость обоснования *официального статуса* чего-либо выражается также в том, что анализируемое прилагательное неоднократно соединяется в атрибутивной конструкции со словом *подтверждение*; кроме того, используются эксплицитные пунктуационные средства оформления причинно-следственных отношений. В случае экспликации намерения доказать, что нечто следует считать *официальным*, субъекты речи приводят доводы самого разного характера, в том числе не связанные или

опосредованно связанные с деятельностью акторов государственной сферы; например, в (6) это статистические данные без ссылки на источник:

(6) *Теперь этому есть и* ***официальные подтверждения****: у потомков долгожителей, например, на 62% ниже риск смерти от всех причин, чем у контрольной группы того же года рождения, на 71% ниже риск смерти от опухолей и на 85% – от болезней сердца.* [Полина Лосева. Против часовой стрелки: Что такое старение и как с ним бороться (2020) (130651:3744:4)].

Контексты с хедж-маркерами

Высказывания с прилагательным *официальный*, употреблённым в «не своих» дискурсах, включают различные средства хеджирования, снимающие с говорящих коммуникативную ответственность за неточное высказывание. К ним относятся наречия, наречные выражения со значением возможности иной точки зрения (*определение, являющееся* ***в некотором смысле*** *официальным*; *народное название, постепенно ставшее* ***фактически*** *официальным*; некоторые дискурсивные слова, описанные в научной литературе, например в [5], как хедж-маркеры (*приём… используется и* ***вполне себе*** *официальной медициной*). Полагаем, что избегание ответственности за неточно употреблённое слово – обратная сторона «смутности», «приблизительности» понятия, которое данное слово выражает в публицистике и в художественных текстах.

Неуверенность говорящего в точности номинации *официальный* отражается в метаязыковой рефлексии, в том числе в использовании вводных слов (***назовем его*** *«официальным»*; ***можно сказать****, официальное подтверждение титула*). Рефлексией над словом являются кавычки, которые нередко используются субъектами речи.

Интересно, что в некоторых высказываниях с хедж-маркерами одновременно встречаются средства подтверждения официального статуса чего-либо. Из этих высказываний следует, что субъект речи, с одной стороны, аргументирует свою позицию, а с другой – не уверен в её правильности. Обратимся к примерам, фрагменты которых уже были приведены. В (7) пояснительные отношения оформляются в бессоюзном сложном предложении; в (8) они же выражаются на пунктуационно-синтаксическом и лексическом («*подтверждение*») уровнях высказывания:

(7) *Начнём с так называемого классического варианта – определения, приведённого в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию… и до сих пор являющегося* ***в некотором смысле официальным***: *оно* ***используется в документах ООН, цитируется*** *как базовое в энциклопедиях и учебниках и т. п.* [Виктор Данилов-Данильян. Глобальная климатическая проблема и возможности прогнозирования // «Век глобализации», 2019 (131130:52:34)];

(8) *Примечательно, что безоговорочное и, можно сказать,* ***официальное подтверждение*** *титула «самый выдающийся художник XX века» он получил под занавес уходящего и в канун наступающего столетия, причём не только на родине –* ***по результатам опроса***

***соотечественников**, но и в международном масштабе: **ЮНЕСКО удостоило его высшей награды** – Золотой медали, присуждаемой за особо выдающийся вклад в мировую культуру.*

Добавим, что к средствам хеджирования близки показатели низкой степени официальности (*строгое и даже **немного** официальное впечатление, тамбовские официальные и **не очень** телеграм-каналы*).

Контексты, выражающие альтернативную позицию

В неофициальных дискурсах, в отличие от официальных, реализуется одно из неосновных значений анализируемого прилагательного, а именно значение ‘не выражающий подлинного отношения, оценки; связанный только с внешней, формальной стороной’ [1, с. 142]. В целом ряде примеров из Основного корпуса в явной форме противопоставляются две позиции: с одной стороны, «истинная», «правдивая», «правдоподобная» и, с другой, – официальная. В типичном случае субъект речи использует вставку, оформляющую точку зрения, отличную от уже введённой в высказывание (9). Используются также иные конструкции, например сочинительные ряды (10, 11):

(9) *Тем правдоподобнее выглядят его «филипдиковские» – идущие вразрез с «официальной» версией – соображения о причинах внезапного отъезда Ленина из Франции.* [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017) (22478:5202:8)];

(10) *Столкновение официальной и истинной исторической версий приведёт к разногласиям в различных слоях общества.* [Кусчуй Непома. Таммашин // «Волга», 2014 (62078:954:1)];

(11) *Ты мне не официальную версию, ты правду мне скажи!* [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012 (23201:7509:3)].

Правота неофициальной версии может не обозначаться лексически. В этом случае имеет значение её синтаксический ранг – более высокий, чем ранг той конструкции, которая оформляет официальную версию. Так, в примере (12) на синтаксическом уровне выражается смысл ‘истинно то, что указанные лица погибли при попытке их задержать’:

(12) *Двое – Андрей Сухорада и Александр Сладких – погибли в Уссурийске при попытке их задержать (по официальной версии, застрелились).* [В. О. Авченко. Фадеев (2017) (24748:3223:14)].

Резюмируем. За пределами государственного и правового дискурсов прилагательное *официальный* функционирует иначе, чем в тех дискурсивных условиях, на которые сориентировано его основное значение. Во-первых, в неофициальных средах использование прилагательного *официальный* сопровождается нечёткостью, неопределённостью смысла. В соответствующих высказываниях эксплицируется не сама неопределённость, а стремление говорящего снять её или снять ответственность за употребление слова с неясной семантикой. На речевом уровне это выражается уточняющими конструкциями, средствами аргументации, хедж-маркерами. Во-вторых, особенностью употребления *официальный* в неофициальных

дискурсах является актуализация смысла ‘не соответствующий действительности, ложный’.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 15. [Ред.: Л. Е. Кругликова, Л. И. Балахонова]. М., СПб.: «Наука», 2011. 611 с.

2. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. К – О. 1986. 736 с.

3. Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада. М.: ГВРЛ, 1967. С. 92–103.

4. Сандакова М. В. Прилагательное в атрибутивном словосочетании // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 202–207.

5. Воркачев С. Г. Себе и вполне себе: семантика, прагматика, функции // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 33–48.

УДК 81-23

Е. Г. Пермякова
Уральский государственный университет путей сообщения
(Екатеринбург, Россия)

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКИХ СДВИГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ

SPIN-код автора: 9799-4267

Аннотация. В данной статье рассматриваются глаголы, прототипически не относящиеся к семантике приобщения. В ходе исследования удалось установить, что семантический сдвиг в значении глагола является модификацией его первоначального значения. Исследование позволяет продемонстрировать универсальность глагольной лексики.

Ключевые слова: семантический сдвиг, глаголы, вторичная интерпретация, функционально-семиологический подход.

E. G. Permyakova
Ural State University For Railway Transport (Ekaterinburg, Russia)

THE PROBLEM OF SEMANTIC SHIFT IN MODERN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH: A STUDY ON THE EXAMPLE OF VERBS

Abstract. This article examines verbs that are not prototypically related to the semantics of getting. The study results that the semantic shift in the meaning of the verb is a modification of its initial knowledge. The research demonstrates the universality of verbal vocabulary.

Keywords: semantic shift, verbs, secondary interpretation, functional-semiological approach.

В современном языковом обществе многозначные глаголы могут быть охарактеризованы как лексемы с нечёткой семантикой, это значит, что они способны адаптироваться к процессам, протекающим в различных социальных сферах. В этом случае может иметь место семантический сдвиг, который содействует увеличению значений многозначного глагола и определяется контекстуально. Появление новых значений в результате семантического сдвига фиксируется в необычных контекстах, и демонстрируемое значение чёткому определению не поддаётся. Современ-

© Пермякова Е. Г., 2025

ный язык – это открытая система, он не статичен, но постоянно изменяется под влиянием разнообразных факторов, как языковых, так и внешних.

Под семантическим сдвигом подразумевается трансформация в понимании языковой единицы, которая появляется вследствие синтаксической аппликации как итог изменений семантики на коннотативном уровне. В результате полностью переосмысливается первоначальное значение, которое передаёт в большей степени отрицательную и в меньшей степени положительную оценку.

Разговорная речь спонтанна, она характеризуется такими особенностями, как оперативность реакции собеседников в реальном времени, интерактивность, информационная избыточность, поликонтекстуальность, развлекательность с применением стилистических приёмов для привлечения внимания или манипуляций. Употребление рассматриваемых в данной статье глаголов в значении приобщения чаще отмечено в разговорном дискурсе, что не является ненормативным, поскольку подвижность лексического уровня языка допускает появление текстов, стилистически близких к разговорному стилю.

Для изучения особенностей человеческого сознания с точки зрения восприятия и обработки поступающей информации применялись методы когнитивной лингвистики, одним из которых является функционально-семиологический подход, предложенный Н. Н. Болдыревым. Данный подход представляет собой систему многоаспектных исследовательских приёмов, включающих метод компонентного анализа словарных дефиниций, а также метод концептуального анализа, благодаря которому выделяются инвариантные и дифференциальные признаки. Метод контекстуального анализа важен, поскольку речь идёт об имплицитном выражении ситуации получения вторичного значения у глаголов с прототипически иным значением. На завершающем этапе использовался метод сопоставительного анализа лексических единиц [1, с. 62].

Динамические процессы в семантической структуре глаголов анализировались на материале Национальных корпусов русского, английского и французского языков [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Так как цель исследования заключалась в изучении семантических сдвигов, выбор национальных корпусов был сделан по причине их массовости и доступности. Источником материала послужил огромный пласт новостных и газетных текстов. Картотеку примеров дополнили мнения, комментарии к статьям, а также тексты различных форумов. Форумы являются источником информации широкого тематического диапазона, следовательно, данный источник можно считать полезным для изучения возникновения семантических сдвигов в текстах и речи современного человека.

Таким образом, можно предположить, что, если глагол активно употребляется в разных текстах и частота его применения растёт,

семантический сдвиг в значении этого слова неизбежен. Некоторые изученные значения представлены единично, поэтому имеют незначительную частоту употребления в речи, другие случаи, напротив, становятся более систематическими. В ходе работы удалось установить, что не все семантические сдвиги следует относить к разряду случайных, поскольку это зависит от сферы, в которой сдвиг был обнаружен.

Перейдем к контекстуальному анализу вторичных значений и описанию семантических трансформаций групп глаголов: *to milk / доить / traire, to bite off /откусывать / grignoter* и *to squeeze / выжать / pressure* в английском, русском и французском языках.

Глаголы давления *to milk*, *доить* и *traire* подвергаются семантическому сдвигу посредством метафоризации. В концептуальной системе обычного человека значение этих глаголов отражает определённый личный опыт. Значение исследуемых глаголов предполагает аналогию на основе метафоризации глаголов, которая аккумулирует стереотипы языкового сознания. В своём прототипическом значении исследуемые глаголы описывают действие, связанное с сельским хозяйством, в частности с животноводством и молочной продукцией. Вторичные значения данных глаголов образуются в разных стилистических пластах – разговорной речи, просторечии, жаргоне и даже арго. Важным аспектом при этом является народная аксиология, т. е. эмоционально-маркированная оценка в сознании носителей языка. Следует отметить принципиальную важность контекста. Образ коровы в разных языках и культурах используется при описании таких качеств человека, как медлительность, глупость, жадность, наряду с такими частными характеристиками, как покорность, лицемерие, агрессивность. Так, упомянутые человеческие качества можно продемонстрировать в примерах: *выдоить тройную цену за ремонт бачка / used her disease to milk money out of poor people / начали доить законопослушных / Nous sommes un troupeau de vaches a traire harcelés par l'administration / доить богатых лохов / to milk more money out of the fans / to milk gallons of pounds sterling from Her Royal Highness*. Эти примеры показывают, что образ коровы сохраняется по аналогии с действиями по содержанию домашнего хозяйства, в частности с дойкой, и служит основой для метафоризации человека как безотказного источника доходов. Скот олицетворяет податливых и безвольных людей или целые государства, находящиеся под влиянием доминирующих стран. В случае с исследуемыми глаголами имплицитно выражается значение отчуждения.

Другие примеры семантических изменений в ходе адаптационных процессов в разных языках также демонстрируют необходимость отразить возникающие в социуме семантические потребности, что снова приводит к расширению исходного значения глагола, проникающему из других сфер социального взаимодействия [8].

В следующих примерах глаголы поглощения пищи при помощи зубов *to bite off, откусыват*ь и *grignoter* анализируются как посессивные. На базе прототипического значения исследуемых глаголов конструируется новое значение благодаря описанию наиболее востребованных когнитивных механизмов метафоры и метонимии, что составляет интерпретирующую базу действий, которые совершает человек по отношению к чему- или кому-либо в ходе своей жизнедеятельности. В контексте исходное значение претерпевает смысловые модуляции, во многом находясь в зависимости от семантики объекта, в результате чего эти глаголы сочетаются с событием, которое выражено функциональным обстоятельством места. Так, можно сказать, что глаголы *to bite off, откусыват*ь и *grignoter* описывают этап отделения пищи зубами. Иными словами, глаголы аспектируют отделение части от целого, при этом с позиции субъекта подразумевая получение удовлетворения потребностей, а по отношению к объекту – его сокрытие, повреждение, полное уничтожение, например: *viennent grignoter les surfaces agricoles / bite off the entire 300 miles / bite off a hefty chunk of the market / откусил от экономического пирога / «откусить» голоса избирателей у коммунистов.*

Проанализировав искомые значения получения и отчуждения в контексте значений, несвойственных семантике глаголов *to bite off, откусыват*ь и *grignoter*, мы пришли к выводу, что реализация ситуации приобщения возникает из-за семантической асимметрии в пределах позиции предикат-аргумент, который в большинстве случаев переосмысливается благодаря механизму метафоры. Неестественное соединение глагола с другими языковыми единицами в осмысленное целое происходит в особом лингвистическом или экстралингвистическом контексте. В характеристике предикатов-аргументов преобладают такие свойства, как состав блюда, пищевая ценность продуктов, например вкус, питательность, которые выступают основанием для образной вербализации. В характеристике предиката выделены такие действия, как механическое воздействие на объект, воздействие агрессивной среды до полного или частичного разрушения объекта и, напротив, способность вызывать аппетит и доставлять гастрономическое удовольствие.

В большинстве рассмотренных примеров явления физиологического порядка поглощения пищи чаще всего интерпретируются как несущие негативное воздействие и связаны с отрицательной оценкой. При этом можно считать эквивалентными глаголы русского и французского языков, т. к. они встречаются в одних и тех же ситуациях. Самое большое разнообразие значений выявляется в английском языке, что определяет глагол *to bite off* как более продуктивный [9].

В заключение обратимся к контекстуальному анализу глаголов удаления объекта *to squeeze, выжат*ь и *pressurer*. Исходя из семантики этих глаголов, мы определяем, что доминантной когнитивной областью форматирования знаний о мире у указанных глаголов является

«ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ». Учитывая, что в семантике исследуемых нами глаголов происходит семантический сдвиг, в своём вторичном значении они описывают бенефактивно-привативную ситуацию с одним или несколькими участниками, благодаря чему выявляются две основные когнитивные области-ориентиры – «ЧЕЛОВЕК» и «ОБЩЕСТВО». В проанализированных примерах концептуальная деривация в основном обеспечивается механизмами метафоры, которые формируют ненаблюдаемые явления, основанные на сравнении с личным опытом и выделяемые сознанием человека, например: ***выжал*** *из меня страх и заставил верить* / ***squeezes*** *all the verve and vigour out of them* / ***выжать*** *из молчуна такой комплиментище* / ***выжать*** *из людей как можно больше баблоса* / ***pressurer*** *la population au maximum afin que les plus nantis puissent continuer à mener leur train de vie* / ***выжать*** *из народа все соки*.

С привлечением данных контекста можно выявить, что в указанных глаголах реализуется новое знание, в большинстве случаев связанное с отрицательной оценкой интерпретируемого аспекта. Нам удалось обнаружить отличия в трёх исследуемых языках. Во-первых, при описании ситуаций с одним эксплицитным участником проявляется модель «эмоции человека – это жидкость», «слова человека – это жидкость» в английском и русском языках и модель «энергия человека – это жидкость» во французском языке. Во-вторых, при выводе оценочной импликатуры области «ЧЕЛОВЕК» автором высказывания передаётся положительная оценка. Что касается ситуаций области «ОБЩЕСТВО», то данные контекста свидетельствует о появлении нового знания, которое подразумевает социальное неравенство между участниками ситуации в целом и унизительное положение привацианта в частности. Все упомянутые особенности в семантике глаголов ещё не нашли отражение в лексикографической практике [10].

Исследование продемонстрировало, что глагольные единицы при адаптации к новым условиям коммуникации способны менять своё изначальное значение и по-другому восприниматься в языковой среде. Отмечается отказ от прототипического смысла и предпочтение вторичного наименования глагола. Следовательно, происходит смещение смысловых акцентов, расширение значения и полная трансформация под влиянием экстралингвистических факторов, которые воздействуют на эмоциональное состояние человека и провоцируют нетипичное использование глаголов, ассоциативно связанных с ситуацией приобщения.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: коллективная монография. М., Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. Вып. 4. С. 25–78.

2. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 03.07.2022).
3. British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 13.07.2025).
4. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: https://www.cnrtl.fr/corpus/ (дата обращения: 13.07.2025).
5. Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения: 13.07.2025).
6. Leipzig University Corpora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/ (дата обращения: 13.07.2025).
7. Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ (дата обращения: 13.07.2025).
8. Пермякова Е. Г. Вторичная номинация глаголов давления «to milk», «доить» и «traire» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 8. С. 2705–2710.
9. Пермякова Е. Г. Семантика глаголов поглощения пищи при помощи зубов в сопоставлении образного строя английского, русского и французского языков // Российский гуманитарный журнал, 2022. Т. 1. № 4. С. 258–270.
10. Пермякова Е. Г. Семантика и прагматика английских, русских и французских глаголов удаления объекта to squeeze, выжать и pressure в сопоставлении // Обществознание и социальная психология. 2022. №12 (42). С. 406–419.

УДК 811.161.1’37:392.7

Т. Б. Радбиль
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

ВОЗДЕЙСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ О ЗДОРОВЬЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ*

SPIN-код: 2835-0370
*Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00371 «Дискурсивные практики в сфере здравоохранения и направления их оптимизации: лингвистические и этико-правовые аспекты», https://rscf.ru/project/24-18-00371/

Аннотация. На примере прецедентного выражения «Чистота – залог здоровья» в работе рассматриваются особенности функционирования прецедентных феноменов в моделях речевого воздействия, представленных в отечественной медиаречи, по данным газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: прецедентные феномены, дискурс здравоохранения, отечественный медиадискурс, модели речевого воздействия, корпусный анализ.

T. B. Radbil
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

PERLOCUTIONARY POTENTIAL OF PRECEDENT EXPRESSIONS ABOUT HEALTH IN THE DOMESTIC MEDIA DISCOURSE*

*The reported study was funded by Russian Science Foundation “Discursive practices in the field of healthcare and their optimization ways: linguistic, ethical and legal aspects”, project number № 24-18-00371, https://rscf.ru/project/24-18-00371/

Abstract. Using the example of the precedent expression “Cleanliness is the key to health”, the paper examines the features of the functioning of precedent phenomena in speech influence models presented in domestic media speech, according to the newspaper corpus in the Russian National Corpus.

Keywords: precedent phenomena, healthcare discourse, domestic media discourse, speech influence models, corpus analysis.

© Радбиль Т. Б., 2025

В работе на новом языковом материале представлены очередные результаты предпринятого нами комплексного анализа языковых и лингвопрагматических средств, речевых стратегий и тактик в дискурсивных практиках сферы здравоохранения [1]. В ряду указанных дискурсивных практик медийный дискурс можно считать наиболее репрезентативной и динамично развивающейся коммуникативной средой распространения активных процессов в русском языке, в том числе в области коммуникативных стратегий и тактик речевого воздействия [2]. Таким образом, в центре исследовательского внимания находятся особенности речевой реализации прецедентных высказываний о здоровье в моделях речевого воздействия, представленных в отечественной медиаречи. Методологической основой исследования выступают идеи и принципы когнитивно-дискурсивного подхода к анализу интернет-коммуникации [3]. Использована авторская методика корпусно-дискурсивного анализа [4]. Материалом исследования являются контексты, извлечённые из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка [5].

Прецедентные феномены являются значимым строевым элементом культурного фона языкового сообщества, своего рода «языка культуры» этноса и социума [6]. В целях нашего исследования важно указать на то, что актуализация культурной информации посредством использования прецедентных феноменов наиболее ярко проявляется при их употреблении в преобразованном виде. Именно в этом плане об «энергии клишированных форм» рассуждает М. А. Кронгауз: «Речь идёт о разрушении клише не в смысле его исчезновения из речи, а в смысле его искажения, или разрыва, что в действительности означает своего рода актуализацию, и тем самым как раз возвращение его энергии или, может быть, говоря точнее – её освобождение. В этом понимании разрушение клише оказывается вполне содержательным прагматическим актом» [7, с. 187].

Именно разного рода структурные, семантические и прагматические трансформации исходных прецедентных единиц имеют значительный воздействующий потенциал, который активно эксплуатируется авторами медиатекстов в целях языковой выразительности, усиления аттрактивности контента и, в конечном счёте, в целях внедрения в общественное сознание определённых идей и ценностей. Как пишет М. А. Кронгауз, «в каждом таком акте фактически сосуществуют два языковых знака. Некое клише (естественно, вместе с полным набором семантических компонентов, включая стандартные условия употребления) присутствует имплицитно, т. е. подразумевается. Эксплицитно же присутствует его искажение: некая новая форма или же старая форма с новым содержанием» [7, с. 187].

Непосредственным предметом исследования в настоящей работе является дискурсная реализация прецедентного высказывания: *Чистота –*

залог здоровья. Происхождение этого выражения возводят к изречению древнегреческого врача Гиппократа, утверждавшего, что «не болеют там, где чисто».

Разумеется, в ряде случаев данный прецедентный феномен используется авторами медиатекстов и в своём, так сказать, аутентичном значении, например: *Радует, что даже в кризис россияне не забывают:* ***чистота – залог здоровья*** [Московский комсомолец, 17.07.2016]; *Для начала вспомним:* ***чистота – залог здоровья****. Когда я говорю родителям, что комната их ребенка – аллергика должна напоминать казарму, на меня обижаются* [Труд-7, 20.05.2002].

Однако именно адаптация исходного смысла пратекста к новому актуальному культурно значимому содержанию, для чего, собственно, и осуществляется его преобразование, и создаёт эффект «прирастания культурных смыслов», по выражению М. Л. Ковшовой [6]. В целях нашего исследования важно, что можно говорить о двух видах трансформаций прецедентного высказывания: «Говорящий изменяет его форму или же, сохраняя форму, изменяет стандартный контекст, т. е. сферу употребления» [7, с. 188].

Первую разновидность мы условно именуем как **структурно-семантические преобразования**, при которых происходит варьирование компонентов устойчивой единицы (субституция), элиминация или, напротив, вставка элементов, метатеза (перестановка), контаминация двух единиц и пр.

Самый простой тип такого преобразования – это замена исходного элемента на близкий ему по смыслу (квазисинонимическая субституция). Это может быть связано с гипо-гиперонимическими или партитивными отношениями исходного и нового компонента, например: *В условиях распространения коронавируса Роспотребнадзор напомнил, что* ***чистые руки – залог здоровья*** [Парламентская газета, 2020.04.23]; *Калининградская областная универсальная научная библиотека, 15 мая, «Клуб здоровья». Тема: «****Чистая вода – залог здоровья****»* [Комсомольская правда, 16.05.2010].

Другой тип лексической субституции – это замена исходного элемента на новый, нужный автору медиатекста, с целью эксплуатации позитивного ценностного ореола исходной формулы. Именно это, собственно, и является основой данного прагмалингвистического механизма воздействия – в готовое клише подставляется любая номинация, которая оценивается в контексте «залога здоровья»: *На всю миллионную армию чуть больше двух тысяч заболевших. Там* ***дисциплина – залог здоровья*** [Vesti.ru, 25.10.2020]; ***Диета – залог здоровья.*** *В лечении и профилактике воспаления поджелудочной железы диета вообще играет первостепенную роль* [Аргументы и факты, 2007.07.19]; *Любовь повышает иммунитет.* ***Счастливый брак – залог здоровья*** [Аргументы и факты, 2006.11.21].

Воздейственный потенциал как «энергия преобразования клишированных форм» усиливается при сознательном использовании авторами медиатекстов механизмов «языковой игры» [2]. Так, может быть задействована модель паронимической аттракции (*чистота → частота*): ***Частота – залог здоровья****: отдалённые больницы и школы получат интернет* [Известия, 17.12.2019]; или рифмованного созвучия (*чистота → простота*): *Да и сама приставка стала существенно меньше – сейчас она размером чуть толще плитки шоколада ritter sport …* ***Простота – залог здоровья*** [Комсомольская правда, 18.02.2013]; (*После выноса мяча Анюковым)* ***Простота – залог здоровья*** *и красоты (В. Стогниенко, А. Талалаев, Россия – Швеция)* [Советский спорт, 20.06.2008].

Также может обыгрываться сходство с акцентной структурой заменяемого трёхсложного компонента (в нашем случае – два безударных слога перед заключительным ударным), что позволяет сохранить и тем самым экспрессивно «нагрузить» аналогию с ритмической организацией всего исходного пратекста: *Ранее «Ъ» стало известно, что уже в этом году на конференции сторон Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака (РКБТ) в ноябре может быть поднят вопрос об ограничении или запрете тонких форматов сигарет. Подробнее о возможном запрете читайте в материале «Ъ» «****Толщина – залог здоровья****»* [Коммерсант, 15.07.2016]; *Короче, тяга к книге наблюдалась какая-то сверхъестественная. Толщина –* ***залог здоровья*** [Известия, 03.12.2001]; *Ведь совсем не* ***крутизна – залог здоровья****, как уверял меня местный персонал спорткомлексов для простых смертных* [Труд-7, 27.08.2001]; *К тому же дом должен стоять в хорошем месте, чтобы вы в любой момент могли открыть окно и проветрить квартиру.* ***ТИШИНА – ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ*** [Аргументы и факты, 1999.01.27].

В ряде подобных случаев сходство акцентной структуры, т. е. сохранение исходной ритмической организации, для автора медиатекста важнее, чем соблюдение формально-грамматического тождества нового элемента и заменяемого (например, общность родовой принадлежности): ***Витамин – залог здоровья****. Почему-то лишь весной мы вспоминаем, что организму нужны витамины, и начинаем срочно глотать аскорбинку* [Аргументы и факты, 1996.03.27].

Вторая разновидность преобразований трактуется нами как **прагмасемантические преобразования**, когда происходит, по мысли М. А. Кронгазуа, «точное воспроизведение клише, но в необычных условиях. Необычность условий может заключаться в нестандартности контекста или нестандартности речевой ситуации, каких-то экстралингвистических обстоятельств, т. е. контекста в широком смысле слова» [7, с. 189].

Так, к самым простым случаям изменения типовых условий употребления прецедентного высказывания можно отнести примеры точного его воспроизведения при изменении коммуникативно-прагматических характеристик, например цели высказывания, в

результате чего существенно меняется прагматика высказывания: ***Чистота – залог здоровья****? Родители маленьких детей часто задаются вопросом: как долго кипятить и проглаживать горячим утюгом пеленки малыша?* [Аргументы и факты, 2003.03.06]. Здесь иллокутивная сила исходного генерализованного утверждения, имеющего статус некой общечеловеческой истины, переводится в модус вопроса, то есть возникает модальность гипотетического предположения, которое ещё нуждается в аргументации.

К более сложным случаям прагмасемантических преобразований мы относим явления ненормативного расширения исходной референциальной области высказывания в целом или его отдельных компонентов. Так, в исходном прецедентном высказывании по умолчанию подразумевается, что речь идёт о здоровье людей. Однако в ряде контекстов мы встречаем возможность использовать этот прецедентный феномен для референции к миру животных, например: ***Чистота – залог здоровья*** *Хорошие манеры и чистоплотность присущи не только людям, но и милым енотам* [РИА Новости, 17.10.2015]; *Маленький грызун, видимо, решил привести себя в форму и начал активные занятия спортом. И правильно – всё-таки,* ***бег – залог здоровья*** [РИА Новости, 09.10.2016].

В последнем примере, как видим, прагмасемантическое преобразование осложняется и структурно-семантическим: используется лексическая субституция *чистота → бег*.

Более существенная прагматическая дистанция между референциальными областями исходного и преобразованного текста возникает в случае референции высказывания *Чистота – залог здоровья* к сфере работы механизмов, устройств, для которой понятие здоровья метафорически трактуется как нормальное функционирование без сбоев: ***Чистота – залог здоровья*** *не только для человека, но и для мотора* [Труд-7, 09.09.2002]; *Здесь как в медицине – профилактика легче лечения. Как же ухаживать за аккумулятором, чтобы он с лёгкостью запускал двигатель в любые морозы?* ***Чистота – залог здоровья*** [Комсомольская правда, 05.12.2002].

В случаях расширения исходной референциальной области высказывания от мира человеческого здоровья до сферы продуктов питания, напитков и пр. прагмасемантическое преобразование может сопровождаться чисто семантической операцией – стилистическим приёмом амфиболии, основанным на совмещении, т. е. нераспределённой реализации в одном контексте двух разных значений: *И у водки* ***чистота – залог здоровья****. Объясните, пожалуйста, чем отличается водка за 50 руб. от водки за 500 руб.?* [Аргументы и факты, 2001.11.28]. Здесь наряду с сохранением в культурной памяти аудитории исходного значения лексемы *чистота* ‘отсутствие грязи’ актуализуется и другое значение,

применительное к веществам, жидкостям: ‘без примеси чего-либо постороннего или с незначительной примесью’ [8].

Проведённое исследование продемонстрировало существенный воздейственный потенциал трансформированных прецедентных высказываний о здоровье в отечественном медийном дискурсе. Перлокутивный эффект в таких случаях достигается за счёт осознанного использования авторами медиатекстов готовых культурно значимых моделей для выражения новых актуальных смыслов и нужных авторам оценок. При этом задействуется и культурная компетенция читателей, которые должны адекватно распознать пратекст и вместе с автором воспринять логику перехода от исходного содержания к новому, а также эстетически оценить саму трансформацию.

Литература

1. Радбиль Т. Б. Смыслообразующие функции языковых аномалий в поликодовых текстах рекламы медицинских товаров и услуг // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. № 2. С. 100–116.

2. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 304 с.

3. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М: Флинта, 2021. 328 с.

4. Радбиль Т. Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. Том 8. № 4. С. 406–420.

5. Национальный корпус русского языка. URL: http: // www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.05.2025).

6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры: Монография. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.

7. Кронгауз М. А. Речевые клише: энергия взрыва // Лики языка: Сб. научн. трудов. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 185–195.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С–Я. 1988. 800 с.

УДК 81’373

Ю. Чжэн
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛИПА» В РУССКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

SPIN-код: 7934-3731

Аннотация. Данная статья посвящена анализу русских паремиологических единиц, содержащих концепт ЛИПА, на основании чего автор приходит к выводу, что символика липы в русских паремиях в основном связана с бытом народа и мягкостью её древесины, которая использовалась для изготовления разнообразного оборудования.

Ключевые слова: концепт, русская паремия, лингвокультурология, символическое значение, липа.

Y. Zheng
Kazan (Privolzhsky) Federal University (Kazan, Russia)

SYMBOLIC MEANING OF THE CONCEPT "LINDEN" IN RUSSIAN PAREMIOLOGICAL UNITS

Abstract. This article is devoted to the analysis of Russian paremiological units containing the concept LINDEN, on the basis of which the author comes to the conclusion that the symbolism of linden in Russian paremi is mainly associated with the everyday life of the people and the softness of its wood, which is used for the manufacture of a variety of equipment.

Keywords: concept, Russian paremy, linguoculturology, symbolic meaning, linden.

Русские паремиологические единицы представляют собой сущность русского языка, отточенную и накопленную русским народом в ходе многовековой истории. Концепт ДЕРЕВО является значительной и неотъемлемой частью в паремиологической картине мира русского языка. Паремиологические единицы, содержащие концепт ДЕРЕВО, не только наглядно демонстрируют производство и быт русского народа, но и несут в себе его уникальный социальный опыт и мыслительный образ.

Объектом исследования данной статьи является русская паремиологическая картина мира, а предметом исследования представля-

© Чжэн Ю., 2025

ются русские паремиологические единицы, содержащие концепт ЛИПА. Цель статьи заключаются в том, чтобы представить результаты изучения символического значения концепта ЛИПА в русских паремиологических единицах и осмыслить уникальное восприятие русским народом липы.

Липа относится к числу наиболее часто выращиваемых деревьев в России как в лесах, так и в городах. Липа играет важную роль в жизни россиян, например, липовый мёд считается одним из лучших сортов мёда в России и может использоваться для лечения простуды и гриппа, а высушенные цветы липы можно использовать для приготовления горячего напитка.

Мягкая белая древесина липы зачастую становилась материалом для изготовления игрушек, столовых приборов и другой повседневной утвари, что зафиксировано в следующих двух загадках:

В избу – вороном,
из избы – белым лебедем (лутошка) [1, с. 48]*;*
На горе-горище лежит убит царище,
крови нет – одна косточка (липа) [2, с. 208]*.*

Со словом *липа* в русском языке связано слово *лыко*, что подтверждает его лексическое значение: «внутренняя часть коры молодых широколиственных деревьев (преимущественно липы), куски и полосы которой часто используются для изготовления веревок и корзин или грубых циновок» [3, с. 508]. Это значение слова *лыко* находим в следующих загадках:

На Туторевом болоте Туторь Туторя убил,
Кожу снял,
домой взял,
мясо там бросил (лыки) [4, с. 69];
Шёл я по дорожке,
Нашёл лисят,
все на липке висят,
У них лапы гусины,
а сами в башмаках,
Я их тык – они с липки шмыг (лыки) [4, с. 69].

Анализируя паремиологический фонд русского языка, мы обнаруживаем, что концепт ЛИПА в пословицах и поговорках в основном связан с полезностью липы в жизни русского народа. Например, древесина липы мягкая, из неё можно делать одежду и обувь, такая особенность отражена в пословицах:

Сосна кормит, липа одевает [1, с. 93]*;*
Сам дубовый, пояс вязовый, нос липовый [1, с. 100];
В липовом корытце живое мясцо шевелится (нога в лапте) [1, с. 105].

Концепт ЛИПА в следующих пословицах, репрезентирующих значение ‘ложка’, символизирует гостеприимство:

Употчевали гостя липовым лещом [1, с. 266]*;*

Пара липовых лещей (ложек) да горшок пустых щей [1, с. 268].

Липа считается у русских «священным» деревом, поскольку её древесина используется как один из сырьевых материалов и для изготовления икон, что отражено в пословицах и загадках:

Есть свято, с липы снято; по краешкам ремешки (по краям тпрусеньки), а в середке тпру (сито) [1, с. 104].

Липа встречается в пословице, символизирующей судьбу невестки: *Сказка, присказка, прикована невестка к стульцу, к ножке, к липовой лутошке, к собачьей норе* [1, с. 64]. Липа также фигурирует в пословице, повествующей о «приданом», которое сжигали до пепла, чтобы предсказать, что приданое будет потрачено после свадьбы: *Липовы два котла, да и те сгорели дотла* [5, с. 319].

Липа и изделия из неё имеют и другие символические значения в русских паремиях. Например, пословица *На то, на что с липы лыко дерут* [1, с. 191] имеет значение наказания за непослушание. А паремия *Была липка, стала лутошка* [1, с. 262] выражает разницу между прошлым и будущим, которое должно иметь хорошие перспективы. В данной пословице, используя стилистический приём метафоры, русский народ связывает *липку* и *лутошку* с прошлым и будущим, тем самым выражая в русском языковом сознании ассоциативное восприятие липы и изделий из неё. Таким образом, можно утверждать, что метафора является не только стилистическим приёмом, но и инструментом познания [6, с. 86].

Вместе с тем слово *липа* в словарях русского языка зафиксировано не только в значении ‘дерево’, но и в значении ‘подделка’, ‘фальшивка’ [3, с. 498]. Однако в некоторых пословицах и поговорках слово *липовый* означает ‘бедность’, например:

Торговал, торговал, да на липовой машине и уехал домой [7]*;*

Богат стал – лаковые сапоги на липовые поменял [там же]*;*

Бары липовые, а мужики дубовые [1, с. 201].

Каждая культура имеет свою собственную уникальную языковую систему, а язык в определённой степени отражает чувство принадлежности народа к своей национальной культуре и её уникальность [8, с. 92]. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что символические значения концепта ЛИПА в русских паремиологических единицах в основном связаны с полезностью липы в жизни русского народа. Понимание большинства паремиологических единиц обусловлено сложившейся традицией целенаправленного применения древесины липы благодаря её свойствам, которые русский человек смог использовать в повседневной жизни для изготовления одежды, обуви, домашней и кухонной утвари, игрушек, икон. Кроме того, слово «липовый» в некоторых пословицах и поговорках имеет значение ‘бедность’.

Литература

1. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. 447 с.

2. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. Митрофанова В. В. Загадки. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1968. 255 с.

5. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.

6. Мубаракшина А. М. Метафора в гороскопическом тексте: функциональный аспект // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2025. № 5. С. 80–89.

7. Уваров Н. Б. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения. М.: Инфра-Инженерия, 2009. 592 с.

8. Мубаракшина А. М., Чжэн Ю. Ассоциативно-семантическое поле «цветы» в русских паремиях // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1(79). С. 92–97.

УДК 81’367.628

И. А. Чуносова
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ МЕЖДОМЕТИЯ «ОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

SPIN-код: 3554-6663

Аннотация. Междометие «ой» исследуется с применением средств Национального корпуса русского языка (НКРЯ), встроенный нейросетевой инструмент которого «НейроКРЯ» помогает рассмотреть популярные «лица» междометия «ой», их трансформации и нарисовать портрет слова.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, междометие, Национальный корпус русского языка, нейросети.

I. A. Chunosova
South Ural State University (National Research University)
(Chelyabinsk, Russia)

LINGUISTIC PORTRAIT OF THE INTERJECTION «OJ» (BASED ON THE MATERIAL OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Abstract. The interjection «oj» is studied using the means of the National Corpus of the Russian Language (NCRL). Its built-in neural network tool «NeuroCRYa» helps to examine the popular «faces» of the interjection «oj», their transformations and draw a portrait of the word.

Keywords: corpus linguistics, interjection, National corpus of the Russian language, neural networks.

Современная наука обладает многими функциональными ресурсами, вспомогательными для работы исследователя, привлекательными для подрастающего поколения научных кадров из-за своей цифровой формы. Один из самых востребованных и быстро развивающихся на данный момент инструментов — Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [1].

Внутренний инструментарий НКРЯ постоянно пополняется, и в целом весь корпус сейчас переживает интенсивный скачок роста: его обо-

© Чуносова И. А., 2025

лочка стала гораздо более привлекательной и понятной, интерфейс упрощён, форма презентации результатов поиска теперь доступна в нескольких видах. Чтобы стать таким, НКРЯ пережил продолжительный период «технической модернизации программной архитектуры, ресурсного пополнения и обновления данных и разметки» [2, с. 10]. Действующая версия НКРЯ — это Корпус 2.0, пополненный, разнообразный и объединённый в форму, доступную для работы лингвиста любого уровня.

Пополнение НКРЯ большим количеством текстов вынудило коллектив учёных привлечь программные методы для разграничения омонимичных словоформ, а позже и для грамматической разметки текстов. Сочетание этих функций позволило собрать «НейроКРЯ». По словам создателей НКРЯ, использование «нейросетевых моделей для подготовки данных и их анализа является сегодня наиболее перспективным для развития всей экосистемы Национального корпуса русского языка, особенно с учётом объёма и масштаба его пополнений» [2, с. 12].

Нейросети прочно входят в жизнь современного человека, это сложный инструмент, который умеет быстро обрабатывать большие объёмы информации, выдавать стереотипные обобщения данных, но также умеет допускать ошибки. Предлагаем познакомиться с портретом междометия «ой» через инструментарий «НейроКРЯ» и оценить результат.

Исследования, посвящённые междометиям, обрисовывают сложную многоаспектную картину. Например, И. А. Стернин и Ю. А. Цофина предлагают для наиболее полного описания такой лексической единицы, как междометие, опираться «на некий метаязык, который должен быть сформулирован исследователем на основании анализа контекстов междометных употреблений и верифицирован в эксперименте, то есть подтверждён реальным языковым сознанием носителей языка, которое отражает функционирование междометий в современном тексте» [3, с. 34–35]. Учёные, рассматривающие два и более языка в сопоставлении, склонны трактовать значение междометий, в первую очередь опираясь на их функции в рамках прагматического дискурса [4, с. 109]. Коммуникативно-прагматические функции очерчиваются во многом через анализ художественных текстов, часто переводных [5, с. 29]. Другим популярным в современной науке направлением исследования междометий является их поиск в литературе на национальном языке, а также толкование и анализ с привлечением особенностей менталитета, самобытных черт национальной культуры, идентичности и своеобразия [6, с. 121–123].

Портрет междометия «ой», который рисует нам не учёный, а «НейроКРЯ» – специализированная, тренированная на образцах нейросеть, – отличается своеобразием. В качестве омонимичных форм это междометие сопровождают: прилагательное, числительное-прилагательное, местоимение-прилагательное, существительное, частица, наречие и союз. Сомнительность отдельных омонимов наглядно подтверждается опцией «НейроКРЯ» – облаком слов (рис. 1).

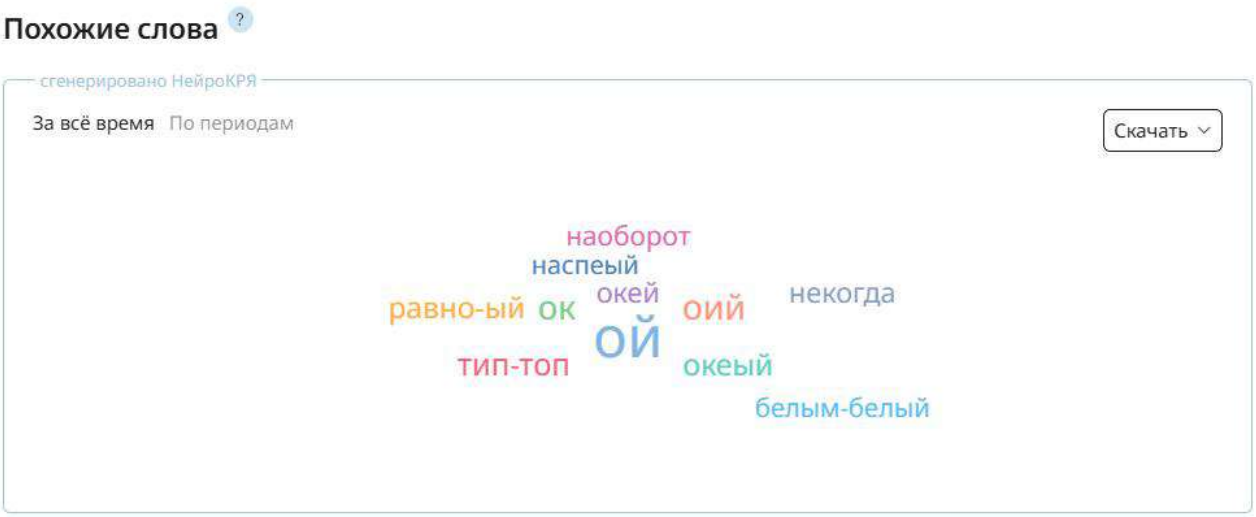

Рис. 1. Облако слов для «прилагательного» «ой». Нейросеть сочла вариант окончания прилагательного омонимичной формой

Как мы видим, запутать нейросетевого помощника нетрудно, а потому данные нуждаются в перепроверке, в том числе во время внесения: на примере (рис. 1) также видно, что часть слов отражается с опечатками.

Возвращаясь к портрету собственно междометия, стоит отметить, что он не оформлен до конца: некоторые инструменты внутри «НейроКРЯ» проходят отладку или не способны на данном этапе собрать достаточную статистику для отображения. Однако действующие элементы демонстрируют информационную сводку с высоким процентом соответствия действительности (рис. 2).

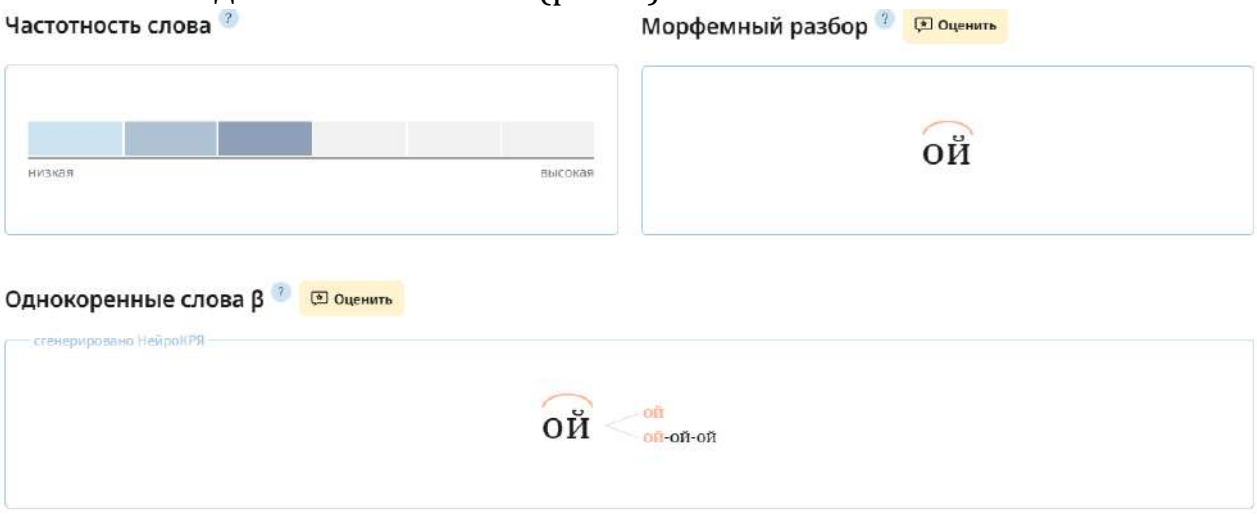

Рис. 2. Частотность слова, морфемный разбор и присутствие однокоренных слов адекватны для междометия

Функционал автоматического собрания диаграмм, круговых или столбчатых, разработан создателями «НейроКРЯ» так, чтобы удовлетворять потребностям в систематизации по частотным запросам для

сопоставления данных. При исследовании междометия одно из самых интересных оснований – жанр прозы, где фигурирует «ой» (рис. 3).

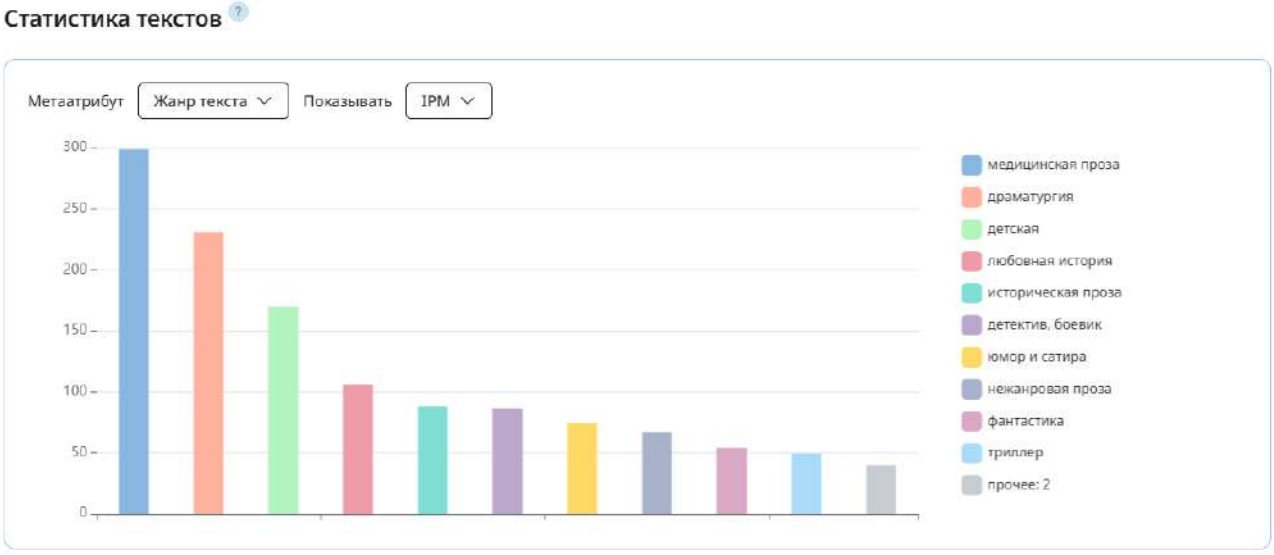

Рис. 3. Статистика появления междометия «ой» в жанровой прозе

Кроме продемонстрированного, метаатрибутом подобной сводки может служить:

– *пол автора* (междометие «ой» женщины используют чаще (54%), чем мужчины);

– *вид текста* (75,4% употребления «ой» приходится на художественную литературу);

– *сфера функционирования* (с большим отрывом побеждает электронная коммуникация, а на втором месте – снова художественная);

– *тип текста* (лидирующим обозначен тип «аттестат», а на втором месте – «интернет-пейджер»);

– *тематика текста* (первые пять лидирующих тематик примерно одинакового значения: этнография, металлургия, частная жизнь, досуг-зрелища-развлечения, филология);

– *стиль* (междометие «ой» чаще прочих используется в разговорном, затем региональном, а после в сниженном, стилизации или в индивидуально-авторском стиле).

Следующий виджет, активно совершенствующийся и пополняемый функционалом, – распределение вхождений искомой словоформы по годам (рис. 4). Относительность распределения данных зависит от корпуса оцифрованных текстов, однако даёт общее представление о жизни слова в русском языке на протяжении обозначенного периода.

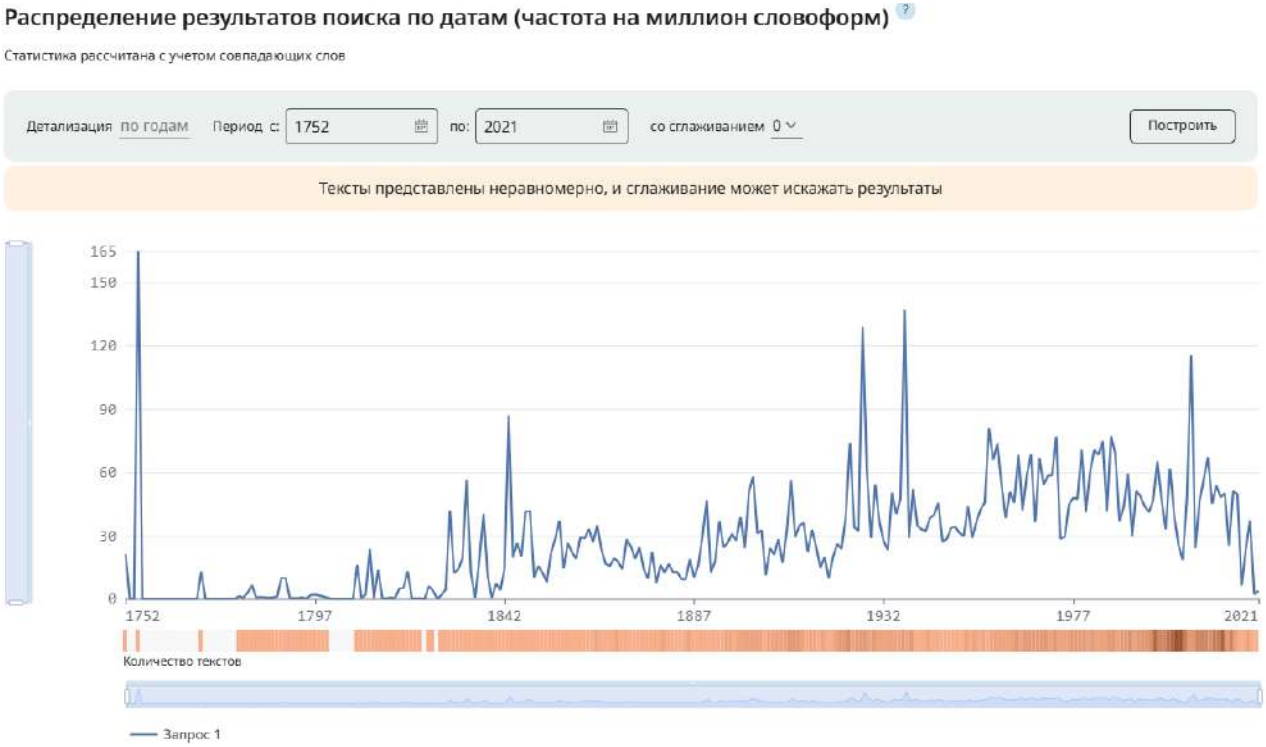

Рис. 4. Присутствие междометия «ой» в НКРЯ по годам

При знакомстве с функционалом «НейроКРЯ» и данными, предоставленными через его инструментарий, вырисовывается «эскиз» для портрета междометия «ой». Частотность слова и некоторые аспекты статистики текстов не вызывают вопросов, тогда как другие («аттестат» как первое место среди текстов всех типов) заставляют задуматься и поискать дополнительный источник информации. Однозначную пользу демонстрируют перечень примеров и распределение результатов поиска по годам: опираясь на эти данные, можно утверждать однозначное присутствие междометия «ой» в общем корпусе НКРЯ на протяжении большого исторического периода.

Литература

1. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.07.2025).

2. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. №2. С. 7–34.

3. Стернин И. А., Цофина Ю. А. Методика описания семантики междометия (на материале описания междометия ах) // Мир русского слова. 2017. №1. С. 33–36.

4. Белоус Т. В. Функции междометия «Oh» в дискурсе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. №1. С. 105–111.

5. Мамушкина С. Ю. Коммуникативные функции междометия // Научен вектор на Балканите. 2020. №2 (8). С. 29–32.

6. Парсиева Л. К. О лексикографической репрезентации междометий // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. №2.

УДК 81’27:004.773

И. А. Шашков
Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Россия)

О СТРАТЕГИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕЦИПИЕНТА В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

SPIN-код: 5422-1928

Аннотация. Статья посвящена особенностям задействования лингвопрагматических средств, участвующих в реализации сетевых дискурсивных практик. По мнению автора, адекватный подбор стратегического инструментария эффективно воздействует на формирование языковой личности реципиента, что наблюдается в выражении идентичности участника сетевого сообщества.

Ключевые слова: лингвопрагматические средства, стратегический инструментарий, языковая личность реципиента.

I. A. Shashkov
Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, LPR, Russia)

ON STRATEGIES OF FORMING THE LANGUAGE IDENTITY OF THE RECIPIENT IN THE NETWORK DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to peculiarities of using linguopragmatic means involved in realization of network discursive practices. In author’s opinion, the adequate selection of strategic tools effectively influences the formation of the recipient's language identity, that can be observed in expressing the identity of a network community participant.

Keywords: linguopragmatic means, strategic tools, recipient’s language identity.

Масштаб задействования языкового инструментария обеспечивает создание лингвокультуры сетевого сообщества с возможностью ретрансляции субъективно созданной языковой картины мира через гипертекстовый материал, который рассматривается как «результат планомерной кодируемой и лингвокреативной деятельности продуцента, осуществляемой с помощью языковых средств разного уровня» [1, с. 3], как средство языкового воплощения ретранслируемого знания в сетевом пространстве, как эффективный носитель закодированного материала в

© Шашков И. А., 2025

условиях адекватного расположения ***языковой личности реципиента*** к восприятию и интерпретации анонсируемой информации.

Субъективно инициируемое пространство интернет-дискурсивных практик («<...> речь может идти о появлении новых коммуникационных каналов, смешении дискурсов и кодов (интердискурсивность, поликодовость), а также формировании новых идентичностей и идеологий, стимулирующих трансформацию дискурсов» [2, с. 231]) интенционально, поскольку «интенциональность связана с установкой и целью авторов текста, т. е. с тем, что они хотят и намереваются сделать с помощью текста» [3, с. 41]. Интенциональность предполагает возможность трансформируемости, т. к. содержательная информационная база дискурсивной практики зависит от когнитивных интенций продуцента.

Интенциональная природа ***сетевого дискурса*** позволяет рассматривать заявленный феномен с позиции интерактивного пространства, в котором формируется и выражается идентичность представителей сетевого социума, в котором ***языковая личность*** участника дискурсивной практики выступает актором информационно-социального взаимодействия, получает возможность многостороннего проявления идентичности: «Внешним проявлением социальной идентичности является объективная принадлежность индивида к различным социальным коллективам» [4, с. 14].

Особенности формирования идентичности проявляют себя в ситуациях, когда ***языковая личность*** участника дискурсивной практики расположена к удовлетворению социокоммуникативных потребностей через потребление закодированного знания. Передача знания в пространстве Сети осуществляется через реализацию гипертекстовой деятельности, важнейшими структурными составляющими которой «<…> помимо текста, являются автор (адресант текста), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой творческий замысел» [5, с. 13]. Лингвокреативное оперирование знанием являет гипертекстовый продукт средством создания сетевого социокультурного пространства, (социокультурного сетевого сообщества), в котором:

а) идентичность языковой личности уязвима с позиции лингвоманипулятивного воздействия, инициируемого продуцентом: «сами идентичности выступают закреплением определённых специфических черт соответствующих социокультурных общностей» [6, с. 22];

б) ценностным ориентирам задаются иные субъективно-координируемые признаки: «<…> всегда присутствуют нормы взаимодействия и общения, основные темы и ценностные ориентации, которые оформляют поведение и общение участников, делая возможным их координацию в коммуникативном и социальном пространстве» [там же];

в) ментальная деятельность ***языковой личности*** в проекции *индивидуальная языковая личность → языковая личность сетевого социума* предопределяет перспективу системы информационно-интерпретативного взаимодействия через создание аксиологической основы сообщества, идентифицирующей социально-групповые признаки трансформации социальной группы [7].

Эффективному вовлечению ***языковой личности участника сетевого дискурса*** в процесс трансформации статуса сетевого пользователя в статус активного реципиента способствует задействование лингвопрагматических средств.

Лингвопрагматическая особенность сетевого дискурса с позиции публичной и частной (персональной) коммуникации «позволяет описать проявление коммуникативной функции языка, а именно – языковые способы воздействия, информирования и самовыражения коммуникантов в этом общении» [8, с. 49]. Рассматриваемая особенность функционирования сетевого дискурса анализируется через возможности адекватного кодирования информационного сетевого пространства в рамках использования когнитивно-прагматических средств. Такой лингвокреативный подход способствует расположению внимания языковой личности социокоммуникативной общности к участию в процессе восприятия, декодирования и интерпретации информации. Эффективность «расположения», на наш взгляд, обеспечивается применением, например, ***стратегического инструментария, участвующего в формировании языковой личности реципиента*** и представленного совокупностью тактик и приёмов. Рассмотрим некоторые из них на примере функционирования религиозного интернет-дискурса:

– ***тактика приоритетного использования*** лексических средств языка, репрезентирующих тематическое направление православного портала «Азбука веры» [9] (в данном случае имеет место приём частотного задействования токен-форм леммы «азбука»*): азбука веры, азбука воспитания, азбука здоровья, азбука рецептов, азбука садовода, служба знакомств «Азбука верности», азбука супружества, азбука бессмертия, азбука искусства, азбука новостей, азбука фотоискусства, азбука паломника, азбука певческая*. Интенции продуцента в данном случае реализуются через ***стратегию сегментирования языковой личности*** пользователя Сети, находящегося в статусе действительного или потенциального участника заявленной дискурсивной практики, в статусе участника, приобщённого к «кругу своих». Лемма «азбука» выступает символичным кодом доступа к участию в потреблении информационного материала, размещённого на веб-ресурсе «Азбука веры»;

– ***тактика репрезентации сакральности*** тематических направлений социокоммуникативного сообщества, идейная организация которого представлена полижанровым оснащением рубрик тематической

направленности.

Сетевые дискурс-образования в настоящее время обладают уникальными и эксклюзивными возможностями создания и ретрансляции разнообразного информационного кода, который в результате лингвокреативной деятельности продуцента становится средством достижения когнитивно-прагматических установок инициатора дискурсивного формирования в Сети. Адекватно подобранный стратегический инструментарий наделяет закодированный материал способностью эффективного манипулятивного воздействия на формирование языковой личности реципиента в сетевом дискурсе.

Литература

1. Шашков И. А. Языковая личность продуцента в русскоязычном религиозном интернет дискурсе: автореф. … дис. канд. филол. наук. Донецк, 2019. 36 с.

2. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4(62). С. 227–232.

3. Веттер Е., Водак Р., Мейер М., Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. А. А. Киселёва. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.

4. Молодыченко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 11–29.

5. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.

6. Демичев И. В. Трансформация и развитие социокультурных общностей: институционально-дискурсивный резонанс и индукция // Проблемы востоковедения. 2016. № 1(71). С. 21–25.

7. Ефимов Е. Г. Формирование социальных интернет-сетей как группового феномена виртуального пространства: дис. … докт. социолог. наук. Волгоград, 2016. 321 с.

8. Карасик В. И. Типы воздействия в сетевом дискурсе // Язык – речь – текст в интернет-коммуникации: Сборник статей по материалам Всероссийского научного вебинара с международным участием, Нижний Новгород, 21 апреля 2023 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 49–55.

9. Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/ (дата обращения: 13.08.2025).

РАЗДЕЛ 4. РЕГИОНАЛИСТИКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81’373.72:81’282

Д. С. Байдала[1], И. Ю. Шишлова[2]
[1]Ивановский государственный университет (Иваново, Россия)
[2]Ивановский государственный университет (Иваново, Россия)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

[2]SPIN-код: 2817-8588

Аннотация. В статье исследуется региональное варьирование фразеологизмов со структурой *по кому-то N плачет*, *из N сбежать*, где *N* – названия психиатрического учреждения. Показано, что замена компонента *N* на местные топонимы сохраняет семантику исходного фразеологизма, но служит маркером региональной идентичности.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, варьирование, топонимия, региональные идиомы.

D. S. Baidala[1], I. Yu. Shishlova[2]
[1]Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)
[2]Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

REGIONAL VARIATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SEMANTICS OF MENTAL DISORDER

Abstract. The article examines regional variations of Russian idioms *по кому-то N плачет*, *из N сбежать*, where *N* is the name of a psychiatric hospital. It is shown that replacing the component «psychiatric hospital» with local toponyms preserves the semantics of the idiom, but also serves as a marker of regional identity.

Keywords: phraseology, phraseological unit, phraseological variants, toponymy, regional idioms.

В настоящее время существует немало работ, посвящённых исследованию региональной специфики фразеологизмов. Учёные сходятся во мнении, что фразеологические единицы (далее – ФЕ), как вторичные языковые

© Байдала Д. С., Шишлова И. Ю., 2025

знаки, отчётливо отражают особенности национального сознания говорящих [1, с. 6]. Более того, структура самих региональных ФЕ, образы, положенные в их основу, семантическое наполнение свидетельствуют о разнообразии территории бытования и условий (как исторически сложившихся, так и собственно языковых) функционирования русского языка [2, с. 184]. Однако меньше внимания уделено исследованию региональных вариантов общеизвестных единиц, используемых жителями крупных городов.

Варьирование (вариантность, вариативность и др. равноправные термины [3, с. 174]) – естественная для ФЕ способность, вытекающая из свойств самой языковой системы. В зависимости от характера варьирования выделяется вариантность формальная (фонетическая, морфологическая), лексическая, количественная и структурная [4, с. 54]. Сложность представляет вопрос о лексическом варьировании – изменении, при котором происходит замена компонента ФЕ. Так, по мнению некоторых фразеологов [5, 6], замена компонента влечёт за собой образование нового ФЕ-синонима, тогда как другие исследователи вводят дифференцирующие критерии, позволяющие разграничить синонимию и лексическое варьирование [7, 8]. В качестве таких критериев можно назвать тождество образной основы, семантики, структурной организации, стилистических и синтаксических функций у вариантов [9, с. 49; 10, с. 28]; отмечается, что при лексической замене актуализируются одни и те же семы, образующие фразеологические варианты, тогда как у синонимов актуализируются «разные, хотя и близкие семы» [8, с. 86].

Лексическое варьирование фразеологизма, таким образом, можно определить как способность ФЕ сохранять свою семантическую целостность при частичных изменениях компонентного состава.

В настоящей работе вопрос о лексическом варьировании ФЕ исследуется на основе закономерности, обнаруженной в речи жителей регионов и связанной с употреблением фразеологических конструкций *по кому-то N плачет* и *из N сбежать*, где *N* – название психиатрического учреждения (*дурка / психушка*). В разных субъектах Российской Федерации данные единицы регулярно употребляются с заменой компонента *дурка / психушка* на локально маркированные онимы – названия специализированных медицинских учреждений или связанных с ними географических объектов. Эту закономерность в рамках исследования мы будем называть региональным варьированием ФЕ, т. е. явлением, при котором устойчивое выражение сохраняет свою структуру и общее значение, но изменяет один или (потенциально) несколько компонентов на регионально маркированные слова (названия улиц, учреждений, местные топонимы и т. п.).

ФЕ, содержащие в своём значении семы психического отклонения, представляют значительный интерес для лингвистических исследований, поскольку отражают не только общекультурные стереотипы восприятия психического здоровья, но и специфику регионального языкового сознания. Общеизвестная конструкция *по кому-то дурка / психушка плачет*,

ставшая основой для региональных вариантов, образована по той же схеме, что и ФЕ *тюрьма плачет (по ком, о ком), петля плачет* и др., значение которых совпадает в семе ‘заслуженное наказание’ [11, с. 693, с. 466]. Семантику же единицы *по кому-то дурка плачет* можно определить как ‘кто-л. ведёт себя неестественно, странно, неадекватно, из-за чего должен пройти лечение в психиатрической больнице’ – соответственно, в сознании говорящих лечение приравнивается к наказанию. При этом особая эмоциональность, экспрессивные коннотации, фиксируемые словарями у схожих конструкций, сохраняются (ср. пометы *экспрес.* [11, с. 63] или *ирон*. [11, с. 693]).

Единица *сбежать из дурки / психушки* образовалась, в свою очередь, по аналогии со словосочетаниями *сбежать из цирка* и под., выражающими общее значение ‘вести себя так, как свойственно человеку, находящемуся в названном месте’ (т. е. странно, неадекватно).

Материалом для исследования регионального варьирования названных единиц послужили лексические варианты ФЕ, употребляющиеся жителями административных центров 11 субъектов Российской Федерации (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Архангельская, Владимирская, Ивановская, Нижегородская, Омская и Ярославская области, Алтайский край, Республика Саха (Якутия) и Республика Башкортостан). Выбор субъектов был произвольным. Отбор материала осуществлялся через: 1) определение неофициальных региональных наименований психиатрических учреждений путём анализа поисковых подсказок «Другие также ищут» в Google; 2) опрос жителей региона (при наличии контактов); 3) поиск в российской социальной сети «ВКонтакте» пользовательских комментариев, содержащих неофициальное название психиатрического учреждения в конструкциях вида *по кому-л. психушка плачет*, *кто-л. из психушки сбежал*.

Анализ собранного материала дал следующие результаты.

Варьирующийся компонент, обозначающий психиатрическую больницу, может быть представлен единицами трёх категорий: топонимом (т. е. названием населённого пункта, в котором находится лечебное учреждение), урбанонимом (т. е. названием улицы, на которой расположена больница) и антропонимом, использованным в официальном названии.

Так, в ивановском регионе фиксируются варианты *по кому-л. Богородское плачет*, *из Богородского сбежать* (по месту расположения психиатрической больницы, фигурирующему и в её официальном названии: «Областная клиническая психиатрическая больница "Богородское"», адрес: Ивановская обл., с. Богородское), тогда как в Барнауле используется указание на локацию учреждения через урбанонимы: *по кому-л. Суворова плачет, с Суворова сбежать.* При этом встречаются варианты, в которых говорящие уточняют адрес: *С Суворова 13 сбежала* или *Суворова 13 по нему плачет.*

Примером использования антропонима в качестве обозначения психиатрической больницы является выражение *из Кащенко сбежать, по кому-л. Кащенко плачет,* которое можно признать региональным для Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода. Особый интерес в данном случае

представляет именно Москва, поскольку в ней, в отличие от других упомянутых городов, в настоящий период не существует больницы им. Кащенко: в 90-е годы учреждение, ранее называвшееся в честь П. П. Кащенко, получило новое официальное название – «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева». Однако, как показывает исследуемый материал, в сознании говорящих полноценная замена наименования в соответствии с новой внеязыковой реалией не произошла, хотя некоторое влияние на региональную речь переименование всё же оказало: нами зафиксированы случаи уточнения, что подразумевается под *Кащенко*, напр.: *Кащенко (Алексеева) плачет по нём* – однако подобные выражения пока единичны.

Примечательно, что варианты *Кащенко по кому-л. плачет* и *из Кащенко сбежать* фиксируются и в других регионах: напр., в Барнауле и Омске – территориях, удалённых от Центральной России. Объяснений данному явлению, на наш взгляд, есть несколько: с одной стороны, П. П. Кащенко – известный врач-психиатр, что обусловливает некоторую апеллятивацию его фамилии, превращение её в нарицательное имя для психиатрических учреждений; с другой – нельзя отрицать и миграцию населения внутри страны, из-за чего употребление ФЕ порой «выходит» за пределы конкретного региона.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что на одной территории может употребляться несколько вариантов ФЕ. Например, в Нижнем Новгороде (помимо варианта с фамилией Кащенко) также встречается форма *Июльские дни по кому-л. плачут* (по улице, на которой находится Психиатрическая больница № 2 г. Нижнего Новгорода).

Регионально окрашенный компонент может варьироваться и внутри одной категории онимов. Например, в Барнауле также встречаются ФЕ *по кому-л. Луговая плачет* и *сбежать с Луговой*, т. к. на этой улице (г. Барнаул, ул. Луговая, 19) располагается другое здание той же психиатрической больницы (Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница им. Ю. К. Эрдмана).

Несколько иной случай наблюдается в Омске. В регионе сосуществуют выражения *по кому-л. Куйбышева плачет* и *по кому-л. Первая линия плачет*, *с Куйбышева сбежать* и *с Первой линии сбежать.* При этом первый вариант из приводимых пар возник под влиянием официального урбанонима – ул. Куйбышева, на которой находится Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодникова, тогда как второй появился под влиянием бывшего названия ул. Куйбышева – 1-я Линия. Хотя в настоящее время рассматриваемое наименование улицы отсутствует, информация о нём передаётся другим поколениям, поэтому оно остаётся в сознании говорящих, что поддерживается также подобными наименованиями подряд идущих соседних улиц: 2-я Линия, 3-я Линия и под.

Таким образом, употребление топонима, урбанонима или антропонима, преобладание тех или иных форм или их сосуществование возможно объяснить лишь путём анализа экстралингвистических факторов:

находится ли больница в черте города, работал ли в регионе кто-то из наиболее известных врачей-психиатров, существуют ли неофициальные названия улицы, на которой расположено учреждение, и т. п.

При этом наблюдается и такое варьирование, которое не обусловлено региональной спецификой ФЕ. В первую очередь оно заметно на уровне глагольного компонента ФЕ *сбежать из дурки / психушки*: наряду с лексемой *сбежать* используется *убежать*: *С Котенко Коля* ***убежал*** (г. Якутск) или *С Богородского* ***убежала****, видимо* (г. Иваново) (ФЕ существуют вместе с вариантами *из Котенко* ***сбежать*** и *из Богородского* ***сбежать***). Думается, в данном случае возможность изменения глагольного компонента обусловлена соответствием обеих лексических единиц общей семантике ‘стремительное удаление от какого-л. объекта’.

Варьирование также наблюдается на уровне предлогов: одни говорящие используют *из* (напр., ***Из*** *Базилевки, похоже, сбежал* (по микрорайону в г. Уфе); *Давно* ***из*** *Кащенко сбежали?* (г. Москва)*; У вас голос, как будто вы сбежали* ***из*** *Куйбышева* (г. Омск); другие в тех же конструкциях могут использовать *с* (*Бабка, походу,* ***с*** *Кащенко сбежала* (г. Москва); *А что там за абориген … ?* ***С*** *Базилевки сбежал, похоже* (г. Уфа); *Эта тётя сбежала* ***с*** *Куйбышева* (г. Омск) и т. д.). Следовательно, строгой зависимости выбора предлога от типа онима здесь нет; скорее, наблюдается типичное для просторечия смешение предлогов *из / с*, а также, возможно, переосмысление исходной семантики лексической единицы в составе ФЕ (*ср. сбежать* ***с*** *Куйбышева* – т. е. *с улицы Куйбышева*, вариант *сбежать* ***из*** *Куйбышева* – влияние просторечия, либо последствие переосмысления: *Куйбышева* используется говорящим как обозначение не названия улицы, а здания медучреждения непосредственно).

Допускает варьирование предлога и выражение *по кому-то психушка плачет* в соответствии со схожими ФЕ, фиксируемыми словарями (см. указание на характеристику подчинительной связи в словарной статье к аналогичной по структуре ФЕ *тюрьма плачет*: «*по ком, о ком*» [11, с. 693]). Ср.: *Судя по твоей аватарке, Куйбышева* ***о тебе*** *плачет, Куйбышева плачет* ***по ним*** (г. Омск).

Следовательно, можно заключить, что региональная вариативность фразеологизмов *по кому-то психушка плачет*, *из психушки сбежать* представляет собой системное явление, при котором замена компонента *психушка* на локально маркированные онимы не нарушает семантической целостности ФЕ, но служит важным маркером региональной идентичности. Локальные топонимы выполняют функцию своеобразного языкового пароля, позволяющего мгновенно опознать «своего». Так, например, только жителю Иванова будет сразу понятно, что *Богородское* – это не только название села, но и обозначение конкретного лечебного учреждения. Другой причиной подобных языковых замен может быть эвфемизация, связанная с темой психического здоровья: замена пренебрежительных *дурка* / *психушка* на локальные наименования позволяет придать

разговору условно-ироничную тональность. Наконец, такие варианты могут отражать местный юмор.

Дальнейшие исследования по данной теме могли бы охватить больше регионов, проследить динамику варьирования данных ФЕ под влиянием миграции внутри страны, а также изучить схожие случаи варьирования на постсоветском пространстве в странах с крупной долей русскоговорящего населения.

Литература

1. Хохлова Н. В. Особенности лингвокультурного комментария региональных фразеологизмов и паремий // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 20. С. 6–12.

2. Коган Е. С. К вопросу о региональных особенностях фразеологии // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 184–187.

3. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2019. 344 с.

4. Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица как особая единица языка и параметры её научного описания // Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А. И. Молоткова / под ред. А. А. Хуснутдинова, Е. Н. Золиной. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 43–94.

5. Бабкин А. М. Русская фразеология, её развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 262 с.

6. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1973. 171 с.

7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

8. Чепасова А. М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2016. 211 с.

9. Декатова К. И. Вариантность политических фразеологизмов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 3. С. 47–54.

10. Урманчеева И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры: монография. М.: ФЛИНТА, 2024. 150 с.

11. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

УДК 81-25

М. А. Баяндина[1], М. А. Харламова[2]
[1]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
[2]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА Б. И. ОСИПОВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ФОНЕТИКИ СПОНТАННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ОМИЧЕЙ)

[2]SPIN-код: 6303-8517

Аннотация. В статье анализируется разговорная речь информантов – жителей г. Омска, акцентируется внимание на развитии заударного вокализма и реализации общерусской тенденции к аканью. В результате исследования верифицируются идеи проф. Б. И. Осипова об особенностях развития акающего произношения и обусловленности его развития некоторыми лингвистическими факторами – позицией в открытом / закрытом слоге, комбинаторным положением в слове, зависимостью от качества ударного гласного и др.

Ключевые слова: разговорная речь, заударный вокализм, аканье, сонанты.

M. A. Bayandina[1], M. A. Kharlamova[2]
[1]Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
[2]Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

IMPLEMENTATION OF PROFESSOR B. I. OSIPOV'S IDEAS IN RESEARCH OF MODERN RUSSIAN PRONUNCIATION (BASED ON THE ANALYSIS OF SPONTANEOUS COLLOQUIAL SPEECH PHONETICS OMSK'S CITIZENS)

Abstract. The article analyzes the spoken language of informants who live in Omsk, focusing on the development of post-stressed vocalism and the implementation of the general Russian tendency towards akanye. As a result of the study, some of Prof. B.I. Osipov's ideas about the peculiarities of the development of akanye pronunciation and its dependence on certain linguistic factors, such as the position in an open / closed syllable, the combinatorial position in a word, and the quality of the stressed vowel, are verified.

Keywords: spoken language, percussive vocalism, akanje, sonants.

© Баяндина М. А., Харламова М. А., 2025

Статья посвящена реализации концепции профессора Б. И. Осипова в области современных фонетических исследований. Поскольку язык является непрерывно развивающейся системой, к одной из важных идей развития русской фонетики можно отнести «изучение проблемы возникновения и развития аканья» [1, с. 4].

В современном русском языке фиксируется неустойчивость системы вокализма из-за широкого диапазона варьирования гласных. Как отмечает Б. И. Осипов, «давняя тенденция к сокращению числа гласных» и «увеличению их позиционной зависимости» привела к совпадению фонем /а/ и /о/ (аканью) в безударном вокализме [2, с. 55]. В своих исследованиях Борис Иванович обращает внимание на «вопрос об артикуляционно-акустических механизмах», отмечая интонацию как один из способов возникновения аканья [3, с. 5]. Отметим, что в поисках ответа на этот вопрос Б. И. Осипов неоднократно обращается к говорам «с нейтрализацией фонем /о/, /а/→ [а]» и к говорам, в которых отсутствует такая нейтрализация, чтобы найти отличительные фонетические особенности, послужившие толчком к возникновению аканья [3, с. 5].

Ещё одним фактором развития акающего вокализма, по мнению В. М. Маркова, идеи которого разделяет Б. И. Осипов, могло послужить «сократительное действие сонантов на предшествующий гласный» [4, с. 312]. Б. И. Осипов подчёркивает, что сонанты относятся к согласным, но «представляют собой третий, промежуточный класс звуков» [4, с. 310]. В своей статье он обращает внимание не только на сократительное действие сонантов, но и на противоположное действие – продление последующих гласных. Очевидным случаем продления исходя из истории фонетической системы языка становятся гласные [о] и [е] «в сочетаниях *[tŏrt], *[tĕlt]» [4, с. 311]. Поскольку гласные [о] и [е] среднего подъёма, то это сближает их с сонантами, так как они считаются промежуточными (средними) звуками. Поэтому, как отмечает Б. И. Осипов, «закономерно их тяготение либо к верхним, либо к нижним», вследствие чего и произошёл переход [о] → [а] (аканье), [е] → [і] (иканье) [4, с. 313].

Цель настоящего исследования – на основе анализа разговорной речи жителей г. Омска выявить, как реализуется тенденция развития заударного вокализма после твёрдых согласных, а также определить влияние сонантов на предшествующие и последующие гласные.

Методы изучения: слуховой и компьютерный анализ для обеспечения адекватного исследования артикуляционно-акустических характеристик разговорной речи. В качестве материала используется записанная на диктофон спонтанная разговорная речь 22 информантов-омичей разного возраста. При расшифровке записей были выявлены различные особенности речи в двух условно выделенных группах респондентов.

Категория «молодёжь» (16–25 лет) – 11 информантов:

I -й заударный закрытый слог после твёрдых согласных

/о/ → [о]: [hʌbárȍfsk] – *Хабаровск*;

/o/ → [ʌ]: [nʌ-sámʌm] – *на самом*, [k’ilʌm’étrʌf] – к*илометров*, [sýrʌm] – *сыром*, [f-próšlʌm] – *в прошлом*;

/o/ → [ъ]: [f-sámъm] – *в самом*, [p’átъm] – *пятом,* [nʌ-právъm] – *на правом,* [r’ádъm] – *рядом*, [s-kái̯fъm] – *с кайфом*, [i-l’étъm] – *и летом*, [f-próšlъm] – *в прошлом*;

/a/ → [ʌ]: [n’i-pʌdjéhʌt’] – *не подъехать*.

Вывод. В речи одного информанта зафиксирован единичный случай реализации фонемы /o/ в основном оттенке [o]. Рефлекс оттенка [o] в слове [hʌbárȍfsk] (рис. 1) стоит рассматривать с точки зрения влияния просодических факторов. Полагаем, в этом случае возможно воздействие интонации, так как информант при произношении слова делал короткую паузу после ударного гласного, следовательно, интенсивность на последующем слоге имела незначительное сокращение и была близка к ударному гласному, что и отмечается добавочным ударением. Как указывает Б. И. Осипов, чтобы носитель русского языка мог произнести безударный гласный [o], «надо сделать специальное усилие, что-то вроде добавочного ударения» [2, с. 53], что и было зафиксировано нами в речи одного из информантов (см. рис. 1).

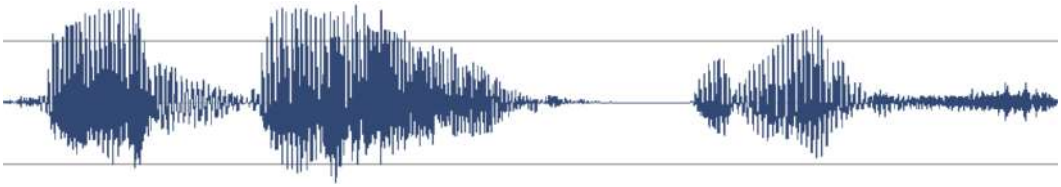

Рис. 1. Реализация этимологического гласного /o/ → [o]: [hʌbárȍfsk]

Стоит отметить, что чаще реализация фонемы /o/ зафиксирована в двух оттенках – [ʌ] и [ъ]. Наиболее регулярно редукция гласного наблюдается в позиции перед сонантом, а также в положении между ними: [f-sámъm], [f-próšlъm]. В таком случае проявление качественной редукции гласного /o/ можно объяснить сократительным действием сонорных (промежуточных звуков) на предшествующий гласный, который также характеризуется средним подъёмом.

I -й заударный открытый слог после твёрдых согласных

/o/ → [o]: [óvoš’:i] – *овощи*;

/o/ → [ʌ]: [ʌpsʌl’útnʌ] – *абсолютно*, [sv’ázʌnʌ] – *связано*, [vʌs’móvʌ] – *восьмого*, [pʌrʌl’él’nʌ] – *параллельно*;

/o/ → [ъ]: [pʌstʌjánъ] – *постоянно*, [pʌtʌmúštъ] – *потому что*, [tól’kъ] – *только,* [nʌ-d’iv’átъje] – *на девятое*;

/a/ → [ʌ]: [zъhъd’ílʌ] – *заходила*, [górʌdʌ] – *города*, [pryýgʌiš] – прыгаешь, [n’i-rʌbótʌit] – *не работает*, [d’éfkʌm’i] – *девками;*

/a/ → [ъ]: [dúmъju] – *думаю*.

Вывод. В первом заударном открытом слоге фонемы /o/ и /a/ реализуются в двух оттенках – [ʌ], [ъ]. Такая реализация подтверждает тенденцию к аканью в современном русском произношении. Так, редукция в

абсолютном конце слова возможна за счёт сокращения длительности безударного гласного в этой позиции, так как «длительность звуков, находящихся ближе к концу слова, увеличивается, а громкость – уменьшается» [5, с. 156]. С другой стороны, редукцию абсолютного конца слова можно объяснить тенденцией к экономии речевых усилий в разговорной речи.

Стоит обратить внимание и на те случаи, когда абсолютный конец слова не редуцируется, а реализуется в более открытом оттенке [ʌ]. С одной стороны, такая манифестация гласного возможна за счёт положения после сонантов ([nʌrmál'nʌ], [ʌpsʌl'útnʌ]), которые продлевают последующий гласный. Немаловажным считаем и морфологическое расположение гласного. Так, например, в слове [vʌs'móvʌ] конечный [ʌ] находится во флексии – функционально значимой части слова.

Качественную редукцию в слове [dúmъju] возможно связать с положением после сонорного губно-зубного [m] и перед щелевым среднеязычным [j].

Отметим, что в первом заударном открытом слоге также фиксируется реализация этимологического гласного [о]. В слове [óvoš':i] проявление оттенка можно объяснить соседством с ударным лабиализованным гласным [ó], который оказывает ассимилятивное воздействие на последующий гласный.

Непервый заударный открытый слог после твёрдых согласных

/о/ → [ʌ]: [n'ihólʌdnʌ] – *не холодно*, [č'itv'órtʌvʌ] – *четвертого*;

/о/ → [ъ]: [práv'il'nъ] – *правильно,* [d'iv'átъvъ] – *девятого,* [l'ingv'ist'íč'eskъje] – *лингвистическое;*

/а/ → [ʌ]: [uhážyvʌiš] – *ухаживаешь*, [ʌpláč'ivʌit] – *оплачивает*, [kúr'icʌ] – *курица*, [pʌvýšynʌjʌ] – *повышенная;*

/а/ → [ъ]: [i-kʌlhózn'icъ] – *и колхозница*, [hʌróšyn'kъjʌ] – *хорошенькая*, [n'i-sprášyvъlʌ] – *не спрашивала*.

Вывод. В непервом заударном открытом слоге отсутствует реализация фонемы /о/ в основном оттенке. [ʌ] и [ъ] выступают как манифестанты фонем /о/ и /а/: [kʌtórʌvʌ], [i-kʌlhózn'icъ]. Отметим, что в данной категории слов наиболее частотно употребление [ʌ]. Отметим реализацию фонемы /а/ в оттенке [ʌ] в одном слове [pʌvýšynʌjʌ]. Такая модификация возможна за счёт положения сонорного [n] перед гласным [ʌ] (о чём мы уже упоминали выше). Заметим, что на подобную реализацию может оказывать воздействие особое интонирование информанта (мелодика, темп, интенсивность). Кроме того, в речи информантов наблюдается качественная редукция, которая зафиксирована в позиции абсолютного конца слова, окончании прилагательных и в словообразующем суффиксе -ива- глагола прошедшего времени.

По результатам исследования заударных слогов можно сделать вывод: для информантов в возрасте 16-25 лет характерно неразличение гласных /о/ и /а/ и совпадение их в оттенках [ъ] и [ʌ]. Сохранность этимологического гласного [о] зафиксирована единичными примерами в речи двух

информантов. Качественная редукция гласных отмечается в первом и непервом заударном слоге. Стоит отметить, что наиболее частотна редукция в позиции первого заударного закрытого слога на месте этимологической фонемы /о/ во флексии -ом. Для абсолютного конца слова характерен открытый оттенок [ʌ]. Примеров слов с реализацией фонем в непервом заударном закрытом слоге в речи информантов не зафиксировано.

Категория «взрослые» (48–67) – 11 информантов:

I -й заударный закрытый слог после твёрдых согласных

/о/ → [ʌ]: [sýrʌm] – *сыром*, [hʌbárʌfsk] – *Хабаровск*;

/о/ → [ъ]: [skърʌsp'élък] – *скороспелок*, [sʌnt'im'étrъf] – *сантиметров*, [l'it'erʌtúrъi̯] – *литературой*, [nʌ-sámъm] – *на самом*;

/а/ → [ʌ]: [dʌjéhʌl] – *доехал*.

Вывод. В рассматриваемой категории слов отсутствует редукция фонемы /а/, которая реализуется только в оттенке [ʌ]. Для фонемы /о/ характерна манифестация в двух оттенках – [ʌ], [ъ].

Качественная редукция встречается во флексии и суффиксе существительных, а также в окончании наречного выражения *на самом деле* [nʌ-sámъm d'él'i]. В данном случае [ъ] находится в комбинаторной позиции, вследствие чего качество безударного гласного зависит от артикуляционно-физиологических факторов, которые вызывают «сужение раскрытия рта и сокращение времени при произнесении гласного звука» [6, с. 48]. Так как гласный находится в положении между одинаковыми согласными [m], для которых характерна одна артикуляция, фонема /а/ утрачивает свои качества и значительно сокращается. Отметим, что с точки зрения артикуляционно-физиологических факторов проще всего не менять положение органов речи, что впоследствии приводит к экономии речевых усилий.

Рассмотрим реализацию /о/ → [ʌ] в слове [hʌbárʌfsk]. Открытый оттенок [ʌ] возможен за счёт влияния прогрессивной ассимиляции ударного [á] на последующий гласный. Помимо этого, влияние на произношение может оказывать интонация (ритмика, темп) информанта.

I -й заударный открытый слог после твёрдых согласных

/о/ → [ʌ]: [dʌ-vʌs'móvʌ] – *до восьмого*, [nʌrmál'nʌ] – *нормально*, [s'íl'nʌ] – *сильно*, [žálkʌ] – *жалко*;

/о/ → [ъ]: [dúmъiš] – *думаешь*, [n'i-nádъ] – *не надо*, [pól'skъjʌ] – *польская*, [sámъje] – *самое*;

/о/ → [у]: [pʌpróbyvʌt'] – *попробовать*;

/а/ → [ʌ]: [rʌbótʌit] – *работает*, [pr'ižálʌ] – *прижала*, [d'élʌiš] – *делаешь*, [gъdʌf š':ínʌ] – *годовщина*, [n'i-výtʌš':u] – *не вытащу*.

Вывод. Отметим, что у информантов в первом заударном открытом слоге не различаются фонемы /а/ и /о/ и манифестируются в [ʌ] и [ъ]. Реализация конечного гласного в оттенке [ʌ] наиболее частотна в речи респондентов, так как абсолютный конец слова является функционально значимой частью, необходимой для адекватной коммуникации.

В безударной позиции качественные характеристики гласных подвергаются значительным изменениям. Как отмечал Б. И. Осипов, «безударные гласные стремятся к усреднению» и именно «на второй ступени редукции эта склонность к усреднению проявляется ярче» [2, с. 50]. Поэтому ослаблению подвергается их артикуляционно-акустическая контрастность и различимость, чем и объясняется редукция в словах [dúmъiš], [n'i-nádъ].

В речи одного информанта была зафиксирована сильная редукция гласного /о/→ [у] в слове [pʌpróbyvʌt']. Такая манифестация возможна, поскольку для фонемы /о/ характерно тяготение либо к верхним, либо к нижним гласным (о чём уже упоминалось выше).

Непервый заударный открытый слог после твёрдых согласных

/о/ → [ʌ]: [práv'il'nʌ] – *правильно*;

/о/ → [ъ]: [zʌkánč'ivъl'i] – *заканчивали*;

/а/ → [ʌ]: [p'átn'icʌ] – *пятница,* [n'éskʌl'kʌ] – *несколько*, [nʌsýpʌlʌ] – *насыпала*, [p'ir'ip'ísyvʌjucъ] – *переписываются*.

Вывод. Так, фонемы /о/ и /а/ реализуются в оттенке [ʌ] и [ъ]. Помимо функционально значимой части слова (абсолютный конец), открытый оттенок [ʌ] возможен и в положении после сонантов [l] и [n] в наречии и глаголе прошедшего времени: [práv'il'nʌ], [nʌsýpʌlʌ].

Непервый заударный закрытый слог после твёрдых согласных

/о/ → [ʌ]: [n'i-výdʌlʌs'] – *не выдалось*;

/о/ → [ъ]: [s-t'il'ifónč'ikъm] – *с телефончиком*;

/а/ → [ʌ]: [pʌpróbyvʌt'] – *попробовать*, [vyd'órg'ivʌt'] – *выдёргивать*, [n'i-zʌdúmyvʌlʌs'] – *не задумывалась*.

Вывод. В непервом заударном закрытом слоге также отмечается продление гласных после сонантов: [n'i-zʌdúmyvʌlʌs'], [n'i-výdʌlʌs']. Реализация фонемы /а/ в оттенке [ʌ] зафиксирована в суффиксах (морфологически значимой части) глаголов прошедшего и настоящего времени. Качественную редукцию в слове [s-t'il'ifónč'ikъm] можно объяснить положением гласного после глухого велярного согласного [k] и перед губно-зубным сонантом [m].

Таким образом, в разговорной речи информантов в возрасте 48-67 лет в заударном вокализме отмечается влияние сонантов на предшествующий и последующий гласный. Кроме того, фиксируется ассимилятивное воздействие глухих согласных на заударные гласные и обусловленность комбинаторной позицией между одинаковыми согласными. Следует отметить, что для данной категории информантов характерна манифестация неверхних гласных в оттенке [ʌ] в абсолютном конце слова. Реализация этимологического гласного [о] в основном оттенке не зафиксирована.

Результаты исследования. Всего было затранскрибировано 4318 слов разговорной речи информантов разного возраста. Фонемы /о/ и /а/ не различаются и совпадают в двух оттенках [ъ] и [ʌ], что подтверждает активность тенденции к аканью в современной речи, включая и заударный вокализм. Так, по результатам исследования было выявлено сокращение и продление гласных в зависимости от позиции по отношению к сонантам, что

верифицирует идеи, высказанные в своё время Б. И. Осиповым. Следует отметить, что не всегда гласные подвергаются влиянию сонантов. Нами были обнаружены единичные случаи, когда гласный подвергался сокращению после сонантов или продлению перед ним, что говорит о неполной зависимости гласных от соседних «промежуточных» звуков. Обратим внимание на абсолютный конец слова. В речи двух категорий информантов отмечается воздействие повышенной интонации на конец слова, чем и вызвана модификация фонемы /а/ в открытом оттенке [ʌ]. Помимо этого, на открытый оттенок в конце слова влияет и расположение гласного в функционально значимой части, необходимой в коммуникационном процессе.

Как отмечает Б. И. Осипов, все «фонетические процессы протекают исторически, а нейтрализация – это лишь их следствие» [2, с. 43]. К нейтрализации можно отнести такие процессы, как ассимиляция и редукция, что и было выявлено нами при анализе расшифрованных аудиозаписей разговорной речи информантов. Наиболее часто качественной редукции подвергается фонема /о/ вне зависимости от позиции в слове. Кроме того, нами была отмечена вторая ступень редукции (см. примеры выше). Реализация этимологического гласного /о/ как [о] зафиксирована в речи информантов категории «молодёжь», однако лишь в двух словах, что обусловлено, вероятно, влиянием ассимиляции и особого интонирования в речи информанта. Модификация /о/ → [о] в речи респондентов в возрасте 48-67 лет не обнаружена.

Отметим, что «в реальной ситуации развития современного русского языка уже невозможно проследить процесс зарождения аканья» [3, с. 7]. В своих исследованиях Б. И. Осипов обращался не только к современной фонетике, но и, будучи прежде всего историком языка, к процессам в истории языка и говоров, чтобы найти и обосновать факторы, которые могли повлиять на возникновение и развитие аканья.

Литература

1. Осипов Б. И., Акмеров А. М., Кельмаков В. К., Амбурцев М. Я. Задачи комплексного исследования просодических явлений языка и их отражения на письме // Фонетика и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. Редкол.: Б. И. Осипов (отв. ред.) и др. Устинов: УдГУ, 1986. С. 3–10.

2. Осипов Б. И. Краткий курс русской фонетики: Из лекций по современному русскому языку: учебное пособие для студентов филологического факультета. Омск: Редакционно-издательская группа ОмГУ, 1992. 95 с.

3. Осипов Б. И., Марков В. М., Снегирёв Ю. А., Литвинов И. Ю. Опыт экспериментально-фонетического исследования артикуляционно-акустических механизмов возникновения русского аканья // Фонетические и орфографические исследования: Сб. науч. трудов. Редкол.: В. В. Климова (отв. ред.) и др. Ижевск: УдГУ, 1988. С. 5–25.

4. Осипов Б. И. Об одной фонетической идее В. М. Маркова (звуки промежуточных разрядов в языковой истории) // Русский язык:

функционирование и развитие: материалы Международной научной конференции; Под общ. ред. Л. Р. Абдулхаковой, Д. Р. Копосова. Казань: Казан. ун-т, 2012. Т. 2. С. 309–314.

5. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: «Просвещение», 1977. 175 с.

6. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973. 485 с.

УДК 81’282.2

О. Н. Буровникова
Курский государственный университет (Курск, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КУРСКОЙ ЧАСТУШКИ: АНАЛИЗ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

SPIN-код: 5948-9624

Аннотация. Статья обобщает результаты исследований курской школы лингвофольклористики в области изучения языка частушек Курского края. На основе словаря-справочника «Диалектный ландшафт курской частушки» осуществляется анализ диалектной лексики.

Ключевые слова: диалектная лексика, курская частушка, лингвофольклористика.

O. N. Burovnikova
Kursk State University (Kursk, Russia)

LANGUAGE ORIGINALITY OF THE KURSK CHASTUSHKA: ANALYSIS OF DIALECTAL LEXIS

Abstract. The article summarizes the results of research by the Kursk school of linguofolkloristics in the field of studying the language of the Kursk region's chastushkas. Based on the reference dictionary "Dialectal Landscape of the Kursk Chastushka", the analysis of dialectal vocabulary is carried out.

Keywords: dialectal vocabulary, Kursk Chastushka, linguofolkloristics.

Фольклорный текст, особенно малые жанры вроде частушки, функционирует в рамках «фольклорного диалекта», который формируется рядом факторов:

1) диалектная основа (естественное использование говорящим фонда родного говора (курско-орловская группа южнорусского наречия));

2) фольклорная традиция (устойчивость определённых формул, образов и лексем в местной исполнительской практике);

3) жанровая специфика (актуализация диалектизмов, устаревших слов, фольклоризмов, окказионализмов в момент исполнения для создания нужного колорита, юмористического эффекта, а также ритма);

4) территориальная привязка (закрепление конкретных языковых черт за определённой местностью (село, группа сел, район) в результате длительной традиции записи и бытования фольклора.

© Буровникова О. Н., 2025

Учёными курской школы лингвофольклористики ведётся обширная работа по исследованию языка курской частушки. К настоящему времени уже опубликован ряд сводов фактического материала, среди которых – шеститомное издание «Частушки Курского края» [1], «Частушки в записях 1968–2012 гг.: экспедиционные материалы Курского государственного университета» [2], «Курская частушка» [3].

Публикация текстов частушек активно сопровождается научным описанием различных языковых явлений, свойственных данному жанру: анализируется лексическая реализация некоторых основных понятий культуры, национальной ментальности – *душа* [4], *Курск*, *курский* (представление о малой родине в частушках) [5], *платок* [6], *белый* [7]; исследуются названия одежды и обуви [8; 9], а также их цветовая гамма [10]; проводится описание имён собственных [11; 12]; изучаются фонетические явления в частушке [13].

Важное исследование языкового своеобразия частушек курского края принадлежит С. П. Праведникову, который детально рассматривает диалектную лексику курских частушек, основываясь на методике кластерного анализа [14; 15]. Частушка рассматривается курскими учёными как источник пополнения диалектной лексикографической базы [16]. На примере иллюстраций, извлечённых из текстов курских частушек, проводится анализ диалектной лексики. Выделяются диалектизмы, функционирующие в разных регионах России, отдельно рассматриваются лексемы, употребление которых привязано исключительно к территории Курской области.

По мнению учёных, диалектная лексика, используемая в процессе исполнения частушек, позволяет не только репрезентировать общую диалектную картину мира, но и выявить региональную специфику языкового материала.

В 2023 году учёными курской школы лингвофольклористики был издан словарь-справочник «Диалектный ландшафт курской частушки» [17], который представляет собой уникальный лексикографический продукт, специально созданный для фиксации и интерпретации «малопонятной лексики» (диалектизмов, архаизмов, фольклоризмов, просторечий) в текстах частушек, записанных в Курской области в период с 1968 по 2008 гг. Анализ материалов словаря позволяет выявить основные характеристики диалектного слоя в локальном фольклоре.

Словарь содержит 1149 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. Это значительный пласт, составляющий примерно 10% от общего числа лексем, представленных в словнике к пяти томам свода «Частушки Курского края», что подтверждает тезис о глубокой диалектной основе курской частушки.

Диалектная лексика в частушках охватывает широкий спектр реалий традиционной жизни, эмоционально-чувственной сферы, на основе чего мы можем выделить ключевые лексико-тематические группы. Самая обширная группа лексики охватывает тему быта, хозяйства, называет

предметы обихода и включает названия одежды, обуви, утвари, построек, орудий труда, продуктов.

Одежда / обувь: *баретки* (праздничная обувь), *башметки* (башмаки), *вязёнка* (варежки), *карпетки* (шерстяные носки), *куфайка* (фуфайка), *лапоточки / лапотки*, *кружавчик* (кружево).

Пища: *едево* (еда), *жилка* (суп), *крутушка* (лепешка).

Жилище, хозяйственные постройки и предметы, посуда: *грубочка* (печь), *загнетка* (устье печи), *закуточка* (хлев), *колидор* (сени), *комонь / коминь* (печной дымоход), *куделя / куделька* (пучок льна для пряжи), *кринка / крынка* (глиняный горшок для молока), *махотка* (маленький горшок), *дежа* (кадка для теста).

Сельхозработы, орудия труда: *жнивушка* (уборка хлебов, жатва), *грестЬ* (сгребать сено), *буравец* (бурав, сверло), *косарЬ* (топор), *косёночка* (коса), *зарадец* (стог сена специфической формы).

Следующая группа – природа, окружающий мир. Сюда можно отнести названия растений, грибов, животных, природных явлений, ландшафта.

Растения, грибы: *беляночка* (груздь), *бурак / буряк* (свёкла), *витёлочка* (ива), *гарбуз* (тыква), *конопельки / конопи* (конопля), *лобода* (лебеда).

Животные, птицы: *вутенята* (утята), *воронёночек* (птенец вороны / ворона), *журавушка* (журавль), *курчонок / курчатки* (цыплёнок / цыплята).

Природные явления, ландшафт: *гололёдка* (гололёд), *бурья* (буря), *бурднитЬ* (бушевать (о буране)), *гориночка* (гора), *колодина* (толстое бревно), *берёзничек* (берёзовый лесок).

Лексико-тематическая группа, связанная с человеком, его внешностью, чертами характера. В данную группу мы также включили термины родства и наименования социальных ролей.

Внешность, физические свойства человека: *вертоголовый* (глупый, ветреный), *вихлявый* (высокий и худой), *горбоватый* (сутулый), *зубоватый* (острый на язык), *кареватый* (карий), *кучерявый / качурявый* (кудрявый), *лупатый* (лупоглазый), *малёха* (маленький).

Черты характера, особенности поведения: *атаманка* (заводила), *бойкуша*, *боюжина* (бойкая девушка), *бозло* (бойкий человек), *вертоватый* (вёрткий), *вольница* (распутница), *говоруха / говорушечка* (болтушка), *гордоватый* (гордый, заносчивый), *ковыристый* (привередливый), *лахудра* (неряха), *малахольный* (глуповатый).

Родство, социальные роли: *золовушка*, *кумочка / кумка*, *бригадирка* (жена бригадира), *завлекатель* (ухажёр), *комбайнист*, *комса* (комсомолец, *пренебр.*), *матка* (мать).

В отдельную группу нами была выделена лексика, описывающая эмоции, чувства, межличностные отношения.

Любовь, отношения: *варварёнок / варварушечка* (милый / милая), *забава / забавочка* (возлюбленный / -ая), *залюба* (возлюбленный / -ая), *залёта / залётка / залёточка* (возлюбленный /-ая), *коханЬ(ый) / коханочка / коханчик* (любимый), *любка*, *зюмара / зюмарочка* (ласк. обращение), *дроля /*

дролечка / дролёнок (возлюбленный / -ая), *измена / измёночка / измёнушка* (тот, кто изменяет).

Эмоции, состояния: *горечко* (горе), *горé* (хуже), *зажуриться* (загрустить), *гузыниться* (плакать), *застрадать / застрадаться* (измучиться страдая), *важко* (тягостно), *грузко* (тяжело).

Общение, речь: *гутеть* (беседовать), *выбражать* (воображать), *канифольничать*, *колидорничать* (ломаться, жеманиться).

Достаточно широко в исследуемых текстах представлена диалектная лексика, непосредственно связанная с исполнением частушек и контекстом их бытования (народными гуляньями, праздниками). В данную группу мы отнесли лексемы: *гармонёнка / гармонечка / гармоница / гармонья / гармоня / гармошенька / гармошонка* (гармонь), *гармак / играть / игрочек* (гармонист), *балалай* (играющий на балалайке), *играние* (игра), *игручий* (любящий играть (на гармони)); *барыня* (название песни / пляски), *гопачок* (танец), *ветлужский* (танец), *карапет* (танец), *корогод* (хоровод; толпа на гулянье), *корковяк* (краковяк), *бить дроби* (отбивать дробь в танце), *дробануть / дробить* (танцевать, отбивать дробь), *выкаблучивать* (выделываться в танце), *беседа / беседушка* (посиделки), *вечеринка / вечериночка / вечёрочка* (вечеринка), *гуляночка, гульня* (гулянье).

Анализ представленной в справочнике лексики позволяет сделать вывод о её частеречной структуре. В представленной выборке абсолютно преобладают имена существительные (около 67% словника). Это соответствует номинативной сути словаря и отражает богатство предметного мира, описываемого в частушках. Для частушек характерно обилие уменьшительно-ласкательных образований (*беседушка, зариночка, гуляночка, крыночка, курчатки*), придающих речи эмоциональность и характерный фольклорный колорит.

Вторая по численности группа – глаголы (около 20%). Включает как грамматические (*бечь, вечерять, вдирать*), так и лексические и семантические диалектизмы, часто связанные с движением, танцем, эмоциями (*бузовать, выкаблучивать, дробить, зажуриться, застрадать, кохать*).

Имена прилагательные составляют около 10% (*аржаной, вертоголовый, гордоватый, качурявый, кубовый, пригожий*) и наиболее часто выражают оценку внешности или характера.

Наречия, а также частицы, союзы, междометия вместе составляют около 5% словника. Слова этих грамматических классов важны для передачи специфики диалектного синтаксиса и интонации частушки (*абы, ажно, али, вседно, втай, дюже, давече, дале, доселе, здеся, круто, летко, лишенько, недавнушко, недородно, нехай, ноне / нонече*). В эту же группу отнесём местоименные наречия (*куды, иде, некуды, никуды*).

Диалектная лексика курской частушки представляет собой обширный, тематически разнообразный и структурно сложный пласт. Доминирование существительных отражает связь текстов с конкретными реалиями быта, труда, природы. Обилие эмоционально окрашенной лексики и

специфических служебных слов формирует уникальный идиостиль локальной частушечной традиции. Перспективным направлением дальнейших исследований видится сопоставление курского материала с диалектными системами смежных регионов Центрального Черноземья.

Литература

1. Частушки Курского края. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2021. Т. 1–6.

2. Буровникова О. Н., Праведников С. П., Францова Н. В. Частушки в записях 1968–2012 гг.: экспедиционные материалы Курского государственного университета. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2024. 294 с.

3. Курская частушка. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2024. 228 с.

4. Климас И. С. Песен требует душа! (ДУША в курских частушках) // Лингвофольклористика. 2022. № 35. С. 10–21.

5. Климас И. С. Сербиянка курская (представление о малой родине и её жителях в курских частушках) // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 3–14.

6. Дьяченко Ю. А. Повяжу я, повяжу беленький платочек (платок в курском фольклоре) // Лингвофольклористика. 2023. № 37. С. 68–75.

7. Чаплыгина Ю. А. Символика белого цвета в курских частушках // Лингвофольклористика. 2023. № 37. С. 93–102.

8. Бобунова М. А. У меня нарядов много... (общая характеристика названий одежды в курской частушке) // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 15–25.

9. Бобунова М. А. Ай, лапти мои, лапоточки мои! (наименования обуви в курских частушках) // Курское слово. 2023. № 27. С. 64–74.

10. Бобунова М. А. Цветовая гамма одежды в курской частушке // Лингвофольклористика. 2023. № 37. С. 83–92.

11. Подосинникова Р. В. Ой, Маруся, запевай… (антропонимы в курских частушках XX века) // Лингвофольклористика. 2022. № 35. С. 43–48.

12. Буровникова О. Н. «Кавалеров моих семь, даю имечко я всем…» (особенности употребления мужских имён в частушках Курского края) // Курское слово. 2023. № 28. С. 48–54.

13. Климас И. С. Зелёная повитень усплелася на плетень (об одном диалектном явлении в курских частушках) // Лингвофольклористика. 2024. № 39-2. С. 3–10.

14. Праведников С. П. Кластерный анализ на службе фольклорной диалектологии (на примере диалектной лексики курских частушек) // Лингвофольклористика. 2022. № 35. С. 22–32.

15. Праведников С. П. Диалектная лексика в курских частушках // Курское слово. 2022. № 25. С. 62–73.

16. Климас И. С., Праведников С. П. Курские частушки как источник пополнения диалектной лексикографической базы // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 4 (55). С. 41–52.

17. Праведников С. П. Диалектный ландшафт курской частушки. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2023. 212 с.

УДК 811.161.1’373.21

Э. Р. Григорян
Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ С КОМПОНЕНТОМ «ДРЕВНИЙ ГОРОД» ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ТРИ «ИЕРУСАЛИМА» И ОДИН «ВАВИЛОН»

SPIN-код: 5995-5917

Аннотация. Статья посвящена исследованию топонимических адъективно-субстантивных перифраз названий населённых пунктов Дальнего Востока с компонентом «древний город». Выявлены единицы вторичной номинации Благовещенска, Биробиджана, Албазино: *Дальневосточный Иерусалим, Дальневосточный Тель-Авив, Дальневосточный Вавилон*.

Ключевые слова: топонимическая перифраза, номинации, Дальний Восток, Дальневосточный Иерусалим, Дальневосточный Вавилон.

E. R. Grigoryan
Tyumen State University (Tyumen, Russia)

THE "ANCIENT CITY" COMPONENT TOPONYMIC PERIPHRASES OF THE RUSSIAN FAR EAST: THREE "JERUSALEMS" AND ONE "BABYLON"

SPIN-код: 5995-5917

Abstract. There is the Russian Far East "ancient city" component toponymic adjectival-substantive periphrases analysis in this research. There are identified the secondary nominations of Blagoveshchensk, Birobidzhan, Albazino and Vladivostok such as *Far Eastern Jerusalem, Far Eastern Tel Aviv, Far Eastern Babylon*.

Keywords: toponymic periphrasis, the Russian Far East nominations, Far Eastern Jerusalem, Far Eastern Babyon.

Исследование проблемы топонимических перифраз актуально в контексте изучения формирования географического образа, продвижения имиджа территории или, что является проблемой более основательной, поиска региональной идентичности и истоков сакрализации пространства. Проблема междисциплинарная, что доказывает методологическая база. Так, И. С. Синицын разработал схему процесса взаимодействия территорий, образных характеристик, субъектов, трансляторов образных характери-

© Григорян Э. Р., 2025

стик и представил обусловливающие факторы как критерии типологии топонимических перифраз [1, с. 365]. С. С. Аванесов описывает научное понятие иерусалимской визуально-семиотической «матрицы», служащей основой для анализа структуры традиционного христианского города, и в этой связи называет Тобольск «эталонной версией» «Сибирского Иерусалима» [2; 3]. М. С. Шаповалов продолжает рассматривать идею переноса сакрального пространства как «культурно-семантический трансфер» и анализирует историко-культурные предпосылки формирования появления «Иерусалимов» на карте России [4; 5].

В настоящей статье акцент сделан именно на топонимических адъективно-субстантивных перифразах (определение с объектом) с компонентом «древний город», так как в этом случае единица содержит смысловое ядро, обусловленное этно- и историко-культурной спецификой и отражающее ассоциативные связи с определённым древним историческим городом: *Вавилоном, Иерусалимом* – как символом [6, с. 132].

Для анализа перифрастических единиц были использованы методы Москвина В. П. (мотивационно-контекстуальный) [7, с. 87; 8]; Синицына И. С. (исследование механизма формирования географического образа) [1, с. 363–365]; Грехневой Л. В. [9, с. 25]; Громыхиной А. А. (исследование перифразы как языковой единицы и стилистического приема в СМИ) [10, С. 468].

В медиапространстве сосуществуют сразу три перифразы *Дальневосточный Иерусалим*, относящиеся к *Благовещенску, Албазино, Биробиджану*. Но смысловое наполнение перифразы, относящейся к Биробиджану, несмотря на совпадение формы номинативных единиц, отличается от перифразы, относящейся Албазино. Более того, сигнификат, относящийся к Благовещенску, также имеет разные виды: даже по отношению к одному и тому же объекту применимы разные структурно-семантические модели (Благовещенск как христианский или православный центр; Благовещенск как многоконфессиональный город и поликультурный центр).

Топонимическая перифраза *Дальневосточный Иерусалим* с объектом *Благовещенск* появляется в региональной газете «Амурская правда» в 2006 году. Смысловое наполнение вторичной номинативной единицы определяется как *«Благовещенск – церковный центр всего Дальнего Востока», «город, в котором пребывал духовный глава православной церкви», «место, где было, как нигде в Приамурье, много храмов»* [Мышкин Л. Дальневосточный Иерусалим славился храмами // Амурская правда. 18.08.2006.]. Но активное тиражирование в региональных СМИ данной перифразы с коннотацией ‘христианский / православный центр’ наблюдается уже с 2017 по 2023 годы. В этот период происходит сакрализация пространства, обоснованная центральным элементом культурно-семиотического трансфера – *«главной святыней Благовещенского собора – чудотворной иконой Албазинской Божьей Матери»*, которая сейчас считается *«главной святыней всего Приамурья»* [Испытание веры // Единение. Газета русской общины в Австралии с 1950 года. 03.11.2017]. Перифраза распространяется и с объяснением

присутствия на территории многочисленных храмов [11; 12; 13; 14], и без уточнений коннотаций, в нейтральной позиции [15].

Однако в другом контексте соотношение *«Благовещенск – Дальневосточный Иерусалим»* появляется на независимом интернет-портале мусульман Дальнего Востока: *«Именно так в Царской России называли г. Благовещенск из-за того, что в нём были представлены все традиционные конфессии страны. И они всегда жили в мире и согласии друг с другом»* [Благовещенск – «Дальневосточный Иерусалим» // Аль-Фуркан – независимый интернет-портал мусульман Дальнего Востока]. На примере Благовещенска было установлено, что перифраза *Дальневосточный Иерусалим* содержит также смысловой компонент ‘межнациональнный, межконфессиональный, единение культур’, что тоже является актуализацией одной из коннотаций символа *Иерусалим*.

Таким образом, при формальном совпадении конструкций *Благовещенск – Дальневосточный Иерусалим* выявляются разные структурно-семантические модели. Мы уже наблюдали явление нетождественности перифраз *Сибирский Иерусалим* по отношению к *Енисейску* (православный центр) и к *Каинску* (еврейский город) [6], однако случай с Благовещенском особенно интересен тем, что в обоих случаях использования номинативной единицы объект также совпадает.

В 2019 году происходит актуализация истории Албазинской иконы Божьей Матери и появляется культурный феномен – мультфильм «Священная земля под сенью Албазинской», созданный на средства гранта «Православная инициатива». Через данный информационный повод распространяется топонимическая перифраза *Албазино – Дальневосточный Иерусалим*. Тиражируемая практически во всех региональных СМИ Забайкалья и Дальнего Востока (Хабаровск, Биробиджан, Благовещенск, Якутия, Сахалин, Еврейский автономный округ), эта номинативная единица приобретает выраженный культурно-смысловой компонент – «христианская святыня»: *«Албазино – это святыня Дальнего Востока, “дальневосточный Иерусалим”»*. Перифраза топонима Албазино в значении ‘духовная колыбель’ была мотивирована представителями религиозной сферы. Именно пресс-секретарь Биробиджанской Епархии Татьяна Мошкина ввела в медийный оборот данную номинацию [Татьяна Мошкина и Вера Гараева: Албазино – это наш дальневосточный Иерусалим, там надо бывать ради благодати духовной и телесной // РИА Биробиджан. 01.07.2019].

Примечательно, что в СМИ Биробиджана актуализируется конструкт *Албазино – Дальневосточный Иерусалим*, в то время как сам Биробиджан тоже определяется данной перифразой. Однако в случае с Биробиджаном это употребление имеет ряд особенностей. Во-первых, смысловой компонент данной единицы – ‘еврейский город’, тем самым номинативный конструкт близок к *Каинску – Сибирскому Иерусалиму* [6]. Во-вторых, обусловливающий фактор перифразы базируется на архитектурном сходстве или, напротив, различии с реальным Иерусалимом: *«Застройка*

Биробиджана в стиле Баухауса. Сталин считал, что Биробиджан должен олицетворять для евреев СССР дальневосточный Иерусалим» [Г. Райш. Дальневосточный Иерусалим немецкого архитектора // Коммунальный комплекс России. Ежемесячный деловой журнал]. Таким образом, мотиватором перифразы становится распространяемый сюжет о проектировании Биробиджана: «Дальневосточный Иерусалим немецкого архитектора».

Важно, что по отношению к топониму *Биробиджан* употребляется также антонимичная перифраза *Дальневосточный Тель-Авив*. Её появление обусловлено именно оценкой журналистов или блогеров, насколько проект Биробиджана как Иерусалима оказался удачным: *«Дальневосточный Иерусалим из Биробиджана бы, конечно, не получился, а вот Дальневосточным Тель-Авивом он мог бы стать вполне»* [Остров Русский (Владивосток). Часть 2 (15): Приморский океанариум // В поисках Беловодья. 28.03.2019]. Несмотря на существование контекста без сравнения с Иерусалимом (*«Вот, собственно, и весь Биробиджан, эдакий дальневосточный Тель-Авив»* [Биробиджан: дальневосточный Тель-Авив // Путешествия и прочее. 29.11.2010]), на примере антонимичной пары *Дальневосточный Иерусалим / Дальневосточный Тель-Авив* с объектом *Биробиджан* можно увидеть явление «лексической конкуренции»: *«Даже по статусу, если приравнивать столицы, то Биробиджан-Иерусалим. Буквы конечно еврейского алфавита, но язык таки идиш»* (авторская пунктуация сохранена – прим. авт.) [там же].

Примечательно, что если топонимические перифразы с компонентом *Иерусалим* изучаются в медийном и научном дискурсах, то перифраза *Дальневосточный Вавилон* на данный момент не исследована. Единица вторичной номинации с компонентом *Вавилон* и объектом *Владивосток* актуализируется с 2021 года (*Владивосток – Дальневосточный Вавилон*) и используется в контексте *«мультикультурности, многонациональности города»* [«Владивосток – Дальневосточный Вавилон» // Дальневосточный федеральный университет. 10.04.2022], а также в связи со строительством нового города в конгломерации с Владивостоком: *«Дальневосточный Вавилон: для кого власти создают новый мегаполис?»* [Дальневосточный Вавилон: для кого власти создают новый мегаполис? // Региональные комментарии. 01.09.2021].

Таким образом, с помощью анализа единиц вторичной номинации выявляются синонимичные и антонимичные перифразы, нетождественные структурно-сематические модели при полном совпадении объекта (территории). Изучение топонимических перифраз позволяет обнаружить смыслы, тенденции, ценности, актуализирующиеся в научном и общественном дискурсах в разные исторические периоды региона. Исследование перифрастических единиц обладает потенциалом для развития таких научных направлений, как лингвокультурология и геоконцептология.

Литература

1. Синицын И. С. Перифразы как средство формирования географического образа территории // Естествознание: исследования и обучение. Материалы конференции. Под научной редакцией К. Е. Безух. Ярославль, 2021. С. 363–368.

2. Аванесов С. С. Иерусалимская топика: Западная Сибирь / Нижняя Силезия // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4 (14). С. 65–88.

3. Аванесов С. С. Сакральная топика русского города // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 1 (7). С. 71–114.

4. Шаповалов М. С. Иерусалим Новый: пространственная икона в Белгородской области в XXI веке // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 2. С. 191–207.

5. Шаповалов М. С. «Малый Иерусалим» в Евпатории как пример конструирования пространства // Святая Земля в славяно-русской традиции. Сборник статей по материалам XI круглого стола. Вып. 5. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). 2021. С. 57–62.

6. Шаповалов М. С., Григорян Э. Р. Роль метафоры «Сибирский Иерусалим» в публицистическом дискурсе начала XXI в. (по материалам региональной и городской прессы Каинска и Енисейска) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 126–140.

7. Москвин В. П. Русская метафора: Очерки семиотической теории. М.: Ленанд, 2006. 184 с.

8. Москвин В. П. О разновидностях перифразы // Русский язык в школе. 2001. № 1. С. 74–77.

9. Грехнева Л. В. Объекты перифрастической номинации в литературе и публицистике // Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов. Вып. 9. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 24–30.

10. Громыхина А. А. Типы вторичных номинаций топонима и особенности их функционирования в текстах СМИ // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 486–595.

11. Дальневосточный Иерусалим славился храмами // Амурские сезоны. URL: https://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/cultural/relig/relig-x=002.php (дата обращения: 22.06.2025).

12. Благовещенск – Дальневосточный Иерусалим // МирАЭРО (осень 2020). С. 56-61.

13. Жизнь Благовещенска конца XIX – начала XX века (библиообзор) // Амурский педагогический колледж. 28.09.2021. URL: https://apk28.ru/novosti/zhizn-blagoveshhenska-konca-hih-nachalo-hh-veka-biblioobzor/ (дата обращения: 22.06.2025).

14. 50 интересных фактов о Благовещенске // Подслушано в Благовещенске. 26.03.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZB-UXtSx9U_PYvYG (дата обращения: 22.06.2025).

15. Современные маршруты по историческим местам. По стопам А. П. Чехова на Сахалин. Часть Л. От Читы до Благовещенска // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/ZLXmXf_1Ymc4XDns (дата обращения: 22.06.2025).

УДК 81’27; 81’23

А. Д. Каширина[1], Т. И. Петрова[2]
[1]Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)
[2]Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКА В АСПЕКТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

[2]SPIN-код: 7489-5375

Аннотация. В статье рассматриваются различные проявления персонального дискурса в ситуациях повседневной жизни. Исследование выполнено на материале видеоблога жительницы Дальнего Востока, что позволяет выявить особенности регионального языкового сознания.

Ключевые слова: региональное языковое сознание, дальневосточный дискурс, повседневное речевое поведение.

A. D. Kashirina[1], T. I. Petrova[2]
[1]Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
[2]Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

DAILY SPEECH PRACTICES OF THE RUSSIAN FAR EASTERN RESIDENT IN TERMS OF REGIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Abstract. The article examines various manifestations of personal discourse in everyday life situations. The study is based on a video blog by the resident of the Russian Far East, which allows us to identify the features of regional linguistic consciousness.

Keywords: regional linguistic consciousness, Russian Far Eastern discourse, everyday speech behavior.

Одним из основополагающих в современном языкознании признан тезис о неразрывной функциональной связи человеческого сознания и языка, чем обусловлено появление новых исследовательских методов и новых материалов. В частности, активный интерес лингвистов вызывает интернет-коммуникация как особая форма общения, позволяющая получить сведения в том числе и о таком понятии, как региональная языковая личность. Детерминирующими характеристиками данного понятия являются «региональный колорит» – описательная качественная характеристика пространства, в котором осуществляются разные виды жизнедеятельности, «организуемые языковыми средствами как элементами речевой ком-

© Каширина А. Д., Петрова Т. И., 2025

муникации», а также языковое сознание [1, с. 59]. Региональная языковая личность рассматривается в пределах «территориально обособленного языкового коллектива, функционирующего в рамках данного дискурсивного пространства»; ей свойственны «регионально маркированные знания, представления, ценностные ориентиры и средства их знаковой репрезентации, общие для всех членов данного сообщества» [2, с. 131]. Таким образом, региональная языковая личность – это проявление языковой личности, в сознании которой зафиксированы территориально обусловленные культурно-речевые стереотипы.

Материалом для нашего наблюдения послужила устная речь из видеоблога Галины Соловьёвой, размещённого на видеохостинговой платформе YouTube. Это различные по форме фрагменты живой неподготовленной речи, демонстрирующие повседневные бытовые ситуации местной жизни. О себе блогер пишет так: *Я аборигенка, живу на Дальнем Востоке, Хабаровском крае, Ульчском районе, село Булава. По нации Ульч. Очень люблю свою семью, своих любимых питомцев. Показываю реальную жизнь национальном селе глубинке России* (текст дан с сохранением авторской орфографии и пунктуации – прим. авт.). Обращает на себя внимание форма этнонима: в Ульчском районе используется именно форма мужского рода *ульч* (в отличие от зафиксированного в словарях варианта *ульча*), что является отражением регионального узуса.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей регионального сознания, отражённых в повседневных речевых практиках, представленных в видеоблоге аборигенки-дальневосточницы. Вслед за М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [3] повседневные речевые практики понимаем как языковое существование говорящих, то есть использование языка в типичных для обыденной жизни ситуациях. Актуальным в данном случае оказывается понятие персонального дискурса – естественного речевого общения между хорошо знакомыми людьми, которому свойственны ситуативная обусловленность, выраженная субъективность, спонтанность. Такие факты, по мнению О. С. Иссерс, даются исследователю в непосредственном наблюдении и могут подсказать оптимальный способ научного осмысления «коммуникативной реальности» [4, с. 228].

Материалы видеоблога демонстрируют обыденную жизнь одной ульчской семьи, языковое существование которой реализуется преимущественно в двух локусах: «дом» и «река Амур». Типичными являются следующие коммуникативные ситуации: «Разговор с родителями», «Разговор с сыном», «Разговор с мужем», «Комментирование собственных действий», «Рассказ о повседневных событиях» и т. п. Каждый из видеотекстов Галина сопровождает краткой аннотацией (например: *Один день из нашей жизни. Приехал сын. Путина 2024. Открываем рыбалку; Сын приехал с города. У Тора радость. Сын едет на рыбалку; Салат из кетовых. Отмачиваем рыбу для копчения; Жизнь в глубинке. День рыбака. Едем на остров* и т. п.), что даёт

представление о конкретном наполнении зафиксированных в блоге речевых практиках.

Анализируемые нами фрагменты являются единицами бытового дискурса, специфика которого, по словам В. И. Карасика, «состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращённый код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [5, с. 39]. Специфика зафиксированных в видеоблоге речевых практик заключается прежде всего в их яркой конситуативности, которая обусловлена тесной связью с окружающей природой и традиционным укладом местной жизни. Приведём примеры:

1) (Галина на берегу встречает сына с рыбалки) *Гляди как вода упала // Как вода падает сильно / ужас!* (смотрит на улов в лодке) *Вот это щука! О-о-о-о! Ни фига себе*;

2) (Галина в саду) *А интересно / там черешня есть? О / есть у мамы / вижу // Какая вкусная! Но мало*;

3) (разговаривает с собакой, обращая внимание на заросший угол двора) *Торик / почему у тебя заросли здесь?*;

4) (разделывают с матерью рыбу) *Ой ико-о-орка какая! Ой щас икорку сделаем! Так / кишочки / сюда // Здесь надо аккуратно / да // – Икра? – Да-а! Икорку сделаем!* Взаимное понимание при этом обеспечивается общностью апперцепционной базы говорящих: *Икорку сделаем! – Будешь делать? – Конечно! – Так / таз / таз принесу //* (таз нужен в процессе обработки икры).

В апперцепционной общности коммуникантов так или иначе проявляется языковая картина мира, их территориальная идентичность. Примером может служить использование топонимов, в том числе неофициальных. Для жителей определённой местности топонимы не только выполняют функцию геопространственных ориентиров, но и концентрируют в себе когнитивно-эмоциональную связь с территорией проживания. Например: (говорят о лодке*) Эта в **Де-Кастри** была? – Нет / то другая*; *(*беседуют внук с дедом*) Сазаны где ловятся? – А ты заедь в **Карасёвую** / посмотри // – Там мелко // – Вода пришла*; *Чё / лодку повезли? А куда ставить? – На **Колхозную** // Где колхозная база была* и т. п. В качестве своеобразного топонима используется и номинация *берег*: *Поедем сегодня **на берег** / нас там ждут*. В данном случае следует учитывать специфику уклада жизни в ульчском селе, неразрывно связанного с природой, прежде всего с Амуром, обеспечивающим традиционное занятие рыболовством. Берег – это место причаливания лодок, грань, соединяющая реку с селом в целостное пространство жизни (подобное употребление слова *берег* мы встречали в удэгейском селе Красный Яр в Приморском крае, в том числе в составе микротопонимов: *Общий берег, Экспедиторский берег, Канчуговский берег* и т. п.).

Региональность языкового сознания непосредственно проявляется в процессах категоризации и структурирования человеком окружающей

действительности, что находит выражение в ментальном лексиконе, который, по определению Е. С. Кубряковой, представляет собой «совокупность знаний, группирующихся вокруг слова, и всех сведений, вытекающих из осознания его связей с другими словами» [6, с. 379]. То есть в одном слове пересекаются смысловые связи, обусловленные национально-культурным колоритом, особенностями восприятия окружающего мира и социальным опытом говорящих.

Центральное место в языковом сознании жителей Ульчского района занимают смысловые единицы «АМУР» и «РЫБА», что предопределено событийно-бытовым контекстом жизни в этих селах.

Содержание видеоблога Галины позволяет заключить, что лексема *Амур* соединяет в себе различные смысловые связи, даже если она представлена имплицитно в пределах определённого контекста: сфера, обусловленная годовым кругом (впервые после зимы вышли на лодке рыбачить, Галина торжественно мужу*: Ну чё / с первым заплывом тебя! Наконец-то выбрались!*); часть жизненного пространства, требующая ухода (причаливают после рыбалки и видят принесённый к берегу мусор*: Всё убирать надо // Ой / мусору!*); погодные условия, определяющие возможность выхода на рыбалку (*Ой сколько здесь машин! Рыбачат // Шторма нет / хорошо; Никто не рыбачит// И шторма нет*); состояние уровня воды (*Там мелко //* – опровергает: *Вода пришла; Гляди как вода упала / Как вода падает сильно / ужас!*); возможность транспортного перемещения (*Сынка приехал на лодке // С Хабаровска на лодке приехал // Амур / всю ночь рулил*); возможность отдыха (планируют поездку на один из островов Амура*: День рыбака / может сегодня куда-нибудь поедем*).

Множество смысловых связей пересекается и в лексеме *рыба* (представлена рядом конкретных номинаций: *кета, горбуша, сазан, карась, щука, осётр, судак*): ловля рыбы (*Сниму я / щуки какие здоровые! Это / рыбачат они на частик // Сезон частика щас*); разделывание рыбы (мать объясняет Галине, как разделывать судака: *Сначала хребтину // Сначала вот так / вот так срежь / как кету делала // Щас вот так надрежь / и прям вдоль хребтины*); приготовление еды из рыбы (объясняет рецепт приготовления «салата из кетовых»: *Здесь капуста / перец соль / и масло растительное // И видите вот / кишки кетовые / сердечки кетовые // Всё это мелко режется и добавляется// Вкусняшка!*); удовольствие от еды из рыбы (*Щас буду / осётра / таловать // Вкусняшку // Ой слюнки текут!*); экология среды обитания рыбы (*Наводнение было / и эта рыба* [судак] *распространилась у нас в низовье // И вот эта рыба / хищная она/ уничтожать стала мальков // Мальков кеты-ы-ы / горбу-у-уши / осетровых пород // Её надо выловить вообще эту рыбу!*).

Использование в речи Галины слов лексико-семантической группы «рыба» часто сопровождается эмоционально-экспрессивной окрашенностью – в частности, посредством диминутивных форм (*щучки, рыбка, икорка; кишочки и сердечки кетовые*), выражающих субъективную оценку, в

которой также проявляется региональное языковое сознание: рыба имеет особую жизненную значимость, вызывая эмоциональный отклик в сознании человека. Представленный в видеоблоге персональный дискурс насыщен и другой оценочной лексикой: *щуки какие здоро-овые!*; *как вода падает сильно / ужас!*; *ни фига себе / вот это щука!*; *судак какой здоровый!*; *вот это жи-ы-ы-рный!*; *монстр какой!*; *какая рыбка/ [аба]лдеть!* и т. д. Интересно в этом отношении значение слова *жирный* в речи Галины: «то, что объективно (логически) имеет знак минус, в языке может иметь положительную эмоциональную сему» [7, с. 45]. Галина употребляет данное слово по отношению к рыбе, подчёркивая её большой размер, что является положительной характеристикой, несмотря на объективно отрицательное значение слова. Растяжка гласных в словах усиливает значение положительной оценки.

Маркерами региональности языкового сознания безусловно являются региональные слова, используемые в обыденном речевом общении. Помимо топонимов, это и номинации реалий местной жизни, в частности этнографизмы, называющие понятия, характерные для быта определённой национальной культуры. Такие слова в живой непринуждённой речи могут образовывать словообразовательные гнезда. Приведём пример из видеоблога Галины: *тала* (блюдо из сырой рыбы, традиционное для коренных народов Дальнего Востока) и производные от него *таловать* (готовить и есть талу), *поталовать* (процесс, названный глаголом *таловать*, в его завершённости), *талушки* (диминутивная форма существительного *тала*). К регионализмам относятся и другие номинации лексико-семантического поля «рыба»: *рыбачить на частик* (ловить рыбу с использованием мелкой рыбной нарезки), *сезон частика* (время, когда рыбачат с использованием мелкой рыбной нарезки), *салат из кетовых* (салат, который готовят с использованием кетовых кишок и сердечек; обращает на себя внимание субстантивированная форма *кетовые*, называющая компонент данного блюда) и т. п.

Проявлением регионального языкового сознания считаем и позиционирование себя как части территориальной общности. Показательно в данном случае использование местоименных дейктиков, чаще притяжательных и личных. Например (говорит о судаке)*: Эта рыба адаптировалась* ***у нас / в нашем Амуре*** */ и чувствует себя здесь как хозяйка; Наводнение* ***у нас*** *в низовье было* и т. п. Единство регионального сознания обнаруживается и в комментариях к блогу Галины: *Я из комментария / сегодня прочитала // «Как это так?* ***Не позорьте Ульчский райо-о-он! Не уме-е-ет рыбу / разделывать / аборигенка называется!****»* (смеётся) *Рыбу я умею / разделывать // Но вот эту рыбу я первый раз разделывала / извиняйте! Да эту рыбу я… / я кету / а сёмгу / я так их быстро обрабатываю! Ого! А вот эту судак / я его не-е-е это… / я его не знаю / эту рыбу //* Комментарий побуждает Галину объяснить факт, возмутивший читателей её канала: для неё важно сохранить статус «своего» в данном сообществе.

Указанные маркеры регионального языкового сознания демонстрируют самоидентификацию местных жителей, служат приёмом определения собственных границ проживания, а также транслируют региональные ценности.

Таким образом, специфика языкового сознания, отражённого в повседневных речевых практиках дальневосточников, позволяет говорить об особом дальневосточном дискурсе, который определяется рядом факторов (географическое положение региона, история его освоения, национальный состав населения и т.п.) и реализуется в коммуникативных ситуациях, характерных для данного региона.

Литература

1. Шульгина Н. П., Бугаенко Н. П. Региональный колорит как одна из исходных детерминант региональной языковой личности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 59–64.

2. Ворожбитова А. А. Региональная языковая личность и лингворегионология как область научного поиска // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2008. № 11. С. 130–138.

3. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

4. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.

5. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 33–58.

6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

7. Гудавичюс А. Аксиологический аспект лексической системы // Славянское языкознание: Докл. рос. делегации / XII Междунар. съезд славистов, Краков, 1998 г.; Отв. ред. акад. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1998. С. 43–55.

УДК 81’42

А. В. Панкова[1], А. В. Курьянович[2]
[1]Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия)
[2]Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия)

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

[2]SPIN-код: 2715-8557

Аннотация. Статья посвящена лингвосемиотическому анализу регионального рекламного текста с позиций интегративного подхода, объединяющего лингвистические и семиотические методы исследования текста. Центральное место в анализе занимает исследование культурных кодов и локальных стереотипов как базовых элементов конструирования региональной картины мира в рамках концептуального содержания рекламных текстов.

Ключевые слова: региональный рекламный текст, локальная идентичность, лингвосемиотический анализ, дискурс-анализ, контент-анализ.

A. V. Pankova[1], A. V. Kuryanovich[2]
[1]Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)
[2]Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

LINGUOSEMIOTIC ANALYSIS OF REGIONAL ADVERTISING TEXT: EXPERIENCE OF IMPLEMENTING AN INTEGRATIVE APPROACH IN MODERN TEXTUAL RESEARCH

Abstract. The article is devoted to the linguosemiotic analysis of regional advertising text from the perspective of an integrative approach that combines linguistic and semiotic methods of text research. The central place in the analysis is occupied by the study of cultural codes and local stereotypes as basic elements of constructing a regional picture of the world within the framework of the conceptual content of advertising texts.

Keywords: regional advertising text, local identity, linguosemiotic analysis, discourse analysis, and content analysis.

Упрочение позиции региональных производителей в соответствии с современными экономическими реалиями выдвигает региональную рекламную продукцию на позиции междисциплинарного объекта научных

© Панкова А. В., Курьянович А. В., 2025

разысканий. Региональные особенности, традиции, язык и культурные ценности требуют индивидуального подхода в рекламе для более эффективного воздействия и повышения узнаваемости. В современной парадигме маркетинговых коммуникаций локальный маркетинг приобретает статус детерминирующего фактора коммерческой эффективности: «Всё больше людей хотят выбирать тех, кто рядом. «Наших». Похожих. Из соседнего двора, улицы, города... Локальный продукт – это когда пекарня знает, какую булочку любят в регионе. Когда мастерская делает украшения с мотивами хохломы не потому, что это «тренд», а потому, что это часть души региона» [1].

Рис. 1. Иллюстрация из лонгрида Екатерины Николаевой «Вы слишком «общие» для своего клиента»[2]

Использование локальных маркеров, обращение к социо- и историко-культурной идентичности жителей региона при продвижении бренда позволяют создать прочную эмоциональную вовлечённость целевой аудитории и оптимизировать воздействие на восприятие покупателя или получателя услуг. Другими словами, эффективность регионального маркетинга обусловлена его способностью актуализировать коллективную идентичность через знаковые системы, значимые для локального сообщества.

В лингвосемиотических исследованиях формируется особый объект для изучения – региональный рекламный текст (далее – РРТ). В качестве его ключевых особенностей назовём следующие:

1) использование лингвистических единиц, конструкций и средств, адаптированных к локальной речевой практике (диалектных слов, топонимов, регионализмов, эргонимов и пр.);

2) обращение к социокультурным, историческим, географическим, маркёрам региона (традиционным символам, географическим объектам, образам известных в регионе исторических и современных личностей, климатическим реалиям, известным в регионе событиям и пр.);

[2] Фотография взята из поста Е. Николаевой. URL: https://vc.ru/marketing/2042961-lokalnyj-marketing-nizhnij-novgorod (дата обращения: 22.07.2025).

3) ориентация на региональный социально-демографический портрет целевой аудитории (возраст, образование, социальный статус, этнический состав и пр.);

4) открытость к дискурсивным «метаморфозам», основанным на изменении коммуникативной природы РРТ под влиянием глобальных трендов и контекстов;

5) формирование и отражение региональной идентичности и фрагментов региональной картины мира населения конкретной территории посредством обращения создателей рекламы к «аксиологическим доминантам» в сознании целевой аудитории региона.

Перечисленные типологические свойства РРТ отражают одновременно его семиотическую многомерность и лингвистическую природу, что обусловливает применение таких подходов в исследовании, которые способны учесть поликодовость и проявить все локальные смыслы, материализованные в структуре РРТ.

В данном контексте особую актуальность приобретает лингвосемиотический анализ, то есть междисциплинарный метод исследования, объединяющий методологический ресурс семиотического анализа как общенаучного приёма и частнонаучные методы, применяемые в лингвистической исследовательской практике: контекстуальный, коммуникативно-прагматический, функционально-стилистический и пр. виды анализа. Ключевая задача лингвосемиотического анализа – выявление способов конструирования смыслов через взаимодействие вербальных и невербальных знаков в коммуникации. При этом под знаком понимается минимальный носитель текстовой информации, чьё значение раскрывается только в рамках семиосферы – пространства культурных кодов [2]. В наибольшей степени насыщены смыслами визуальные знаки [3].

Любой знак включает в себя наличие трёх типов отношений: символическое, присутствующее в содержании любого знака; парадигматическое, проявляющееся в значении множества близких знаков, в том числе неоднородных; синтагматическое, реализующееся в актуальном контексте [4, с. 246–252]. Такая функционально-содержательная структура знака обусловливает использование при лингвосемиотическом анализе соответствующих методов. Среди них:

1. Деконструкция. Разбор текста на уровни: синтаксис, семантика, прагматика с целью определить лексико-семантические, стилистические особенности текста, прагматический потенциал его элементов.

2. Дискурс-анализ. Связь текста с локальным социокультурным контекстом.

3. Иконический и символический анализ. Выявление визуальных метафор и архетипов.

4. Контент-анализ и количественные методы. Исследование влияния контента на целевую аудиторию, статистический анализ частотности знаков / символов в текстах.

Лингвосемиотический подход имеет особую методологическую значимость при изучении «некоего информационного феномена, слагаемого разными кодами (словесным и изобразительным, предметным и человеческим), сложными знаками (сюжетом и композицией), но с опорой на словесную коммуникацию; воспринимаемого через разные перцептивные модусы (визуальный, слуховой, тактильный, вкусовой, одорический), транслируемого через разные носители и медиаканалы (печать, радио, ТВ, интернет)» [5, с. 2]. К такого рода «информационным феноменам» можно отнести и РРТ.

При анализе РРТ лингвосемиотический подход благодаря своей междисциплинарной природе способен интегрировать анализ языковых и внеязыковых компонентов текста, учитывать культурно обусловленные особенности восприятия, выявлять имплицитные смыслы, актуальные для локальной аудитории, и обнаруживать стратегии адаптации глобальных рекламных трендов к локальному контексту.

Рассмотрим возможности лингвосемиотического подхода на примере анализа РРТ компании «СушиSell» в г. Томске.

Рис. 2. Реклама компании «СушиSell»[3]

Томск выделяется уникальным архитектурным ландшафтом, где сочетаются традиционная сибирская деревянная резьба, сибирское барокко и модерн. Исторический центр города сохранил ансамбли купеческих особняков XIX – начала XX веков, украшенных ажурными наличниками и фигурными карнизами. Яркими примерами являются Дом с драконами (модерн), Воскресенская церковь (сибирское барокко), Дом архитектора Станислава Хомича (русский стиль). В то же время Томск – один из важнейших образовательных центров Сибири, где каждый пятый житель – студент. Наличие

[3] Фотография взята из рекламного поста в социальной сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-134493509_77462 (дата обращения: 22.07.2025).

девяти вузов формирует особую интеллектуальную среду. С одной стороны, в Томске сильны академические традиции, с другой – развивается андеграундная культура. Студенчество влияет на городскую экономику (спрос на аренду, коворкинги, IT-стартапы) и культурную жизнь (фестивали, научные бои, стрит-арт). Сказанное формирует культурное пространство города и отражается в визуальном облике Томска, в том числе объектах городской рекламы. Такие ценности, как дружба и любовь, являющиеся частью городской мифологии Томска, эффективно эксплуатируются маркетологами при создании рекламы для формирования эмоциональной связи с реципиентами.

Рекламный текст компании «СушиSell», производящей роллы, расположен на главном проспекте города – проспекте Ленина – на рекламном носителе «сити-формата». Структура данного РРТ является креолизованной и поликодовой, т. к. в ней взаимодействуют разнородные элементы: текстовый – в форме имитированного послания и контактных данных компании, а также графический, представленный QR-кодом. Стиль рекламного текста минималистичен, визуальный ряд ограничен бинарной оппозицией «фон – текст» в монохроматическом исполнении без использования декоративных элементов, что акцентирует внимание на семантике вербального сообщения. Преобладающую часть текстового компонента составляет высказывание, состоящее из двух разделённых в пространстве рекламного текста частей и имитированное под спонтанное анонимное послание-обращение к некой девушке по имени Света.

Первый элемент послания «*СВЕТА! Я ВЕРЮ В НАС*!» содержит имя собственное, что создаёт эффект персонализации и в то же время стилизации под разговорную речь, сокращая дистанцию между рекламой и потребителем. Реципиент как будто становится свидетелем знакомой ситуации признания в романтических чувствах. Использование конкретного имени, а также глагола *верю* вызывает у потребителя эмпатию, заставляет поверить в реальную ситуацию личного переживания чувств, маскируя коммерческий характер предложения.

Вторая часть обращения «*ПУСТЬ ОБ ЭТОМ УЗНАЕТ ВЕСЬ ТОМСК*!» содержит намеренную гиперболизацию. Такой приём нацелен на продолжение имитации спонтанности высказывания и масштаба переживаемых чувств, которые «анонимный» адресант хочет, как это свойственно большинству влюбленных, доказать «всему миру».

Будучи компанией, имеющей более 100 филиалов в разных городах России, производящих, по мнению большинства потребителей, вкусные и качественные роллы, в этом рекламном сообщении «СушиSell» демонстрирует реализацию стратегии локального маркетинга. Использование топонима *Томск,* кроме всего прочего, актуализирует в сознании реципиентов связь с родным городом, чувство личной локальной идентичности, способствует формированию доверия к рекламному высказыванию и ощущения сопричастности к судьбе анонимного, абстрактного автора-«земляка»,

скорее всего молодого, возможно, студента, т. к. именно на период студенчества чаще всего приходятся особенно интенсивные романтические переживания, находящие гиперболизированное выражение в визуально-вербальных практиках: от монументальных граффити-признаний на фасадах общежитий до экспрессивных посланий в городских пространствах. Подобная апелляция к романтическому студенческому нарративу может быть нацелена как на представителей молодежи, проживающих подобные чувства, так и на людей среднего и старшего возраста, у которых такая реклама способна пробудить чувство ностальгии по студенческим временам.

Обращение к молодёжной среде и следование современным трендам подчеркивает визуальный компонент рекламного сообщения, который представлен QR-кодом и находится в центре композиции рекламного текста, разделяя две части вербального сообщения-«послания». Использование такого графического символа демонстрирует соответствие рекламного текста тенденциям цифрового поколения, а также инициирует нарративную интригу, провоцируя активный интерес реципиента и создавая интерактивный элемент коммуникации, призывая потенциального потребителя к действию: «отсканируй и узнай». Через сканирование QR-кода адресат попадает на страницу компании в социальном мессенджере, где его встречает чат-бот с записанным основателем «СушиSell» видеообращением к каждому клиенту. Такая неодносложная коммуникация, требующая активного включения, позволяет эффективнее и глубже вовлечь реципиента в рекламное предложение.

Таким образом, лингвосемиотический анализ данного регионального рекламного текста показал, что его эффективность строится в первую очередь на локальной «привязке» контента, а также на персонализации и цифровой интеграции. В качестве определяющих факторов воздействия можно назвать приём сочетания поликодовости и визуальной экономии, романтизации нарратива и запоминаемости за счёт интерактивности.

Литература

1. Николаева Е. Вы слишком «общие» для своего клиента. URL: https://vc.ru/marketing/2042961-lokalnyj-marketing-nizhnij-novgorod (дата обращения: 22.07.2025).

2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

3. Курьянович А. В., Драгунайте (Панкова) А. В. Место и роль визуального языка в современной коммуникации (на примере креолизованных рекламных текстов) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 4 (157). С. 153–159.

4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

5. Кара-Мурза Е. С. Преподавание лингвосемиотики коммерческой рекламы в медиавузе // Учёные записки НовГУ. 2015. № 2 (2). С. 7.

УДК 81’373.211

О. В. Петешова
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ВТОРОЙ ВОЛНЫ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ УЛИЦ В ГОРОДЕ КАЛИНИНГРАДЕ

SPIN-код: 2512-6475

Аннотация. В данной статье описывается вторая волна массовых переименований городских объектов в Калининграде в сравнении с первой послевоенной волной сплошных переименований в этом городе. Делаются выводы об ориентации реноминаций второй волны на идеологизацию урбанонимов и о влиянии объективных факторов на необходимость целого ряда переименований второго этапа.

Ключевые слова: переименование, урбаноним, мемориальный урбаноним, идеологическая антонимия.

O. V. Peteshova
I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE SECOND STAGE OF STREET RENAMING IN KALININGRAD

Abstract. This article describes the second stage of large-scale renaming of urban features of Kaliningrad and compares it with the first one that took place in the post-war years. Conclusions drawn show that the renominations of the second stage are characterized by ideologization of urbanonyms and presence of objective factors that influenced the need for a number of renamings at this stage.

Keywords: renaming, urbanonym, commemorative urbanonym, ideological antonymy.

Переименование улиц Калининграда в 1946 году, почти сразу после включения территорий Северо-Восточной Пруссии в состав Советского Союза, не было последней реноминацией улиц этого города. Местный краевед А. Б. Губин демонстрирует, что на момент проведения отделом по культуре мэрии Калининграда научно-практического семинара по проблемам городской топонимии в ноябре 1998 года 197 номинаций (или 39%) из числа тех 503 урбанонимов, которые появились на местных картах по итогам первой

© Петешова О. В., 2025

волны переименований, успели получить новые названия [1, с. 156] в ходе дальнейших реноминаций, осуществляемых в разные годы XX века.

В данной статье мы ставим своей целью продемонстрировать специфику этой серии переименований, которые в совокупности можно рассматривать как вторую волну изменения названий калининградских улиц.

В первую очередь нами были произведены элементарные количественные подсчёты, которые позволили установить, что лишь 14 из соответствующих актов переименования привели к замене идеологически нагруженных урбанонимов на новые, идеологически нейтральные географические названия (*площадь Героев → ул. Университетская, ул. Мусоргского → ул. Полевая и ул. Комсомольская → ул. Ремонтная*). Напротив, в 82 случаях имеют места переименования улиц с идеологически нейтральными названиями, направленные на введение идеологизированных урбанонимов (как в примерах *ул. Фонтанная → ул. Энгельса* или *ул. Заводская → ул. Дзержинского*).

Чаще всего во вторую волну изменялись номинации, фиксирующие функцию конкретных улиц, которая, конечно же, могла меняться со временем в условиях динамично развивающегося города: были переименованы 38 улиц из 88 наличных улиц с названиями подобного рода, например: *ул. Гончарная, ул. Кожевенная, ул. Монетная*. За ними по частоте сменяемости следуют мемориальные урбанонимы, в основу которых положены фамилии выдающихся деятелей советской культуры или исторически значимые события: 27 из 103 номинаций этой лексико-семантической группы, присутствовавших на картах Калининграда, в частности *ул. 10 апреля, ул. Баумана, ул. Пушкина*. Кроме того, отмечены неоднократные переименования улиц с отойконимными названиями (19 из 54, например *ул. Белгородская, ул. Винницкая, ул. Саратовская)* и названиями, производными от военных терминов (12 из 26, как в случаях *ул. Кавалерийская, переулок Курсантский, ул. Пехотная)*.

Что касается основных лексико-семантических групп, к которым относятся урбанонимы, появившиеся в регионе после проведения второй волны переименований, то по своей количественной представленности наиболее репрезентативные из них могут быть ранжированы следующим образом:

1) мемориальные урбанонимы (97 единиц): *ул. Клары Цеткин, ул. Платова, ул. Фурманова;*

2) отойконимные урбанонимы (28 единиц): *ул. Мариупольская, ул. Омская, ул. Томская;*

3) названия, фиксирующие функцию улицы (10 единиц): *ул. Велосипедная дорога, ул. Строительная, ул. Узловая;*

4) номинации, производные от военных терминов (6 единиц): *ул. Батальная, ул. Взводная, ул. Солдатская.*

Сравнение преобладающих лексико-семантических групп исходных и новых урбанонимов показывает, что по итогам реноминации они

практически совпадают по своему качественному составу и даже по численному распределению в материале исследования, поэтому нельзя говорить о существенных семантических изменениях в урбанонимии Калининграда, обусловленных переименованиями второй волны.

Поскольку среди лексико-семантических групп исходных урбанонимов преобладают мемориальные названия, остановимся на этих названиях улиц Калининграда более подробно. Интересен тот факт, что по итогам первой волны переименований в городе осталось 17 урбанонимов, восходящих к фамилиям носителей немецкого языка, которые внесли значительный вклад в сокровищницу мировой культуры. В ходе второй волны переименований было сохранено лишь 6 названий из этой выборки, три из которых являются производными от фамилий деятелей культуры Германии (*ул. Брамса, ул. Вагнера* и *ул. Шиллера*), а три – от фамилий немецких политиков, действовавших в идеологически близком советскому руководству ключе (*ул. Карла Маркса, ул. Тельмана, ул. Энгельса)*.

Вместе с тем к 1998 году с карт Калининграда исчезают фамилии И. В. Гёте и И. Канта, а также номинации улиц в честь 9 немецких или австрийских композиторов. При этом все 11 соответствующих реноминаций были проведены в направлении «мемориальный урбаноним → мемориальный урбаноним»; более того, в 7 из 11 случаев имела место замена урбанонима, производного от фамилии деятеля немецкой культуры, на урбаноним, образованный от фамилии деятеля русской или советской культуры. Так, улицы композиторов *Шуберта* и *Штрауса* стали улицами композиторов *Чайковского* и *Римского-Корсакова* соответственно, а на месте улицы *Моцарта* появилась улица *Репина*, в названии которой увековечен великий русский художник. С другой стороны, в 4 случаях из 11 произошла замена исходного отфамильного урбанонима на номинацию, фиксирующую фамилию того или иного политика или революционера (*ул. Бетховена → ул. Кирова* или *ул. Баха → ул. Димитрова*).

Отметим, что в качестве новых мемориальных урбанонимов инициаторы переименования предпочитали использовать названия, закрепляющие фамилии выдающихся людей советского периода в истории России (77 примеров, основную массу которых составляют фамилии участников Великой Отечественной войны разных званий, в частности *ул. Сержанта Колоскова, ул. Сержанта Мишина, ул. Маршала Борзова*). Однако в 19 случаях представлены географические названия в честь деятелей культуры, проявивших себя в годы существования Российской империи (например, *ул. Белинского, переулок Грибоедова, ул. Суворова*), а также имеется один пример вновь образованного урбанонима по фамилии норвежского композитора – *ул. Грига*.

Часть калининградских переименований обеих волн характеризуется согласованностью отдельных исходных и новых урбанонимов, то есть при отборе некоторых новых названий улиц могли учитываться форма или семантика исходных названий. Однако сами способы согласования на двух

этапах существенно отличаются друг от друга, что обусловлено несовпадением языка исходных урбанонимов (немецкий в первую волну и русский во вторую). Если на первом этапе использовались идеологическая антонимия, перевод, одинаковая тематическая соотнесённость, ассоциативное название, метонимическая соотнесённость и переосмысление, затронувшие 33 % всех изменённых урбанонимов [2, с. 111], то на втором этапе способы согласования, имевшего место всего в 14 % случаев переименования, могут быть ранжированы по своей количественной представленности следующим образом:

1. Идеологическая антонимия (11 случаев). К данной группе реноминаций относятся акты замены названий в честь деятелей немецкой или австрийской культуры на названия в честь выдающихся деятелей русской или советской культуры, упомянутые нами выше.

2. Добавление компонентов (5 случаев). Как правило, речь идёт о переименованиях в связи с необходимостью разграничения соответствующей улицы и недавно появившейся в городе улицы, получившей похожее название. По этой причине *ул. Кольцевая* стала *ул. Большой Кольцевой,* а *ул. Большая Окружная – ул. 1-й Большой Окружной*.

3. Одинаковая тематическая соотнесённость (3 случая). Во всех примерах такого рода отойконимный урбаноним сменялся на картах Калининграда другим отойконимным урбанонимом, как в актах реноминации *ул. Костромская → ул. Омская* и *ул. Севастопольская → ул. Тульская*.

4. Метонимическая соотнесённость (3 случая). Перенос географического названия был сопряжён с изменением типа городского объекта при тех или иных преобразованиях городского пространства, в частности при переименованиях *ул. Гвардейская → проспект Гвардейский* и *ул. Партизанская → переулок Партизанский.*

5. Перестановка компонентов (3 случая). Во всех примерах реализации этого способа согласования нумеративный компонент составного урбанонима перемещается с первого места в его структуре на второе: *ул. 1-я Дамбовая → ул. Дамбовая 1-я.*

6. Изменение структуры урбанонима по аналогии (3 случая). По аналогии с урбанонимом *ул. Старосаперная* в результате переименования сложными стали исходные составные урбанонимы, что хорошо заметно в актах переименования *ул. Старая Орудийная → ул. Староорудийная* и *ул. Старая Каменная → ул. Старокаменная*.

Итак, мы видим, что во вторую волну переименования использовались только три из шести способов согласования урбанонимов, реализованных в первую волну: идеологическая антонимия, одинаковая тематическая соотнесённость и метонимическая соотнесённость, а остальные три способа оказались новыми для изучаемого региона. При этом сама доля согласований снизилась по сравнению с изначальной более чем в два раза.

В заключение рассмотрения особенностей калининградских городских реноминаций второй волны обратим внимание на тот факт, что в 57

случаях (то есть почти в 29 % анализируемой выборки) осуществлённые переименования следует считать объективно назревшими, поскольку либо изменился тип объекта (что мы наблюдали выше при характеристике метонимического переноса как способа урбанонимического согласования), либо некоторое исходное количество улиц (от двух до пяти) к моменту переименования слилось в одну более крупную улицу. Так, *ул. Пушкина* и *ул. Хирургическая* трансформировались к 1998 году в единую *улицу Лёни Голикова*, а под общим названием *проспект Московский* объединились *ул. Старая Площадь, ул. Мастеровая, ул. Старогородская, ул. Мельничная* и *ул. Московская*.

В большинстве случаев объединившиеся улицы получали по итогам реноминации совершенно новое наименование. И только в шести ситуациях для обозначения образовавшегося городского объекта выбирался один из задействованных исходных урбанонимов. Приведём два примера: *ул. Рыбная + ул. Переплетная + ул. Большая Песочная → ул. Большая Песочная; ул. Морская + ул. Узловая → ул. Узловая*.

Таким образом, если в первую волну были осуществлены сплошные переименования городских объектов Калининграда, то во вторую волну они были хотя и массовыми, но менее масштабными. Кроме того, им оказались свойственны меньшая степень ориентации на исходный урбанонимический материал и более заметное влияние объективных причин реноминации, сопряжённых с реальными преобразованиями городского пространства. Однако общей чертой обеих кампаний по переименованию калининградских улиц стала выраженная противоречивость и непоследовательность инициаторов реноминации при отборе новых урбанонимов.

Литература

1. Губин А. Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. № 5. С. 139–196.

2. Петешова О. В. Переименование географических объектов в Калининградской области: лингвистический аспект. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. 160 с.

УДК 811.161.1

В. Шетэля
Московский городской педагогический университет
(*Москва, Россия*)

ПОЛЬСКИЕ РЕГИОНАЛИЗМЫ В ТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЛАДИМИРА БОГОМОЛОВА «МОМЕНТ ИСТИНЫ»

SPIN-код: 779-663

Аннотация. В статье рассматривается текст романа Владимира Богомолова «Момент истины» с точки зрения употреблённых в нём единиц польского происхождения. Предполагается, что автором употреблены полонизмы, которые регионально связаны с западным регионом Белоруссии, Литвы и Украины – местом проживания польской народности. Таким образом, в тексте романа можно выделить региональные по своему характеру слова (напр., *стодола, костёл*). Лингвокультурологический комментарий к таким словам с указанием на употребление их другими авторами будет, возможно, полезным для вузовского курса культурологии и русской лексикографии XX века.

Ключевые слова: заимствование, полонизм, польские регионализмы, польский язык.

V. Szetela
Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)

POLISH REGIONALISMS IN THE TEXT OF VLADIMIR BOGOMOLOV'S NOVEL "MOMENT OF TRUTH"

Abstract. The article examines the text of Vladimir Bogomolov's novel "The Moment of Truth" from the point of view of the units of Polish origin used in it. It is assumed that the author used Polonisms that are regionally associated with the western region of Belarus, Lithuania and Ukraine – the place of residence of the Polish people. Thus, in the text of the novel, one can identify words that are regional in nature (e. g., *stodola, kostel*). Linguistic and cultural commentary on such words, indicating their use by other authors, will probably be useful for a university course in cultural studies and Russian lexicography of the 20th century.

Keywords: borrowing, polonism, polish regionalisms, polish language.

Время, в котором происходят описываемые в литературных произведениях события, определяет круг лексических единиц, при помощи которых эти события изложены.

© Шетэля В., 2025

В романе Владимира Богомолова «Момент истины» для описания региона военных действий – мест проживания польского населения, которые в августе 1944 года были освобождены советскими войсками и являлись территорией действия Смерша против немецких диверсантов, – употреблён целый ряд польских региональных наименовании, тесно связанных с регионом и неподвластных времени их употребления. Имеются в виду наименования, употребление которых находим в произведениях разных эпох (*ксёндз*, *костёл*, *пан, пани, стодола* ‘амбар').

Для исторического романа Владимира Богомолова, в котором действие, как уже отмечалось, происходит в августе 1944 года (на это указывают упоминания в тексте о кровопролитном Варшавском восстании, относящемся к означенному времени), кроме названных единиц характерно употребление новых для того времени названий, например *аковец* (от аббревиатуры *АК* – «Армия Крайова», подпольная военная организация, подчинённая польскому эмиграционному правительству в Лондоне). В тексте произведения употреблена непосредственно аббревиатура *АК* («*с целью изъятия подпольной радиостанции АК*» [1, с. 71]), полное её название («*в тылах фронта действуют подпольные организации: … Армия Крайова, созданная в последние недели “Неподлеглость” и … в р-не гор. Вольнюс – “Делегатура Жонду”*» [1, с. 12]), а также *аковец* – название отдельного лица, состоящего в этой организации («*Может, это аковцы*?» [1, с. 58]), и его производное – прилагательные *аковский* («*Длина рабочей волны передатчика … соответствует одному из диапазонов аковской радиосвязи*» [1, с. 49]).

Составное наименования *Делегатура Жонду* (польск. Delegatura Rządu) обозначает ‘Представительство правительства' – того польского правительства в эмиграции, которое функционировало во время войны в Лондоне.

Наименование *жонд*, *ржонд* (польск. rząd) имеет свою историю в русском газетном языке начиная с польского восстания 1863 г. *Жонд* (rząd) – «правительство», «революционное правительство, руководящее польским восстанием 1863 г.» [2, стб. 591–592].

При употреблении этого наименования в газетах уточняется: *«С особенным усилием Prawda старается доказать, что она не была полуофициальным органом своего жонда и что она не издавалась чиновниками народного правительства. Из этого ясно только, что жонд составлен из красных самого яркого оттенка»* [3, 1863, № 163].

Наименование *Делегатура Жонду,* подобно названию *АК* и его производных, «привязано» к этому времени, хотя само название *жонд* (или *ржонд*) было весьма частотным в русских газетах с 60-х гг. XIX века.

Эти названия входят в круг единиц, которые необходимы для создания контекста повествования в актуальный для романа период августа 1944 года.

Укажем также употреблённые в тексте полонизмы: редупликаты – слово *пани* в сочетании с фамилией («*Пани Гролинская, для своих*

шестидесяти лет очень моложавая и подтянутая» [1, с. 158]); *пан* в сочетании с *проше* (proszę pana) – речевая форма этикета, обращение («*Проше пана. – Она с улыбкой пригласила нас в дом*» [1, с. 159]); *костёл* («*миновали костёл и вышли к восточной окраине города*» [1, с. 131]); *стодол* («*Поутру он что-то мастерил, приколачивал в стодоле*» [1, с. 167]); *местечко* («*окончил радиоотделение Варшавской радиошколы в местечке Сулеювок*» [1, с. 183]); *майонтек* 'имущество' («*Голы стены. Вместо стола – поставленный на попа ящик от мин, застеленный поверху розовой тряпкой, рядом с ним – ветхая деревенская табуретка. И всё – ни мебели, ни обычного «майонтка». Очень чистенькая нищета*» [1, с. 340]).

Все названные здесь единицы неоднократно употреблялись другими российскими авторами в тех же функциях в связи с польской тематикой.

Пани (польск. pani) 'То же, что *госпожа* – по отношению к польке' [4, III, стб. 31]. Пример такого употребления*: «Смотрите, Нестор Игнатьевич, говорила она: – чтобы, в самом деле, не вышло на слова пани Свентоховской*» [5, с. 182].

Пан (польск. pan) – в значениях: 1) 'господин, барин' [6, с. 406]: «*Слово пан имело значение господина и является с самого возвращения Ягайлы из Кракова в 1387 г. Впоследствии панами стали величать землевладельцев*» [7, с. 160]; 2) речевая форма этикета; часто употребление в сочетании «пан + титул + фамилия»: «*В ночь на такое-то число такой-то пан грабе Черномский неизвестно почему скрылся чрез окно такого-то постоялого двора и ныне неизвестно где находится*» [8, с. 291], «*Надо ещё прибавить, что паны Смычковские одеты были в одинаковые синие чамарки с снурками*» [9, с. 117].

Стодола, *стодол* (польск. stodoła) 'амбар, житница'; 'сарай, навес для повозок и скота' [10, с. 326]: «*Двор, с находившимися в нём стодолом, был обнесён каменною стеной*» [3, № 79].

Майонток, маенток, маентка (польск. majątek) – 'маенток, имение, имущество, поместье' [12, с. 262]: «*майонтек пана Косинского*» [12, с. 2].

В тексте произведения выявлены также разговорные слова польской речи, ранее не отмеченные в русской литературе и лексикографии: антонимы типа *кепско* (польск. kiepsko 'плохо') и *файная* (польск. fajna, ж. р. от fajny 'хороший'). В тексте *файная* встречается в значении 'красивая'.

Эти слова употреблены в прямой речи персонажей: «*А вот с жильем кепско*» [1, с. 25]; «*"Файная", – это отмечали почти все*» [1, с. 112].

Текст романа В. Богомолова «Момент истины» содержит и другие языковые факты польского происхождения. Все они связаны с регионом действия персонажей романа. В рамках статьи рассмотрены и проанализированы с лингвокультурологической точки зрения наиболее показательные наименования.

Литература

1. Богомолов В. О. Момент истины. М.: Эксмо, 2014. 576 с.

2. Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Императорской Академии наук / Под ред. А. А. Шахматова. СПБ.: Типография Императорской Академии Наук, 1897. Т. 2. Вып. 2. 178 с.

3. Газета «Московские ведомости» за 1863 г.

4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. П – Ряшка. М.: Государственное издание иностранных и национальных словарей. 1939. 714 с.

5. Лесков Н. С. Обойденные // Лесков Н. С. Собр. соч. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1889. Т. III. 464 с.

6. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд-во «Отчий дом», 2000. 1120 с.

7. Ратч В. Сведения о польском мятеже 1863 года в северо-западной России. Вильно: В типографии Губернского Правления, 1867. Т. II. Ч. 2. 678 с.

8. Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. М.: Правда, 1990. 688 с.

9. Корженёвский И. Коллокация. Галерея польских писателей. Киев: Издание Иосифа Завадского, 1852. Т. I–III. Кол-во страниц.

10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М.: Издание книгопродавца-типография М. О. Вольфа, 1882. Т.IV. 683 с.

11. Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1846. № 4. 388 с.

12. Газета «Правда» за 1939, № 290, 19 окт. 1939.

РАЗДЕЛ 5. ТЕКСТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЧТЕНИЕ, АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

УДК 821.521

Е. С. Абрамова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

ВЛИЯНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЯПОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА НАЦУМЭ СОСЭКИ)

SPIN-код: 1401-3612

Аннотация. В статье исследуется влияние китайской философии и литературы на творчество Нацумэ Сосэки, раскрывается синтез идей конфуцианства и даосизма с западной модернистской традицией в его произведениях. Анализируются ключевые аспекты: поэзия *канси*, аллюзии в романах, критика общества через призму китайской традиции.

Ключевые слова: японская литература, Нацумэ Сосэки, китайское влияние, конфуцианство, *канси*.

E. S. Abramova
HSE University (Moscow, Russia)

THE INFLUENCE OF CLASSICAL CHINESE LITERATURE ON THE WORKS OF MODERN JAPANESE WRITERS (BASED ON THE WORKS OF NATSUME SŌSEKI)

Abstract. The article examines the influence of Chinese philosophy and literature on Natsume Soseki's works, revealing a synthesis of Confucian and Daoist ideas with Western modernism. Key aspects analyzed include *kanshi* poetry, literary allusions in novels, and social critique through the lens of Chinese tradition.

Keywords: Japanese literature, Natsume Soseki, Chinese influence, Confucianism, *kanshi*.

Литературу Нового времени в Японии, а точнее – периодов Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926), принято рассматривать в контексте влияния западных авторов и их произведений. Действительно, идеи из европейских стран проникали в разные сферы японской духовной жизни, поли-

© Абрамова Е. С., 2025

тики и быта. Исследователи отмечают, что в основном «диалог с Западом» вели образованные люди: представители аристократии и самурайского (военного) сословия стали «главными творцами духовной и художественной культуры, и именно они первыми осознали необходимость открытия страны» [1, с. 45]. Их пример вдохновлял и представителей формирующегося уже в начале периода Эдо (1603–1868) класса *тёнин* («горожане»), к которому относились ремесленники и купцы, проживавшие в крупных городах того времени.

Однако не стоит думать, что интеллектуальный прорыв, произошедший в Японии во второй половине XIX века, возник на «пустом месте». Многие века японская государственность, экономика и культурная жизнь развивались под влиянием самого близкого соседа – древнейшей китайской цивилизации (особенно периодов Тан (618–907) и Сун (960–1279)), а также конфуцианских философско-этических концепций.

Представители правящего класса, среди которых были и активные сторонники модернизации, например философ Фукудзава Юкити (1835–1901), получили так называемое классическое образование, в которое входило изучение конфуцианского канона. Как отмечает Т. П. Григорьева, «связь с Китаем оказалась настолько прочной, что мы вправе говорить о том, что китайские учения стали частью японской культуры» [2, с. 6]. В своей книге «Японская художественная традиция» исследователь уделяет значительное внимание китайскому влиянию, сыгравшему ключевую роль в формировании японской ментальности, и приводит в качестве примера сам японский язык, «пропитавшийся» китайской лексикой и афористикой. Поэтому естественно, что представители японской элиты, а также дети зажиточных горожан хорошо знали китайскую классическую литературу и историю.

Несмотря на обилие работ, описывающих влияние китайской культуры на японскую, в российском японоведении недостаточно раскрыта тема осмысления китайской литературы и философии японскими писателями Нового времени, хотя без этого невозможно полноценное изучение их произведений. В данной статье на примере творчества крупнейшего японского писателя Нового времени Нацумэ Сосэки (1867–1916) выделены наиболее значимые аспекты китайского влияния.

В 1879 году в Эдо (как тогда назывался Токио) юноша по имени Нацумэ Кинносукэ (имя будущего писателя, данное ему при рождении), младший сын старосты (*нануси*) крупного района, поступил в Первую среднюю школу. Вот как он позднее описывал свои уроки: «Чтобы определить порядок отвечающих, мы трясли бамбуковую трубку с длинными узкими палочками внутри, одну из которых доставал ученик, и она определяла его номер. Но номера были не просто «один, два, три», а написаны в китайской традиции: «первый – *дун* («восток»), второй – *дун* («зима»), третий – *цзян* («бухта») <…>» [3, т. 34, с. 71].

Несмотря на ряд реформ в образовании, обучение всё ещё напоминало традиции *тэракоя*, школ при буддийских храмах, и Сосэки спустя годы замечает, что «ничего “школьного” в современном понимании там не было» [3, т. 34, с. 72]. Также в японских школах продолжал оставаться предмет под названием *сакубун* (сочинение, или дословно «составление текста»), и ученикам полагалось читать много китайской классики. Сосэки был знаком с известнейшими трудами, среди которых «Мэн-цзы», «Исторические записки» Сыма Цяня, «Лунь юй», «Книга песен» и т. д. Эти непростые тексты китайских авторов, которые он с энтузиазмом обсуждал с учителями на уроках в юные годы, не могли не повлиять на его мировоззрение и творчество.

Более того, Сосэки мог бы стать выдающимся *кангакуся* (учёным-китаистом), но старший брат посоветовал ему сосредоточиться на изучении английского языка, который тогда только набирал популярность, и поступить в подготовительную школу при Императорском университете, что сулило блестящую карьеру. В воспоминаниях писателя, несмотря на их ироничный тон, сквозит сожаление о том, что в погоне за престижем он как будто предал дорогие ему идеалы, наполнявшие китайские трактаты, которые в итоге пришлось продать.

После смерти отца в 1887, когда семья окончательно обнищала, Сосэки вынужден был давать частные уроки, а его первоочередной задачей было найти себе место «в цивилизованном мире». И «прощание» с китайской классикой, и упорное изучение английского языка, который давался ему не так легко, как *камбун* (классический китайский письменный язык, адаптированный для чтения в Японии), можно считать очень важными шагами к успеху, к которому он так стремился.

Ценой больших усилий Сосэки удалось поступить в подготовительную школу. Интересно, что именно китаеязычная поэзия *канси* связала его с одним из самых важных людей в его жизни – поэтом Масаока Сики (1867–1902): «Сики был впечатлён творческим подходом Сосэки к формулировкам, его чувствительностью к цветам и звукам и его способностью выражать сокровенные мысли в своих *канси*» [4, с. 23].

Хотя мотивация Сосэки к написанию *канси* не возникла из его отношений с Сики, их литературная дружба, то есть обмен письмами с *канси* и *хайку* (японские трёхстишия), дали писателю дополнительный стимул заниматься этим непростым родом литературной деятельности. Своему другу Сосэки также посвятил путевой дневник в форме классического китайского прозаического эссе «Записи древесных стружек» («Бокусэцуроку», 1889), который содержит размышления о природе, одиночестве и человеческой жизни, напоминающие китайскую поэзию эпох Тан и Сун.

За свою жизнь Сосэки создал более 200 стихотворений в китайском стиле. Его ранние работы, например «Храм в тумане» (1884), демонстрируют глубокое понимание китайской эстетики [5, с. 6]. Они также служили для него творческой отдушиной, о чём свидетельствует эпизод из романа

«Врата» («Мон», 1910). Персонаж по имени Нонака Соскэ, придя на приём к зубному врачу, видит на столике журнал под названием «Успех». Сосэки в своей характерной манере иронизирует над сентенциями, явно заимствованными из популярных тогда европейских трактатов вроде «Самопомощи» (англ. *Self-Help* С. Смайлса): «В одном из пунктов говорилось, что надо без оглядки смело идти вперёд, в другом – что очертя голову бросаться вперёд, не обеспечив себе прочного тыла, нелепо» [6, с. 388]. Затем Соскэ замечает в журнале китаеязычное стихотворение *канси*, автором которого, вероятно, был сам Сосэки:

Ветер подул среди синих небес,
Смёл облака прочь.
И над Восточной горой поднялся
Чистый яшмовый круг [6, с. 388]. (Перевод В. Сановича)

После его прочтения герой ощущает «светлое и радужное настроение, редкое, к несчастью, у человека» [6, с. 388]. В повесть «Изголовье из трав» («Кусамакура», 1909) Сосэки буквально «входит» из стихотворения Тао Юаньмина (365–427), «описывающего состояние души, свободное и беззаботное, а также стремление к свободе и гармонии» [3, т. 4, с. 10]. Сосэки говорит словами своего протагониста: «Я вовсе не собираюсь просвещать нынешнее поколение стихами Ван Вэя или Юаньмина. Просто мне кажется, что подобные удовольствия могут быть целебнее варьете или балов. О них думаешь с большей благодарностью, чем о Фаусте или Гамлете» [3, т. 4, с. 11].

Упорство, присущее Сосэки, проявилось и в выборе его псевдонима. Сошлёмся на исчерпывающий анализ из статьи американского исследователя Мэтью Мьюинни [7]. Словосочетание *сосэки* дословно означает «промывающий камни» и восходит к древнекитайскому трактату «Мэнцзю». В нём есть история о герое, который заявил о желании на старости лет «возложить голову на поток и промыть рот камнями». Когда ему возразили, что нужно делать наоборот, он, оправдываясь, сказал, что хотел «помыть голову и прочистить зубы». Впервые этот псевдоним юный Нацумэ Кинносукэ использовал, написав критические замечания к сборнику стихотворений Сики «Собрание семи трав» («Нанакуса сю», 1889) и указав в конце: «случайные замечания твоего друга Сосэки». В 1889 году Сосэки сочинил *канси*, обыграв свой новый псевдоним:

[Сики], плачущий кровавыми слезами, кашляет кровью,
Исхудавший, как жалко он выглядит!
[Сосэки], полощущий камни, преклоняет голову на камни,
Твердолобый и недалёкий, он упивается своим идиотизмом,
Твоя болезнь ещё подвластна исцелению,
Мой идиотизм не знает лекарства.

Сосэки с лёгкой иронией обращается к своему больному туберкулёзом другу, но не щадит и себя. Это важное свидетельство его глубокого знания китайской литературной традиции, а также пример китайской смеховой традиции в его творчестве.

В статье об идентичности в японской литературе Нового времени Норико Тунман [8, с. 182] ссылается на японского исследователя Умэхара Такэси, который, анализируя природу смеха у Свифта и Сосэки, выявил принципиальное различие между западной и восточной традициями. Если западный смех, как у Свифта, носит рациональный и критический характер, то восточный смех представлен двумя формами: спокойной улыбкой философов Лао-цзы или Чжуан-цзы, проистекающей из осознания «ничто» и тщетности относительного мира, и динамичным смехом *дзэн* (кит. *чань*), возникающим при разрешении противоречий.

Смех Сосэки, по мнению Умэхары, тяготеет к «ничто» Лао-цзы, но при этом отражает уникальный синтез западного рационального «я» и восточного стремления к *муга* (исчезновению эго). Этот дуализм проявился в творчестве Сосэки как постоянное колебание между верой в человеческую рациональность и тягой к иррациональной гармонии с природой, где исчезают все противоречия.

Будучи студентом второго курса отделения английской литературы Императорского университета, в 1892 году Нацумэ Сосэки написал эссе «Философия Лао-цзы». В нём он анализировал Дао, пытаясь систематизировать его противоречивую сущность и отмечая отрыв этой концепции от социальной реальности. Даже углубляясь в изучение английской литературы, Сосэки не оставлял теоретических исследований трудов китайских философов.

В первом художественном произведении Сосэки, повести «Ваш покорный слуга кот» («Вагахай ван эко дэ ару», 1905–1906), находим великолепное отражение неоднозначного отношения японского общества к идеям конфуцианства в период Мэйдзи. Сосэки то заставляет одних персонажей называть учёных-конфуцианцев ретроградами, отставшими от жизни и новых веяний, то вкладывает в уста уважаемого лектора цитаты из «Лунь юй»: *«…идея общественной пользы является для нас чем-то новым, импортированным с Запада. Но это было бы ошибкой. Один древний мудрец сказал, что благородный муж непременно добивается поставленной цели. А цель благородного мужа – верность государю и стране»* [9, с. 223] (в оригинале: *«ещё древние мудрецы говорили: "Путь Учителя един и пронизан [идеей] преданности и человеколюбия (чжун-шу)»*) [3, т. 2, с. 55]. Впрочем, «в повести "Ваш покорный слуга кот" подвергаются осмеянию и утилитаризм, и буддийское учение "о духовном прозрении", попадает и старому конфуцианству, достается и академической лженауке» [9, с. 16], но Сосэки всегда готов предпочесть «бездуховным европейцам» своих мудрых древних китайцев.

Исследователь Гао Цзифэнь считает, что критика войны в романе «Сансиро» (1908), а также конфликт между индивидуальными желаниями и социальными обязательствами в романе «Сердце» («Кокоро», 1914) также связаны с влиянием конфуцианской этики [5, с. 10], однако мы склонны думать, что здесь Сосэки выступает с позиции общечеловеческих гуманистических идеалов. Однако согласимся с тем, что «следовать небу – отрешиться

от себя» (*сокутэн кёси*), духовный идеал, к которому стремился тяжелобольной Сосэки в последние годы жизни, знаменует его «возвращение» к китайским философским «корням» и поиску пути, близкого к Дао. Богатство и успех, к которым он пришёл спустя годы, уже не интересовали его совершенно.

Жанр критического эссе и особенно предисловия *дзё* в творчестве Сосэки также зародился благодаря «оглядке» на китайскую литературу, в которой критические произведения с глубокой древности занимали важное место.

Академик Н. И. Конрад довольно точно определил сущность Сосэки: «Мальчик Кинносукэ так бы и остался ребёнком мещанской семьи Эдо, <…> если бы не школа» [10, с. 7], но ещё не «европейского образца», как считал Конрад, а та самая, с «чёрными рваными татами и без парт» [3, т. 34, с. 71]. И не китайская классическая литература, – добавляем мы.

Однако, несмотря на преданность китайской литературе, Сосэки выбрал изучение английского языка и литературы, что стало поворотным моментом в его судьбе. Вот как он сам говорил об этом в 1906 году: «Поскольку изучать только японскую или китайскую словесность мне показалось недостаточным, я выбрал английскую литературу. С тех пор так и занимаюсь этим, хотя уже не нахожу особого удовольствия и подумываю сменить род деятельности. Но поздно» [3, т. 34, с. 74].

Душевные терзания писателя оказались не напрасными: именно это сочетание традиций сформировало уникальный творческий метод Сосэки, в котором японская литература, опиравшаяся на китайскую классику и конфуцианские догмы, вобрала в себя европейский психологизм и реализм.

Литература

1. Скворцова Е. Л. Влияние западной культуры и идеологии на духовную жизнь Японии // Вестник культурологии. 2020. № 1 (92). С. 45–58.

2. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. 368 с.

3. Нацумэ Сосэки. Дзэнсю: [Полн. собр. соч.]. Т. 1–34. Токио: Иванами, 1957–1958.

4. Kang R. S. Soseki and Shiki: Their Friendship in Haiku and Kanshi [Master's thesis, University of Tasmania]. 2005. 162 p.

5. Гао Цзифэнь. Влияние китайской литературы на творчество Нацумэ Сосэки // The Journal of Kyushu University of Nursing and Social Welfare. 2013. Т. 14, № 1. С. 3–13.

6. Нацумэ Сосэки. Сансиро. Затем. Врата. М.: Художественная литература, 1973. 480 с.

7. Mewhinney M. "Sūn Chǔ The Stone Gargler": The Provenance of "Sōseki" // AKADEMIA. EDU. URL: https://www.academia.edu/4256640/S%C5%ABn_Ch%C7%94_The_Stone_Gargler_The_Provenance_of_S%C5%8Dseki (дата обращения: 30.07.2025).

8. Identity in Asian Literature. London: Routledge, 1996. 272 p.
9. Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга Кот. М.: Гослитиздат. 1960. 432 с.
10. Нацумэ Сосэки. Сердце М.: Гослитиздат, 1935. 254 с.

УДК 801.73

Г. В. Ануфриева
Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)

ПРИЁМЫ ДИАЛОГИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ А. БИТОВА «ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

SPIN-код: 5266-2334

Аннотация. В работе рассматриваются приёмы диалогизации авторской речи в романе А. Битова «Пушкинский дом». Говорится о том, что в основе приёмов лежит субстанциональное преобразование «чужого слова», которое трансформирует стилистику и семантику речевой партии повествователя. Представлен анализ частотных приёмов собственно диалогического спектра и комплексных приемов диалогизации. Сделан вывод о том, что данные приёмы преобразуют авторскую речь в многоголосый поток рефлексирующего сознания, служащего идиостилевой чертой А. Битова.

Ключевые слова: роман А. Битова «Пушкинский дом», литература постмодернизма, авторская речь, приёмы диалогизации.

G. V. Anufrieva
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

TECHNIQUES FOR DIALOGIZING AUTHOR'S SPEECH IN A. BITOV'S NOVEL "PUSHKIN'S HOUSE"

Abstract. The work examines the methods of dialogizing the author's speech in A. Bitov's novel "Pushkin House." It is said that the techniques are based on the substantial transformation of the "alien word," which transforms the stylistics and semantics of the narrator's speech party. Analysis of frequency techniques of dialogical spectrum proper and complex techniques of dialogization is presented. It was concluded that these techniques transform the author's speech into a polyphonic stream of reflective consciousness, which serves as an idiostyle trait of A. Bitov.

Keywords: A. Bitov's novel "Pushkin House," postmodernism literature, author's speech, dialogization techniques.

Роман А. Битова «Пушкинский дом» отражает литературный процесс конца XX – начала XXI веков, осуществлявшийся под знаком постмодерни-

---

© Ануфриева Г. В., 2025

зма, диктующего поиск новых авторских способов самоидентификации и самовыражения. Художественно-речевой структуре прозаических текстов этого периода свойственны цитатность и полифония, экспериментирование с разными стилями.

Роман А. Битова «Пушкинский дом», выбранный в качестве материала исследования, характеризуется литературными перекличками и ассоциациями. К диалогу с классикой читателя подталкивают названия глав, эпиграфы, внутренние цитаты, сравнения самого героя то с Львом Николаевичем Толстым (Одоевский имеет то же имя и отчество), то с князем Львом Николаевичем Мышкиным из романа «Идиот» Ф. М. Достоевского.

Цель исследования – рассмотреть приёмы диалогизации авторской речи в романе «Пушкинский дом» и установить их роль в формировании идиостиля А. Битова.

Объектом исследования служит авторская речь, представляющая собой важнейшую субкатегорию художественного текста. По нашему мнению, в прозаическом тексте конца XX – начала XXI веков именно авторская речь подвергается изменению: объективное монологическое «слово» повествователя сменяется «глубоким взаимопроникновением, размытостью границ между речью автора и “словом” персонажа, полистилизмом» [1, с. 47].

Предмет исследования – приёмы диалогизации авторской речи в романе «Пушкинский дом». В определении данной дефиниции мы опираемся на точку зрения В. В. Виноградова [2], А. К. Жолковского, Ю. К. Щеглова [3]. Приём – это структурный элемент, обладающий функциональной нагрузкой и ведущий к эстетически значимому преобразованию текста. Приём диалогизации – «субстанциональное преобразование речевого сегмента, сопровождающееся функциональным преобразованием и появлением у него в тексте новой значимости, обусловленной употреблением в данном тексте» [4, с. 121]. В основе диалогизации авторской речи лежит «чужое слово». Внедряясь в стилистику речевой партии повествователя (рассказчика), оно обеспечивает придание авторскому, монологическому по определению, слою свойств диалога как формы речевой коммуникации.

В ходе работы над материалом мы опирались на учение о композиционных типах речи и о приёмах построения разных композиционно-речевых форм [2; 5; 6]. Также нами были учтены основные положения методики воспроизведения [7; 8]. Учение о композиционных типах речи даёт возможность описать структурно-стилистические и языковые особенности организации авторской речи, испытывающей на себе влияние приёмов диалогизации. Применение методики воспроизведения позволяет выявить и охарактеризовать функционально-семантические преобразования авторского повествования посредством работы данных приёмов. Важными составляющими методики являются объект, средство и продукт воспроизведения.

Объектом воспроизведения является чужое «слово» как фрагмент коммуникативной деятельности персонажа (главного, второстепенного, «необозначенного»). Диалогизация заключается в том, что чужое «слово»

переносится из первичной сферы бытования во вторичную, при этом, как отмечает В. Н. Волошинов, «авторское высказывание вырабатывает синтаксические, стилистические и композиционные нормы для его частичной ассимиляции» [9, с. 331]. Воспроизведённое «чужое слово» в новом для него контексте получает иной коннотативный смысл и зачастую иное интонационное оформление.

Средством воспроизведения выступают конструкции с чужой речью, представляющие собой иностилевой репрезентативный компонент внутри авторского повествования.

Продуктом воспроизведения служит речевой сегмент, преобразованный посредством приёмов диалогизации и включённый в речь автора как во вторичную сферу бытования. Характер его взаимодействия со «словом» автора рождает в речевой композиции текста аппликативный (от слова аппликация, т. е. «наложение», интерференция), или несобственно речевой, слой повествователя.

Сложность авторского повествования в романе А. Битова «Пушкинский дом» заключается в том, что автор-рассказчик постоянно примеряет на себя разные маски. Речевая партия повествователя представляет собой особый цитатный текст, рождающийся за счёт введения маркированных и немаркированных «чужих» высказываний.

В ходе проведённого анализа нами были выявлены в романе две разновидности приёмов диалогизации авторской речи за счёт ввода «чужого слова». Первая группа – это приёмы собственно диалогического спектра, основанные на воспроизведении в авторском нарративном слое гибридных синтактико-стилистических форм чужой речи, формирующих «смешанное» повествование. Вторая группа – это комплексные приёмы, возникающие на базе взаимодействия цитатного «чужого слова» с синтактико-стилистическими приёмами (вставкой, парцелляцией, лексическим повтором, синтаксическим параллелизмом и т. д.) Рассмотрим наиболее яркие примеры работы каждого приёма.

1. **Приёмы собственно диалогического спектра:** *«Отец с мамой ещё немного говорили о том, какое “ужасное” было время (настолько расшатал отца дядя Митя…), как пострадал старик ни за что, какой благородный человек… так говорили они, пока остывали взгляды, брошенные вслед дяде Мите, таяла их теплота… и что “справедливость всё-таки торжествует”, говорили они, совсем остыв. <…>. “Справедливость” торжествовала дальше – дядя Митя был первая ласточка – в семье позволили себе вспомнить о деде. Все эти годы дед был жив! – это потрясло Лёву. Отреагировал он по-детски: вспылил, накричал, надерзил… Как смели скрыть! Как ловко, как длинно скрыли… – головокружительно воображать. Чтобы ему было легче в школе, чтобы не сболтнул лишнее»* [10, с. 42].

Авторское монологическое «слово» воспроизводит конфликтную ситуацию между персонажами. Событие подаётся в пересказе, о чём свидетельствуют конструкции с косвенной речью, сохраняющие традиционное

оформление шаблона: *«говорили о том* (ремарка)*, какое “ужасное” было время»*; *«как пострадал старик ни за что, какой благородный человек… так говорили они* (ремарка)*»; «справедливость всё-таки торжествует, говорили они* (ремарка)». Представленная во фрагменте словесно-аналитическая модификация косвенной речи сохраняет специфичность и субъективность чужого высказывания. Поэтому в большинстве случаев сохраняются кавычки, а оценка происходящего пропускается через эмоциональное восприятие главного героя. Лексемы *«отец»* и *«мама»* становятся знаком смысловой позиции Лёвы: в романе мы узнаём о его любви именно к матери и о холодном отношении к отцу. Восприятие главного героя последовательно передаёт состояние родителей при общении с дядей Митей: *«остывали взгляды» /«таяла их теплота».* Наигранность их поведения считывается и в заученных чужих фразах, заключённых в кавычки. Создаётся впечатление, что повествователь и герой находятся рядом. Это подкрепляется и авторской точкой зрения: *«отреагировал он по-детски: вспылил, накричал, надерзил».* Далее «чужое слово» вводится без маркеров. Голоса автора и героя сливаются в конструкции со свободной прямой речью: «*Все эти годы дед был жив!» / «Как смели скрыть! Как ловко, как длинно скрыли… – головокружительно воображать»*. Границами субъектно-речевых сфер служит лишь графический маркер – тире, традиционная для шаблона ремарка отсутствует. Фразы *«чтобы ему было легче в школе, чтобы не сболтнул лишнее»* являются отголосками воспроизведённой речи родителей, пытающихся объяснить сыну причину своего поведения. Далее эти реплики входят в речи Лёвы, а затем и повествователя, голос которого поглощается голосом героя.

Таким образом, анализ свидетельствует о скольжении повествователя по субъектно-речевым сферам: повествователь → Лёва → повествователь + Лёва; → повествователь + Лёва + родители.

В романе «Пушкинский дом» приём диалогизации, основанный на введении в авторский слой гибридных конструкций с чужой речью, служит примером внутритекстовой синтактико-стилистической интеграции, свойственной прозе конца XX – начала XXI. Благодаря этому приёму речевая партия повествователя в романе преобразуется в многоголосый поток сознания, воспроизводящий рефлексивные процессы.

2. Комплексные приёмы диалогизации. В составе комплексного приёма в романе довольно часто встречается вставка, с помощью которой эвоцируются фрагменты персонажной речи: *«Лёва хотел сказать запинчиво, искренне, что он его узнал, узнал! что это только в первую секунду, что он его не узнал, а так он его сразу узнал! (чтобы дед понял, что всё ещё не так страшно, что его м о ж н о узнать – поведение, вычитанное из вагонной инвалидной песенки об обгоревшем танкисте и его невесте-маме…) <…>»* [10, с. 57].

Во фрагменте наблюдается постепенное погружение в модальность чужого высказывания. Авторская речь сокращается до уровня ремарочного

компонента. Речевая линия Лёвы сначала оформляется словесно-аналитической модификацией косвенной речи с сохранением исходной разговорной стилистики и семантики высказываний. Об этом свидетельствуют однотипные придаточные предложения, повторы, нарушение логики и синтаксических норм. Затем вставной компонент воспроизводит лавину внутренней несвязной речи героя с сохранением интонационного рисунка (приём разряжённого написания), с вкраплениями немаркированных цитат *«об обгоревшем танкисте и его невесте-маме».* Данный приём демонстрирует свойственную художественным текстам постмодернизма хаотичность: разрушается традиционная речевая композиция с доминирующей субкатегорией авторской речи. Функцию наррации получает чужое цитатное «слово».

В составе комплексного приёма вставка может выполнять функцию ремарки драматического характера: *«<…> Лёва наговорил о том, о чём, уже было по всему ясно, говорить ему категорически не следовало: о трудах деда, о всей их старой школе, о том, как он, Лёва, сам, своим умом и собственными силами (скрип зубной теперь от стыда)… как он, Лёва, хочет прибегнуть к их методам, хотя бы отчасти, в собственной работе… Лёва вспомнил, как из всех сил старался польстить деду, ждал поощрительной реплики <…> (немой вой, холодный пот)… Этот процесс отрезвления шёл, всё убыстряясь, неким просветлением и помрачением <…>»* [10, с. 86].

В приведённом примере комплексный приём диалогизации проявляется в разрушении монолитности «слова» повествователя за счёт представления речи персонажа сначала в обрамлении авторского контекста, когда реплики героя вводятся с помощью тематической речи: «*Лёва наговорил <…>* ***о трудах деда, о всей их старой школе, о том, как он, Лёва, сам, своим умом и собственными силами*** *<…>».* Далее речь передаётся косвенной конструкцией: *«как он,* ***Лёва, хочет прибегнуть к их методам, хотя бы отчасти, в собственной работе…*** *<…> Лёва вспомнил,* ***как из всех сил старался польстить деду, ждал поощрительной реплики****».* Вставка воспроизводит авторскую ремарку, характеризующую внешнее проявление эмоций героя: «*скрип зубной теперь от стыда»; «немой вой, холодный пот».* Оформление вставки номинативными предложениями делает ситуацию сценичной, зримой для читателя. А. Битов словно создает симулятивный, игровой характер ситуации, за которой последует отрезвление героя.

Рассмотренные приёмы диалогизации авторской речи в романе А. Битова являются знаком прагматической установки постмодернистского текста: моделируют позицию автора, не воспроизводящего действительность, а творящего свой мир, где всё сиюминутно, спонтанно, непосредственно, мир, который рождается здесь, сейчас, на глазах читателя.

«Чужое слово», лежащее в основе приёмов диалогизации, в идиостиле А. Битова способствует актуализации диалога не только как формы существования художественного слова, но и как саморефлексии. Поэтому происходит переосмысление чужого высказывания в структурно-

содержательном и в функциональном плане. «Чужая речь, будучи изначально средством изображения персонажа, становится средством изображения автором самого себя» [1, с. 53].

Литература

1. Кукуева Г. В. Осложнённые и смешанные формы чужой речи в языке художественной прозы XXI в. // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 1. С. 45–55.

2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.

3. Жолковский А. К. Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приёмы – текст. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.

4. Деминова М. А., Кукуева Г. В., Чувакин А. А. Диалогичность прозы В. М. Шукшина // «…Горький, мучительный талант»: Материалы V Всероссийской юбилейной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 3–22.

5. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Ин-т русского языка РАН, 1994. 336 с.

6. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

7. Skalička V. Evokace jako problém iazyka a litepatury // Slovo a Slovesnost. 1963. XXIY. S. 12–25.

8. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2014. 138 с.

9. Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс ltd, 1995. 388 с.

10. Битов А. Пушкинский дом. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. 559 с.

УДК 821.161.1

К. Е. Баженова
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Орёл, Россия)

РОЛЬ ХРОНОТОПА ДОРОГИ В РАССКАЗЕ Н. Н. ТОЛСТОЙ «ХОЧУ ЗА ГРАНИЦУ»

Аннотация. В статье рассматривается специфика хронотопа дороги в рассказе Н. Н. Толстой «Хочу за границу» как важного элемента художественной организации текста и средства раскрытия авторской концепции.
Ключевые слова: Н. Н. Толстая, хронотоп дороги, образ, женская проза.

K. E. Bazhenova
State University named after I. S. Turgenev (Orel, Russia)

THE ROLE OF THE CHRONOTOPE OF THE ROAD IN N. N. TOLSTAYA'S STORY "I WANT TO GO ABROAD"

Abstract. The article examines the specifics of the road chronotope in N.N. Tolstaya's story "I Want to Go Abroad" as an important element of the text's artistic organization and a means of revealing the author's concept.
Keywords: N. N. Tolstaya, road chronotope, image, women's prose.

По определению М. М. Бахтина, хронотоп – «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 121]. Эта категория выполняет жанрообразующую и сюжетообразующую функции, поэтому от неё зависит, как будет разворачиваться фабула произведения. Наиболее распространённым в мировой литературе М. М. Бахтин называет хронотоп дороги: «Редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений» [1, с. 135]. Анализируя авантюрно-бытовые романы, исследователь приходит к выводу, что для художественных произведений характерна метафоризация образа дороги, которая раскрывается через слияние жизненного пути героя и его перемещения в пространстве. В таких текстах «пространство наполняется реальным жизненным смыслом и получает существенное отношение к герою и его судьбе» [1, с. 157].

В работе «Художественное пространство Гоголя» Ю. М. Лотман также отмечает, что, когда автор отправляет своего героя в путь ради достижения

© Баженова К. Е., 2025

цели, он выделяет его из «мира неподвижных кукол» [2, с. 291], даёт шанс на духовное перерождение. Хронотоп дороги в таких текстах тесно связан с мотивом испытания, который восходит к сказочной фольклорной традиции.

Несмотря на то что М. М. Бахтин и Ю. М. Лотман разрабатывали свои идеи, опираясь на классические романы, их выводы о метафоризации хронотопа дороги в художественном тексте применимы и для анализа малой прозы.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время изучение специфики изображения пространства и времени в произведениях отечественных авторов – одна из наиболее продуктивных сфер литературоведения, однако применительно к женской прозе конца XX века эти категории продолжают оставаться малоизученными.

Цель исследования – выявление специфики изображения и метафорического смысла хронотопа дороги в рассказе Н. Н. Толстой «Хочу за границу».

Новизна исследования заключается в том, что творчество Н. Н. Толстой практически не изучено с точки зрения пространственно-временной организации.

В исследовании использованы сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический, культурно-исторический методы.

Н. Н. Толстая начала писать в конце 80-х годов XX века, во время расцвета экспериментальной женской прозы, для которой было характерно «перекодирование общелитературной модели хронотопической организации» [3, с. 14] текстов. Г. А. Пушкарь отмечает, что в этот период «пространство женской прозы – это прежде всего пространство городской квартиры» [4, с. 18], которое становится вариантом деконструкции устоявшегося в мужской литературной традиции хронотопа дома. Однако нельзя не отметить тенденцию к расширению физического пространства, которое осваивает женщина в художественном мире.

Так, в рассказе Н. Н. Толстой «Хочу за границу» явно прослеживается связь со сказочными сюжетами, в основе которых лежит мотив путешествия: главная героиня вынуждена перемещаться между чуждыми ей местами ради получения желаемого. Марина работает преподавателем датского языка, поэтому хочет побывать за границей. Когда на кафедру из иностранного отдела приходит информация о свободном месте на недельную ознакомительную поездку в Данию, она принимает решение во что бы то ни стало исполнить мечту.

Вступая на дорогу, ведущую к достижению цели, Марина покидает дружественные стены родной кафедры и отправляется во враждебный бюрократический мир, в котором сталкивается с людьми, равнодушными к её судьбе. Путь героини представляет собой череду условных испытаний, проверяющих силу характера, терпение, смекалку, способность адаптироваться к новым обстоятельствам. Марина должна написать характеристику,

подать заявление в иностранный отдел, справиться с собеседованием в идеологической комиссии и партийном бюро факультета и университета, получить одобрение райкома КПСС и в завершение пройти медосмотр. Требования, с которыми сталкивается героиня в процессе оформления документов, выглядят иррационально: *«Эти четыре бланка заполняются от руки. На машинке нельзя! Теперь держите восемь розовых бланков, эти только на машинке!.. Ну и двадцать четыре фотографии, матовых, в овале, без уголка»* [5, с. 118].

Оказавшись в мире абсурда, Марина чувствует его фальшивость, неправильность, однако принимает решение следовать установленным в нём порядкам, поэтому перед посещением каждого нового кабинета старается узнать как можно больше о том, что её ждет впереди. На помощь приходят незнакомцы, с которыми героиню сводит судьба в очередях. От них она узнает, каких ритуалов нужно придерживаться, чтобы успешно пройти очередное испытание: *«Как вызовут в зал, проходи на середину, там стул стоит. Предложат сесть – садись. Будут читать характеристику – сиди. Как начнут задавать вопросы – встань. Тот, кто продолжает сидеть, не уважает партком»* [5, с. 123]. Переступая через себя, героиня не только следует абсурдным советам, но и пытается расположить к себе людей, от которых зависит её судьба: *«Марина слушала историка с глубоким интересом, сама задавала ему вопросы, смеялась, когда ей казалось, что ему будет приятно»* [5, с. 123].

Процесс оформления документов занимает три месяца. Несмотря на то что по ходу развития сюжета Марина вынуждена постоянно быть в движении, читатель видит её исключительно в замкнутом пространстве коридора или кабинета, вызывающем чувство тревожности, подавленности: *«… всем сейчас будет плохо – и весёлым, и зелёным от страха. Никто тебя не спасёт. Назад дороги нет. Молись»* [5, с. 122]. Как живёт героиня, когда не занята оформлением поездки за границу, неизвестно. Из-за этого возникает ощущение нереальности происходящего, которое подчёркивает абстрактность локаций: они всегда наполнены людьми, а не вещами. Н. Габриэлян отмечает, что в целом создание «мнимого пространства» [6, с. 106], лишённого физической формы, характерно для женской прозы конца XX века. Анализируя рассказ Татьяны Толстой «Сомнамбула в тумане», исследовательница приходит к выводу, что зарождение этой тенденции связано с мироощущением современного человека: он чувствует себя потерянным, движется наугад, как в тумане. Это состояние присуще и главной героине рассказа Н. Н. Толстой: она тоже преодолевает дорогу к цели вслепую, не зная наверняка, что её ждет впереди.

Единственная повторяющаяся деталь интерьера, на которой акцентирует внимание автор, – дверь. Этот образ имеет явный метафорический смысл: с одной стороны, двери становятся путеводными огнями для Марины, помогая ей перемещаться в физическом пространстве, с другой стороны – они тесно связаны с мотивом порога, который М. М. Бахтин

определяет как «момент перелома в жизни, меняющего жизнь решения» [1, с. 280]. Каждый раз, открывая дверь, главная героиня выбирает между тем, чтобы остаться верной себе, или тем, чтобы поступить в соответствии с ожиданиями чиновников ради достижения цели.

Когда Марина успешно преодолевает все испытания, автор впервые изображает её на набережной реки. В женской прозе конца XX века переход из закрытого пространства в открытое, как правило, символизирует освобождение. Кроме того, О. В. Гаврилина отмечает, что «дорога к реке осмысливается как жизненный путь со всеми его тяготами» [7, с. 232], следовательно, выход к берегу – завершение тяжёлой дороги. Вопреки канве сказочного сюжета в конце путешествия Марина не получает награду. Хотя она собрала необходимые документы, ей не дают разрешение на поездку в Данию, потому что международная ситуация осложнилась. Героиня воспринимает эту новость как заслуженное наказание: *«Три месяца потратила на идиотские комиссии, десять врачей обошла… Заискивала. Унижалась… Поделом»* [5, с. 129]. Оказавшись в бюрократическом мире, Марина не смогла стать его частью и достичь цели, несмотря на приложенные усилия, потому что сказочная традиция перестает работать в советский реалиях: правила игры меняются со временем, и успех больше не зависит ни от усилий героини, ни от логики, ни от законов справедливости, на которых выросли поколения наших предков.

Марина не получает не только награду, но и освобождение. Несмотря на то что героиня находится на открытом пространстве, она продолжает чувствовать себя лишней, потерянной, разочарованной. Её душевное состояние отражено через сопоставление с грязным безымянным зверем, лежащим на полу клетки в зоопарке: *«Он лежал… хвостом к публике, мордой к нечистой стене. Не желал глядеть на людей. Презирал. Или очень давно устал жить. Марина поняла, чего она хочет: лечь рядом с ним…»* [5, с. 129]. Столкнувшись с несправедливостью, героиня не спешит вернуться к мужу и детям, чтобы найти там поддержку и утешение, она, наоборот, хочет отгородиться от них, остаться в одиночестве. Расширение пространства, которое осваивает женщина в современном мире, приводит к тому, что её традиционная связь с домом – воплощением семейного очага – разрушается.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что хронотоп дороги в рассказе Н. Н. Толстой «Хочу за границу» – сложный, многоуровневый образ. Он выступает как способ пространственно-временной организации текста и в то же время как важный элемент раскрытия проблематики произведения. Путь главной героини, наполненный чередой испытаний, отражает не только физическое перемещение, но и духовное становление личности в условиях абсурдной бюрократической системы.

Особую значимость в рассказе приобретает трансформация пространства от замкнутого к открытому. Это движение символизирует переход от вынужденного подчинения системе к возможности обретения свободы, хотя и не приводит героиню к желаемой цели.

Метафорическое значение хронотопа дороги раскрывается через систему образов-символов, центральным из которых становится образ двери, помогающий моделировать ситуацию жизненного выбора и подчёркивающий идею о том, что путь к цели – это не только преодоление внешних препятствий, но и постоянная работа над собой, принятие сложных решений.

Литература

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121–290.

2. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.

3. Афанасьев А. С., Бреева Т. Н. Гендерный аспект изучения литературы: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 96 с.

4. Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 26 с.

5. Толстая Н. Н. Одна. М.: Эксмо, 2007. 320 с.

6. Габриэлян Н. М. Взгляд на женскую прозу // Преображение (Русский феминистский журнал). 1993. № 1. С. 102–108.

7. Гаврилина О. В. Освоение пространства в женской прозе конца XX века // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С. А. Васильев; отв. ред. И. Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 221–236.

УДК 801.73

Н. Г. Ганбарова
Нахичеванский государственный университет (Азербайджан, Нахичевань)

ЧТЕНИЕ КАК АКТ ЭТИКИ: ЛИТЕРАТУРА И НРАВСТВЕННАЯ ЭМПАТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается чтение художественной литературы как этический акт, формирующий нравственную эмпатию и способность к пониманию Иного. Анализируются примеры из прозы Ф. М. Достоевского, Тони Моррисон и Светланы Алексиевич, в которой читатель сталкивается с радикальным опытом другого человека. Делается акцент на интерпретации как диалоге, требующем не только аналитического, но и этического отклика.

Ключевые слова: этика чтения, эмпатия, литература и нравственность, интерпретация, Иной.

N. G. Ganbarova
Nakhchiv State University (Azerbaijan, Nakhchivan)

READING AS AN ETHICAL ACT: LITERATURE AND MORAL EMPATHY

Abstract. The article examines reading fiction as an ethical act that forms moral empathy and the ability to understand the Other. Examples from the prose of F. M. Dostoevsky, Toni Morrison and Svetlana Alexievich are analyzed, where the reader encounters the radical experience of another person. The emphasis is on interpretation as a dialogue that requires not only an analytical but also an ethical response**.**

Keywords: ethics of reading, empathy, literature and morality, interpretation, the Other.

В условиях цифровой гиперкоммуникации и перенасыщенности информацией акт чтения художественного текста вновь обретает статус не только культурного, но и глубоко этического действия. Современная литература, особенно та, что обращается к травматическим, маргинализированным и пограничным человеческим переживаниям, требует от читателя не только аналитического усилия, но и внутреннего соучастия. В этом контексте приобретает особую значимость концепции **этики чтения** – подхода, при котором интерпретация текста осмысляется как форма нравственного отклика на Иного.

© Ганбарова Н. Г., 2025

Цель данной статьи – рассмотреть художественное чтение как акт этического взаимодействия, способный культивировать эмпатию, расширять горизонты восприятия и пробуждать в читателе чувство моральной ответственности. Анализ строится на примере прозы Ф. М. Достоевского, Тони Моррисон и Светланы Алексиевич, в которой слово становится пространством встречи с болью, страданием и достоинством другого человека.

Выбор этих авторов обусловлен тем, что в их творчестве особенно остро поставлен вопрос о нравственных измерениях человеческого бытия. Через тексты этих писателей читатель вовлекается не столько в процесс интерпретации, сколько в эмпатийное переживание, способное трансформировать привычные системы моральной оценки и сформировать новую этическую чувствительность.

Современная гуманитарная мысль всё чаще обращается к пониманию чтения не как нейтрального процесса получения информации, а как этического акта – встречи, соучастия, открытости Иному. В этом контексте философские идеи Эммануэля Левинаса, Михаила Бахтина и Марты Нуссбаум образуют три ключевых вектора: встреча, диалог, эмпатия. Остановимся на кратком обзоре этих философских систем.

Левинас: встреча с Иным как основание этики. Эммануэль Левинас предлагает радикальный сдвиг в понимании этики: она не вытекает из рационального выбора, а начинается со встречи с Лицом Иного. В контексте чтения художественного текста эта встреча не абстрактное понятие, а реальное переживание, возникающее при контакте с болью, страхом, любовью, надеждой другого человека, зафиксированными в слове. Литература становится пространством, где Иной не просто описывается: он предъявляет себя, а читатель оказывается этически затронутым. Чтение становится не потреблением, а этической обязанностью: быть открытым и не отстраниться [1, с. 25].

Бахтин: диалог и интериоризация голоса другого. Михаил Бахтин развивает понятие диалогичности сознания. Каждый голос в литературном тексте неразрывно связан с чужим голосом – это не монолог, а полифония. Чтение в этой парадигме – это диалог между автором, персонажем и читателем, когда интерпретация требует признания чужой позиции. Как подчёркивал М. М. Бахтин, каждый художественный текст является «ответом» на уже существующие слова и одновременно обращением к будущим интерпретаторам [2, с. 89]. Особую ценность приобретает открытость: отказ от окончательных суждений и попытка услышать, прожить, принять сложность чужого голоса.

Нуссбаум: эмпатия и литература как моральная лаборатория. Философ Марта Нуссбаум утверждает, что литература играет ключевую роль в формировании морального воображения. Через идентификацию с персонажами читатель учится понимать сложные моральные дилеммы, сопереживать чужим страданиям, преодолевать ограниченность собственной

перспективы. Художественная литература, по Нуссбаум, – это «этическая лаборатория», где мы тренируем способность быть людьми [3, с. 16].

В творчестве Фёдора Михайловича Достоевского художественный текст превращается в испытание нравственной совестью как для героев, так и для читателя. Писатель отказывается от дистанции между читателем и персонажем, создавая пространство, где внутренний мир героев становится предельно открытым, обнажённым, болезненно уязвимым. По мысли П. Рикёра, «текст становится автономным в момент, когда он отрывается от автора и открывается множеству смыслов» [4, с. 114].

Один из ключевых примеров – роман «Преступление и наказание». Судьба Родиона Раскольникова – это не просто фабула преступления и раскаяния, а глубоко этический опыт, предлагаемый читателю. Структура текста устроена так, что мы оказываемся внутри сознания героя, переживаем его метания, вину, внутренний надлом. Мы не просто наблюдаем за его страданием – мы вынуждены страдать вместе с ним (эмпатия как страдание). Достоевский использует приём эмпатийного вторжения:

- разрушает границу между "я" и "другой",
- постоянно наращивает напряжение,
- не даёт читателю "судить", не пройдя путь страдания.

Такое погружение в пограничное состояние сознания делает чтение актом неравнодушия. Чтобы понять Раскольникова, его идею, его страх, его унижение, его покаяние, нужно выйти за пределы привычных категорий "добра и зла" и оказаться в пространстве нравственного сострадания, о котором писал Левинас [1, с. 41].

Точно так же в «Идиоте» образ князя Мышкина становится своеобразным нравственным зеркалом. Его наивная открытость, абсолютная доброта и сострадание обостряют этическую напряжённость повествования. Читатель вынужден задаваться вопросом: можно ли остаться человеком в мире, построенном на цинизме, страхе и выгоде?

Таким образом, у Достоевского чтение — это путь страдания, который требует от читателя моральной вовлечённости. Эмпатия здесь не сентиментальна, а экзистенциальна: она становится формой испытания, преодоления и внутренней трансформации. Чтение становится не столько способом интерпретации текста, сколько формой этического выбора между закрытостью и открытостью, между равнодушием и соучастием.

Творчество Тони Моррисон, особенно её роман «Возлюбленная» (Beloved), представляет собой вызов читательскому восприятию не только с эстетической, но и с этической стороны. Речь идёт о литературе, которая не даёт читателю остаться в стороне, заставляя его вступить в контакт с историческим и личным страданием, сформировавшимся на пересечении рабства, расизма и памяти: «Художественное произведение существует в системе – в литературной и в культурной» [5, с. 25].

Роман основан на реальной истории беглой рабыни Маргарет Гарнер, убившей свою дочь, чтобы та не вернулась в рабство (тема расовой травмы и этика свидетельства). В художественном повествовании Моррисон описывает этот акт не как преступление, а как трагическую попытку сохранить достоинство, как предельный выбор внутри мира, в котором гуманность была систематически уничтожена.

Главная героиня романа – Сета – становится воплощением посттравматического субъекта, который не может полностью рассказать, что с ним произошло. В этом состоит фундаментальная особенность нарратива: он фрагментирован, прерывается, отказывается от линейности и завершённости. Тем самым текст имитирует психику травмы, а читатель оказывается в позиции того, кто должен сам достраивать смысл произведения, вчитываться, быть терпеливым, быть этически внимательным.

Повествование в «Возлюбленной» создаёт особую форму этического свидетеля – читателя, который не просто получает информацию, но вынужден вступить в контакт с чужим страданием, оставаясь при этом внешним, но не равнодушным. Это эмпатия, которую Моррисон строит не через идентификацию, а через признание чужого непереживаемого опыта. В интервью Моррисон говорила, что её цель – вытянуть читателя на «границу опыта», заставить его почувствовать, что история рабства – это не просто прошлое, а травматическое ядро культуры, которое требует осмысления, скорби и нравственного участия [6, с. 47].

Таким образом, в прозе Тони Моррисон акт чтения превращается в форму этического свидетельства, в котором читатель обязан не судить, а вслушиваться, удерживать тишину, быть рядом с чужой болью, не присваивая её, но и не отстраняясь.

Произведения Светланы Алексиевич объединяют литературу, историю и журналистику, но при этом остаются глубоко этическими текстами, где читатель вовлекается в многообразие чужих голосов, судеб и страданий. Её книги – это полифоническое свидетельство эпохи, сотканное из сотен монологов, невыдуманных, но художественно отредактированных и структурированных так, чтобы вызвать не сиюминутное сочувствие, а глубокую эмпатийную вовлечённость (полифония боли и эмпатия слушающего чтения).

Интерпретация текста в феминистской перспективе позволяет «вскрыть глубинные механизмы культурной иерархии» [7, с. 72]. Особенно выразительно это проявляется в книгах «У войны не женское лицо» и «Чернобыльская молитва». Алексиевич создаёт пространство, в котором говорит не автор, а люди – свидетели и жертвы травматических событий. Эти голоса звучат не единообразно, не в унисон – они полны противоречий, пауз, повторов, боли, молчаний. Читатель попадает в ситуацию, где необходимо вслушиваться, быть терпеливым, не домысливать, не рационализировать, а принять невозможность "объяснить" или "понять до конца".

Эмпатия в таком чтении рождается не из рационального анализа, а из этической открытости. Алексиевич не предлагает готовых интерпретаций. Она не оценивает, не систематизирует, вместо этого она даёт пространство для свидетельств, превращая читателя в молчаливого собеседника, в соучастника памяти. Этот тип текста требует от читателя особого способа чтения, тихого, медленного, внимательного, не рвущегося к выводам. Такой читатель должен быть, по выражению Левинаса, не «понимающим», а отвечающим: отвечающим за то, что услышал; отвечающим за то, что не отвернулся [1, с. 48].

Алексиевич говорит о «человеке в квадрате катастрофы». И читатель в её книгах – это тоже человек в квадрате ответственности: за то, чтобы услышать, не забыть и не обесценить чужую боль. Таким образом, в текстах Светланы Алексиевич этика чтения становится практикой внимательности, памяти и нравственного свидетельства. Это не просто литература о травме – это литература, травмирующая нас в этически продуктивном смысле, открывающая в нас способность вместить и удержать чужую боль, не присваивая её и не обезличивая.

Современное литературоведение всё чаще обращается к этическим измерениям чтения, стремясь выйти за пределы формального анализа текста и приблизиться к глубокому опыту интерсубъективности. Чтение становится не просто интеллектуальной практикой, а событием, в котором читатель вступает в отношения ответственности и сопереживания с Другим. Это особенно ярко проявляется в произведениях Ф. М. Достоевского, Тони Моррисон и Светланы Алексиевич, в которых страдание, вина, память и истина открываются не в дидактической форме, а как внутренний вызов читательскому сознанию.

Анализ произведений показывает, что художественная литература может создавать пространство нравственной эмпатии, в котором возможно не только узнавание, но и преобразование самого себя и отношения к миру. Этика чтения – это, в конечном счёте, этика соучастия, основанная на признании ранимости другого и на готовности быть затронутым. Читатель, принимающий вызов таких текстов, выходит за рамки пассивного восприятия и становится активным участником нравственного диалога, где понимание сопряжено с ответственностью.

Литература

1. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Школа «Диалог культур», 1991.

2. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.

3. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

4. Нансси Ж.-Л. Бытие-с-бытием. М.: Академический Проект, 2014.

5. Левинас Э. Трудная свобода: Очерки о иудаизме. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.

6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2000.
8. Алексиевич С. У войны не женское лицо. М.: Время, 2015.
9. Моррисон Т. Возлюбленная. М.: Эксмо, 2020.
10. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.

УДК 821.161.1

М. М. Голубков[1], В. А. Матях[2]
[1]Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
[2]Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ: ДЕТСТВО И ПАМЯТЬ В РОМАНЕ М. СТЕПНОВОЙ «САД»

[1]SPIN-код: 8586-2616; [2]SPIN-код: 2188-8676

Аннотация. В статье рассматривается образ сада в романе Марины Степновой «Сад» (2020) как метафора памяти, потерянного рая и цикличности бытия. Анализируется связь пространства сада с темами воспитания, взросления, распада семьи и исторических перемен.

Ключевые слова: усадебный миф, память и утрата, сад как метафора, роман о воспитании, цикличность бытия.

M. M. Golubkov[1], V. A. Matiakh[2]
[1]Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
[2]Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

PARADISE LOST: CHILDHOOD AND MEMORY IN MARINA STEPNOVA'S NOVEL THE "GARDEN"

Abstract. The article examines the image of the garden in Marina Stepnova's novel The Garden (2020) as a metaphor for memory, the lost paradise, and the cyclical nature of existence. The study analyzes the connection between the garden space and the themes of upbringing, maturation, family disintegration, and historical change.

Keywords: estate myth, memory and loss, garden as metaphor, novel of upbringing, cyclical existence.

Во время встречи проекта Public-talk «Лестница» Марину Степнову попросили охарактеризовать свой роман «Сад» (2020) одной фразой. «Для меня «Сад» – это роман о воспитании», – сказала писательница [1]. И действительно, это роман о воспитании, но в то же время это и роман о детстве и памяти, и роман об истории, и роман о благополучии, стоящем на краю надвигающейся катастрофы. Это роман об Эдеме, о потерянном рае, о распаде мира, о прошлом и настоящем. «Сад» – это уникальное пространство,

© Голубков М. М., Матях В. А., 2025

роман-капкан, в вязи слов которого тонет читатель, в цветах и аллеях которого он теряется и подолгу блуждает, может быть, и не желая находить выхода. Марина Степнова признавалась, что изначально долго настаивала на другом названии романа – «Иначе», но главный редактор Елена Шубина уговорила её сменить название на «Сад».

При всём богатстве образов центральными для романа остаются темы детства и памяти, хотя Степнова нередко раскрывает их фрагментарно, концентрируясь на мифологическом образе сада.

Сад появляется уже на первых страницах романа: князь и княгиня Борятинские покупают имение Анна в Воронежской губернии в том числе из-за его прекрасной плодородной земли. Первая глава венчается идиллической картиной райского сада, Эдема: «*Вокруг был праздник – нескончаемый, щедрый, торжествующий. Сочная, почти первобытная зелень пёрла отовсюду, кудрявилась, завивалась в петли, топорщила неистовые махры. Надежда Александровна физически чувствовала вокруг тихое неостановимое движение: сонное пчелиное гудение, комариный стон, ход соков в невидимых прочных жилах, лопотание листьев и даже тонкий, натужный писк, с которым раздвигали землю бледные молодые стрелки будущих растений*» [2, с. 15]. Картина сада, совмещающего библейские и первобытные земные мотивы – мотив Эдема и мотив плодородия, сразу символизирует и мифологизирует пространство романа: сад живой, он движется, заглядывает в окна, шелестит, журчит, стрекочет, как и сам текст, в котором всё очень насыщенно и явственно пахнет, звучит и осязается (в первую очередь это достигается благодаря блестящей ритмике текста).

Надежда Александровна срывает в этом саду сливу и делит этот плод с мужем Владимиром Анатольевичем: «*Надежда Александровна надкусила горячую сливу, протянула мужу – лопнувшую, почти библейскую, почти смокву, текущую голодом и мёдом, из сада маленькой, смуглоногой и тоже выдуманной Суламифи*» [2, с. 20]. Совершив этот поцелуй через плод сливы, как религиозное таинство, эти Адам и Ева, вкусившие плод в райском саду, обречены на крушение: катастрофа уже проглядывает сквозь праздник жизни и плодородия. Сад – это такой уникальный конструкт в романе, мифологическое пространство, в котором время сильно замедляется. Это также и личное олицетворение внутреннего мира княгини Борятинской. В то же время читатель улавливает так называемый «эффект зловещей долины»: сад прекрасен, он всё время цветёт (*«Сад был устроен разумно и просто, как револьвер, – он выстреливал опрятно, так что не было недели, в которую владельцы остались бы без урожая, будь то вишня, слива, яблоки или груши, сменявшие друг друга в свою пору наступившей спелости»* [2, с. 17]), но во всей этой картине изобилия и праздника жизни мы чувствуем угрозу, приближающуюся катастрофу: например, в конце романа, в момент смерти доктора Мейзеля, оба сада, и старый, и молодой, *«захлёбываются от цветения»* [2, с. 402]. Мотивы цветения и увядания, сцены с «захлёбыванием» от цветения и последовательность сцен вырубки и похорон создают

у читателя ощущение цикличности, бесконечно сменяющих друг друга состояний жизни и смерти. Так, изобилие превращается в умирание, и эти циклы жизни и смерти бесконечно сменяют друг друга.

И в доме, стоящем в этом саду, будет рождаться, взрослеть и давать начало новому жизнь – поздняя и никем нежданная дочка Борятинских Туся, девочка, которая буквально разваливает семью. Детство Туси проходит в этой усадьбе, в том числе в этом саду, и это поначалу несколько инфернальное, даже демоническое дитя (она до 5 лет не говорит ни слова и только смеется, точнее, это был даже не смех, а страшный вой, похожий на те, которые издают животные), затем взрослеет и обретает более «человеческие» черты (как минимум, она начинает говорить). Но тянется она, кстати, больше к лошадям, чем к людям.

Сад становится символическим пространством воспоминаний, но, что интересно, не воспоминаний главной героини – Туси, а воспоминаний её матери, княгини Борятинской. Надежда Александровна Борятинская всё время мыслит себя внутри пространства этого сада: беременная Тусей, она месяцами лежит на своей кровати, скрестив руки на животе, в котором, подобно ростку, зарождается новая жизнь, и смотрит в окно на так любимый ею сад: *«Это всё, что у неё теперь оставалось. Чудом уцелевший ребенок. И сад»* [2, с. 50]. Когда все в доме будут думать, что Надежда Александровна умирает при родах, смерть зайдёт в дом и усыпит всех: *«В два часа пополудни, когда смерть окончательно заполнила дом, заснули все – и челядь, и господа, и кухаркин любимец кенарь, и даже собаки. Свалились, кто где стоял и сидел – намучившиеся, измаявшиеся от чужого страдания без всякой меры. И даже сад застыл у окна Надежды Александровны, приподнявшись на цыпочки и боясь шелохнуться»* [2, с. 55].

Надежда Александровна мысленно олицетворяет себя с этим садом, и даже в конце романа, когда всё рушится, она просит оставить сад, потому что дом в этом мире – это воплощение богатой дворянской семьи Борятинских, которую ждёт распад (традиция романа о вырождении семьи восходит, конечно, и к европейской традиции – циклу «Ругон-Маккары» Э. Золя и «Будденброккам» Т. Манна, и к русской литературной традиции – романам «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева). Роман «взращен на литературной почве, глубоко укоренён в ней…» [3, с. 114] Сад – это сама Наталья Александровна, это её воспоминания о прошлом, это её маленький, вечно цветущий и плодородный мир, её личный Эдем, в котором она мечтала вырастить дочь Тусю – единственного ребенка, которого она любила. Сад для неё становится потерянным раем [4], детством, молодостью и в целом жизнью, которую уже невозможно вернуть назад: катастрофа подкралась незаметно, семья разрушилась, Туся оказалась для матери почти что чужим человеком (когда Надежда Александровна умирала, Туся не стала к ней приходить, а просто отправляла врачей), муж умер, старшие дети уехали.

Но происходит не только крушение надежд и распад семьи, но и распад мира: детство Туси проходит параллельно с драматическими изменениями эпохи. В романе появляется Александр II и Александр Ульянов, ставший революционером. Идиллия райского сада рушится на глазах каждого из героев, и как раз именно Надежда Александровна до последнего остаётся ослеплённой божественной красотой и изобилием своего сада: даже когда она умирала, она *«будто вновь была беременна Тусей, часами лежала на кровати, смотрела на сад и чувствовала себя внутри матрёшки. Большой дом спрятал в себе маленький, внутри маленького была комнатка, внутри этой комнатки – она сама, и внутри неё самой была жизнь – тихая, неостановимая, распирающая изнутри. У неё снова, как когда-то, рос живот, но теперь она боялась скрестить на нём руки»* [2, с. 405]. Мифический сад, в котором соединились и Эдем, и Потерянный рай, и Вишневый сад, – это замкнутое, несколько мистическое пространство, в котором герои оказались как бы заперты: циклы жизни и смерти в нём бесконечно продолжались, время сильно замедлилось, герои оказались изолированы от всего окружающего мира.

Для современного читателя сад олицетворяет и старую Россию. Своим уникальным стилем Марина Степнова добивается и того, что этот текст становится и воплощением языка XIX века, и воплощением языка современности. Мифологическое пространство сада тоже становится как бы точкой соприкосновения прошлого и настоящего: сад соединяет и прошлых владельцев имения (тех, кто устроил его именно так и заставил его существовать именно по таким законам), и молодых Борятинских (беспечных, весёлых, не знающих горя), и Лизу и Николая (старших детей Борятинских, детство которых прошло в имении), и уже взрослых Борятинских, изменившихся, претерпевших раскол, и эту неугомонную, упрямую, противную Тусю, и старую дворянскую Россию, и современность, в которой уже мы проходим по дорожкам этого сказочного пространства. Пространство как бы диктует свои правила, сад становится неким хранителем памяти, её олицетворением. «Первая встреча Борятинских с садом и последняя – вырубка под пастбища – практически создают рамку, меняя пафос романа» [5, с. 81]. Пространство поглощает всех героев, и так интертекстуальное поле романа заполняется смыслами романа Г. Маркеса «Сто лет одиночества». Физическое пространство, как и у Маркеса, обладает почти мистической плотностью: сад отзывается переживаниям героев.

Сад в романе символизирует не только память, но и распад памяти. Как мир героини рушится под давлением внешних катастроф, так и сад перестаёт быть только лишь символом жизни. Он становится одновременно местом цветения и увядания – местом рождения и смерти. История вершится, семья распадается, но сад сам по себе не разрушается – он остается напоминанием о прошлом, в котором человек был частью гармонии всего сущего и жил по естественным, первобытным законам, созданным природой. Но эта память о прошлом оказывается для княгини Борятинской не

только укрытием, спасением и избавлением, но в каком-то смысле и проклятием: она, увязнув в этой идиллической иллюзии, оказывается не в состоянии вырваться из этой «ловушки», умирает в спальной комнате с видом на сад и, таким образом, возвращается в землю, которая всё питает и всё взращивает (как это было уже сказано У. Шекспиром: «Земля, природы мать, – её же и могила: Что породила, то и схоронила» [6]). Сад становится своеобразным лабиринтом, воплощающим идею смерти, отсылая к произведениям маркиза де Сада и «Уроку любви в саду» Рене де Буалева [7, с. 391].

Зато из сада выбираются дети княгини Борятинской – в первую очередь Туся. Туся – это тоже мост между прошлым и будущим. Дочь уже умирающего мира, она становится лицом мира будущего. Личная судьба героини ассоциируется с исторической судьбой России. Она не подвержена щемящему чувству утраты, в отличие от героев старшего поколения (своих родителей, доктора Мейзеля). Для них постоянное, многократное переживание памяти делает дальнейшую жизнь невозможной, Туся же наоборот создает возможность для этой новой жизни. Туся символизирует живую энергию времени, которое нельзя удержать. Контраст между жизненной энергий Туси и трагичностью упадка мира создаёт сложные отношения между концептами «память», «детство» и «жизнь». Ключевым понятием в мире Туси становится свобода и независимость, и это делает роман «Сад» уникальным опытом романа о воспитании (чего и добивалась Марина Степнова) – о воспитании ребёнка XIX века современностью.

Природное, человеческое и историческое проникают друг в друга, и именно сад становится одновременно и оплотом прошлого, и воплощением идеи цикличности бытия, бесконечного движения от жизни к смерти и от смерти к жизни. Туся начинает свой путь в этой закрытой «матрёшке», в этом мифологическом саду, и поначалу воспринимает его как часть естественной жизни. Её ощущение детства – архетипический потерянный рай, где ещё не существуют горечи, утраты и осознание драм эпохи. Но она взрослеет, едет в Москву, возвращается в имение, где хоронит мать и отца (того, кого она считала настоящим отцом, – доктора Мейзеля), и разрушает сад: *«Усадебный дом стоял огромный, непривычно голый, впервые выставленный напоказ. Позади щетинились лесами – будто обглоданными рёбрами – стремительно подрастающие постройки конного завода. Землю вокруг, сколько хватало глаз, распахивали под пастбища – чёрными, широкими, жирными, живыми полосами. Туся была счастлива и свободна. Наконец. Как свободен всякий, не знающий, что готовит ему будущее»* [2, с. 413].

Страх перед будущим ей не присущ, но жалость к Тусе объясняла сама Марина Степнова: разрушительная энергия внутри Туси лишила её всех людей, которые её любили, и она на самом деле осталась страшно одинока на пороге этого разрушающегося мира. Тусе не страшно – страшно Марине Степновой, и страшно нам. Мифологический сад разрушился, но циклическое движение состояний в природе и жизни продолжилось и будет продолжаться: Туся беременна «*своим первым конным заводом, первым ребенком»*

[2, с. 412], все герои старшего поколения остались похороненными в этой земле, Сашу Ульянова казнят за покушение на императора, а Радович пока остаётся для нас загадкой. И будет на этой земле рождаться, взрослеть, размножаться и умирать новая жизнь, и будет у неё новое детство, и будет она хранить новую память, и вырастет новый сад – новый рай, которому также будет суждено быть потерянным.

Литература

1. Библиотека-читальня им. И. С. Тургенева. (2 декабря 2020). *Марина Степнова «Сад»: главный бестселлер осени.* Youtube. URL: https://youtu.be/7FGqE1wOfB8?si=7he4HpKzYFkHCFXo (дата обращения: 28.07.2025).

2. Степнова М. Л. Сад: роман. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 412 с.

3. Ребель Г. М. Сад обречённый: «прогулка по садам российской словесности» Марины Степновой // Вестник Пермского гуманитарно-педагогического университета. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. №1. С. 112–121.

4. Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретённый рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с

5. Резник Оксана Владимировна «Мысль семейная» как жанрообразующая категория в эпическом наследии Марины Степновой (на примере романа «Сад») // Наследие веков. 2021. №4 (28). С. 79–84.

6. Шекспир У. Гамлет // Шекспир У. Полное собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Искусство, 1958. Т. 3. Акт III, сцена 1. URL: https://ilibrary.ru/text/4550/p.10/index.html (дата обращения: 15.05.2025)

7. Богданова О. А. Три круга интертекстуальности: «усадебный миф» в романе М. Л. Степновой «Сад» // Studia Litterarum. 2024. №3. С. 386–403.

УДК 821.161.1

С. А. Демченков[1], С. А. Кулакова[2]
[1]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
[2]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ МОТИВА ВОЗВРАЩЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX – XX ВВ.

[1]SPIN-код: 9386-3224

Аннотация. В работе рассматривается специфика мотива возвращения в русской лирике XIX – XX вв. Анализируются составные части данного мотива (<ТОЧКА ОТСЧЁТА>, <ЛОКУС>, <ГЕРОЙ> и <ПУТЬ>), построена его обобщающая модель.

Ключевые слова: мотив возвращения, модель, русская лирика.

S. A. Demchenkov[1], S.A. Kulakova[2]
[1]Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
[2]Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

EXPERIENCE OF CONSTRUCTING A MODEL OF THE MOTIVE OF RETURN IN RUSSIAN LYRICS OF THE XIX – XX CENTURIES

Abstract. This paper examines the specifics of the return motif in Russian lyric poetry of the 19th and 20th centuries. The constituent parts of this motif (<START POINT>, <LOCUS>, <HERO> and <PATH>) are analyzed, and a generalizing model is constructed.

Keywords: motive of return, model, Russian lyrics.

Мотив возвращения в русской лирике XIX – XX вв. является одним из архетипических. При этом в отечественном литературоведении он традиционно рассматривается в рамках взаимосвязей, возникающих между 2–3 конкретными произведениями, связанными эпохой, культурной традицией и т. п. [1; 2; 3]. В данной работе будет приведена модель реализации мотива возвращения в лирическом произведении, основанная на примерах стихотворений отечественных поэтов XIX – XX вв.

За основу нами было принято следующее определение мотива: «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [4, с. 266], что позволило сузить круг интересующих

© Демченков С. А., Кулакова С. А., 2025

нас текстов, исключив из него те, в которых ситуация возвращения как таковая не находится в фокусе внимания автора и выступает лишь сюжетно-композиционным приёмом, создающим завязку конфликта. В качестве примера можно привести стихотворение М. Зенкевича «Найденыш». В нём возвращение солдата с войны домой играет утилитарную функцию, является необходимой художественной условностью для создания внешнего и внутреннего конфликта, вызванного удочерением Алёнушки (пока солдат не вернулся, конфликт не начнется): *«”А мамка где?” – “Укрылась в рожь. / Боится, что ты нас убьешь...”»* [5, с. 291–292]. Сам же конфликт обусловлен проблемой нравственного выбора и мог быть спровоцирован любым другим внешним обстоятельством, никак не связанным с ситуацией возвращения героя домой.

В ходе анализа нами были рассмотрены произведения, относящиеся к разным художественным направлениям и жанрово-стилевым традициям, что дало возможность построить сравнительно универсальную модель, не связанную с эстетическими установками той или иной литературной школы.

Структурно в составе мотива возвращения нами были выделены четыре элемента, необходимых для его полноценной реализации в произведении: <ТОЧКА ОТСЧЁТА>, <ЛОКУС>, <ГЕРОЙ> и <ПУТЬ>. Те варианты реализации мотива, где указанные элементы присутствуют не в полном составе или подверглись существенной трансформации, были исключены из рассмотрения («Ангел» М. Ю. Лермонтова, «Девушка пела в церковном хоре…» А. А. Блока, «Последнее возвращение» А. А. Ахматовой и др.).

Подробнее охарактеризуем каждый из выделенных элементов.

<ТОЧКА ОТСЧЁТА> совпадает с настоящим <ГЕРОЯ>. Прорисована она, как правило, достаточно скупо и фрагментарно. В восприятии <ГЕРОЯ> она всегда эксплицитно или имплицитно противопоставлена <ЛОКУСУ>: «*Покинув света хаос бурный, / Вхожу в сей тихий саркофаг»* (П. А. Вяземский «Родительский дом» [6, с. 225]); *«Нагнулись надо мной родимых вязов своды, / Прохлада тихая развесистых берез! <...> О время сладкое, где я не знал печали! / Ужель навеки мир души моей исчез / И бросили меня воздушные мечтанья?»* (В. К. Кюхельбекер «К Пушкину и Дельвигу (Из Царского Села)» [7, с. 135]); *«Я мечтаю вернуться с войны / На которой родился и рос / На руинах нищей страны / Под дождями из слёз <…> Я пророчить не берусь / Но точно знаю, что вернусь / Пусть даже через сто веков / В страну не дураков, а гениев»* (И. В. Тальков «Вернусь!» [8]) и т. д. Именно благодаря контрасту между <ТОЧКОЙ ОТСЧЁТА> и <ЛОКУСОМ> в тексте возникает семантическое напряжение, порождающее внутренний конфликт и дающее движение лирическому сюжету.

<ЛОКУС> – место, куда желает попасть (вернуться) <ГЕРОЙ>. Темпорально <ЛОКУС> чаще соотносится с прошлым (особенно в поэзии XIX века), однако он может быть отнесён и к будущему либо лишён чёткой локализации во времени. Темпоральные характеристики <ЛОКУСА> применительно

к мотиву возвращения вторичны (именно поэтому мы не используем здесь термин «хронотоп»). Существенно более важной являются не временна́я, а модальная специфика <ЛОКУСА> (позволим себе эту грамматическую метафору): осуществимость / неосуществимость акта возвращения, исходя из соотношения элементов в системе «<ТОЧКА ОТСЧЁТА> – <ГЕРОЙ> – <ЛОКУС>». <ЛОКУС> с отрицательной модальностью (невозможность полноценного возвращения) обозначим как <МИНУС-ЛОКУС>, с положительной (возможность / ожидаемость возвращения) – как <ПЛЮС-ЛОКУС>, с неопределённой – как <НУЛЬ-ЛОКУС>.

Рассмотрим варианты реализации <МИНУС-ЛОКУСА> (существующего, осознаваемого лирическим героем, но не удовлетворяющего его потребность). Одним из них является <ТРАНС-ЛОКУС>, реализуемый в стихотворении П. А. Вяземского «Родительский дом». Пункт назначения в нём не деревня, где лирический субъект провел своё детство, а некая застывшая мыслительная абстракция, существующая только в его сознании: *«Пусть в сей упраздненной святыне / Нет сердцу образов живых / И в отчем доме был бы ныне / Пришелец я в семье чужих»* [6, с. 224]. Мир «родительского дома» неживой, что подчёркивается оппозицией «динамичность» (реальности) – «стабильность» (мира воспоминаний) и соответствующими мортальными образами: *«Вхожу в сей тихий саркофаг, / И мыслью вопрошаю урны, / Где пепел лет, друзей и благ»* [6, с. 225]. Это не прошлое в собственном смысле слова, а скорее совершенный мир Платоновых идей, вечных и неизменных, не подверженных ни смерти, ни иным разрушительным метаморфозам. В отличие от <ГЕРОЯ>, <ЛОКУС> здесь не претерпевает никакой эволюции: <ГЕРОЙ> меняется со временем, он уже не тот, что был когда-то. <ЛОКУС>, напротив, мыслится достигшим абсолютного уровня развития, он навечно «законсервировался» в своем безусловном совершенстве.

Другой вариант – <СОЦИО-ЛОКУС> – можно рассмотреть на примере стихотворения В. К. Кюхельбекера «К Пушкину и Дельвигу (Из Царского Села)». Лирический субъект физически находится в том месте, куда он хотел вернуться: *«Но не хочу тужить: я снова, снова здесь!»* [7, с. 135], однако рядом с ним нет друзей, с которыми ассоциируется для него Царское Село, – Пушкина и Дельвига. Они становятся необходимой частью изображаемого мира: *«Или, сплетясь руками, / Зачем не вместе мы внимаем шуму вод»* [7, с. 136].

Если в стихотворении Вяземского отчий дом как живое целое возможен теперь лишь в сфере трансцендентного, для Кюхельбекера, напротив, принципиально важен контраст юной, живой природы Царского Села, не подчинившейся велению времени, и человеческой юности, безвозвратно ушедшей в прошлое. Возвращение блаженно состоялось – в деревьях, лугах и водах, но одновременно меланхолически не состоялось – в людях. Здесь <ЛОКУС>, как и <ГЕРОЙ>, подвержен изменениям, но лишь в одной из своих составляющих: он одновременно и трансцендентен, и человечен.

Третий вариант – <МЕДИА-ЛОКУС>, включающий в себя и визуальный облик местности, и образы людей, окружавших / окружающих <ГЕРОЯ>, и социально-культурные и политические черты эпохи (частной его разновидностью является <ЛОКУС-ДОМ>, в котором нет исторического компонента). В качестве примера его реализации рассмотрим стихотворение С. А. Есенина «Возвращение на родину». С одной стороны, в тексте содержится описание закономерных изменений, происходящих с природой и людьми: *«подгнившие кресты», мать, которая «Стара, должно быть, стала…/ Да, стара»* [9, с. 167]. С другой, видны социальные и исторические изменения. Это «*колокольня без креста»*, иконы, которые *«выбросили с полки»*, «*На стенке календарный Ленин»* [9, с. 167–169]. Оказываются утраченными необходимые связи: с богом (высшая точка расшатывания религиозных устоев озвучена дедушкой: *«Молюсь осинам…/ Может, пригодится…»* [9, с. 169]), с людьми (дедушка не сразу узнал сына), с родной деревней (поэт нарочито использует к автоаллюзию, давая отсылку к стихотворению «Я покинул родимый дом…»: *«Приметный клён уж под окном не машет»* [9, с. 167]).

<ЛОКУС> такого типа мыслится поэтом как сложная, динамически развивающаяся среда. <ГЕРОЙ> сознаёт, что он необратимо изменился, но столь же необратимо и комплексно изменилось то пространство, куда он так стремился: и местность, и люди, и социальные отношения, и вера, и весь уклад жизни. Здесь и <ЛОКУС>, и <ГЕРОЙ> в равной степени подвластны времени и в равной степени показаны в своей внутренней эволюции.

В ряде произведений, реализующих мотив возвращения, «место назначения» <ГЕРОЯ> либо не описано вообще («Корабли» В. С. Высоцкого), либо охарактеризовано предельно обобщённо и нечётко (*«страна не дураков, а гениев»* в песне «Вернусь!» И. В. Талькова). <ГЕРОЙ> оказывается внутренне «распят» между двумя равными вероятностями – безусловного, катастрофического невозврата и столь же безусловного, победного возвращения. В <НУЛЬ-ЛОКУСЕ> противонаправленные модальности художественно не «обнуляют» друг друга, но оставляют право выбора за читателем – поэт не даёт ему окончательного решения.

Так, в стихотворении В. С. Высоцкого, с одной стороны, подчёркивается постоянство невозврата: «*Возвращаются все, кроме лучших друзей, / Кроме самых любимых и преданных женщин. / Возвращаются все, – кроме тех, кто нужней. / Я не верю судьбе, / я не верю судьбе, а себе – ещё меньше»* [10, с. 383]). С другой, <ГЕРОЙ> настойчиво пытается уверить себя (и читателей) в том, что он непременно вернётся, и даже назначает для этого конкретный срок: *«Но мне хочется думать, что это не так, – / <…> Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и мечтах. / Я, конечно, спою, / я, конечно, спою, – не пройдёт и полгода»* [10, с. 383].

<ПЛЮС-ЛОКУС> (удовлетворяющий потребность лирического героя) встречается достаточно редко и обычно соотносится с будущим временем. В стихотворении Е. А. Баратынского «Родина» создаётся развернутое и конкретизированное описание предполагаемого мирного будущего в «доме

отеческом»: *«В весенний ясный день я сам, друзья мои, / У брега насажу лесок уединенный, / И липу свежую и тополь осребренный»* [11, с. 14]. Такой вариант реализации мотива следует признать малораспространённым.

<ГЕРОЙ> – лирический субъект, оказавшийся в ситуации возвращения. Именно душевные переживания <ГЕРОЯ>, обусловленные его отношением к <ЛОКУСУ> и <ТОЧКЕ ОТСЧЁТА>, задают характер развёртывания мотива в произведении.

В стихотворении П. А. Вяземского «Родительский дом» представлен *обречённый* <ГЕРОЙ>. Изменчивую действительность он воспринимает как враждебную: *«А в настоящем – мы рабы / Внезапной бури, перелома / Желаний, случаев, судьбы»* [6, с. 222]. Спасением для него становятся воспоминания о родительском доме, череда попыток возвращения к нему – небольшому и стабильному миру, создаваемому памятью. «Дом становится «былью», тем, что воскрешает к жизни ушедшее – родителей, детей, друзей» [12, с. 162]. Лирический субъект разочаровался в реальности и теперь ищет того покоя, который он испытывал в детстве и вновь обретёт после смерти: «Автор живет в мечтах, в другом мире – жизнью духовной, а не физической, и тень его уже падает на надгробные плиты» [12, с. 163]. Реальность <ТОЧКИ ОТСЧЁТА> глубоко чужда <ГЕРОЮ>, <ЛОКУС> притягателен, но недостижим. Смерть станет трансцендентальным пределом, снимающим противоречие между реальностью и желаемым.

Другой вариант *обречённого* <ГЕРОЯ> реализуется в стихотворении И. Бродского «Одиссей Телемаку». Одиссей ещё удерживает в памяти информацию о том, откуда он возвращается, но при этом воспоминания о самом событии уже смутны до такой степени, что забыт исход войны (то, ради чего изначально герой покинул Итаку). Он настолько давно в пути, что сама мысль о возвращении почти не рождает эмоций, так как душа уже потеряла все необходимые ориентиры (что реализуется в метафоре «*глаз, засоренный горизонтом, плачет, / и водяное мясо застит слух*» [13, с. 75]). Герой смиряется и даже пытается найти нечто положительное для сына в сложившейся ситуации. Он уже не верит, что сможет когда-нибудь вернуться домой, но не может перестать плыть (это остаётся единственным стимулом к жизни), потому становится заложником пути в никуда. По мере движения и покинутая им <ТОЧКА ОТСЧЁТА>, и желанный <ЛОКУС> всё сильнее растворяются в стихии времени. Противоречие, в которое он попал, не сможет снять даже смерть.

В стихотворении Ф. И. Тютчева «Итак, опять увиделся я с вами…» <ГЕРОЙ> находится *в конфликте с* <ЛОКУСОМ>. Восприятие родных мест лирическим субъектом изначально дисгармонично: *«Места немилые, хоть и родные»* [14, с. 155]. Он не чувствует родства с собой былым, отрицание и будто бы неузнавание усиливаются от первых строф к последним: *«…не в эту землю я сложил / Все, чем я жил…»* [14, с. 155]. Душа <ГЕРОЯ> претерпела необратимые изменения, которые делают для него возвращение

невозможным даже в воспоминании: *«…бедный призрак, немощный и смутный, / Забытого, загадочного счастья»* [14, с. 155].

В стихотворении С. А. Есенина «Я снова здесь, в земле родной…» представлен *ностальгирующий* <ГЕРОЙ>. Он будто бы со смирением принимает все утраты, которые обнажает его возвращение, но при этом находится во власти воспоминаний и пытается дополнить ими неприглядную картину реальности (см. выше о стихотворении В. К. Кюхельбекера «К Пушкину и Дельвигу (Из Царского Села)»): *«Уж я вас больше не увижу», «Молюсь дымящейся земле / О невозвратных и далёких»* [9, с. 167–169].

Но чаще у Есенина встречается другой тип – *опоздавший* <ГЕРОЙ>. В «Руси Советской» лирический субъект не может поверить, что родина так равнодушно отнеслась к нему, не признала «российского скандального пиита» и что теперь ей необходимы люди с другим мировоззрением: *«Уж не село, а вся земля им мать»* [9, с. 172]). Попытка возвращения <ГЕРОЯ> в покинутый мир детства и ранней юности, которого так жаждала его душа, неожиданно обернулась необходимостью двинуться не назад, к истокам, а вперёд, вместе со всей Россией, доказать ей (и самому себе), что он ещё жив и способен меняться в соответствии с велениями времени. Однако эта попытка обречена на провал: *«Моя поэзия здесь больше не нужна / Да и, пожалуй, сам я здесь не нужен», «А я пойду один к неведомым пределам, / Душой бунтующей навеки присмирев»* [9, с. 173].

Еще один *опоздавший* <ГЕРОЙ> появляется в стихотворении О. Э. Мандельштама «Ленинград». Изменения, связанные со сменой исторических эпох, внешне не отражаются на облике города. Но лирический герой чувствует их и каждую минуту ждет смертного приговора, подписанного родиной: *«…в висок / Ударяет мне вырванный с мясом звонок. / И всю ночь напролет жду гостей дорогих, / Шевеля кандалами цепочек дверных»* [15, с. 43]. При этом ему важно доказать мёртвому городу-тюрьме, что он ещё жив и свободен, хотя уверенности в этом у него остается всё меньше: *«Петербург, у меня ещё есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса»* [15, с. 43].

Неизменность <ЛОКУСА> могла бы исцелить <ГЕРОЯ>, обратить вспять произошедшие с ним изменения. Однако *обречённый* <ГЕРОЙ> лишается возможности достигнуть <ЛОКУСА>, оставаясь в границах реальности. *Опоздавший* <ГЕРОЙ>, напротив, успешно достигая <ЛОКУСА>, обнаруживает, что возвращение не состоялось: <ЛОКУС>, издалека мыслившийся духовной константой, оказался столь же подвержен недугу изменчивости, как и сам <ГЕРОЙ>.

<ПУТЬ> – непосредственная реализация мотива возвращения. Траектория *реального* <ПУТИ> предполагает, что возвращение физически произошло, однако психологически оно обычно осмысляется в тексте как несостоявшееся. Рядом с <ГЕРОЕМ> нет друзей (*см.* <СОЦИО-ЛОКУС>), или вектор его внутренних изменений трагически не совпал с вектором эпохи (см. *опоздавший* <ГЕРОЙ>), или он потерял духовное родство с прошлым (см. <ГЕРОЙ> *в конфликте с* <ЛОКУСОМ>) и т.п.

Гипотетический вариант <ПУТИ> означает, что возвращение предположительно произойдёт в будущем или, наоборот, может случиться только в душе <ГЕРОЯ> (см. стихотворение П. А. Вяземского «Родительский дом»). Изображение такого пути, как правило, связывается с надеждами <ГЕРОЯ> на отсутствие серьёзных изменений там, куда он стремится, или же ностальгическими переживаниями (С. А. Есенин «Я покинул родимый дом…»).

В ситуации <НУЛЬ-ЛОКУСА> <ПУТЬ> становится асинхронен реальному времени. В стихотворении И. В. Талькова «Вернусь!» <ГЕРОЙ> хочет возвратиться на родину, где он никогда не был и которой фактически не существует: *«Я мечтаю вернуться с войны, / На которой родился и рос»* [8]. И <ТОЧКА ОТСЧЁТА> (*«война»*, которая осмысляется автором как аномальное состояние мира, всеобщий хаос жизни, результат утраты безусловных нравственных ориентиров), и <ЛОКУС> (страна *«не дураков, а гениев»*) воспринимаются <ГЕРОЕМ> скорее как умозрительные конструкты, чем как реальная среда обитания. Специфику <ПУТИ> в этом случае можно сформулировать как «возвращение-воскресение». Для <ГЕРОЯ> эти понятия синонимичны. Кроме того, возвращение как условная ситуация распространяется и на «страну» как осмысляемый лирическим героем топос. Он воскреснет вместе с ней: *«Я воскресну и спою / На первом дне рождения / Страны, вернувшейся с войны»* [8].

В стихотворении И. Бродского «Одиссей Телемаку» мотив возвращения разлагается почти до «минус-приёма». Путь к Итаке бесконечен ровно настолько, насколько была страшна и длинна война. Герой утратил почти все связи с домом: *«все острова похожи друг на друга, / когда так долго странствуешь»* [13, с. 75]. В мыслях Одиссея нет каких-либо содержательных подробностей, визуальных воспоминаний о «милой Итаке», остаётся только почти бессознательное стремление к какой-то уже условной для него точке.

Множественный <ПУТЬ> предполагает цикличность уходов и возвращений <ГЕРОЯ> (как правило, становясь метафорическим образом всей его жизни). В стихотворении В. С. Высоцкого «Корабли» судьба <ГЕРОЯ> представляет собой цепочку уходов и возвращений, его путь становится циклическим и линейным одновременно: *«Не пройдет и полгода – и я появлюсь, / Чтобы снова уйти...»* [10, с. 383]. На этом пути по разным причинам исчезают лучшие друзья и любимые женщины, потому, каждый раз уходя, <ГЕРОЙ> не знает, что его ждёт по возвращении, и словно задаёт себе вопрос: «А кого я потеряю в следующий раз?», но при этом не может смириться с предполагаемыми утратами: *«Но мне хочется думать, что это не так, – / Что сжигать корабли скоро выйдет из моды»* [10, с. 383]. Примечательно, что мы застаём <ГЕРОЯ> не в начале движения, а на одном из витков цикла. При этом реализация мотива возвращения абстрактна. Неизвестно ни место, куда стремится <ГЕРОЙ>, уходя (может быть, что оно и не одно), неизвестно и куда он возвращается, что движет им в обоих случаях.

Предложенная модель мотива возвращения может быть использована для анализа широкого круга произведений русской лирики XIX – XX вв. Её ядерные компоненты, описанные в настоящей статье, могут быть дополнены некоторым количеством модификаторов, что позволит задействовать её в тех случаях, когда ядро модели реализовано не в полном составе.

Литература

1. Гавриленко В. Д. Мотив возвращения на Родину в творчестве Николая Рубцова и Леонида Завальнюка // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2023. Т. 20, № 4. С. 64–75.

2. Новицкая А. С. Мотив возвращения в творчестве Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2016. № 16. С. 168–171.

3. Налегач Н. В. Мотив возвращения домой в итоговом поэтическом сборнике З. Н. Гиппиус «Сияния» (1938) // Дом в художественном изображении: сб. научных статей / Под общей редакцией Л. Ю. Фуксона, А. А. Аксёновой. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 32–40.

4. Хализев В. Е. Теория литературы: [Учебник для вузов]. М.: Высш. школа, 1999. 398 с.

5. Зенкевич М. Сказочная эра. Стихотворения. Повести. Беллетр. мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994. 691 с.

6. Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1958. (Библиотека поэта; Большая серия). 508 с.

7. Дельвиг, А. А. Избранное / А. А. Дельвиг; В. К. Кюхельбекер; сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1987. – 640 с.

8. Тальков И. Я вернусь. URL: https://www.karaoke.ru/song/6109.htm

9. Есенин С. А. Стихотворения, поэмы. М.: Издательство «Э», 2017. 608 с.

10. Высоцкий В. С. Я жив! Стихотворения, проза, письма, воспоминания. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 512 с.

11. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Наука, 1982. 720 с.

12. Соловьев Н. Н. Метафора «Дом» в поэзии П. А. Вяземского (на примере стихотворения «Остафьево») // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 59. С. 161–164.

13. Бродский И. Бог сохраняет всё. Стихотворения и переводы. М.: МИФ, 1992. 302 с.

14. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-е, 1987 (Библиотека поэта; Большая серия). 448 с.

15. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3. 528 с.

УДК 821.161.1

М. Н. Капрусова
Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета (Борисоглебск, Россия)

СТИХОТВОРЕНИЕ А. ВЕРТИНСКОГО «В СИНЕМ И ДАЛЁКОМ ОКЕАНЕ»: ПОЭТИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ

SPIN-код: 1559-8596

Аннотация: В статье рассматриваются подтексты стихотворения А. Вертинского «В синем и далёком океане», аллюзии на произведения А. Блока, К. Бальмонта, Н. Гумилева, отсылки к мифологической традиции. Речь идёт об особенностях творческой манеры А. Вертинского как поэта.

Ключевые слова: «серебряный век», мотив, тема, образ, аллюзия.

M. N. Kaprusova
Borisoglebsk branch of Voronezh State University (Borisoglebsk, Russia)

VERTINSKY'S POEM "IN THE BLUE AND DISTANT OCEAN": POETIC DIALOGUES

Abstract. The article examines the subtexts of A. Vertinsky's poem "In the Blue and Distant Ocean", allusions to the works of A. Blok, K. Balmont, N. Gumilyov, references to the mythological tradition. It is about the features of A. Vertinsky's creative manner as a poet.

Keywords: "Silver Age", motive, theme, image, allusion.

Ярким проявлением творческой манеры А. Вертинского является стихотворение «В синем и далёком океане», написанное в 1927 году [1, с. 296]. Это чувствовали все обращавшиеся к стихотворению исследователи. Так, А. В. Бабенко замечает: «Творчество Вертинского 20–30-х годов не было однородным. Среди его произведений порой встречаются вещи, написанные в доэмигрантской манере, например, «В синем и далёком океане», пронизанная темами, характерными для акмеистов; не случайно исследователь истории русской эстрады Е. Кузнецов считал, что слова песни принадлежат Н. Гумилеву» [2, с. 57].

Можно принять утверждение, что стихотворение написано в «доэмигрантской» манере, т. е. в русле поэтики «Серебряного века». Остальные же положения требуют уточнений и доказательств.

© Капрусова М. Н., 2025

Мотив «герой (поэт, рыцарь) утешает, пытается развеселить или убаюкать героиню (или людей вообще)» – один из распространённых в поэзии начала XX века. Например, названный мотив присутствует в стихотворениях К. Бальмонта («Выше, выше», «Дух волны», «Золотые гвозди», «Русский язык»), А. Блока («Бледные сказания», «В углу дивана», «Было то в тёмных Карпатах…»), Н. Гумилева («Лес», «Нет тебя тревожней и капризней…», «Жираф»), И. Северянина («Prelude II»). Все названные произведения могли повлиять на возникновение и реализацию замысла Вертинского, ведь он хорошо знал поэзию этого периода и этих поэтов. Но наиболее вероятным было влияние на текст Вертинского двух программных и всем известных стихотворений А. Блока и Н. Гумилева (а ведь именно на такие произведения и ориентировался обычно Вертинский): «В углу дивана» [3, т. 2, с. 271] и «Жираф» [4, т. 1, с. 72].

Назовём темы и мотивы, объединяющие стихотворения А. Блока и А. Вертинского.

1. Герой (поэт) уводит героиню в мир фантазий, сказок, снов; главная функция героя-поэта – *«рассказывать сказки» (Б.)*.

2. Героиня – *«ночное сердце» (Б.)*, она *«бледнее луны» (В.)*.

3. Действие происходит ночью: *«за окошком догорели / огоньки» (Б.)*, *«мёртвые седые корабли» (В.)* ещё плавают, только утром *«опускаются на дно» (В.)*.

4. Присутствует тема погибших-гибнущих кораблей: *«и на вьюжном море тонут / корабли» (Б.)*, *«плавают в сиреневом тумане / мёртвые седые корабли» (В.)*. Однако у Вертинского это тема страшной сказки, рассказанной героем, а у Блока – показатель ужаса действительности, от которой нужно скрыться в добрую сказку, отсюда больший трагизм стихотворения Блока.

5. Герой утверждает, что мечта об идеальном для героини осуществима: *«и любой колени склонит / пред тобой… / и любой цветок уронит / голубой…» (Б.)*, *«места хватит в раю» (В.)*.

6. Действие происходит в уютном помещении, где герои скрываются от действительности: *«в углу дивана» (Б.)*, *«Вы усните…»* (очевидно, в кресле или на диване) *(В.)*.

Как видим, перекличка налицо, однако у Вертинского ситуация «одомашнена», приведена с высот на землю (недаром мечта о *«голубом цветке»* снижена до банального желания рая). Блок дистанцируется от земного (его мир игрушечный – *«угольки», «огоньки»*, земные трагедии происходят где-то далеко, как бы не всерьёз: *«над вьюжным морем», «над южным морем»*). Вертинский же по-акмеистически использует конкретную деталь: *«где-то возле Огненной Земли»*.

Это позволяет говорить о столь же возможном влиянии на стихотворение Вертинского «Жирафа» Гумилева.

Со стихотворением Гумилева стихотворение Вертинского роднит несколько моментов.

1. Достаточно подробное описание внешности и состояния героини, чего нет у Блока (у Вертинского этому отданы первые шесть строк, Гумилев даёт ещё более детальное описание).

2. Сравнение героини с ребенком – поза задумавшейся девочки в стихотворении Гумилева; *«Вы совсем как ребёнок тихи»*, – пишет Вертинский.

3. Оба стихотворения представляют собой как бы часть новеллы, они подразумевают диалог, они сценичны, в них есть не только описание переживаний, как обычно в стихах, но и действие.

4. В стихотворении Вертинского ощущается влияние «Музы Дальних странствий» Гумилева: действие песни, которую придумал лирический герой Вертинского, происходит *«в синем и далёком океане, / где-то возле Огненной Земли»*, герои песни – капитаны и корабли – любимые герои Гумилева (цикл «Капитаны» из сборника «Жемчуга» считается программным).

6. Герой Вертинского сродни герою Гумилева, смелому, мужественному человеку, путешественнику, ведь он для развлечения вспоминает об ужасных *«немых караванах» (В.)*, чьи проклятья страшны даже *«солнцу наступающего дня» (В.)*.

7. Героиня стихотворения Вертинского сродни героине некоторых стихотворений Гумилева и лирической героине ранней А. Ахматовой. Для героинь трёх поэтов характерны грусть, бледность, близость луне, внутреннее знание, развитое подсознание, она *«печальный ребенок»* (см.: Н. Гумилев «Отказ», «Свидание», «Она», «Из логова змиева…», «Отравленный» и др.; А. Ахматова «Не будем пить из одного стакана…», «Пророчишь, горькая, и руки уронила…», «О десятых годах» и др.).

Объединяют стихотворения и сходные настроения героинь и лирических героев. Героини, скорее всего, беспричинно, грустны, тихи, отравлены воздухом декаданса *(«…ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман»*, как формулирует это Гумилев). Герои же стихотворений – люди не только мужественные, но и ироничные, отсюда и настроение несерьёзности, легкой насмешливости (мужчины с улыбкой смотрят на беспричинную грусть хорошенькой, капризной юной женщины), смягчённой сочувствием.

Итак, всё это позволяет сказать, что произведение Вертинского проникнуто аллюзиями на два указанных стихотворения Блока и Гумилева. Однако сказанное не снимает возникающего вопроса: «На кого «ссылается» Вертинский, употребляя выражения *«мёртвые седые корабли», «океан»*? Какие ассоциации могли возникнуть у слушателя (читателя) при этих словах?

Действие «колыбельной» происходит *«в синем и далёком океане, где-то возле Огненной Земли»*. Это двустишие вызывает у читателя ассоциации прежде всего с мифологической традицией, которая повлияла на культуру «серебряного века» в целом. Недаром Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский назвали период конца XIX – начала XX веков временем торжества мифа [5, с. 61]. Напомним, что, согласно мифологической традиции, мировой океан – «первозданные воды, из которых возникли земля и (шире) весь космос»; «океан – одно из основных воплощений хаоса или даже сам хаос;

океан был «вначале», до творения, которое ограничило океан во времени и в пространстве, но космосу (уже – земле) предстоит погибнуть в результате катаклизма от океана, его вод <…>, и воды океана снова станут единственной стихией»; «он безграничен, не упорядочен, не организован, опасен и ужасен, аморфен, безвиден» [6, с. 249]. Кроме того, океан «омывает на крайнем западе границы между миром жизни и смерти» [7, с. 413]. «Вода могла, согласно представлениям язычников, выступать не только как спасительное, священное начало, но и как источник зла, гибели, смерти»; «понятие «потусторонний мир» первоначально имело значение «относящийся к воде» или «находящийся за водой / рекой» […]»; местопребыванием душ умерших, по поверьям язычников, могли быть река, море, дерево» [8, с. 76–77]. В. Н. Топоров пишет об «особом варианте «океанической» (морской) мифологии, прежде всего среди мореплавателей, которая строится на синтезе богатого арсенала мотивов, связанных с опасностью океана, и новых мотивов, отражающих приобретённый опыт морских путешествий (невиданные страны, заколдованные острова, ни на что не похожие люди, сказочные сокровища, таинственные корабли без экипажа, с покойниками, наподобие «Летучего Голландца» и т. д.)» [6, с. 250]. Также океан «приравнивается к коллективному бессознательному» [9, с. 358].

Как видим, можно говорить о влиянии мифологической традиции на трактовку темы океана в стихотворении Вертинского. Океан у него – воплощение отдалённости, экзотики, стихии и хаоса, угрозы солнцу и космосу, он опасен и ужасен, таит в себе чудовище – корабль типа «Летучего Голландца», он олицетворяет собой грань между жизнью и смертью и воплощает собой в какой-то мере смерть (через угрозу солнцу). Наконец, океан с населяющими его существами – это (в стихотворении) фантазия, бред лирического героя, которые должны навеять сон на героиню, т. е. океан у Вертинского – еще и бездна подсознательного.

Стихотворение «В синем и далёком океане» в равной мере могло быть написано и в русле ассоциаций, вызванных творчеством трёх величайших поэтов «серебряного века» – А. Блока, Н. Гумилева и, главным образом, К. Бальмонта. В статье «О современном состоянии русского символизма» (1910 г.) Блок не единожды обращается к темам океана и корабля. Так, в начале статьи он пишет: «Мы находимся как бы в безмерном океане жизни и искусства, уже вдали от берега, где мы взошли на палубу корабля; мы ещё не различаем иного берега, к которому влечёт нас наша мечта, наша творческая воля <…>» [10, т. 2, с. 147]. И далее Блок развивает тему: «Золотой меч погас, лиловые миры хлынули мне в сердце. Океан – моё сердце, всё в нём равно волшебно: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством […]» [10, т. 2, с. 151]. Итак, океан Блока – это океан жизни и искусства, океан сердца поэта, т. е. это стихия творчества и жизнетворчества, стихия бессознательного, это одухотворенная фантазия. Океан же Вертинского хотя и тоже фантазия, но не одухотворенная какой-то

философской или иной идеей, а фантазия мифологизированная. К тому же в отличие от Блока герой Вертинского, создавая свой песенный *«бред»*, различает *«жизнь, сон и смерть»*, что роднит его скорее с героями Гумилева. Так, в стихотворении «Сонет» из книги «Чужое небо» герой говорит о своем состоянии:

Молчу, томлюсь, и отступают стены –
Вот океан, весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там… Ах да! я был убит [4, т. 1, с. 129].

Океан здесь, как позже будет у Вертинского, – мифологизированное пространство, фантазия, воспоминание о бывшем или небывшем, всплывающее из подсознания. Недаром Гумилев начинает стихотворение с оборотов: *«Я, верно, болен: на сердце туман, / Мне скучно все, и люди, и рассказы, / Мне снятся…»*, *«Мне чудится…»*, – и далее герой внутренним взором видит океан, закат, город мечты, свою смерть. Читатель понимает, что лирический герой Гумилева – человек, в которого переселилась душа его мужественного и романтического предка, произошла трансформация моряка и романтического воина в поэта. Сходную (хотя и более литературную и зловещую) ситуацию описывает Вертинский. Его герой – поэт и певец – видит внутренним взором страшную картину, но описывает её спокойно и детально, как что-то привычное и не чуждое, как бы намекая на своё уже забывшееся двойное родство с *«седыми капитанами»*. Все они люди мужественные и в то же время – порождение фантазии: капитаны – мифологические образы, а герой-поэт сам творит миф о себе. Как стихию первотворения изображает Гумилев океан в «Поэме начала» (тема океана возникает там 3 раза), однако было бы ошибкой говорить о значимости темы океана в поэзии Гумилева, гораздо чаще и семантически полнее у него развивается тема моря (в частности, именно она присутствует в известном цикле «Капитаны»).

О теме Океана как знаке поэтической системы логичнее говорить в отношении К. Бальмонта. Эта словесная тема у него частотна и семантически значима. Описание или упоминание Океана привносит в его стихотворения мифологическую струю, подчёркивает глобальность описываемого явления, а не выполняет функцию фона, не является второстепенной деталью [11, с. 43, 74, 87, 110, 114, 137, 181, 192, 260, 264, 296, 315, 319, 323, 336, 344, 351, 365, 377, 386, 389, 402, 403 и др.]. При этом словесная тема Океана присутствует не только в поэтических, но и прозаических произведениях (например, в очерке «Закон Океана (Морская страница)»). Важно, что в подавляющем большинстве случаев слово *«океан»* у Бальмонта пишется с прописной буквы. Видимо, так поэт подчёркивает значимость этой темы для своей поэтической системы и величие явления, о котором он пишет. О

перекличке названного стихотворения Вертинского с произведениями Бальмонта мы уже писали [12, с. 70-73].

Итак, можно сделать вывод, что тема океана у Вертинского решается в русле мифологической традиции, что естественно для литературы рубежа веков, а также испытывает влияние трактовки этой темы в поэзии А. Блока, Н. Гумилева и К. Бальмонта. Во всяком случае, такими могли быть культурные ассоциации у представителей «Серебряного века» или у современного читателя, знакомого с эстетикой начала XX века.

Литература

1. Вертинский А. Н. Дорогой длинною… / сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского. М.: Правда, 1990. 572 с.

2. Бабенко В. Г. Артист Александр Вертинский. Свердловск, 1989.

3. Блок А. Стихотворения: В 3-х книгах / под общ. ред. Ю. К. Герасимова. СПб., 1994. 144 с.

4. Гумилев Н. Сочинения: В 3-х томах / подг. текста, примеч. Р. Д. Тименчика. М.: Худож. лит., 1991.

5. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2000. Т. 2. С. 58–65.

6. Топоров В. Н. Океан мировой // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2000. Т. 2. С. 249–250.

7. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.

8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

9. Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994.

10. Блок А. Сочинения: в 2-х томах / сост., подг. текста и коммент. В. Орлова. М.: Худож. лит., 1955.

11. Бальмонт К. Светлый час: Стихотворения и переводы (Из 50-ти книг) / сост. В. Крейд. М., 1992. 589 с.

12. Капрусова М. Н. Семантическое наполнение образа «мёртвых седых кораблей» из стихотворения А. Вертинского «В синем и далёком океане…» (1927): к вопросу об особенностях стиля поэта // Проблема жанра и стиля в литературе и фольклоре: Сб. научных трудов. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 67–74.

УДК 811.111

А. В. Королькова
Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК ПРИЁМ СТИЛИЗАЦИИ МИРОВОСПРИЯТИЯ ПЕРСОНАЖА-РЕБЕНКА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ)

SPIN-код: 2216-1564

Аннотация. В статье рассматриваются случаи применения персонификации для стилизации картины мира ребёнка-рассказчика в романе К. Кинг «Ночная радуга». Было установлено, что данный стилистический приём отражает антропоморфизм детского мировосприятия, а в его основе могут лежать разные части речи.

Ключевые слова: картина мира ребёнка, стилизация, персонификация, антропоморфизм, К. Кинг «Ночная радуга».

A. V. Korolkova
Smolensk State University (Smolensk, Russia)

PERSONIFICATION AS A WAY OF STYLIZING THE CHILD-NARRATOR'S WORLDVIEW (BASED ON ENGLISH PROSE)

Abstract. The article examines the cases of using personification to stylize the worldview of the child-narrator in the novel «The Night Rainbow» by C. King. It was established that this stylistic device reflects anthropomorphism of the child's worldview and that it can be based on various parts of speech.

Keywords: the child's worldview, stylizing, personification, anthropomorphism, C. King «The Night Rainbow».

Персонаж является ключевой фигурой литературного произведения, вокруг которой развиваются описываемые события, а потому авторы уделяют большое внимание его образу. В середине XX века наметилась тенденция изображать ребёнка не только в качестве главного героя, но и в роли рассказчика [1]. В рамках такого подхода писателям пришлось учитывать особенности детской картины мира и воспроизводить их в своих произведениях для придания им большей правдоподобности. В ряде научных исследований для обозначения данной тенденции применяется термин «стилизация» – подражание манере, стилю некоторого жанра или эпохи. Основная цель стилизации – сделать образ и всё повествование более достоверными [2]. Феномен детей-рассказчиков до сих пор широко

© Королькова А. В., 2025

распространён в литературе: в настоящее время появляется всё больше произведений, в которых повествование ведётся от лица ребёнка дошкольного, младшего школьного или подросткового возраста.

В ряде подобных текстов мы встречаем детальную стилизацию детской картины мира. По сравнению с видением мира взрослого человека, мировосприятие ребенка имеет ряд отличительных особенностей. Одной из них является антропоморфизм – стремление наделять неодушевлённые объекты чувствами и эмоциями людей [3]. Данная черта, равно как и другие параметры картины мира ребенка, может быть выражена вербально, а именно через персонификацию (олицетворение) – лексический стилистический приём, предполагающий перенесение качеств человека на предметы, природные явления, животных, вымышленных существ и т. д. Олицетворения, как правило, имеют глагольную основу: с неодушевлёнными объектами сочетаются глаголы движения, говорения, созидания, чувственного восприятия, мыслительной деятельности, т. е. те, что характерны для изображения людей [4]. Однако были зафиксированы случаи, когда в основе персонификации лежат качественные прилагательные, описывающие внешний вид, возраст, характер, умственные способности, психическое и физическое состояние актанта. Метонимия и синекдоха также могут применяться для выражения персонификации, тогда как гипербола, литота и градация усиливают эффект, создаваемый данным тропом [5].

Мы рассмотрели случаи применения персонификации в романе К. Кинг «Ночная радуга» (2013), главным героем и рассказчиком которого является пятилетняя Пиони (Пи). Девочка описывает свою жизнь с мамой после смерти отца. Повествование от первого лица позволяет не только проследить, какие черты детского мировосприятия воспроизводятся автором, но и какие языковые единицы применяются для их изображения. Мы сосредоточили наше внимание непосредственно на эпизодах, отражающих антропоморфизм картины мира главной героини. Методом сплошной выборки мы отобрали 62 контекста. В каждом из них данная характеристика детского мировидения выражается посредством персонификации. Детальный анализ примеров показал, что указанный стилистический приём может образовываться на основе разных частей речи, что позволило распределить выделенные примеры олицетворений на 5 групп.

Первой и наиболее ярко представленной категорией стали глагольные олицетворения (40 случаев), т. е. чаще всего Пиони приписывает окружающим её объектам действия, характерные для людей. При этом в речи девочка использует разные группы глаголов. Так, в 13 примерах мы отметили глаголы, называющие действия, в том числе враждебные по отношению к героине: *«a piece of the sky hits me between the eyes»* [6] – ребёнок наделяет небо человеческими способностями, представляя, что оно ударяет её по лицу. Достаточно часто встречаются глаголы движения (12 эпизодов): *«…but the argument words are still bouncing around in my head»* [6] – героиня рассматривает слова как одушевлённые объекты, способные прыгать,

подобно людям. Семь олицетворений основываются на глаголах, описывающих состояние: *«Our barn has its back turned to the fields…»* [6] – глагол *have* в английском языке относится к категории «state verbs», т. е. является глаголом состояния и традиционно употребляется при описании одушевлённых объектов. В данном случае персонификация также усиливается посредством каузативной формы (The Causative Form) *«has its back turned»*, которая чаще применяется, когда речь идёт о человеке. В четырёх эпизодах автор вводит глаголы эмоций: *«I wonder why the lightning doesn't like tall things…»* [6] – Пиони одушевляет молнию и рассуждает о её отношении к другим предметам, что выражается единицей *like* – 'любить, нравиться'. Интересно, что глаголы говорения лежат в основе лишь трёх олицетворений: *«Maman stares at me…with eyes that say "this is all your fault"»* [6] – глагол *say* обычно употребляется с одушевлёнными существительными, однако в приведённом примере используется в сочетании с существительным *eyes* – *глаза*. Реже всего в составе персонификации используются глаголы мыслительной деятельности (1 случай): *«Her mouth wobbles as though it can't decide what shape to make»* [6] – в данном эпизоде Пиони наделяет рот способностью мыслить и говорит о его неспособности принять какое-либо решение.

К. Кинг также прибегает к прилагательным для выражения персонификации и стилизации антропоморфизма в мировидении девочки (12 примеров). При этом писательница использует качественные прилагательные, передающие разные характеристики описываемых предметов, например, их состояния (5 случаев): *«The corridor is strange, small and quiet, like it is asleep too»* [6] – единица *asleep* в английском языке относится к прилагательным и обычно используется при изображении людей. Прилагательные также отражают эмоции объектов (4 контекста): *«We'd better water the plants, I say. They are looking sad and thirsty»* [6] – девочка использует прилагательное *sad* ('грустный') по отношению к растениям, т. е. соотносит их с людьми, испытывающими разного рода эмоции. В двух эпизодах через персонификацию изображается внешний вид предмета: *«Behind her is a big pile of watermelons. One is cut open showing the dark pink middle all freckled with seeds…»* [6] – прилагательное *freckled* ('веснушчатый') традиционно характеризует внешность человека, однако в приведённом примере Пиони так описывает серединку арбуза. Мы также выделили случай, в котором олицетворение представляет общую характеристику предмета: *«The walls are grey and unfriendly»* [6] – качественное прилагательное *unfriendly* ('недружелюбный') используется для описания стен. Данная единица, как правило, употребляется по отношению к одушевлённым объектам, а потому приведённый случай также является примером персонификации.

В нескольких эпизодах антропоморфизм выражается олицетворениями, основанными на существительных (5 контекстов): *«…and the lightning is reaching down with clawed white skeleton hands to shake the tree»* [6] – в этом примере Пиони в своём воображении сравнивает форму молнии с человеческими руками. Употребление неодушевлённого существительного

lightning совместно с единицей *hands* в значении ‘руки’ создаёт эффект персонификации. В трёх случаях данный стилистический приём образуется на основе местоимений: *«If she [the moon] hurried she could kiss the sun in the sky before he sets»* [6] – в приведённом эпизоде девочка соотносит существительные *the moon* (‘луна’) и *the sun* (‘солнце’), которые в английском языке являются словами среднего рода и обозначаются местоимением *it*, с женским и мужским родом. Как следствие, она заменяет данные единицы соответствующими личными местоимениями третьего лица единственного числа. Реже всего К. Кинг обращается к наречиям для создания олицетворений и стилизации антропоморфизма (2 примера): *«Somehow a fly has got underneath and is buzzing about angrily»* [6] – наречие *angrily* служит для характеристики человека, однако в приведённом эпизоде оно использовано по отношению к насекомому, что также подчёркивает антропоморфизм картины мира ребенка.

Проведённый анализ показал, что К. Кинг в своём романе «Ночная радуга» стилизует картину мира пятилетней Пиони, от лица которой ведётся повествование, и уделяет большое внимание воссозданию антропоморфизма её мировосприятия. С этой целью писательница обращается к специальным стилистическим приёмам, а именно персонификации, которая, в свою очередь, строится на основе разных частей речи. Чаще всего используются глагольные олицетворения. Так, в 32% случаев девочка описывает действия одушевляемых объектов; в 30% она применяет глаголы движения; глаголы состояния фигурируют в 17% глагольных персонификаций; 10% случаев содержат глаголы эмоций; глаголы говорения встречаются лишь в 8% олицетворений; реже всего Пиони использует глаголы мыслительной деятельности (3%). На втором месте по частотности стоят олицетворения, в основе которых лежат качественные прилагательные, однако число подобных примеров значительно меньше, при этом наибольшее внимание уделяется описаниям состояний объектов (42%). Также частотны прилагательные, выражающие эмоции (33%). В 17% случаев девочка раскрывает особенности внешнего вида одушевляемых предметов, а в 8% – даёт их общие характеристики. Реже всего персонификация в романе К. Кинг строится на основе существительных, местоимений и наречий. Данные примеры единичны: 5, 3 и 2 соответственно.

Все выявленные случаи использования героиней персонификации свидетельствуют о её стремлении наделять окружающие предметы и явления свойствами и качествами людей. Это, в свою очередь, позволяет говорить об антропоморфизме как об одной из ведущих особенностей детского мировосприятия, которую К. Кинг также стремится изобразить в своём романе. Как мы видим, в рассматриваемом произведении стилизация данного аспекта мировидения ребёнка реализуется исключительно посредством персонификации.

В целом, учёт особенностей детской картины мира позволяет создать правдоподобный образ персонажа и придать тексту аутентичность. Выбор

олицетворения как ведущего способа стилизации антропоморфизма представляется вполне эффективным и оправданным, так как продиктован природой данного стилистического приёма. К. Кинг достоверно изображает взгляд на мир пятилетней девочки, отражая основные черты мировосприятия ребёнка средствами английского языка.

Литература

1. Richardson B. Unnatural voices. Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction. Columbus: Ohio State Univ. Press, 2007. 166 p.

2. Ахманова О. С. Словарь литературоведческих терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

3. Куликовская И. Э. Архитектоника мироотношения ребёнка-дошкольника // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2016. № 8. С. 30–36.

4. Чеботарева И. М. Олицетворение в детской речи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 1996. 16 с.

5. Чеботарева И. М. Семантика персонифицированных качественных прилагательных в детской речи // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 30 апреля 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». 2016. С. 137–141.

6. King C. Night Rainbow. New York: Bloomsbury, 2013. 204 p.

УДК 82-313.1; 82-7; 27-23

И. В. Кузнецова[1], А. В. Савченко[2], М. С. Хмелевский[3]
[1]Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия)
[2]Государственный университет Чжэнжи (Тайбэй, Тайвань)
[3]Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

[1]SPIN-код: 7273-1065; [2]SPIN-код: 9254-0618; [3]SPIN-код: 6818-6804

Аннотация. Одной из «скрытых» особенностей широко известного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» можно считать его имплицитную связь с библейскими сюжетами, именами евангельских персонажей, иными христианскими символами. Будучи выходцами из духовной религиозной среды, вдохновители и создатели произведения подвергли различным типам контекстуального обыгрывания хорошо известные им христианские, библейские мотивы, «встроив» их в реалии современной им жизни. Нередко это использовано для создания ярких сатирических образов и смысловых контрастов. В статье кратко представлены некоторые из таких аспектов.

Ключевые слова: библеизмы, аллегории, роман «Двенадцать стульев», художественный текст.

I. V. Kuznetsova[1], A. V. Savchenko[2], M. S. Khmelevskii[3]
[1]I. Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russia)
[2]National Chengchi University (Taipei, Taiwan)
[3]St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

BIBLICAL MOTIVES IN THE WORK OF I. ILF AND E. PETROV “TWELVE CHAIRS”

Abstract. One of the "hidden" features of the widely known novel by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs" can be considered its implicit connection with the biblical plots, names of evangelical characters, and other Christian symbols. Coming from a spiritual religious environment, the inspirers and creators of the work of art subjected well-known Christian and biblical motifs to various types of contextual play, "embedding" them into the realities of contemporary life. This is often used to create vivid satirical images and semantic contrasts. The article briefly

© Кузнецова И. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С., 2025

presents some of these aspects.
Keywords: biblical phrases, allegories, the novel "The Twelve Chairs", literary text.

Произведение И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», несомненно, представляет собой жемчужину русской литературы XX в. и является одним из самых известных и цитируемых: фразы, выражения, изречения из романа давно вошли в разговорный русский язык, став узнаваемыми, крылатыми и прецедентными, а имена многих его персонажей уже давно употребляются как нарицательные.

О романе неоднократно писали как отечественные литературоведы, так и языковеды, подвергая его всесторонним культурологическим, текстовым, контекстуально-смысловым и лингвистическим изысканиям. В настоящей статье мы представим разбор этого текста с ещё довольно малоисследованной стороны: с точки зрения содержащихся в нём библейских мотивов, имплицитно заложенных и иронично обыгрываемых, а порой даже высмеиваемых авторами.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что в структуре текста романа можно обнаружить некоторые достаточно очевидные параллели с библейскими сюжетами, аллюзии на библейские мотивы, которыми он в действительности «переполнен» и которые явно просматриваются при внимательном прочтении. Продемонстрируем некоторые из них.

Далеко не всем известно, что в действительности автором сюжета о поиске бриллиантов, спрятанных в стульях, был брат Е. Петрова – В. П. Катаев. Оба брата не понаслышке были знакомы с каноническим библейским текстом и его сюжетами в силу своего происхождения и семейной атмосферы, в которой они выросли. Дед был священником, обучался в духовной семинарии, окончил Московскую духовную академию, работал в Глазовском духовном училище, был протоиереем в Вятском кафедральном соборе. Отец был преподавателем епархиального училища в Одессе [1, с. 31]. По этой причине логично утверждать, что многие евангельские мотивы стали одним из текстообразующих элементов, отдельные упоминаемые в Евангелии имена стали прототипами персонажей романа, некоторые сюжеты отсылают читателя к библейскому тексту, а в речи героев нередко встречаются прямые или обыгранные библеизмы. Живя уже в постреволюционном времени, автор сюжета и создатели непосредственно самого произведения с иронией и аллегоричными коннотациями, со свойственным им одесским юмором и языком, который они впитали в себя с детства, не раз обращаются к христианским мотивам и порой даже с сарказмом высмеивают религиозные сюжеты и персонажей, упоминаемых в Библии, причём зачастую сквозь призму мещанского быта, столь знакомого им по детству, проведённому в Одессе [2, с. 5; 3, с. 25 и сл.]. Библейские образы проявляются в тексте романа в сатирической манере и иронической форме, отражая, как в кривом

зеркале, атмосферу мещанства и советской действительности 20-х годов прошлого века.

Рассмотрим некоторые аллегории, отсылающие к библейским сюжетам или вызывающие аллюзии на них, которые возникли у авторов как результат их воспитания в духовной семье. Так, само название романа, предложенное В. П. Катаевым, обычно трактуется с чисто практической точки зрения – мебельные гарнитуры дореволюционного времени обычно состояли из 12 стульев. Однако не исключено, что выбор в пользу именно этого названия был сделан автором сюжета также с аллюзией на 12 апостолов, и, таким образом, сама идея произведения раскрывается на более глубинном уровне и с более значительным символичным смыслом. Напомним, значение числа ближайших учеников Христа соответствует 12 коленам Израиля. По этому принципу, согласно Евангелию, Христос избирает именно такое количество учеников, однако только своему любимому ученику, Петру, он первому открыл истину.

Будучи хорошо знакомыми с библейским текстом, при создании сюжета авторы романа могли использовать отдельные его мотивы, «переиграв» их в «комедийном» плане, что намного глубже объясняет саму идею поиска персонажами сатирического по характеру произведения бриллиантов как поиска высшего смысла и истины, которыми обладает лишь один из двенадцати, а маршрут Воробьянинова и Бендера в погоне за стульями перекликается с образом паломничества, участники которого имплицитно высмеиваются авторами романа как совершенно далёкие от понятия и понимания духовности [4, с. 52].

В стремлении овладеть сокровищами Ипполит Матвеевич Воробьянинов, имя которого может отсылать к греческой мифологии, а также христианскому святому, а отчество – к персонажу Нового Завета – Левию Матфею (греч. «Божий человек»), ближайшему ученику Иисуса Христа (вспомним характеристику, которую даёт ему Бендер: «Особа, приближенная к императору»), заключает договор с Остапом. Но если первый персонаж наделён чисто русской по происхождению фамилией, то Остап Ибрагимович Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей (как он сам представляется) аллегорически «намекает» на тюркское происхождение, т. е. чуждое, непонятное, поэтому враждебное и антагонистское. Следовательно, он вполне может быть символически соотнесён с представителем тёмных сил, – это, в самом факте заключения между двумя героями договора о поиске бриллиантов, не сильно отличается от мотива заключения сделки с дьяволом [5, с. 88]. Вспомним также роль Бендера и способы «добывания» стульев у каждого их нового владельца, когда Остап Бендер выступает в качестве искусителя, обещая каждому из них материальные богатства. Равно как Бендер соблазняет Воробьянинова в начале «концессии», обещая ему земные блага *(«Вино, женщины, карты вам обеспечены»*), что напоминает образ дьявола, искушавшего Христа в пустыне [5, с. 90]. С другой стороны, идея о христианском смирении гордыни прослеживается в образе Воробьянинова, который, будучи

некогда предводителем дворянства, смиряется с унижением, нищетой, вынужденным попрошайничеством ради достижения «великой цели», в романе – материальной. Вспомним также и образ Бендера, явившегося из ниоткуда и больше похожего на дьявола, чем на обычного бродягу, проходимца, мошенника или авантюриста; обратимся к авторскому описанию данного героя: *«У него не было даже пальто. В город молодой человек вошёл в зелёном в талию костюме. Его могучая шея была несколько раз обёрнута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинового цвета. Носков со штиблетами не было. В руке молодой человек держал астролябию»* [2].

В продолжение темы о библейской символике цифр можно вспомнить *«словарь Эллочки Людоедки»* и задаться вопросом, почему он состоит именно из тридцати слов. Опять же, возвращаясь к религиозным мотивам произведения, не исключено, что это число также было выбрано не случайно. Так, каноническая молитва «Отче наш», состоящая из 66 слов, в христианстве имеет и сокращённый вариант, называемый 30-словной молитвой.

Ставшая крылатой фраза Остапа Бендера *Тайный союз меча и орала* также явно имеет отсылку к библейской фразе *«и перекуют мечи свои на орала, и копья свои на серпы»* [3, с. 18]. Говоря о прецедентных библейских текстах, вспомним и название вегетарианской столовой *«Не укради!»*, в которой обедают Лиза и Коля, что также отсылает нас к одной из христианских заповедей.

Вообще, при более пристальном анализе обнаруживается, что текст романа наполнен библейскими мотивами в виде отдельных цитат из Евангелия, которые, как правило, не являются прямыми библейскими цитатами, а представляют собой средство выражения комического и саркастического в виде их языкового обыгрывания: аллюзий, реминисценций, квазицитат. Так, например, фраза монтёра Мечникова *«Утром деньги – днём стулья, днём деньги – вечером стулья…»*, предположительно, может являться аллегорией на христианскую притчу о воздаянии, а название агитпарохода *«Сеятель»* может отсылать читателя к библейской притче о сеятеле, поскольку в противном случае сложно объяснить именно такое, а не иное его название. Бесспорным библеизмом является фраза Бендера *«Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень»*, что, несомненно, отсылает читателя к прецедентной фразе Христа из Евангелия: *«Кто из вас без греха, первый брось на неё камень»* [6].

Таким образом, история, изложенная в романе, не ограничивается исключительно приключенческим жанром: в нём мы обнаруживаем ряд важных имплицитно заложенных текстообразующих элементов, которые можно расценивать как пародийное переосмысление религиозных сюжетов, мотивов и образов с целью создания комического эффекта, что вполне объясняется той семейной средой священнослужителей (и шире – городской, одесской атмосферой), в которой росли братья Катаевы. Текст романа

«Двенадцать стульев» насыщен огромным количеством сюжетных линий, обыгрываемых цитат и аллюзий на действительность того времени, мотивов из русской и мировой литературы (Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Ш. Алейхем, В. Шекспир, Ч. Диккенс и многие другие), однако своеобразной канвой сквозь всё произведение проходят и библейские мотивы, которые кратко, но показательно и иллюстративно были представлены авторами в настоящей статье.

Литература

1. Галанов Б. Е. Илья Ильф и Евгений Петров. Жизнь. Творчество. М.: Советский писатель, 1961. 312 с.

2. Ильф И. А., Петров Е. П. «Двенадцать стульев» / Предисл. и комм. Одесского М. П. и Фельдмана Д. М. М.: Вагриус, 1997.

3. Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М.: Наука, 1969. 218 с.

4. Кильдяева Ю. И. Поэтика комичного в романе «12 стульев» (к проблеме смехового слова) // Интерактивная наука. 2017. №16. С. 52–55.

5. Шанурина М. «Храм Спаса на картошке»: десакрализация библейского текста и травестия религиозных мотивов в романе И. Ильфа и Е. Петрова *Двенадцать стульев* // Slavia Orientalis. Tom LXX. Nr. 1. Warszawa: PAN, 2021. S. 85–101.

6. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова и диалоги Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок»). Словарь-справочник. СПб: Изд-во РГПУ, 2021. 312 с.

УДК 821.35

Т. Ю. Магеррамзаде
Национальный музей азербайджанской литературы им. Низами Гянджеви (Баку, Азербайджан)

ТРАГЕДИЯ ДВУХ ЖЕНЩИН И СЧАСТЬЕ ОДНОЙ ДЕВОЧКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ «ЛЕГЕНДА» МАМЕДАГИ СУЛТАНОВА)

Аннотация. В повести Мамедаги Султанова «Афсана» рассказывается история двух женщин, потерявших детей во время Великой Отечественной войны. Это история маленькой девочки по имени Афсана, которая приносит счастье обеим: матери, чей сын погиб на войне, и матери, которая была вынуждена отдать свою дочь в детский дом.

Ключевые слова: война, литература, повествование, человеческая судьба.

T. Y. Maharramzadeh
National Museum of Azerbaijani Literature named after Nizami Ganjavi (Baku, Azerbaijan)

THE TRAGEDY OF TWO WOMEN AND THE HAPPINESS OF ONE GIRL IN ARTISTIC DISCOURSE (BASED ON THE STORY "LEGEND" BY MAMEDAGI SULTANOV)

Abstract. Mamedagha Sultanov's poem "Afsana" tells the story of two women who lost their children during the Great Patriotic War. It is the story of a little girl named Afsana who brings happiness to both: a mother whose son died in the war, and a mother who was forced to give her daughter to an orphanage.

Keywords: war, literature, narrative, human destiny.

Великая Отечественная война занимает важное место в литературе народов бывшего СССР. Исследователи разделяют это литературное наследие на два этапа: военную и послевоенную литературу. В годы войны писатели призывали народ к разгрому фашизма, вдохновляли бойцов на победу и старались поднять боевой дух советского народа. Однако после войны пережитые катастрофы, оборванные жизни, солдаты, чьи могилы даже не известны, женщины, ставшие вдовами, дети, оставшиеся сиротами, и плач матерей, потерявших своих детей, стали темой литературных произведений.

© Магеррамзаде Т. Ю., 2025

В предисловии к коллективному исследованию под названием «Вторая мировая война в литературе зарубежных стран» читаем: «Литература о второй мировой войне, развивающаяся на путях реализма, прежде всего советская литература о Великой Отечественной войне, показала неисчерпаемые возможности человеческой личности, не сломленной трудностями и испытаниями нашего века, вышедшей из них нравственно обогащённой. Эта литература отвергает войну как варварство и бесчеловечность, укрепляя и усиливая гуманистический потенциал мирового искусства, и потому активно служит делу борьбы за мир и социальный прогресс, за предотвращение угрозы новой войны» [1, с. 4].

Это ценное литературное наследие включает в себя как поэтические, так и прозаические образцы. Если поэзия более описательна, прославляет героизм или создаёт негативный художественный образ врага, то проза обладает более широкими возможностями и может описывать людей, их судьбы, их переживания, их внутренний мир и окружающую их среду.

Сюжет прозаического произведения позволяет писателю перенестись в горькое прошлое, описать настоящее и выразить веру в счастливое будущее.

Член Союза писателей Азербайджана, кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры, ветеран войны и труда Мамедага Султанов (1910–1991) – один из ведущих деятелей азербайджанского литературного процесса XX века. Его произведения имели широкий резонанс не только в Азербайджане, но и на территории всего бывшего Советского Союза. Он был участником Великой Отечественной войны и в своих произведениях отражал влияние войны на жизнь человека.

Свой призыв в армию и годы службы М. Султанов в автобиографии описывает так: «В 1941 году, накануне окончания второго курса аспирантуры, началась война, и Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана направил меня на военную службу переводчиком с персидского на русский язык в Политический отдел Закавказского фронта. До победы в Великой Отечественной войне я служил в Тбилиси, Иране и Баку» [2, с. 298].

Вышеприведённые строки, выраженные одним предложением, содержат волнение и гордость пяти лет. Как видно, Великая Отечественная война заставила М. Султанова, как и многих других, отойти от научной и педагогической деятельности. Война глубоко повлияла не только на его профессиональную, но и на личную жизнь. В 1943 году, когда он был на фронте, умерла его жена, не выдержавшая тяжёлых условий жизни, а 10-летний сын Вахдат и 8-летняя дочь Ульвийя оставались под защитой родных до конца войны.

После окончания войны, в 1945 году, М. Султанов был демобилизован и вернулся на родину, с волнением возобновив свои литературные, научные и академические занятия. Но, как и многие ветераны войны, он столкнулся с трагическими потерями. После возвращения с фронта он вернулся к семье,

стал жить с двумя детьми и снова женился только в 1947 году. Он поставил своей новой жене условие: «Мои дети будут считать тебя своей матерью, и ты будешь для них больше, чем мать» [2, с. 299].

После окончания войны М. Солтан (это был псевдоним, который он использовал в своих художественных произведениях) записал в своём дневнике следующие слова: «Война должна закончиться не только на фронтах, но и в наших сердцах» [2, с. 297]. И в своих произведениях он с литературной точки зрения освещал трагические судьбы людей, боровшихся за выживание на войне, психологические и физические потрясения, которые они испытывали, и их попытки заново адаптироваться к послевоенному обществу.

Спустя годы, в 40-ю годовщину Победы над немецким фашизмом, М. Султанов с радостью напишет следующие строки:

В день начала войны прозвучал лозунг:
«Всё для фронта, всё для победы».
Мы шли, превозмогая вражеские пули,
и мы шли, превосходя врага в боях [3, с. 8].

Это четверостишие – художественная формула переживаний таких интеллигентов, как М. Султанов, которые ушли на фронт с первых дней войны и, в отличие от своих погибших сверстников, смогли выжить и вернуться с доброй вестью о победе.

Помимо стихов, многие из его прозаических произведений также посвящены событиям Второй Отечественной войны. Так, в повести «Легенда» М. Султанов описал трагическую судьбу детей, потерявших своих родителей, и родителей, потерявших своих детей на войне. Писатель выдвигает интересную идею: родители, потерявшие детей на войне, могут усыновить детей, лишённых родительской опеки. Это может стать бальзамом для ран обеих сторон, потому что тот, кто теряет, знает цену находке.

Как мы уже отмечали, повесть «Легенда» посвящена художественному выражению горьких последствий Великой Отечественной войны. Главные герои произведения – известный невролог профессор Мехди Каримзаде и его верная спутница жизни Санубар. События происходят в 1946 году. Хотя Керимзаде исцелял своих пациентов, он не мог вылечить болезнь своей жены.

Санубар не смогла оправиться после гибели сына Рашида на фронте во время Великой Отечественной войны. Сердце матери было настолько потрясено, что лечение не давало никакого эффекта. Боль матери, потерявшей сына на войне, нельзя было облегчить ничем.

Пожилая пара решает удочерить девочку из приюта. Двухлетняя Афсана (слово *«афсана»* переводится с азербайджанского как *«легенда»*) родилась в разгар войны и была оставлена матерью в родильном доме с условием, что её отдадут в «государственный приют». Единственной реликвией, которую оставила ей мать, было её имя – Афсана. Новые родители представляются ребенку как отец и мать. Как только Санубар удочерила Афсану, она начала чувствовать себя очень хорошо, как будто эта маленькая девочка

родилась, чтобы утешить её. Когда Санубар смотрела на неё, она иногда думала, что эта девочка – её внучка. Возможно, именно так ей и хотелось думать. Она представляла её себе дочерью своего сына, чья жизнь оборвалась преждевременно, продолжателем своего рода. Она относилась к Афсане как к драгоценном подарку на память от своего сына Рашида.

Но Санубар была уже стара, она не успевала за ребёнком. Как Санубар, так и профессор Каримзаде хотели, чтобы девочка росла счастливой и не оставалась без заботы. Семья искала няню для ребенка. Так в жизни семьи появляется новый человек – ещё одна сирота по имени Дурдане. Молодая женщина настолько хорошо вписывается в эту семью, что все считают её своей. Она также была измотана войной в юном возрасте: будучи на третьем месяце беременности, Дурдане получила известие, что её муж пропал без вести на войне. Оставшись без дома и без поддержки, она оставила своего ребёнка в родильном доме, чтобы он не умер от голода. Супруги Каримзаде любят Дурдану как родную дочь, а она любит Афсану как своего ребёнка.

Однажды Фархад, фронтовой товарищ погибшего сына Керимзаде Рашида, получивший тяжёлое ранение в бою, стучится в дверь профессора, чтобы исполнить последнюю волю своего друга, умершего в больнице. В этот момент всё меняется. Оказывается, вернувшийся с войны Фархад – это пропавший без вести муж Дурданы, а Афсана их дочь, которую отдали в приют. После этого супруги Каримзаде решают усыновить Фархада. Таким образом, Дурдане становится их невесткой, а Афсана – внучкой.

Слова Санубар: *«Отныне мы должны называть Афсану внучкой. Ведь внучка милее ребёнка»* – являются выражением счастливого финала истории, которая завершается неожиданной развязкой [4, с. 30].

Хотя это произведение имеет логическое завершение, оно действительно напоминает легенду. Писатель призывает людей, переживших лишения войны, верить в чудеса. Ведь только так можно восстановить равновесие в обществе, опустошённом войной. Возможно, эту повесть можно было бы назвать и «Радость в слезах». Однако, на наш взгляд, «Легенда» – наиболее удачное название, соответствующее сюжету произведения. Гулуш Сафарзаде, исследовавший произведение, справедливо резюмирует своё мнение о нём следующим образом: «Афсана, дочь Дурданы, отдавшей её в детский дом, становится общим очагом надежды для этих двух семей, бальзамом на их раны» [5, с. 485].

Следует также отметить, что, хотя автор в рукописи рассматриваемого произведения указывает, что оно написано в жанре новеллы, оно больше соответствует требованиям повествовательного жанра как по объёму, размаху и разнообразию сюжета, так и по многочисленности персонажей, о жизни которых повествуется.

В повести «Легенда» в реалистическом стиле рассматривается влияние войны на человека и общество, поэтому это произведение заняло своё достойное место среди важных образцов послевоенной прозы в азербайджанской литературе. У азербайджанского народа есть пословица: «Ашуг

воспевает то, что видит». М. Султанов в повести «Легенда» писал о своих военных трагедиях и о трагедиях миллионов людей, о трагедиях, сменившимся неожиданным счастьем, о лишениях, которые были заменены наградами.

Литература

1. Вторая мировая война в литературе зарубежных стран: монография / под ред. П. М. Топер, М.: Наука, 1985. 616 с.

2. Султанов М. А. Биография / Архив документов Института рукописей имени М. Физули НАНА. Фонд № 1. Оп. № 6, папка № 19. Личные дела уволенных сотрудников «М» – «Э». 1945–1987. С. 296–299.

3. Султанов М. А. Четверостишие // Наука. 1985, 23 марта. № 183, с. 8.

4. Султанов М. А. Афсана / Научный архив Института рукописей имени М. Физули НАНА. Личный фонд № 7. Список № 70. Дело № 111. Творческие материалы (рассказ, повесть и т.д.). Дата написания не установлена. 31 л.

5. Сафарзаде Г. Художественное творчество Мамедаги Султанова // Вопросы филологии. 2024. № 2. С. 479–489.

УДК 82-32

С. П. Ошейко
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск, Россия)

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В РАССКАЗЕ Ф. К. СОЛОГУБА «БЕЛАЯ СОБАКА»

(научный руководитель – Ю. В. Шатин, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается мотив оборотничества в рассказе Ф. К. Сологуба «Белая собака». Особое внимание уделено системе художественных средств, репрезентующих данный мотив, а также его функционированию в связи с онтологическими, антропологическими и этическими воззрениями Ф. К. Сологуба.

Ключевые слова: Ф. К. Сологуб, мотив, оборотничество, антропологический кризис, декаданс.

S. P. Osheiko
Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia)

THE MOTIF OF LYCANTHROPY IN THE STORY BY F. K. SOLOGUB "WHITE DOG"

(Scientific Supervisor: Yu. V. Shatin, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia)

Abstract. The article examines the motif of lycanthropy in F. K. Sologub's story "White Dog". Particular attention is paid to the system of artistic means representing this motif, as well as its functioning in connection with F. K. Sologub's ontological, anthropological and ethical views.

Keywords: F. K. Sologub, motive, lycanthropy, anthropological crisis, decadence.

Невозможность выразить внутренние переживания, усиливающаяся социальная конкуренция, конфликт воображаемого и реального, необходимость постоянно приспосабливаться, обусловленная страхом неудачи и зависимостью от чужого мнения, – вот далеко не полный список факторов, способствовавших антропологическому кризису конца XIX – начал XX вв., в рамках которого переосмыслялась онтологическая оппозиция «Я – Мир» и

© Ошейко С. П., 2025

пересматривалось соотношение духовной и телесной составляющих человеческой природы.

Художники рубежа веков, собирательно названные декадентами, не могли оставаться безучастными в условиях наступившего антропологического кризиса. Они полагали, что возвращение утраченной целостности возможно только в области искусства. Искусство отождествлялось с субъективной реальностью, обладающей подлинным онтологическим статусом [1, с. 26]. При этом оборотничество являлось неотъемлемой частью философско-эстетической концепции декадентства и выполняло двойную функцию. С одной стороны, оборотничество выступало непременным условием единства художественного мира, с другой – обусловливало разрушение границ между субъектом и объектом. Именно поэтому неограниченную власть художника-декадента над созданным миром, как правило, сопровождали фобии, связанные с утратой контроля и разрушением «Я» [2, с. 90–91].

В творчестве Ф. К. Сологуба мотив оборотничества во многом характеризовал пути и решения, посредством которых писатель надеялся преодолеть антропологический кризис рубежа веков. В то же время для Ф. К. Сологуба оборотничество было связано с расширением сознания, преодолением пространственно-временного и причинно-следственного детерминизма, а также с появлением у человека более чувствительного сенсорного аппарата и расширением спектра ощущений. Долгожданное преображение одновременно выступало причиной и следствием устранения конфликта «Я» – Мир (яркой иллюстрацией будущей жизни в единстве с природой может стать цикл стихов «Вениамин») [3]. Однако подобное состояние в большинстве случаев оказывалось недостижимым: герой либо экстраполировал свои переживания, либо мир, оставаясь самотождественным и непознаваемым, проявлял агрессию к герою. При этом оборотничество выступало неотъемлемой характеристикой мира: «…по-солипсистски замкнутое на себе сознание героя разворачивается в состояние всего мира»; «Галлюцинаторный, мифологический мир целостен… и замкнут на себе, потому что охватывает и людей, и природу, и неживые предметы, объединяет и землю, и небо; экспрессионистическая поэтика гипербол, деформации, судорожных линий… дополняется жуткими видениями <...>» [4, с. 145].

Итак, рассказ «Белая собака» начинается с конфликта в швейной мастерской, однако вскоре читатель понимает, что конфликт и тоска героини обусловлены изначальной двойственностью человеческой природы, а не социальными причинами: *«Завсегда лаетесь ... Собака вы и есть ... У вас и морда собачья ...»* [5, с. 378]. Ф. К. Сологуб использует риторические отступления, зооморфизмы, эпитеты и антитезы, чтобы подчеркнуть нарушение взаимоотношений между человеком и миром, а также обозначить изначальную двойственность человеческой природы: *«И так же, как тогда, горели тоскующие глаза, и тоскливо сжималось дикое, не забывшее в городах о степных просторах сердце, и мучительным желанием дикого вопля сжималось горло»* [5, с. 380]. U. Schmid полагает, что источником тоски героини

Сологуба является конфликт души и тела. *«Die Verbindung von Leib und Seele präsentiert sich Sologub als zufällig, sogar als verhängnisvoll»*. – «Связь души и тела представляется Сологубу случайной, даже роковой» (*перевод автора*) [6, с. 175].

Оборотничество лишь усиливает необратимый характер конфликта, что подчёркивается непроизвольностью превращения, двойственным портретом героини и её связью с лунным миром: *«В бледно-зелёном и неверном озарении луны она казалась огромною… толстою и жирною. Чёрное пятно… тянулось неровными извивами вдоль всей спины, казалось женскою распущенною косою… Хвоста не было видно <…>. Шерсть на теле была такая короткая, что собака издали казалась совсем голою, и кожа её матово светилась в лунном свете, и похоже было на то, что в траве лежит и воет пособачьи голая женщина»* [5, с. 383].

В то же время пребывание героини в лунном мире, несмотря на её мнимое преображение (*«В бледно-зелёном свете луны раз гладившиеся морщинки её увядшего лица стали вдруг не видны, и она опять сделалась молодою…»* [5, с. 380]), хотя и способствует расширению спектра ощущений, однако не является гарантией познания окружающего или открытия новых знаний о себе: *«…всё вокруг казалось заворожённым беззвучным шептанием древних, вещих слов. Всё томилось и млело, и луна сияла, и тоска опять сжимала сердце, и было всё ни сон, ни явь. Тысячи запахов, незаметных днём, различались чутко и напоминали что-то древнее, первобытное, забытое в долгих веках»* [5, с. 381]. Затем, беседуя со старухой, героиня убеждается в том, что адекватное выражение происходящего в лунном мире невозможно в мире дневном.

При этом Ф. К. Сологуб использует одни и те же эпитеты и глагольные метафоры, описывая состояния героини и окружающий мир, тем самым подчёркивая их изначальную двойственность, динамичность и внутреннее тождество. Писатель уделяет пристальное внимание двойственным телесным ощущениям героини (показательно, что рефлексия героини, выраженная прямой речью, присутствует только в начале рассказа): *«Летняя светлая ночь томилась и вздыхала, вея с ближних полей на мирные улицы городка истомою и прохладою»* [5, с. 380]; «*Луна смотрела прямо в лицо, и настойчиво звала, и томила. И тусклою сжималось сердце тоскою, – и не усидеть было на месте»; «Резкое ощущение холода в теле и холодной земли под ногами веселило. Но скоро тело угрелось»* [5, с. 382].

Интересно отметить двойственность телесных ощущений героини, а также мнимое возвращение молодости и кратковременное единение с природой, выраженные посредством эпитетов *заворожённый, беззвучный, мнимый, матовый* и т. д., обусловленных природой лунного мира. Для Ф. К. Сологуба лунный мир хотя и обладает бóльшим онтологическим статусом по сравнению с дневным, но всё же лишён категорий истины, добра и красоты. С одной стороны – это мир фантазии, сна, чувственных наслаждений и тёмных желаний, с другой стороны, лунный мир неразрывно связан со

смертью, бесстрастностью и потерей воли. По мнению О. Ханзена-Леве, ахроматический и беззвучный лунный мир – это лишь «сцена для спектакля странных колебаний между рефлексией (абсолютного) и проекцией (имманентного), между бытием и видимостью, светом и тьмой ("царством теней"), добром и злом, созидательным деянием (солнечное "порождение") и паразитарным использованием (лунное "участие", подражание)» [7, с. 200].

Таким образом, нахождение героини в лунном мире не только не способствует возвращению утраченной целостности, но и завершается трагедией.

Изменение условий и характера оборотничества, представленное в развязке, усиливает пессимизм и актуализирует мифологическое содержание мотива превращения. Мужики, побуждаемые беспричинной злостью и страхом, стреляют в героиню и оборачиваются сразу после совершения преступления. Они оборачиваются против своей воли, хотя и помнят о том, что превращение грозит каждому: «*Не к добру ... И откуда взялась, не знаю. – А ежели, дядя, она – оборотень? – спрашивал сладкий. А не оборачивайся, – ответил сиплый»* [5, с. 382].

Важно отметить, что у мужиков нет имён, а их портретные характеристики даны с точки зрения героини и содержат зооморфизмы: *«Слушала, – за воротами сидели двое и говорили»*; *«Александра Ивановна сразу по этому тенорку представила кудреватого, рыжеватого, весноватого парня…»*; *«…послышался сиплый и злой голос»*; *«…представила по голосу чёрную бороду лопатою, низкий плотный лоб, свиные глазки, расставленные толстые ноги»* [5, с. 382]. Отсутствие имён лишь подчёркивает их беспомощность перед внешними воздействиями и собственными тёмными желаниями.

Таким образом, мотив оборотничества в рассказе «Белая собака» определяет невозможность познания окружающего, обусловливает неустойчивость границ между субъектом и миром, вызывает агрессию по отношению к герою, а также выявляет и усиливает изначальный конфликт души и тела. При этом оборотничество является органической частью художественного мира и подчёркивает крайний онтологический и антропологический пессимизм в рамках идейно-эстетической системы Ф. К. Сологуба.

Литература

1. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. 151 с.

2. Виролайнен М. Потерянное «Я»: о поэтическом самосознании Золотого и Серебряного века // Семиотика страха: сб. ст. / сост. Н. Букс и Ф. Конт. Москва: Русский институт, изд-во «Европа», 2005. С. 85–95.

3. Губайдуллина А. Н. Поэзия Федора Сологуба (Принципы воплощения авторского сознания). дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 217 с.

4. Барковская Н. В. Поэтика символистского романа. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1996. 286 с.

5. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2 Мелкий бес. Роман. Рассказы. Сказки / сост. примеч. Т. Ф. Прокопова, вступ. ст. С. Л. Соложенкиной. М.: НПЦ «Интелвак», 2001. 624 с.

6. Schmid U. Fedor Sologub. Werk und Kontext. Bern et al.: Peter Lang, 1995. 371 p. (Slavica Helvetica. 49).

7. Ханзен-Лёве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромер, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. СПб.: «Академический проект», 1999. 512 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 20).

УДК 1751

Н. А. Рожкова
Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина (Омск, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА XX ВЕКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (К ВОПРОСУ ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО «МАРК ШАГАЛ»)

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть ритмическую организацию одного из произведений Р. Рождественского и учесть при анализе ритма также синтаксический рисунок стиха в той мере, в какой синтаксические особенности речи выражены в ритмомелодике.

Ключевые слова: ритм, метр; словесное, синтагматическое и фразовое ударение, редукция гласных.

N. A. Rozhkova
P. A. Stolypin Omsk State Agrarian University (Omsk, Russia)

PHONETIC PARTICULARITIES TRANSMISSION OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XX CENTURIE IN A POETIC TEXT (TO THE PROBLEM BY R. I. ROZHDESTVENSKY POEM «MARK SHAGAL» SOUND ORGANISATION)

Abstract. The rhythmical organization of the poem “Mark Shagal” by R. I. Rozhdestvensky alongside with its semantic and syntactic characteristics are tried to be observed by the author of the article as it is expressed in the rhythm melody and the lexical expression. The results of the research can be used for the poetic interpretation practice.

Keywords: rhythm, meter, word/syntagmatic/phrase stress, vowels reduction.

Поэзия Р. И. Рождественского – известного поэта-шестидесятника – отличается не только схожестью по своей эмоциональной насыщенности и организации синтаксической интонации стиха, предложенной графической подачей (разделением стиха на несколько подстрочек, записываемых в столбик) со стихами советского поэта В. В. Маяковского, но и особой чертой автора – сменой ракурса в произведениях любого объёма. Р. И. Рождественский – поэт советской интеллигенции, представивший в своём стихотворе-

© Рожкова Н. А., 2025

нии «Марк Шагал» образ известного художника, получившего признание в СССР в 70-х годах прошлого века. Интерес к личности Шагала был вызван, по нашим предположениям, популярностью художника в тот период.

Перед тем как перейти к анализу стихотворения Р. Рождественского, необходимо уточнить понятие «тоническая система». Термин «тоническая система» понимается в нескольких смыслах. В широком смысле слова – это все стихи, где учитывается ударение. Силлаботоника – это вариант тонической системы. Однако чаще этот термин употребляется в узком смысле как «чистая» тоника, учитывающая только ударения и практически не учитывающая безударные гласные.

Принято различать два вида тонических стихов: тактовик, стих с колебаниями числа безударных вокруг ударного от нуля до трёх–четырех, и акцентный стих, стих с колебаниями числа безударных от нуля до бесконечности, а практически – до восьми. Более глубокие колебания в русской поэзии, насколько известно, не зафиксированы. В реальности просто трудно произнести сочетание слогов из одного ударного и более чем восьми безударных.

Как известно, ритмическая организация – это мерное чередование равновеликих групп гармонического движения. Ритм – «волнообразный процесс периодических повторов количественной группы движения в её качественных модификациях» [1, с. 285]. Как пишет в своей работе А. И. Токарева, все теории трактуют ритм как чередование одинаковых звуковых элементов, равномерно манифестирующихся во времени, и такое чередование приводит к иллюзорному усилению или ослаблению звуковых отрезков. Счёт ударений определяет ритм тонического стиха, но не всегда это словесные ударения. Однако количество словесных ударений играет самую важную роль в тоническом стихе.

В. Е. Холшевников указывает на сложную взаимосвязь стихотворной формы и содержания. Законы ритмики непосредственно соотносятся с законами просодии языка. Можно утверждать, что не только первичные, но и вторичные признаки системы стихосложения связаны с особенностями фонетического строя языка. Поэтому прямые связи между ритмическим рисунком и экспрессивным содержанием устанавливаются сравнительно редко и лишь для очень характерных размеров или отдельных необычных ритмических ходов, воспринимающихся как ритмические перебои. Стихотворная речь – структура не просто ритмическая, но интонационно-ритмическая. Пути анализа соотношения формы и содержания нужно искать в этой сложно взаимодействующей структуре, где ритм и содержание связаны опосредствованно. Таким образом, можно установить следующую связь: ритм – стихотворная интонация (если произведение строфично, то на характер интонации воздействует также композиционно-звуковая структура строфы) – лирическое содержание. Между всеми этими элементами устанавливаются не только прямые, но обратные связи. В этом случае

мы имеем дело с очень сложной диалектической взаимозависимостью [2, с. 547].

Составляющими ритмомелодики являются длительность, сила и высота слогообразующих звуков. Как правило, в современном русском языке ударный гласный более долгий, чем безударный. Как указывает Б. И. Осипов, каждая синтагма имеет собственное ударение, но каждое из них неравнозначно. На этом основании автор предлагает индексную систему – пятибалльную шкалу. Являясь организующим началом предложения, фразовое ударение имеет более или менее постоянную силу, в любом предложении обозначаясь индексом 5. Остальные синтаксические ударения получают индекс в зависимости от числа синтагм в теме и реме [3, с. 85].

Следуя данной методике, построим схему стихотворения Р. И. Рождественского «Марк Шагал». В оригинале стихотворение написано в сорок семь строк, точнее подстрочек, но, учитывая рифму, произведение записано здесь в двадцать восемь строк.

1. Он стар и похож на своё одиночество.
0543333302433
2. Ему рассуждать о погоде не хочется.
1223422322533
3. Он сразу с вопроса: «– А Вы не из Витебска?» –
2323534 3422533
4. Пиджак старомодный на лацканах вытерся…
3433543433422
5. «– Нет, я не из Витебска...» – Долгая пауза.
522422 4122522
6. А после – слова, монотонно и пасмурно:
23234933432322
7. «– Тружусь и хвораю… В Венеции выставка…
3423433343422
8. Так Вы не из Витебска?» «– Нет, я не из Витебска...»
342253313423352
9. Он в сторону смотрит. Не слышит, не слышит.
33224315343343
10. Какой-то нездешней далёкостью дышит,
342343343343
11. Пытаясь до детства дотронуться бережно…
3423423433543
12. И нету ни Канн, ни Лазурного берега,
2433533433433
13. ни нынешней славы… Светло и растерянно
3433543434533
14. он тянется к Витебску, словно растение…
4533533434533
15. Тот Витебск его — пропылённый и жаркий —

24334 3343343
16. Приколот к земле каланчою пожарной.
454344453453
17. Там свадьбы и смерти, моленья и ярмарки.
3432433432433
18. Там зреют особенно крупные яблоки,
2323433433433
19. И сонный извозчик по площади катит…
243343343343
20. «– А Вы не из Витебска?». Он замолкает
333253333343
21. И вдруг произносит, как самое-самое,
3433433433433
22. Названия улиц: Смоленская, Замковая.
353544 3432535432
23. Как Волгою, хвастает Видьбой-рекою
2433433433544
24. И машет по-детски прозрачной рукою…
243343343453
25. «– Так Вы не из Витебска...» Надо прощаться.
332254332453
26. Прощаться. Скорее домой возвращаться…
453344453343
27. Деревья стоят вдоль дороги навытяжку.
3433433434533
28. Темнеет… И жалко, что я не из Витебска.
3433422222543 [4].

Прежде всего, необходимо отметить, что стихотворение написано четырёхстопным хореем: в каждой строке по четыре словесных ударения. В строках, состоящих из пяти и более синтагм, словесных ударений также только четыре, поскольку союзы, местоимения и другие служебные слова произносятся безударно. Например, отрицание *Нет, я не из Витебска* в пятой строке безударно, местоимение *я* в этой строке «перетягивает» ударность.

Необходимо отметить ритмический рисунок стихотворения. Он совпадает практически во всех строках, что подтверждает тонический стих.

В тексте стихотворения отмечаются следующие рифмы: ***Одиночество – хочется*** (1 и 2 строка); ***Витебска – вытерся*** (3 и 4 строка); ***пауза – пасмурно*** (5 и 6 строка); ***слышит – дышит*** (9 и 10 строка); ***бережно – берега*** (11 и 12 строка); ***светло и растерянно*** (13 и 14 строка); ***жаркий – пожарной*** (15 и 16 строка); ***ярмарки – яблоки*** (17 и 18 строка); ***катит – замолкает*** (19 и 20 строка); ***самое – Замковая*** (21 и 22 строка); ***рекою – рукою*** (23 и 24 строка); ***прощаться – возвращаться*** (25 и 26 строка).

Как видно, окончания рифмующихся слов не идентичны, например, рифма содержится в наборе согласных в словах ***светло и растерянно*** – ***словно растение***. Такое фонетическое явление в поэзии появилось вопреки «строгой» рифме в середине XIX века и было закреплено В. В. Маяковским [5, с. 175].

В художественном выражении отдельные предложения, сочетаясь между собой по значению, дают в результате конструкцию, объединённую общностью мысли или темы. В выборе темы значительную роль играет то, как будет встречена тема читателем [5, с. 178].

На протяжении всего произведения отчётливо проявляется художественная экспрессия. После экспозиции, в девятой строке, лексический повтор или, другими словами, анафора ***не слышит, не слышит*** не только задаёт ритмичность и напевность строки, но также усиливает эмоциональное воздействие и последующую динамичность событий. Аналогичное явление отмечается в двадцать первой строке местоимением ***самое*** – ***самое,*** глаголом ***прощаться*** – ***прощаться*** в двадцать пятой и двадцать шестой строках.

Итак, мы рассмотрели лишь такие фонетические явления, как ритм и рифма, не затронутыми остались аллитерация и другие существенные детали звуковой организации тонического стиха. Ритмика же стиха, как показало исследование, организована в основном словесными ударениями, но в некоторых случаях эту роль берут на себя синтаксические ударения. Таким образом, гласные в безударных словах ввиду их сильной редукции находятся за пределами влияния заударных гласных, что создаёт новые возможности для обогащения рифмы.

Литература

1. Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.

2. Холшевников В. Е. Поэтическая антология. Л., 1984. 446 с.

3. Осипов Б. И. «Зимнее утро»: взгляд лингвиста на стереотипы оценки стихотворного ритма // Пушкинский альманах. Омск, 1998. Выпуск 1. С. 83–89.

4. Рождественский. Стихи. URL: https://poemata.ru/poets/rozhdestvenskiy-robert/mark-shagal/ (дата обращения: 20.09.2022).

5. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2018. 334 с.

УДК 821.161’01 + 913.6

А. М. Харитонов
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (Владивосток, Россия)

О СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТОПОНИМОВ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Ориентация исследователей древнерусской литературы исключительно на современные места нахождения отдельных топонимов и этнонимов привела к искажению географической действительности в истории Древней Руси, чья территория оказалась на месте «белого географического пятна» географии средневековья.
Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, Булгар, Русская река, Итиль.

A. M. Kharitonov
Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)

ON THE MODERN INTERPRETATION OF TOPONYMS IN OLD RUSSIAN LITERATURE

Abstract. The focus of researchers of Old Russian literature exclusively on the modern locations of individual toponyms and ethnonyms has led to a distortion of geographical reality in the history of Ancient Rus, whose territory turned out to be a "white geographical spot" in the geography of the Middle Ages.
Keywords: Ancient Rus, Kiev, Bulgar, Russian River, Itil.

Анализ современных названий городов России (в т. ч. после возвращения им первоначальных названий в 1990-е годы), представленных в Росреестре, показывает, что повторяющихся названий (два и более раз) в настоящий момент не более 5%. Много это или мало?

5% – предел ошибки, допускаемый в обычных статистических исследованиях. Вот только данный расчёт не включал повторяющихся имён поселений более низкого ранга – сельских и посёлков городского типа. Да и учтены оказались только современные названия. А сколько поселений исчезло с географической карты за тысячелетие существования самой Руси? Этот же недостаток в какой-то степени свойственен и исследованиям В. А. Курбатова [1], который изучал передвижения топонимов на географической карте с течением времени.

© Харитонов А. М., 2025

Сходство названий поселений, размещённых зачастую на значительном расстоянии между собой, может привести к дезориентации на местности, когда обнаруживается, что вместо хорошо известного города перед путником предстаёт небольшое село с таким же «громким» названием.

Собственно, нечто подобное отмечали первые комментаторы «Повести временных лет» [2], пока не были выработаны определённые правила соответствия названий древних и современных топонимов. Основным среди них стало то, что одному древнему топониму соответствует один современный. Это распространённое заблуждение стало основным источником ошибок в исторической географии и исторического комментария к произведениям древнерусской литературы [3].

Действительно, как составляется современный географический комментарий, например, к «Слову о полку Игореве» [4]? За основу берётся современное местонахождение Новгорода-Северского, Путивля и Рыльска. От них и ведётся географический отчёт похода князя Игоря. Некоторые несовпадение топонимов по ходу действия легко объясняются неточностями древнерусской географии по сравнению с современной.

Такое вольное обращение авторов-историков с географической информацией вполне вписывается в сложившееся представление об исторической географии как о вспомогательной исторической дисциплине, объект, предмет и методы исследования которой чётко не обозначены. Отмеченная закономерность, заключающаяся в том, что при перемещении племён и народов они стараются сохранить на новых территориях старые географические названия, ещё не вошла в обязательный перечень приёмов в географических, а тем более в исторических исследованиях.

Современные краеведы, зачастую обнаружив пласт подобных топонимов в своей родной местности, спешат объявить их находку как первоначальное место размещения объектов, не считаясь с исторической географией. Ещё один повод при изучении современных топонимов подвергать критике подход от «печки», который вовсе не очевиден.

Так, нынешний Новгород-Северский расположен на берегу реки Десна (крупнейшего правого притока Днепра) в 270 км от Киева. По современным меркам, небольшой городок (порядка 15 тысяч жителей). Это географическое название встречается ещё в «Поучении» Владимира Мономаха и отнесено к 1078–79 гг. Но насколько правильно отождествлять современный Новгород-Северский и это летописное поселение?

Расстояние от современного Новгород-Северска до половецких степей, где и развернулись исторические действия «Слова о полку Игореве», явно преуменьшено. Дело в том, что степи Украины (отмечено еще Л. Н. Гумилёвым) непригодны для круглогодичного кочевания. Ближайшие такие земли лежат не ближе Северного Кавказа. Туда и должно быть направлено войско в поход.

Однако сразу возникает вопрос: смогли бы русские воины совершить подобный поход, учитывая имеющиеся на тот период времени способы перемещения войска, вооружение, технологии и логистику средневековья? Эти факторы остались до сих пор как-то вне истории и географии.

Античная и средневековая география вслед за Аристотелем утверждала, что территория холодного климатического пояса необитаема. Потому территории к северу от низовьев Дона арабская география (самая передовая для эпохи средних веков) не рассматривала вообще, хотя знала и Русь, и даже «Волжскую» Булгарию. Так что сама идея маршрута похода Игоря от современного Новгорода-Северского в степь полностью противоречит данным средневековой географии. Собственно, и карты центра и севера Европейской территории России появляются не ранее середины XVI века.

Поздние польские источники и вовсе относят территорию Руси к географическому пространству от Черного до Каспийского моря. Ведь данные хроники Литовской и Жмойтской под 1272 годом говорят про *«… руских княжат, которых панство было от мора Каспийского або Перского, котрого зовут Фалимским, ажъ до мора Черного, Турецкого …»* [5, с. 23]. Да вот только историки не склонны доверять поздним источникам, особенно если последние противоречат их выводам.

Вот и араб ал Хараки [6, с. 23] морем варанков-варягов называл Меотиду (Азовское море античности). И эти сведения резко противоречат общепринятым историками сегодня, а потому выпали из географического пространства истории.

Некоторые географические детали похода, связанные с недостатком воды у русского войска, позволяют отнести «театр боевых действий» к «дурным землям» арабской космографии.

Впрочем, не был ли Дон Великий Русской рекой, которую араб Идриси отождествлял с Кубанью? Историки, однако, с этим категорически не согласны, представив в качестве последней современный Дон.

Наличие помимо Приднепровской ещё какой-то Руси (Русский каганат) допускают некоторые историки, исходя из наличия титула «каган» в русской княжеской среде. Правда, считается, что это образование могло существовать только в «докиевский» период русской истории. Вот в этом у нас возникли большие сомнения.

Обращаясь к данным арабской географии, можно, как оказалось, выправить бытующие в среде историков и востоковедов представления о невозможности идентификации сведений арабской исторической географии. В соответствии со знаниями арабами эпохи средних веков после 20 лет поисков нам удалось определить действительное местонахождение Куявы-Киева и Булгара. Территорией их местонахождения могли быть, согласно средневековой географии, только предгорья Северного Кавказа, а отнюдь не Украина и тем более современный Татарстан.

Развалины Булгара видел и описал в Чегемском ущелье в современной Кабардино-Балкарии турецкий путешественник Эвлия Челеби в XVII веке [7]. Современные комментаторы не обратили на них внимания, видимо сочтя очередной сказкой в духе «Тысяча и одной ночи».

Однако крупный город с 800 минаретами и протянувшийся на 2 дня пути на территории нашей страны в то время мог быть только один. Напомню, что именно Булгар был выбран первой столицей Орды. Мы полагаем также, что два поселения по имени Джулат, открытые археологами, представляют два других центра Орды. Ведь их название Сарай в переводе на русский язык и означает ‘город’ (ср. Джулат) [см. 8].

До Киева от Булгара в системе арабской географии считалось 20 дней пути. Сам Челеби потратил на путь от Тамани до подножий Эльбруса 70 дней. Мы географически определили, что наиболее подходящим для местонахождения Киева будет Ильичевское городище в верховьях Кубани [см. 9]. Это полностью меняет летописную географию, но пока никаких возражений по этому поводу со стороны востоковедов и историков не последовало.

Между тем такое положение Древней Руси позволяет избежать географически невозможного завоевания Руси зимой войском Батыя. Дело в том, что в условиях климатического максимума средних веков воевать в условиях летнего зноя практически невозможно. Лошади погибнут, а воины в тяжелых доспехах «сварятся».

Но это помогает понять, как топонимы Древней Руси исчезли, заменившись их географическим «тёзками». Летописная Русь и «Волжская» (на самом деле, всё ещё Кавказская) Булгария были завоёваны и разорены вначале походами татар, затем эпидемией вызванной татарами же чумы и, наконец, окончательно добиты походом Тамерлана. Однако какая-то часть населения должна была уцелеть либо в силу «отпочковывания» отдельных групп ранее, либо при бегстве. Они и сохраняли прежнюю топонимику по пути своего следования. Следы этой топонимики прослеживаются до сих пор на современной Украине (Черкассы и черкесы и др.).

Интересен тот факт, что обнаруженные астрономами нестыковки затмений для отдельных населённых пунктов могут иметь вполне реальную географическую составляющую в плане их размещения на местности (это может стать основой обнаружения городов-тёзок в текстах летописей), никак не связанную с разницей во времени. Ведь Киев на Кавказе действительно должен иметь другую систему астрономических затмений, чем Киев на Днепре. Видимо, и с затмением во время похода Игоря из-за неверного направления движения могла произойти та же история.

Впрочем, географические курьёзы не такая уж большая редкость в комментариях к древнерусской литературе. Однажды мы обратили внимание на наличие в летописях имени города Римов. Странное название для русского города, хотя, конечно, это не брянский Вщиж и тому подобные.

Но вряд ли город назвали бы именем соседнего и к тому же не самого дружественного государства. Комментатор текста в своей классической монографии [10] обратил внимание на то, что город этот сильно пострадал от нашествия кочевников, когда старые стены не выдержали их натиска.

Далее в духе «плача Ярославны» последовало описание сочувствия летописца к пострадавшим. Вот только было ли кому сочувствовать? Скорее, по нашему мнению, летописцу следовало приписать ехидство и злорадство. Ведь комментатор, похоже, так и не догадался, что город Римов на самом деле город римов (т. е. римский).

Для этого следовало помнить, что название государства Византия не соответствует исторической действительности. При этом историки частенько употребляют вместо исторического Итиль название Волга, а вместо Русской реки – Дон, хотя это и географически не является правильным.

Так, сами ромеи (говорившие не на латыни, а по-гречески!) называли свое государство, как привыкли прежде, – Рим. Византией же позднее назвали государство историки, чтобы отличить его от Древнего Рима. Но, похоже, эта историческая тонкость ими же быстро и забылась.

К тому же дело ещё и в том, что в изначальном летописном тексте заглавные буквы в именах собственных отсутствовали, а упоминание «Римова» в разных географически местах уже должно было навести комментатора на мысль, что здесь что-то не так. Надеюсь, что хотя бы лингвисты сумеют отойти от этой недоброй традиции в пользу географии. Любопытна же эта история будет скорее именно филологам, изучающим историю письма, когда не только одна буква, а даже её размер имеет столь большое историческое значение.

Литература

1. Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V – XIX вв.). М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. 382 с.

2. Повесть временных лет. Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 544 с.

3. Харитонов А. М. Об интерпретации топонимов и этнонимов в практике перевода в исторической географии // Новейшая филология: Современные парадигмы исследований. Омск: Омский гос. ун-т им. Достоевского, 2024. С. 217–219.

4. Слово о полку Игореве. М.: Художественная литература, 1967. 70 с.

5. ПСРЛ. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975. 235 с.

6. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 264 с.

7. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1979. 288 с.

8. Харитонов А. М. О приоритете геополитики в историко-географических исследованиях на территории Древней Руси // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: сборник докладов. Выпуск 25 / гл. ред. Д. В. Кузнецов, отв. ред. Д. Р. Скатов, Г. А. Недоступ. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2025. С. 95–104.

9. Соколова Ю. А. Ильичевское городище: забытый памятник христианской культуры // Исторические исследования: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2017. С. 66–68.

10. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб.: Наука, 2008. 349 с.

УДК 82.091

В. И. Хомяков
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

«ВСЁ МНЕ МЕРЕЩИТСЯ ПОЛЕ С ГРЕЧИХОЮ...» Д. КЕДРИНА И «ТИХАЯ МОЯ РОДИНА» Н. РУБЦОВА: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

SPIN-код: 2610-2490

Аннотация. В статье анализируется художественное воплощение малой родины в лирике Д. Кудрина и Н. Рубцова. В результате проведённого исследования выявлено, что доминантными образами, олицетворяющими малую родину, у поэтов являются мать и дом, природные образы, наделённые определённой символикой, позволяющей выявить мироощущение и эмоциональное состояние лирического героя.

Ключевые слова: Д. Кедрин, Н. Рубцов, образ малой родины, лирический герой, пейзаж.

V. I. Khomyakov
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

"I SEE A FIELD OF BUCKWHEAT..." BY D. KEDRINA AND "MY QUIET HOMELAND" BY N. RUBTSOV: EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the artistic embodiment of the small motherland in the lyrics of D. Kudrin and N. Rubtsov. As a result of the research, it was revealed that the dominant images of the poets' small homeland are mother and home, natural images endowed with certain symbols that reveal the worldview and emotional state of the lyrical hero.

Keywords: D. Kedrin, N. Rubtsov, the image of a small homeland, lyrical hero, landscape.

Выбор этих произведений для анализа не случаен. Сходство бросается в глаза даже неподготовленному читателю: в текстах Кедрина и Рубцова можно отметить несомненные тематические и лексические переклички, о чём пойдёт разговор ниже.

Прежде всего необходимо остановиться на историческом и биографическом контексте. Есть удивительные совпадения между Д. Кедриным

© Хомяков В. И., 2025

(1907–1945) и Н. Рубцовым (1936–1971). Оба ушли из жизни в расцвете лет, причём этот уход был трагическим. Д. Кедрин погиб 18 сентября 1945 г. в возрасте 38 лет. Тайна его гибели до сих пор не раскрыта. Н. Рубцов погиб 19 января 1971 г. в день Крещения в возрасте 35 лет. Кстати, в одном из стихотворений он напишет: *«Я умру у крещенские морозы…»*. Жизнь Н. Рубцова трагически оборвалась в результате семейной ссоры с Людмилой Дербиной, на которой он собирался жениться. Оба поэта росли без отца. Д. Кедрин был внебрачным сыном дворянина Бориса Кедрина. Мать Рубцова умерла, когда мальчику было всего 6 лет, отец ушел на фронт, и Колю отправили в детский дом. Позднее в стихотворении «Детство» Рубцов скажет: *«Мать умерла, / Отец ушёл на фронт. / Соседка злая / Не даёт проходу. / Я смутно помню / Утро похорон / И за окошком / скудную природу <…> Я смутно помню / Позднюю реку, <…> И дождь… Потом / Детдом на берегу*» [1, с. 103, 104].

Конечно, это всё детали второстепенные. Важнее то, что Рубцов почувствовал в Кедрине родственную душу. Это отразилось в художественном историзме поэта, его поэтической искренности, эмоциональности, любви к России. Применительно к творчеству Д. Кедрина исследователь О. А. Нури заметила: «В творчестве Д. Кедрина концепты «природа-мать», «природа – душа России» образуют авторскую философию тождества человека и одухотворённого мира природы... Вопрос о смысле жизни, предназначении человека Кедрин решал посредством сопоставления природных образов «вечное» – «земное» [2, с. 76]. Это особенно заметно в исторических поэмах Кедрина. Что касается его лирики, то, по мнению О. В Степыкиной, главной темой является проблема личности: «Хотя судьба человека в это время подверглась сокрушительным ударам репрессивно-бюрократической системы, всё же сохранялись условия для устойчивого интереса к нему со стороны литературы. Опыт классики убеждал, что личность нередко утверждала себя не благодаря сложившимся условиям, а вопреки им» [3].

Эта своеобразная идейно-художественная оппозиция трудным условиям жизни просматривается и в творчестве Н. Рубцова. Заметим, что Д. Кедрин был одним из любимых поэтов Н. Рубцова. В стихотворении «Последняя ночь» Рубцов воссоздаст образ Д. Кедрина, поэта с «кристально чистой душой»: *«Был целый мир / зловещ и ветрен, / когда один в осенней мгле / в своё жилище Дмитрий Кедрин / Спешил, вздыхая о тепле… / Поэт, бывало, скажет слово / В любой компании чужой – / Его уж любят, как святого, кристально чистою душой»* [1, с. 208]. Перекличка тем, идей, мотивов лирики Кедрина и Рубцова, поэтов, близких по духу, возникает закономерно и естественно.

Тема памяти – одна из главных в поэзии Кедрина и Рубцова, проходящая через всё их творчество. Именно концепт памяти объединяет стихи Д. Кедрина «Всё мне мерещится поле с гречихою…» и Н. Рубцова «Тихая моя Родина». Общими являются тема памяти, детства, тема малой родины. В них сосредоточены личные, глубоко эмоциональные переживания. Центральной темой, сближающих поэтов, является глубокая внутренняя связь

лирического героя с родными местами. Кедрин и Рубцов акцентируют внимание на дорогих сердцу местах, где прошли детские годы.

Позволим себе небольшое отступление. Стихотворение Д. Кедрина было написано 13 мая 1945 года, через несколько дней после окончания войны. Известно, что с 1943 г. Кедрин работал военным корреспондентом в газете «Сокол Родины», писал очерки, фельетоны, стихи. Фронтовая лирика поэта ещё ждёт своих исследователей, хотя в целом ярких стихотворений было немного и его фронтовая лирика уступает поэзии К. Симонова, М. Исаковского, А. Твардовского. Стихи нередко носили публицистический характер, для них были характерны митинговость, агитационность, гражданский пафос. Хотя, заметим, автор нередко и в годы войны обращается к жанру лирического стихотворения: «Осень 41-го года», «В парке», «Красота» и др. Исследователи справедливо отмечают, что стержневую линию в поэзии Дмитрия Кедрина составляют стихотворения и поэмы на исторические сюжеты: «К исторической теме Кедрин пришёл не сразу, она вплеталась в его стихи исподволь и громко зазвучала лишь в зрелую пору творчества поэта, в середине тридцатых годов» [4, с. 10]. Можно назвать знаменитых «Зодчих». За этим шедевром кедринской поэзии последовали «Пирамида», «Свадьба», «Песня про Алёну-Старицу» и др. Тем удивительнее, что после окончания войны автор пишет глубоко лирическое и в какой-то степени исповедальное стихотворение, посвящённое памяти детства: «Всё мне мерещится поле с гречихою…».

Всё стихотворение построено на контрасте между войной и воспоминаниями о далеком милом детстве. Это подчёркивается образным рядом: *поле с гречихою, маленький дом с оторвавшейся ставнею, сирень на окне, мать, старая церковка, кляча чубарая, аист на крыше, скирды на гумне*. Художественное пространство текста метафорично: посещение родных мест отражает духовную эволюцию лирического героя, элегической интонацией отмечено всё, что связано с прошлым (лексика стиха, художественные средства создания образов): *изба* как образ домашнего уюта и защищённости; *«Чудится мне, будто песню печальную / Мать надо мною поёт в полусне, / Узкая-узкая, дальняя-дальняя / В поле дорога мерещится мне»* [5, с. 143].

Мать для поэта олицетворяет вечные ценности жизни, от которых поэт отдалился. В родном образе он стремится выявить архетипические истоки, обозначить их непреходящую ценность, внутреннюю красоту. Материнское начало соотносится с такими понятиями, как доброта, мудрость, святость. Образ матери является маркером и мира, и сознания лирического героя. Художественное пространство расширяется за счет использования эпитетов (*маленький дом, летнее утро, тёмная церковка, милое детство*), повторов, усиливающих эмоциональную нагрузку (*ясное-ясное, тихое-тихое, тёмная-тёмная, старая-старая, узкая-узкая, дальняя-дальняя, милое-милое, давнее-давнее*). Кроме того, лексические повторы имитируют детскую речь, создают своеобразный звуковой акцент. Среди других средств художественной выразительности следует отметить инверсию (*мерещится*

поле, кляча чубарая, песня печальная, детство моё), контекстные синонимы (*мерещится, чудится, вспоминается*), использование приёма умолчания (*«где ж этот дом…»*). Автор использует кольцевую композицию, начинается стихотворение с фразы *Всё мне мерещится поле с гречихою* и заканчивается строкой *Детство моё вспоминается мне*.

Обратимся к стихотворению Н. Рубцова «Тихая моя родина». Характерно, что идейно-художественное содержание произведения выражается Рубцовым с помощью мотивов, сопряжённых с поэтической системой Д. Кедрина: это мотив возвращения на родину, ностальгия по ушедшему детству. Мотив памяти организует структуру поэтического текста, передаёт ощущение быта как бытия. Драматизм лирической коллизии основан на антиномии прошлого и настоящего, что свойственно жанру элегии и нашло отражение в названии произведения, образном строе стихотворения, в его сложной композиции. Лирическое чувство поэта, выхватывая из глубины памяти воспоминания о своём детстве, соединяет прошлое, настоящее и будущее. У Рубцова, как и у Кедрина, мы обнаруживаем осмысление связи времён, которая станет основой поэтического мироощущения обоих поэтов. Вместе с тем поэзия Рубцова отличается от творчества Д. Кедрина. Н. Рубцов является лидером так называемой «тихой лирики». К этому направлению можно отнести таких поэтов, как В. Соколов, Н. Тряпкин, О. Фокина, С. Куняев и др. Неслучайно и то, что Рубцов посвятил своё стихотворение Василию Белову, яркому представителю «деревенской прозы». И «тихая лирика», и «деревенская проза» говорили о возрождении крестьянства, воспевали простую русскую природу, полемизировали с городской культурой.

Название стихотворения Рубцова по-своему символично. Стихотворение было написано в 1964 г. под впечатлением от поездки в маленький северный городок Архангельской области Няндома, где прошло раннее детство поэта. Возвращение на малую родину оказало сильное влияние на Рубцова. Его чувства были весьма противоречивы: с одной стороны – светлые воспоминания безмятежного детства, с другой – лёгкая грусть от того, что всё изменилось за прожитые годы.

Основная тема стихотворения – связь человека с малой родиной. Вслед за своим предшественником Д. Кедриным Н. Рубцов воссоздаёт детали деревенского быта: *ивы, река, соловьи, кладбище, церковь, сеновал, сельская школа* и т. д. Пейзаж подчёркнуто тихий и скромный, яркие краски отсутствуют. Мысль о внешней неяркости, обыденности, простоте русской природы – это своеобразный поворот излюбленной кедринской темы, который продолжен и в произведении Рубцова. Детали деревенского быта в стихотворении Рубцова вплетаются в образы, окрашенные в эсхатологические тона: *затерянный погост*, где похоронена мать, *заросший травою церковный купол, тина и болотина* вместо чистой реки, в которой детстве купался лирический герой, – всё это символы разрушения целостного образа крестьянской России.

Кстати, в одном из вариантов стихотворения мотив погибающей деревни звучал более отчётливо. Там были такие строчки: *«Лица старушек землистые, вроде могильной земли, / Тоже какою-то мглистою серой травой заросли!»*; или: *«Где же могила, не видели? Поле до края небес. / Тихо ответили жители: «Каждому памятник — крест!»* [6].

Как отмечала Т. И. Подкорытова, «своеобразие поэтического мира Рубцова, особенности его мышления и поэтики, на наш взгляд, обусловлены тем, что он совершенно непроизвольно воплотил в своей лирике сам момент перехода традиционно-коллективного /родового/ сознания в иное личностное качество, весь драматизм этого перехода. Его стихи – тот предел сознания, за которым начинается рефлексия, ведущая личность к осмыслению бытия и прямому диалогу с миром» [7, с. 11].

Основы рубцовского мира пронизывает незатихающая боль памяти и ощущение приближающейся катастрофы. Автор говорит о разрушении деревенского «лада», его тревожит духовное здоровье нации. Интуитивно поэт ощущал начавшийся в обществе раскол, который коснулся не только политических, социальных, но и духовных ценностей. Это касается не только анализируемого стихотворения, но и ряда других произведений: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны…», «Видения на холме», «Зимняя ночь», «По дороге из дома» и др.

Центральными образами, позволяющими говорить о национально-онтологическом начале в поэзии Рубцова, являются образы дороги (реки), судьбы, дома, души. Пространство малой родины существует у Рубцова в двух измерениях: прошлое и настоящие, тогда как у Кедрина это воспоминания о прошлом. Столкновение двух повествовательных планов в стихотворении Рубцова позволяет автору показать через использование образов, несущих символическую нагрузку, столкновение прошлого и настоящего, вечного и преходящего, смерти и бессмертия: *ивы туманной речки, кладбища, церкви* создают ощущение сиротства и щемящей грусти. Неслучайно в тексте несколько раз повторяется эпитет *тихий*: *тихая родина, тихо ответили жители, тихо проехал обоз*. Всё подаётся как в замедленной съемке, когда важна каждая деталь. Кроме того, для описания своей малой родины и для передачи настроения лирического героя автор использует разнообразные художественно-изобразительные средства: эпитеты (*тихий, весёлый, зелёный*), градацию (*«самую жгучую, самую смертную»*); олицетворение (*«речка … будет бежать и бежать»*); сравнение (*«словно ворона весёлая»*), инверсию (*«вырыли люди канал», «Купол церковной обители / Яркой травою зарос»*) и т. д.

Поэт пытается осмыслить мир вокруг и себя в этом мире. Он не отделяет себя от мира, наоборот, чувствует связь со всем окружающим его пространством, со всеми временами. Последняя строфа стихотворения соединяет земное и вечное и носит формульный характер: *«С каждой избою и тучею, /С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, /Самую смертную связь»* [1, с. 79].

Подведём итоги. Сопоставляя стихотворения Д. Кедрина и Н. Рубцова, мы отметили общий мотив – мотив возвращения на родину. Обращаясь к нему, авторы, каждый по-своему, передают свои чувства к малой родине. Для лирического героя Д. Кедрина посещение родного места стало поводом для размышлений о красоте родной природы, о милом детстве, поселяя в душе гармонию и покой. В стихотворении Н. Рубцова также подчёркивается неразрывная связь лирического героя с родными местами. Однако в его стихотворении представлен широкий спектр переживаний лирического героя – от элегических до эсхатологических, в результате чего образ малой родины расширяется до планетарных масштабов.

Литература

1. Рубцов Н. «В минуту музыки печальной…». СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 432 с.

2. Нури О. А. Философия природы в поэзии Сергея Есенина и Дмитрия Кедрина // Современное есениноведение. 2012. № 20. С. 72–77.

3. Степыкина О. В. История и историзм в художественном опыте Д. Б. Кедрина: дис. … канд. филол. наук. Курск, 1998, 185 с.

4. Банников Н. Дмитрий Кедрин // Кедрин Дмитрий. И минуло время. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 5–14.

5. Кедрин Дмитрий. И минуло время. М.: Молодая гвардия, 1989. 190 с.

6. Вересов Л. Стихотворение «Тихая моя родина» Николая Рубцова. Варианты и публикации. URL: https://rubtsov-poetry.ru/research_3/o_stihotvorenii_tihaya_moya_rodina.htm (дата обращения: 09.07.2025).

7. Подкорытова Т. И. Лирика Николая Рубцова и художественные искания советской литературы в 60–70-е годы: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1987. 19 с.

УДК 82.09

И. С. Чернышов
независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРИМЕЧАНИЙ К РОМАНУ Л. ПЕРУЦА «ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОЕ»

SPIN-код: 5272-1036

Аннотация. В статье предпринимается попытка изложить материалы для возможных будущих примечаний к «Прыжку в неизвестное» Л. Перуца, как относящихся непосредственно к оригиналу, так и к переводу, выполненному И. Б. Мандельштамом. Также предложено несколько «точечных» изменений перевода.

Ключевые слова: Лео Перуц, «Прыжок в неизвестное», материалы для примечаний, модернизм.

I. S. Chernyshov
independent researcher (Saint Petersburg, Russia)

MATERIALS FOR COMMENTARY TO THE NOVEL “FROM NINE TO NINE” BY LEO PERUTZ

Abstract. The article attempts to present materials for possible future commentary to the novel “From Nine to Nine” by Leo Perutz both those directly related to the original text and to the translation made by I. B. Mandelshtam. Several certain changes to the translation are also proposed.

Keywords: Leo Perutz, “From Nine to Nine”, materials for commentary, modernism.

Роман австрийского писателя-экспрессиониста Лео Перуца «Прыжок в неизвестное» («Zwischen Neun und Neun», 1918) остаётся в нашей стране сравнительно неизученным: в электронной базе eLibrary.ru нет ни одной публикации, специально посвящённой исследованию этого произведения, между тем достаточно сложный текст Перуца нуждается если не в полноценном комментарии, то, во всяком случае, в примечаниях, тем более что «Прыжок…» в России продолжает время от времени переиздаваться (последнее на настоящий момент издание вышло в 2022 г. [1]). Однако до сих пор, спустя более ста лет с момента перевода на русский и первой публикации в Ленинграде, шедевр Перуца не только не получил всё более необходимых по мере вхождения в «большое время» примечаний, но и остался без

© Чернышов И. С., 2025

пересмотра ряда переводческих решений, требующих если не правки, то добавления пояснений.

Прежде всего, примечания требует перевод самого заглавия *«Прыжок в неизвестное»*: оригинальное название *«Zwischen Neun und Neun»* переводится как *«Между девятью и девятью»*; например, два английских варианта перевода заглавия романа Перуца выполнены буквально: *«From Nine to Nine»* [2] и *«Between Nine and Nine»* [3]. Вариант заглавия, предложенный И. Б. Мандельштамом, разумеется, не был им придуман: эти слова (*«Ein Sprung ins Ungewisse»*) неоднократно повторены в тексте [4]. Причины, по которым Мандельштам отказался от буквального перевода, неизвестны, однако представляется допустимым предположить, что переводчик мог счесть их намёком на развязку романа, а название *«Прыжок в неизвестное»* достаточно абстрактно-метафорический, но сохраняющий дух произведения вариант, не уничтожающий интригу романа даже намёком.

Далее, вызывает вопрос оформления такого элемента внешней композиции, как деление на главы, точнее, обозначение эпизодов текста как «главы», отсутствующее в оригинале: в немецком тексте эпизоды только пронумерованы арабскими цифрами; в переводе, помимо появления слова *«глава»*, арабская нумерация заменена на римскую [5, с. 11]. Невозможно установить, было ли это решением переводчика или издателя, однако представляется необходимым буквально следовать композиционным решениям, принятым в оригинале: эпизод «1» не должен превращаться в «Главу I» также и потому, что перед читателем – не главы линейного романа, а именно эпизоды из одного дня жизни венского авантюриста Станислава Дембы (к слову, в немецкой критике употребляется именно Episoden [6]).

Кроме того, экспрессионистский характер повествования, размывающий границу между реальностью и миражами сознания, демонстрирует читателю не одномерное следование от завязки к развязке, а, скорее, «вариации главной темы – тревоги и беспомощности Станислава Дембы» («Variations in the theme of Demba's anxiety and helplessness»), по меткому определению английского писателя Лесли Хартли из критического эссе о «Прыжке…», опубликованного в London Review в 1927 г. [7].

Примечаний требует топонимика романа. Так, Лихтенштейнский парк, первая точно идентифицируемая локация в тексте (эпизод 2), расположен в районе Альзергрунд, где на протяжении 17 лет жил сам Перуц [8]. Также в этом районе находится главное здание венского университета, что объясняет появление там беседующих учёных.

В эпизоде 4 упомянуто, по-видимому, вымышленное кафе «Систиния»: здесь допущена описка или ошибка набора, поскольку в оригинале кафе называется *Sistiana*; в переводе, следовательно, необходимо принять исправление – «Систиана» [4].

Другие ошибки подобного рода: гора *Зонвендайн* (эпизод 4) – в оригинале *Sonnwendstein* (Зоннвендштайн) [4], голландские имена *Эншеде* (правильно *Энскеде*) и *Арт* (чаще употребляются *Аарт* или *Аэрт*; в оригинале –

Aart [4]) (оба случая – эпизод 8). Вероятно, Мандельштам машинально перевёл имена по правилам чтения немецкого языка, хотя у Перуца подчёркивается, что речь идёт об Амстердаме [5, с. 75]. В то же время имя героини *Steffi Prokop* Мандельштам переводит *как Стеффи* (впервые – в эпизоде 6) [5, с. 60], т. е. уже не по правилам чтения на немецком. Однако этот вариант, вероятно, стоить оставить без изменения, поскольку он фонетически обыгрывает мотив духовной близости Стеффи и Станислава.

Еще одно кафе, *«Гиберния»*, упоминаемое в эпизоде 7, вымышлено, но его прототип угадывается благодаря указанию *«напротив биржи»*: это было кафе *«Шоттенринг»*, правда, на современной карте не найти и его, но уже по той причине, что оно закрылось, причём сравнительно недавно, в 2012 г. [9].

Безымянный пивоваренный завод, упоминаемый в эпизоде 8, узнается по расположению на Хайлигенштрассе – это завод *Нусдорф* (*Nussdorf*).

Вымышленными являются также вилла *«Эльфида»* (эпизод 11), сигареты *«Федра»* (глава 12), кафе *«Турф»* (эпизод 15), а кафе *«Империаль»* (эпизод 6), напротив, реальное название кафе, существующего и в наши дни.

Весьма странен буквальный перевод *Kohlmarkt* (эпизод 14) как *«Капустный рынок»* [5, с. 121]. Транслитерация *«Кольмаркт»* представляется более предпочтительной ввиду того, что во время действия романа никакого капустного рынка на упомянутом месте, разумеется, уже не было.

Вероятно, не будут лишними краткие примечания с современными названиями упоминаемых населённых пунктов: *Мериш-Трюбау* – сейчас *Моравска-Тршебова* в Чехии; *Грос-Кикинд* – сейчас *Кикинда*, Сербия; *Будвайс* – сейчас *Ческе-Будеёвице*, Чехия; *Адельсбергский грот* – сейчас *Постойнска яма*, Словения; *Лайбах* – сейчас *Любляна*, Словения (все – эпизод 4).

Требует пояснения тот факт, что Мандельштам всякий раз переводит *Zigaretten* (сигареты) как *папиросы* (впервые в эпизоде 4) [5, с. 38]: как известно, папиросы – продукт специфически отечественный, и буквальный перевод *сигареты* был бы более точным, однако в 1920-е гг. в нашей стране это слово употреблялось реже [10], поэтому в данном случае мы считаем необходимым добавление примечания без изменения варианта Мандельштама.

Подобное примечание требуется и к слову *автобус* (впервые – в эпизоде 13) [5, с. 120], поскольку у Перуца в оригинале употребляется слово *Omnibus* [4]; следует указать его в примечании, а также пояснить, что в нашей стране, напротив, уже в 1920-е гг. употреблялось современное слово «автобус» [11].

Не будет лишним примечание к части реплики Дембы: *«Мой собственный язык издевается надо мною. Всё, за что я ни брался, ускользало у меня из рук. Превосходно! Право же, превосходно! Язык отличается юмором висельников»* (эпизод 8) [5, с. 73]: дело в том, что в оригинале слово *язык* в первом случае обозначалось как *Zunge*, а во втором — как *Sprache* [4], однако решение Мандельштама прибегнуть при переводе оба раза к одному и тому же

язык оправдано тем, что лучшего варианта подобрать, пожалуй, невозможно, поэтому мы предлагаем снабдить реплику примечанием: «В оригинале в первом случае Дембa имеет в виду язык как физический орган (Zunge), во втором – язык как речь (Sprache), т. е. язык обманывает его и в буквальном, и в переносном смысле». Кроме того, слово *издевается* не вполне точно в данном случае, мы бы предложили заменить его на *обманывает*, поскольку оно ближе к оригинальному: *«Meine eigene Zunge hält mich zum Narren»* [154].

Примечание пояснительного характера необходимо для слова *оркестрион* (эпизод 15) [5, с. 136]. Подходящим вариантом представляется частичное цитирование одноимённой словарной статьи из Большой российской энциклопедии: «Оркестрио́н (нем. Orchestrion) —механический музыкальный инструмент, воспроизводящий музыку в оркестровом звучании. Представляет собой комбинацию нескольких механич. инструментов, воспроизводящих разные оркестровые тембры; его основу обычно составляет механич. орган. Инструменты такого рода распространились с нач. 19 в. в Германии, Австрии, Англии… и др. странах Европы, затем в США… О. был известен и в России... В 19 в. разные по размерам, звуковым характеристикам и внешнему оформлению О. использовались в бальных залах, гостиных, успешно заменяя собой танцевальные оркестры. О. сохранялся в муз. быту в 20 в.» [12].

Подобного рода примечания требует и слово *кафли* (эпизод 8 [5, с. 80]; в оригинале *Kachel* [4]) – керамические плитки для облицовки, которыми будто бы интересуется Дембa. Дело в том, что традиционное русское обозначение таких изделий – *изразцы*, и причина, почему Мандельштам не употребил это слово, не ясна: он мог просто автоматически использовать кальку, мог решить, что в контексте снобистской позы Дембы слово *изразцы* звучит недостаточно претенциозно, а мог и сам не употреблять это слово, происходя из западных губерний Российской империи [13], где, как можно судить, в ходу была именно калька *кафли* [14, с. 340]. Автоматизм представляется более убедительной причиной, поскольку в этом же разговоре о керамике Мандельштам переводит словосочетание *лиможская эмаль* как *лимузинская эмаль*, т. е. автоматически, что требует исправления, как и *сатумские вазы* [5, с. 80] – в оригинале *Satsumavasen* [4], т. е. *сацумские вазы*. В этом случае можно усмотреть описку Мандельштама или ошибку наборщика: учитывая, что в оригинале Дембa говорит правильно, это точно не было сделано нарочно.

Требуется примечание к «говорящему» имени грека *Каллисфена Скулудиса* (эпизод 13), жулика и мошенника. *Скулудис* – фамилия греческого премьер-министра в 1915–1916 гг. [15], т. е. как раз тогда, когда Перуц задумывал роман [16], а *Каллисфен* – имя древнегреческого историка, летописца похода Александра Македонского.

Сравнивая перевод с оригиналом, стоит указать не только на ошибки, вероятно, неизбежные, но и на отступления от немецкого текста,

сделанные, судя по всему, из политических соображений: так, *Gleisbacher Union* (эпизод 6) [4] Мандельштам переводит как *синдикат*, а не *союз* [5, с. 62], ведь первое слово ассоциировалось с капитализмом, а *союзом*, пожалуй, не стоило называть что-то откровенно капиталистическое. Учитывая вышесказанное, полагаем, что требуется если не восстановление оригинального *союз*, то, по крайней мере, примечание: «В оригинале – *союз (Union)*, замена на *синдикат*, вероятно, сделана по политическим соображениям».

Схожий случай – фраза *«Mein Bruder ist nämlich grüner Alemane»* (эпизод 14) [4], переведённая как *«Мой брат в корпорации Алемания»* [5, с. 126]: добавление слова *корпорация* не кажется мотивированным, ведь из контекста можно сделать вывод, что речь идёт или о фехтовальном кружке, или о, говоря современным языком, сообществе «ролевиков». Вероятно, отступление от текста будет более приемлемым вариантом: *«Мой брат – первоклассный фехтовальщик»*.

Еще один подобный случай – фраза *«Hallum-Drallum / wer ist das: Hallum-Drallum»* (эпизод 15) [4], переведённая Мандельштамом как *«Ни пуха, ни пера / Кто это: Нипуха-Нипера?»* [5, с. 135], что звучит, скорее, как реплики из «Винни-Пуха». Полагаем, следует оставить авторское *Халлум-Драллум*, как сделано, например, в турецком переводе [17], тем более что из контекста ясно, что Hallum-Drallum – это своего рода «заклинание», приносящее удачу тому, кто его произносит, тогда как *ни пуха ни пера* обычно желают не себе, а кому-то другому.

Таким образом, «Прыжок в неизвестное» требует ряда примечаний и корректировок перевода, которые, как хочется надеяться, будут учтены при будущих переизданиях романа.

Литература

1. Перуц Л. Прыжок в неизвестное. М.: АСТ, 2022. 352 с.
2. Perutz L. From Nine to Nine. New York: The Viking Press, 1926. 224 p.
3. Perutz L. Between Nine and Nine. New York: Ariadne Press, 2010. 186 p.
4. Perutz L. Zwischen Neun und Neun. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/36901/pg36901-images.html (дата обращения: 21.05.2025).
5. Перуц Л. Прыжок в неизвестное / Мастер страшного суда. СПб.: Кристалл, 2000. С. 11–170.
6. Seelmann A. Die Handschellen-Odyssee: Leo Perutz: »Zwischen neun und neun« / Der Umblätterer, 27. Januar 2009. URL: https://www.umblaetterer.de/2009/01/27/leo-perutz-zwischen-neun-und-neun/ (дата обращения: 24.05.2025).
7. Hartley L. P. A review of From Nine to Nine, in The Saturday Review, London. Vol. 143. No. 3727. April 2, 1927. Pp. 527–528.

8. Peer A. Ein literarischer Spiegel Wiens // Extra, 7. August 2022. URL: https://www.peerfact.at/fileadmin/user_upload/pdf/WZ220806_Ein_literarischer_Spiegel_Wiens_u_ber_Leo_Perutz_und_den_Grossstadtroman_Zwischen_neun_und_neun1_Alexander_PEER.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
9. Фаткулина Е. А. Венские кофейни. Станет ли Schottenring памятником прошлого. URL: https://obzor.city/article/376880 (дата обращения: 21.06.2025).
10. Ульянов В. Н. Семь легенд о русских папиросах. URL: https://article.unipack.ru/44442/ (дата обращения: 23.06.2025).
11. Омнибус // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/2688815 (дата обращения: 27.06.2025).
12. Оркестрион // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/music/text/2693642 (дата обращения: 21.05.2025).
13. Витковский Е. В. Исай Мандельштам // Век перевода. URL: https://www.vekperevoda.com/1855/imandel.htm (дата обращения: 24.06.2025).
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 624 с.
15. Stavridis S. Stefanos Skouloudis: An Unknown Premier // The National Herald. URL: https://www.thenationalherald.com/stefanos-skouloudis-an-unknown-premier/ (дата обращения: 24.06.2025).
16. Peer A. Wien: Der Schriftsteller Leo Perutz und das Kaffehaus als Lebensmittelpunkt // Profil, 21. August 2014. URL: https://www.profil.at/portfolio/wien-der-schriftsteller-leo-perutz-kaffehaus-lebensmittelpunkt-377475 (дата обращения: 28.06.2025).
17. Çetinkaya M. S. Edelbiat. URL: https://1000kitap.com/gonderi/112137857 (дата обращения: 28.06.2025).

РАЗДЕЛ 6. СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 821.161.1

Н. Н. Алексеева[1], Ван Тунцзя[2]
[1]Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия)
[2]Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РУССКОЙ ПРИРОДЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ В. РОЖДЕСТВЕНСКОГО И Е. ЕВТУШЕНКО (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

[1]SPIN-код: 5279-9120

Аннотация. Сравнительный анализ стихотворений Всеволода Рождественского «Русская природа» (1956 г.) и Евгения Евтушенко «Благословенна русская земля» (1957 г.) позволяет определить единство темы и контрастность в репрезентации образа русской природы в литературе эпохи «оттепели». Делается вывод о важности использования данного материала в преподавании русского языка иностранным студентам.

Ключевые слова: образ природы, русская поэзия, русский язык как иностранный.

N. N. Alekseeva[1], Wang Tun Zia[2]
[1]D. Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia)
[2]D. Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia)

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF RUSSIAN NATURE IN THE POEMS BY VSEVOLOD ROZHDESTVENSKY AND YEVGENY YEVTUSHENKO (INSTRUCTIONAL ASPECT)

Abstract. A comparative analysis of Vsevolod Rozhdestvensky's poem «Russian Nature» (1956) and Yevgeny Yevtushenko's poem «Blessed is the Russian land» (1957) reveals the unity of theme and contrasting approaches during the «Thaw» era. The article concludes that it is important to use this material in teaching Russian to foreign students.

Keywords: image of nature, Russian poetry, Russian as a foreign language.

© Алексеева Н. Н., Ван Тунцзя, 2025

Образ русской природы занимает важное место в концептуальной системе русских поэтов, являясь неотъемлемой частью русской (российской) культуры. Иностранным студентам, изучающим русский язык, чтение стихотворений русских поэтов помогает лучше понять национальные особенности и мировоззрение русских людей. По замечанию Н. Кулибиной, «использование оригинальных текстов вводит учащихся в реальную жизнь языка, его действительное функционирование, требует от них творческого (а не механического) использования приобретённых знаний – как языковых, так и страноведческих» [1, с. 6].

Стихотворения В. Рождественского и Е. Евтушенко объединяет не только общая тема, но и время создания. Это период «оттепели» – время надежд, переосмысления национальной идентичности и поиска новых путей в литературе. Оба поэта обращаются к центральной для русской культуры теме – образу Родины, воплощённому в русской природе и труде на земле. Однако подходы поэтов, их стилистика различаются, отражая разные грани патриотического чувства и художественного мышления эпохи.

В стихотворении В. Рождественского «Русская природа» [2] выявляется глубокая, почти мистическая связь лирического героя с русской природой как воплощением души народа, источником его силы, стойкости и вдохновения. Лирический герой – человек, чувствующий себя неотъемлемой частью родной земли. Он испытывает сыновнюю любовь, благодарность, потребность в её поддержке: *«Ты у моей стояла колыбели», «Со мною, как сестра, ты говорила»*, черпает в ней силы в трудные времена. Герой устремлён и в прошлое, и будущее через призму природы: *«Гляжусь в твоё лицо – и всё былое, / Всё будущее вижу наяву»*.

Природа в этом стихотворении – активная участница жизни героя: *стояла, дарила, улыбалась, говорила, учила, зову*. Она уподобляется матери, сестре. Лирический герой выделяет её женское, созидательное начало – воплощение души народа.

Ключевыми являются образы, субъективно воспринимаемые героем: *колыбель, ласточки, солнце, дождь, берёзы, сосны, материнское сердце.* Они наполнены особой лиричностью и созерцательностью.

В стихотворении Е. Евтушенко «Благословенна русская земля» [3] на первый план выходит прославление русского труда на земле, его героический, почти сакральный характер. Земля благословенна благодаря труду пахаря, который преображает её и познаёт её величие через свой труд. Лирический герой данного стихотворения не индивидуальный, а обобщённый голос, восхищающийся тружеником. Ключевой фигурой является пахарь – человек действия: *«Пахал он ночью»*. Он воплощает труд, терпение и искреннюю любовь к земле и делу.

Природа в стихотворении Е. Евтушенко становится объектом воздействия пахаря: *«землю... ворочая», «шепчет пашне»*, она отзывается на прикосновение человека, откликаясь на его труд *бархатной чернотой, запахом, паром*.

Метафоры наполнены символикой труда: *«замасленною вытертые паклей», «степь неозарённая и немая», «землю сталью синею ворочая», «чёрнотою бархатной», «пьяно пахнет пахотой»*. Образы динамичные, конкретные, часто связанные с техникой: *трактор, лемех, сталь*.

Лирические герои двух стихотворений выражают глубокую любовь к Родине, но у Рождественского герой – воспринимающий, благодарный сын, ведомый природой-матерью. Его позиция – доверие, созерцание, рефлексия. Чувства – нежность, сыновняя преданность, умиротворение, вера в будущее. Если лирический герой Рождественского – созерцатель, ощущающий себя частью вечной природы, то герой Евтушенко – творец, преобразующий природу.

Рождественский использует традиционный лирический код (природа-мать, вечные образы), создавая атмосферу созерцательной гармонии: *«Ты ласточек дарила мне в апреле, / Сквозь дождик солнцем улыбалась мне», «неторопливым шелестом берёз», «словно сосны»,* а Е. Евтушенко включает элементы производственной эстетики и конкретики, создавая энергичный образ героического труда: *«руки её пахарей, / Замасленною вытертые паклей!», «трактор шёл, и попадали совы, / Серебряными делаясь, в лучи», «землю сталью синею ворочая».*

В период «оттепели» поэзия вновь обратилась к фундаментальным вечным ценностям: Родине, природе, народу, труду. Оба стихотворения – попытка заново осмыслить и воспеть эти основы национального бытия.

Анализ стихотворений позволил определить два полюса патриотического чувства этого времени: у Вс. Рождественского – укоренённость в традиции, созерцательное, лирико-философское восприятие России как природно-духовного целого, источника вечной силы. Это взгляд «изнутри» традиции, а у Е. Евтушенко – активный, созидательный пафос, характерный для молодого поколения «шестидесятников», с воспеванием современного героя-труженика, заряженного энергией обновления.

Сопоставление стихотворений показывает движение поэтов от более традиционной, камерной лирики (Рождественский) к поэзии, открытой для публицистичности, конкретики современной жизни и героизации труда (Евтушенко), что стало одной из доминант поэзии «оттепели».

Поиск новой национальной идентичности шёл и через углубление в корни (Рождественский), и через прославление современного созидания (Евтушенко).

Таким образом, стихотворения В. Рождественского и Е. Евтушенко, созданные в эпоху «оттепели», являются ярким примером возрождения темы Родины в русской поэзии. Их близость во времени свидетельствует об общем запросе эпохи на переосмысление национальных ценностей. Однако контрастность их подходов – созерцательно-лирического у Рождественского и публицистически-героического у Евтушенко – отражает внутреннюю многогранность и диалектику этого процесса: стремление одновременно опереться на вечные основы русскости и выразить энергию

обновления, веру в созидательную силу современного человека. Вместе они создают полную картину патриотического чувства и художественных исканий своего времени.

Лирическое видение родной природы – это уникальное качество русской поэзии. Иностранные студенты, знакомясь с творчеством русских поэтов, смогут ощутить дух российских просторов, лесов, полей, познать страну изнутри. Данный аспект является важным компонентом преподавания русского языка иностранной аудитории, а также элементом культурного обмена между народами, что способствует более глубокому пониманию основ русской культуры и её традиций со стороны инофонов.

Литература

1. Кулибина Н. В. Читаем стихи русских поэтов: пособие по обучению чтению художественной литературы. СПб.: «Златоуст», 2012. 96 с.

2. Рождественский В. А. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1970. 231 с.

3. Евтушенко Е. А. Стихи разных лет. М.: Молодая гвардия, 1959. 240 с.

УДК 821.161.1:811.511.142

А. Е. Белькова[1], Д. Д. Троско[2]
[1]Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск, Россия)
[2]Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск, Россия)

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЮГРЫ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. Д. АЙПИНА В КОНТЕКСТЕ УРОКОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

[1]SPIN-код: 2147-4905; [2]SPIN-код: 6280-2523

Аннотация. Предлагаемый комплекс методических заданий разработан с целью всестороннего изучения творчества выдающегося хантыйского писателя Еремея Даниловича Айпина и углублённого постижения языка и культуры народа ханты.

Ключевые слова: литература Югры, Еремей Данилович Айпин, духовно-нравственное воспитание, интеграция, хантыйский язык.

A. E. Belkova[1], D. D. Trosko[2]
[1]Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia)
[2]Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia)

THE ROLE OF UGRA FICTION IN THE SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF A PERSONALITY: AN ANALYSIS OF E.D. AYPIN'S WORKS IN THE CONTEXT OF KHANTY LANGUAGE LESSONS

Abstract. The proposed set of methodological tasks was developed with the aim of a comprehensive study of the work of the outstanding Khanty writer Eremey Danilovich Aipin and an in-depth understanding of the language and culture of the Khanty people.

Keywords: literature of Ugra, Eremey Danilovich Aipin, spiritual and moral education, integration, Khanty language.

Интеграция культурного наследия народов России в систему ценностей современного российского общества выступает ключевым фактором обеспечения устойчивости и прогрессивного развития государства.

«В настоящее время в российском образовании происходят значительные трансформации, в частности, к тезаурусу методической подготов-

© Белькова А. Е., Троско Д. Д., 2025

ки добавилось определение «этнокультурная составляющая», которая предполагает особую организацию учебно-воспитательного процесса в школе, направленную на получение этнокультуроведческих знаний; формирование умений анализировать, оценивать и интерпретировать явления родного языка и культуры; приобретение опыта общения в пространстве этнокультурного знания; овладение основными ценностями культуры определенного этноса» [1, с. 180].

Сохранение и популяризация традиционных ценностей способствуют формированию гражданской ответственности, патриотизма и уважения к историческому прошлому страны [2, с. 13].

Творчество югорских писателей играет исключительную роль в нравственно-патриотическом воспитании обучающихся на уроках родного (хантыйского) языка. Литературные произведения, созданные представителями коренного этноса, отражают уникальный мир традиций, обычаев и духовных ценностей народа ханты, способствуя формированию у подрастающего поколения глубокого понимания своей национальной идентичности.

В процессе анализа литературных текстов обучающиеся не только расширяют свой словарный запас и совершенствуют навыки владения родным языком, но и получают возможность задуматься над вечными нравственными категориями, такими как добро и зло, любовь и ненависть, справедливость и милосердие.

Включение творчества югорских писателей в образовательный процесс позволяет не только сохранить и передать языковое наследие этноса ханты, но и воспитать достойных граждан, любящих свою Родину, уважающих свою культуру и готовых внести свой вклад в её процветание. Использование современных образовательных технологий и интерактивных методов обучения способствует активизации познавательной деятельности обучающихся и повышению эффективности нравственно-патриотического воспитания. В частности, «филологические исследования регионального сверхтекста позволяют изучать языковые и художественные особенности локальной культуры, её исторические и социальные контексты, а также помогают раскрывать многие аспекты этнокультурного наследия региона» [3, с. 89].

Творчество Еремея Даниловича Айпина, выдающегося представителя хантыйской литературы, обладает значительным потенциалом в контексте нравственно-патриотического воспитания молодёжи [4]. Произведения писателя, характеризующиеся глубоким осмыслением традиционного уклада жизни, обычаев и духовных ценностей хантыйского этноса, выступают важным инструментом формирования национального самосознания и чувства гражданской ответственности за сохранение культурного наследия.

Применение анализа произведений Е. Д. Айпина в образовательном процессе даёт возможность расширения лингвистической компетенции обучающихся, в частности обогащения словарного запаса и совершенствования навыков владения хантыйским языком.

Внедрение произведений Е. Д. Айпина в дидактические материалы представляется перспективным направлением в области этнокультурного образования. Тексты писателя могут быть использованы при разработке учебных пособий, хрестоматий, методических рекомендаций и других образовательных ресурсов, направленных на приобщение молодёжи к культурным ценностям хантыйского народа.

Согласимся с утверждением, что «произведения Е. Айпина – это отражение жизни хантыйского народа, его этнических ценностей и глубокой связи с родной землей, малой Родиной. Его герои сталкиваются с моральными дилеммами, выбирая между личной выгодой и правильным поступком» [5, с. 72].

Интеграция произведений Е. Д. Айпина в образовательный процесс может осуществляться посредством различных форм и методов: чтения и анализа текстов, обсуждения ключевых тем и проблем, инсценировки отрывков, написания эссе и сочинений, создания мультимедийных презентаций и интерактивных игр. Важно, чтобы при этом учитывались возрастные особенности обучающихся, их интересы и потребности. Дидактические материалы должны быть адаптированы к конкретным учебным программам и соответствовать требованиям федеральных государственных образовательных стандартов.

«Простота слова и точность в определении обозначаемого им понятия является основным принципом авторского отношения к отбору художественно-изобразительных средств, которые могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин «Литература писателей Югры», «Методика преподавания родного языка и литературы» в высшей школе, а также на уроках литературы при изучении творчества югорского писателя Е. Д. Айпина в средних общеобразовательных школах с национально-региональным компонентом» [6, с. 500].

При разработке дидактического материала, основанного на творчестве Е. Д. Айпина, необходимо учитывать тематическое разнообразие его произведений. Рассказы и повести писателя затрагивают широкий круг вопросов, связанных с историей, бытом и духовной жизнью народа ханты. В частности, произведения Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья Матерь в кровавом снегу» и «В ожидании первого снега» глубоко раскрывают темы связи человека с природой, уважения к старшим и сохранения традиционных ценностей: «Ментальность в хантыйской традиции есть мировоззрение, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера. Ментальные архетипы этноса ханты проявляются в этнопсихологических особенностях (открытость, застенчивость, ведомость, честность, выносливость, бережливость, любовь к природе; «война» между этносом ханты и нефтяниками, ойлизм в жизни аборигенов, заповедная зона и нефтяной бизнес и пр.)» [7, с. 53].

«Методически грамотная интеграция этнокультурного содержания в лингвистическое и литературоведческое образование обладает

значительным педагогическим потенциалом, способствует не только эффективному усвоению языкового и литературного материала, но и обеспечивает комплексное духовно-нравственное развитие обучающихся, а также содействует сохранению и трансляции культурного наследия русского и хантыйского этносов» [8, с. 123].

Рассмотрим методические подходы и примеры упражнений, разработанные на основе художественных произведений Еремея Даниловича Айпина, в «конструировании которых особую роль играет подбор языковых средств выразительности и их использование» [6, с. 503].

Для выполнения заданий обучающимся необходимо выбрать одно из предложенных произведений писателя: «В ожидании первого снега» [9], «В тени старого кедра» [10], «Ханты, или Звезда Утренней Зари» [11], «Клятвопреступник. Избранное» [12], «У гаснущего очага» [13], «Божья Матерь в кровавых снегах» [14], «Река-в-Январе» [15], «В поисках Первоземли» [16]. После выбора произведения следует внимательно прочитать его, обращая особое внимание на фрагменты, описывающие окружающую среду, традиционный уклад жизни и духовные представления народа ханты и т. п.

I. Анализ лексики и этнографических реалий.

Первый блок заданий направлен на исследование лексического состава произведений Е. Д. Айпина с акцентом на терминологии, отражающей традиционный быт и сакральные представления народа ханты. Анализ ключевых слов и выражений позволит раскрыть мировоззрение и нравственные принципы, лежащие в основе культуры коренного населения. Особое внимание уделяется изучению элементов традиционного жилища, одежды, орудий труда, а также природных объектов, имеющих сакральное значение, что способствует формированию целостного представления о материальной и духовной культуре ханты.

1. *Изучение элементов традиционного быта и сакральных объектов.* Выберите одно из произведений Е. Д. Айпина. Проанализируйте текст: найдите и выпишите лексические единицы, обозначающие элементы традиционного быта народа ханты (*жилище, одежда, орудия труда*) и природные объекты, имеющие сакральное значение. Составьте систематизированный список с указанием роли и значения каждого объекта в культуре народа.

2. *Анализ ключевых слов и выражений.* Выявите в произведениях Е. Д. Айпина ключевые слова и выражения, связанные с природой, бытом и духовными ценностями коренных народов Югры. Проанализируйте их использование в контексте произведения, раскрывая мировоззрение и нравственные принципы народа ханты.

II. Анализ художественных средств и сопоставление ценностей

Во втором блоке заданий сделан акцент на анализе художественных средств, используемых писателем для создания ярких образов природы и персонажей. Исследование метафор, сравнений и эпитетов позволит оценить роль этих средств в углублении понимания культурных ценностей

народа ханты. Важным этапом является сопоставление традиционных ценностей, отражённых в произведениях Е. Д. Айпина, и современной реальности, что позволит выявить аспекты сохранения культурного наследия и трансформации под влиянием современных условий.

Завершающим этапом является изучение диалектной лексики и топонимов, встречающихся в произведениях писателя. Составление глоссария диалектных слов и выражений с объяснением их значения и подбором синонимов в литературном языке, а также раскрытие связи топонимов с историей и культурой Югры позволит углубить понимание лингвистических особенностей произведений Е. Д. Айпина и их значения для сохранения языкового наследия народа ханты.

1. *Анализ образных средств.* Исследуйте использование метафор, сравнений и эпитетов в описаниях природы и персонажей. Приведите примеры из текста, демонстрирующие роль этих средств в создании художественного образа и углублении понимания культурных ценностей.

2. *Сопоставление традиционных ценностей и современной реальности.* На основе анализа произведений Е. Д. Айпина и знаний о современной жизни народа ханты проведите сопоставление традиционных ценностей и их отражение в современной действительности. Определите, какие ценности сохраняются, а какие подверглись изменениям.

3. *Изучение диалектной лексики и топонимов.* Составьте глоссарий диалектных слов и выражений, используемых в произведениях Е. Д. Айпина, с объяснением их значения и подбором синонимов в литературном языке. Изучите топонимы, встречающиеся в произведениях, и раскройте их связь с историей и культурой Югры.

Таким образом, данный комплекс заданий призван способствовать формированию уважительного отношения к культуре и традициям коренных народов Севера и развитию навыков самостоятельной исследовательской деятельности. Комплексный подход, сочетающий языковое образование и этнокультурное просвещение, позволит сформировать у обучающихся глубокое понимание своей идентичности, уважение к истории и традициям своего народа и готовность к активному участию в сохранении и развитии хантыйской культуры.

Литература

1. Белькова А. Е. Реализация этнокультурной составляющей в содержании предмета «Родной (хантыйский) язык» через презентацию вербальных и невербальных артефактов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2023. Т. 17, № 4. С. 180–191.

2. Безбородова Ю. В., Белькова А. Е., Себелева А. В. Организация профессионального образования в Нижневартовском государственном университете через интерактивное погружение в языковую картину мира этноса ханты // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 2. С. 12–19.

3. Белькова А. Е. Региональный сверхтекст в интерпретации этнической картины мира // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сборник статей III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н. А. Дворяшиной, Сургут, 26–27 октября 2023 года. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет. 2024. С. 89–93.

4. Айпин Еремей Данилович // Литературная карта Югры. URL: https://map.ouipiir.ru/writers/eremey-danilovich aypin/bibliography/ (дата обращения: 03.07.2025).

5. Белькова А. Е., Ланге Ю. Р. Творчество Еремея Даниловича Айпина как средство нравственного воспитания // Язык и культура в глобальном мире: сборник статей. СПб.: ООО «Издательство «Лема». 2025. С. 72–78.

6. Белькова А. Е. Языковые средства выразительности в повести Е. Д. Айпина «У гаснущего очага» // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Нижневартовск, 20 февраля 2021 г.) / Отв. ред. Д. А. Погонышев. Нижневартовск: Изд-во НВГУ. 2021. С. 500–504.

7. Югорский текст как поликультурный феномен: коллективная монография / гл. ред. Д. В. Ларкович. Тюмень: ИПЦ «Экспресс». 2023. С. 53–60.

8. Белькова А. Е., Рымарева Е. Н. Интеграция этнокультурного компонента в языковое и литературное образование Югры // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1(110). С. 123–125.

9. Айпин Е. Д. В ожидании первого снега: повесть и рассказы / пер. с хантыйск. авт.; Еремей Айпин. М.: Современник, 1980. 206 с.

10. Айпин Е. Д. В тени старого кедра: рассказы на хантыйском и русском языках. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. 90 с.

11. Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: роман / предисл. С. Залыгина; худож. Г. Райшев. М.: Молодая гвардия, 1990. 334 с.

12. Айпин Е. Д. Клятвопреступник: избранное / послесл. и коммент. В. Огрызко. М.: Наш современник, 1995. 432 с.

13. Айпин Е. Д. У гаснущего очага: рассказы. М.: Советский писатель, 1989. 287 с.

14. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах: роман. СПб.: Амфора, 2010. 384 с.

15. Айпин Е. Д. Река-в-Январе: сб. рассказов / авт. вступ. ст. А.-В. Шаррен; худож. Г. С. Райшев. СПб.: Миралл, 2007. 208 с.

16. Айпин Е. Д. В поисках Первоземли: роман. М.: Советский писатель, 1993. 286 с.

УДК 378.016:81’243

И. А. Гребеник
Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ «TASK-BASED LEARNING» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА

SPIN-код: 3602-2561

Аннотация. В данной статье представлены результаты применения педагогической технологии «task-based learning» в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей вуза. На основе анализа автор пришёл к выводу, что технология представляет эффективный метод повышения уровня владения иностранным языком в вузовской среде, а преимуществом является то, что она позволяет участникам коммуникации сосредоточиться на реальном речевом общении, а не на анализе лексико-грамматических структур иностранного языка.

Ключевые слова: педагогические технологии, иноязычная коммуникативная компетенция, формирование специальных знаний и навыков, неязыковая специальность, высшее образование.

I. A. Grebenik
Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, Russia)

APPLICATION OF “TASK-BASED LEARNING” PEDAGOGICAL TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF A COMMUNICATIVE FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE FORMATION AMONG STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES OF THE UNIVERSITY

Abstract. The issue of an application of “task-based learning” pedagogical technology in the context of a communicative foreign language competence formation among students of non-linguistic specialties of the university has been studied and analyzed in the article. Based on the analysis, the author came to the conclusion that the technology is an effective method for improving the level of foreign language proficiency in the university environment and the advantage is that it allows participants in communication to focus on real speech communica-

© Гребеник И. А., 2025

tion, rather than on the analysis of the lexical and gramma-tical structures of a foreign language.

Keywords: pedagogical technologies, communicative foreign language competence, formation of special knowledge and skills, non-linguistic specialty, higher education.

В современной системе высшего образования знание иностранного языка (английского) является неотъемлемой профессиональной компетенцией, которая крайне необходима для эффективного выполнения специальных и профессиональных обязанностей. В настоящее время актуальность приобретает применение педагогической технологии «task-based learning» (обучение на основе заданий) в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей, так как формирование данной компетенции является приоритетной задачей современного образовательного процесса. Технология «обучение на основе заданий» основана на концепции коммуникативного метода обучения и опирается на ряд принципов, направленных на формирование у обучающихся навыков эффективного иноязычного речевого общения, а обучение рассматривается как процесс овладения иностранным языком как средством коммуникации. Таким образом, существует потребность в квалифицированных специалистах (инженерной направленности), способных осуществлять межъязыковую коммуникацию для решения практических задач в личной, деловой и профессиональной сферах в контексте международного сотрудничества [1, с. 35–37].

Целью данной статьи является представление результатов применения педагогической технологии «task-based learning» (обучение на основе заданий) в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей высших учебных заведений.

Исследованиям теоретико-практических особенностей применения педагогических образовательных технологий при обучении иностранным языкам в системе высшего образования посвящены научные работы многих современных педагогов, методистов и лингвистов: Н. Н. Безденежных, Е. Ю. Малышевой, Т. А. Поняевой, С. Е. Цветковой, С. В. Чернышова, А. Н. Шамова и др. Исследованиям теоретико-практических аспектов применения педагогической технологии «task-based learning» (обучение на основе заданий) при обучении иностранным языкам в системе высшего образования посвящены научные работы многих педагогов, методистов и лингвистов: М. В. Даричевой, Е. А. Николаевой, Е. Ю. Панченко, Л. М. Спыну, О. Н. Солуяновой и др.

Следует отметь, что применение педагогической технологии «task-based learning» (обучение на основе заданий) в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей является в значительной мере актуальным направлением иноязычного обучения в современной теории и практике преподавания

иностранных языков в высших учебных заведениях. Данная педагогическая технология, которая относится также к интерактивным методам обучения иностранным языкам, представляет собой эффективный и практичный подход к обучению. Так, «task-based learning» (обучение на основе заданий) в качестве интерактивной методики занимает важное место в современной практике преподавания иностранных языков для студентов неязыковых направлений подготовки (инженерной специализации). Представленная методика строится на взаимодействии студентов с преподавателем и образовательной средой, которая выступает источником усваиваемого иноязычного материала, а содержание учебного процесса является основой для формирования иноязычных знаний, умений и навыков обучающихся [2, с. 77].

Важно сказать, что педагогическая технология «task-based learning» (обучение на основе заданий) в качестве интерактивного метода оказывает существенное влияние на эффективность формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей. Это обусловлено тем, что интерактивный образовательный процесс предполагает организацию когнитивной и речемыслительной деятельности студентов с максимальной их вовлечённостью в изучение иностранного языка. При этом студенты получают возможность приобретать новые знания и обмениваться опытом иноязычного общения по заданным профессиональным темам. Соответственно, технология «task-based learning» (обучение на основе заданий) обладает значительным потенциалом для моделирования реальных коммуникативных ситуаций, что способствует эффективному формированию иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей (инженерных) [2, с. 78–79].

Необходимо подчеркнуть, что при обучении студентов неязыковых специальностей (в нашем случае – инженерных) иностранному языку (английскому) профессиональная направленность образовательного процесса играет первостепенную роль и является важным педагогическим условием. В рамках данной направленности определяются цели, задачи, план реализации, содержание и объём изучаемого материала. Обучение иностранному языку в таком контексте имеет чётко выраженную целевую установку и строится с учетом логики овладения конкретной специальностью. Профессионально направленное обучение иностранному языку (английскому) ориентировано на формирование иноязычной коммуникативной компетенции, которая позволит выпускникам вуза осуществлять иноязычное речевое взаимодействие (в устной и письменной формах) с зарубежными коллегами и специалистами. При этом формируемая компетенция также позволит выпускникам использовать иностранный язык в качестве эффективного инструмента в социальной, профессиональной, деловой сферах и будет способствовать установлению и укреплению научных, исследовательских, проектных и конструкторских связей в области своей профессиональной деятельности [3, с. 228–230].

Следует подчеркнуть, что, согласно современным исследованиям в области педагогики, лингвистики и методики преподавания иностранных языков, под педагогической технологией «task-based learning» понимается: «целевое обучение», «обучение, ориентированное на выполнение заданий», «обучение, основанное на заданиях» и «метод коммуникативных заданий». В данной статье педагогическая технология «task-based learning» будет определяться как «обучение на основе заданий», которое может быть эффективно использовано для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей высших учебных заведений. Педагогическая технология «task-based learning» реализуется на основе системы принципов, направленных на достижение максимальной эффективности обучения. К таким принципам относятся:

1) оригинальность заданий (предлагаемые задания должны быть максимально приближены к реальным профессиональным ситуациям, что способствует развитию коммуникативных навыков в практическом контексте);

2) приоритетная цель (решение конкретной коммуникативной задачи, для выполнения которой обучающиеся используют уже имеющиеся языковые знания);

3) последовательность выполнения задания (понимание процесса выполнения задания и достигнутых результатов, что способствует рефлексии и самооценке);

4) использование нетворкинга (социальные сети и онлайн-платформы предоставляют ценные возможности для практики устной и письменной речи) [4, с. 146–147].

Педагогическая технология «task-based learning» отличается от традиционной образовательной модели усвоения иностранного языка. Вместо последовательного изучения лексико-грамматических правил и последующего их применения в упражнениях данная технология предлагает первоначально поставить перед студентами конкретную задачу, а затем предоставить им необходимую лексику и грамматические конструкции для её успешного выполнения [4, с. 148]. Так, в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей вуза педагогическая технология «task-based learning» позволяет преподавателю спроектировать проблемно-ориентированное аудиторное практическое занятие, которое будет сфокусировано на решении определённой профессиональной проблематики. Практическое занятие, построенное на основе данной технологии, включает в себя несколько этапов реализации: первый этап предполагает необходимость повышения мотивации обучающихся посредством медиаматериалов и постановки цели занятия, а также вводится непосредственно сама проблематика занятия; на втором этапе проблема детально обсуждается, студенты ищут пути её решения, анализируются методы и средства, распределяются обязанности и задания с указанием конечного результата; обучающиеся анализируют эффективность

гипотезы и степень решения проблемы, осуществляя рефлексию; на третьем этапе приобретённые знания и умения переносятся на новые ситуации; происходит интенсивное практическое применение как на основе рабочих конспектов, так и в ходе ролевых или деловых игр, а в диалоге преподаватель и обучающиеся совместно ищут оптимальное решение для поставленной проблемы [4, с. 149–150].

Отметим, что педагогическая технология «task-based learning» (обучение на основе заданий) ставит своей основной целью развитие коммуникативных навыков на изучаемом иностранном языке посредством интерактивного взаимодействия. В рамках данной технологии в образовательный процесс интегрируются специальные текстовые материалы, позволяющие обучающимся сосредоточиться на освоении знаний лексико-грамматической составляющей иностранного языка и совершенствовании навыков общения. При этом технология также рассматривает личный опыт каждого студента как неотъемлемую часть процесса обучения. Центральным элементом данной педагогической технологии является само задание, а не отдельные грамматические или лексические единицы. Целью обучения является не изучение структуры языка: иностранный язык становится инструментом коммуникации, который и служит достижению поставленной цели. Обучение происходит в процессе общения и взаимодействия. Изучаемый язык усваивается не как набор правил, а в «социолингвистическом контексте», то есть соотносится с конкретной ситуацией общения, в которой типичным образом используются лексические и грамматические конструкции [5, с. 84–86].

Необходимо отметить, что одним из главных достоинств педагогической технологии «task-based learning» является повышение академической активности обучающихся, так как данная технология ориентирована на когнитивно-коммуникативную деятельность студента. Посредством данной технологии преподаватель ставит перед студентами определённые цели и задачи, которые способствуют личностно-деятельностному взаимодействию с иностранным языком. В ходе выполнения каждого задания и упражнения студент приобретает личный языковой опыт, знания и навыки использования иностранного языка в реальной ситуации общения. Преподаватель играет важную роль для обучающихся, так как помогает осознать выполняемую деятельность, при этом осмысленное выполнение заданий является ключевым фактором успеха данной технологии. Преподаватель должен способствовать пониманию студентами сходств и различий изучаемых языковых явлений, корректировать и дополнять их знания и представления об иностранном языке [6, с. 127–130].

На основании проведённого нами анализа научно-исследовательской, педагогической и методической литературы мы пришли к выводу, что применение педагогической технологии «task-based learning» в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей является необходимым и оправданным условием

обучения в высшем учебном заведении. Технология представляет эффективный метод повышения уровня владения иностранным языком в вузовской среде. Содержание рассмотренной в данной статье технологии заключается в выполнении значимых коммуникативных задач в условиях, приближенных к реальной профессиональной деятельности. В процессе решения поставленных задач студенты овладевают иноязычной коммуникативной компетенцией, используя иностранный язык для достижения коммуникативных целей. Преимуществом технологии «task-based learning» является то, что она позволяет участникам коммуникации сосредоточиться на реальном речевом общении, а не на анализе лексико-грамматических структур иностранного языка.

Литература

1. Гребеник И. А. Реализация потенциала традиционных методов обучения иностранному языку в условиях формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей высших учебных заведений // Современное инженерное образование: вызовы и перспективы: Материалы IV национальной научно-практической конференции, Магнитогорск, 05-06 февраля 2025 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2025. С. 35–39.

2. Гребеник И. А. Интерактивные методы обучения в контексте реализации иноязычной коммуникативной компетенции у студентов инженерных направлений подготовки // Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии: Материалы VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции, Горловка, 08 декабря 2023 года. Горловка: Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова, 2024. С. 77–79.

3. Гребеник И. А. Педагогические условия формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей на основе профессионально ориентированных текстов // Актуальные проблемы филологии. 2023. № 27. С. 227–234.

4. Спыну Л. М. Целевое обучение (Task-Based Learning) иностранным языкам как инновационная стратегия // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 4 А. С. 146–151.

5. Даричева М. В., Кочеткова Н. Н., Солуянова О. Н. Использование технологии Task-based learning при обучении говорению на занятиях английского языка // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-3. С. 84–87.

6. Николаева Е. А., Панченко Е. Ю. TBL – метод коммуникативных заданий в процессе изучения иностранных языков в неязыковом вузе // Обучение и воспитание: методики и практика. 2016. № 26. С. 126–131.

УДК 372.881.1

А. Ю. Пыхтина
Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)

ЦИФРОВОЙ ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ НОВОГО ТИПА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

SPIN-код: 4910-5164

Аннотация. Статья посвящена вопросам создания и применения в современной педагогической практике цифрового переводного топонимического словаря нового типа. Рассматриваются характеристики и содержание данного словаря, анализируются возможности его использования в процессе обучения.

Ключевые слова: цифровой переводной топонимический словарь нового типа; топоним; цифровые технологии; вторичная языковая личность.

A. Yu. Pykhtina
Moscow City University (Moscow, Russia)

A NEW TYPE OF DIGITAL TOPONYMIC DICTIONARY AS A TOOL FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Abstract. The article is devoted to the creation and application of a new type of digital translational toponymic dictionary in modern pedagogical practice. The characteristics and content of this dictionary are considered, the possibilities of its use in the process of teaching foreign languages are analyzed.

Keywords: digital translational toponymic dictionary of a new type; toponym; digital technologies; secondary linguistic identity.

Сегодня, в современных реалиях, когда цифровизационная трансформация и многочисленные средства медиакоммуникации во многом объединили мировое сообщество, изучение иностранного языка неразрывно связано с постижением картины мира его носителей и культуры говорящей на нём страны. Более того, с уверенностью можно предположить, что одной из важнейших задач обучения иностранному языку является формирование вторичной языковой личности в сознании учащегося, что, по всей видимости, не представляется возможным без усвоения им обширного пласта лек-

© Пыхтина А. Ю., 2025

сических единиц, принадлежащих к области топонимики, и прежде всего таким входящим в неё разделам, как ойконимика, хоронимика, урбонимика, оронимика, гидронимика, историческая топонимика.

Изучение и запоминание топонимов представляется одной из непростых задач для учащегося, и это связано со многими факторами: во-первых, топонимы могут представлять определённую трудность вследствие несоответствия их структуры и звукового облика грамматическим, орфографическим, фонетическим правилам изучаемого языка; во-вторых, зачастую студент не знаком с этимологией данной лексической единицы, историей её возникновения и развития, что может превратить географическое название в сознании учащегося в случайный, а следовательно, трудно поддающийся запоминанию набор звуков и букв. К тому же некоторые наименования географических объектов могут испытывать влияние геополитических, экономических, социокультурных и других факторов и протекающих в мировом сообществе изменений, что также усложняет задачу их усвоения: «географические названия составляют значительную часть словарного состава языка, причём такую, которая постоянно расширяется, пополняется, изменяется» [1, с. 5].

Не менее существенным препятствием может стать банальная нехватка у студента знаний в области истории, географии, этнографии, отсутствие представлений о развитии науки и культуры в регионе или стране изучаемого языка; между тем именно подобные знания и представления играют роль своеобразного контекста, в котором «живёт» данная лексическая единица, ведь практически каждый топоним представляет собой некий сжатый до одного элемента (слова или словосочетания) текст, в котором заключена порой обширная историко-культурная информация.

По всей видимости, одним из наиболее эффективных инструментов, способствующих формированию вторичной языковой личности учащегося, является дву- или многоязычный словарь географических терминов (или переводной топонимический словарь).

На сегодняшний день существует ограниченное количество подобных словарей, большая их часть представлена в бумажном варианте, некоторые можно найти в оцифрованном виде на ресурсах всемирной сети [2, 3, 4, 5, 6]. Однако, на наш взгляд, эффективная работа как преподавателя, так и студента, целью которой является получение учащимся глубоких знаний в области иностранного языка и постижение всего многообразия культуры говорящего на нём народа, предполагает использование в процессе аудиторной и самостоятельной работы цифрового переводного топонимического словаря нового типа. Предложенный формат учебного словаря не случаен, так как «в сравнении с применявшимися ранее аналоговыми системами, цифровые имеют ряд существенных преимуществ, среди которых возможность хранения и обработки поистине огромных массивов данных, быстрый доступ к нужной информации из практически любой точки земного

шара, высокая точность воспроизведения и отсутствие помех, удобство и относительная простота в обработке цифровых данных и т. д.» [7, с. 87].

Словарная статья цифрового переводного топонимического словаря нового типа, помимо таких традиционно присутствующих в ней сведений, как перевод, транскрипция, возможное краткое пояснение, может включать ряд информационных блоков, при этом сама словарная статья не будет перегружена: обучающийся сможет самостоятельно определять объём дополнительного материала в соответствии со своими интересами, научными запросами, желательной степенью погружения в тему, так как благодаря возможностям цифровых технологий в тексте словарной статьи могут быть представлены ссылки на дополнительные источники сведений о топониме, перейдя по которым учащийся сможет расширить свои знания о данном географическом объекте, таким образом, «благодаря разнообразию представленного в уроке контента каждый участник образовательного процесса вне зависимости от его ментального и психического своеобразия сможет найти для себя что-то увлекательное или даже захватывающее, что, в свою очередь, будет способствовать лучшему усвоению учебного материала» [8, с. 292].

По нашему мнению, словарная статья, наряду с традиционными переводом, транскрипцией и возможной краткой исторической и / или географической справкой, может включать такие элементы, как:

1. Звуковая иллюстрация географического названия, содержащая различные свойственные тому или иному региону варианты произношения слова с обязательными пояснениями и транскрипцией.

2. Характеристика грамматической структуры топонима, анализ входящих в него словообразовательных элементов.

3. Этимология топонима (если она известна на данный момент развития языкознания и топонимики).

4. Примеры использования топонима в литературных произведениях разных эпох и современной речевой практике на изучаемом языке.

5. Аутентичные аудио- и видеоматериалы, посвящённые данному географическому объекту, его современному состоянию, истории его возникновения, связанным с ним значимым событиям истории и современности.

6. Посвящённые данному объекту произведения искусства (живопись, скульптура, созданные на изучаемом языке литературные памятники и т. д.), при их наличии.

Следует отметить, что выбор размещённых в словаре дополнительных материалов (точнее, ссылок на них в словарной статье) является серьёзной и многокомпонентной задачей для его авторов.

Применение в процессе обучения иностранным языкам электронного словаря географических названий способно содействовать решению многих стоящих перед студентом и преподавателем задач. Прежде всего, это, безусловно, увеличение объёма знаний в области иностранного языка, расширение словарного запаса учащихся, знакомство с новыми лексическими

единицами и их усвоение. Однако, благодаря тому что каждая лексическая единица озвучена и учащийся имеет возможность прослушать новое для него слово неограниченное количество раз, в разном темпе, с уверенностью можно отметить, что звуковой образ той или иной лексической единицы будет лучше усвоен учащимся и надёжнее сохранится в его памяти; кроме того, в отличие от бумажного словаря или его электронного аналога, электронный словарь нового типа позволяет студенту уделить внимание фонетическим правилам и особенностям изучаемого языка и, следовательно, поработать над улучшением собственного произношения.

В электронном переводном топонимическом словаре нового типа могут быть представлены и региональные различия в произношении слова, сопровождаемые соответствующими пометами, объяснением и транскрибированием. Таким образом, студент, столкнувшись с кажущейся неправильностью фонетического образа слова в аудио- и видеоресурсах интернета или в живом общении с носителем языка, в большинстве случаев будет понимать наличие тех или иных особенностей регионального произношения.

И, вероятно, одним из важнейших результатов использования подобного словаря в процессе изучения иностранного языка может стать повышение интереса студента к предмету и, следовательно, мотивации к активной и продуктивной работе в аудитории и самостоятельно.

Ещё одним преимуществом цифрового топонимического словаря можно назвать возможность для его авторов вносить в него добавления, обновлять словарные статьи; топонимика – исторически развивающая наука, и во многом благодаря возможности включения неограниченного количества дополнительных материалов подобный цифровой словарь с течением временем не утратит свою актуальность.

В заключение следует отметить, что издание и применение в педагогической практике цифрового переводного топонимического словаря нового типа способно внести существенный вклад в развитие современной лингводидактики; несмотря на трудоёмкость и многоплановость задачи его создания и внедрения в учебный процесс, результаты этой работы, по всей видимости, будут способны оказать значительное влияние на эффективность методов и методик преподавания иностранных языков.

Литература

1. Горская М. В. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. М.: Рус. яз., 1994. 272 с.

2. Франция. Лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Л. Г. Ведениной. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 976 с.

3. Американа. Англо-русский страноведческий словарь. Смоленск: «ПОЛИГРАММА», 1996. 1185 с.

4. Гарагуля С. И. Лингвокультурологический словарь географических названий Великобритании и США: словарь. М.: ИНФРА-М, 2019. 257 с.

5. Томахин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 2001. 576 с.

6. Жданова И. Ф. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2008. 1169 с.

7. Пыхтина А. Ю. Критерии отбора аутентичных цифровых ресурсов в современной лингводидактике // Педагогика и лингвистика в контексте развития современного языкового образования: Сборник научных тезисов и статей по материалам Региональной научно-практической очно-заочной конференции. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. С. 87–91.

8. Пыхтина А. Ю. Веб-сайт как новый формат учебника иностранного языка для вузов // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Издательство ПАРАДИГМА, 2024. С. 288–293.

9. Changes in the use of the Moodle platform by students at different levels of training depending on the period of restrictions due to Covid-19 / M. Borodina, T. A. Ivashkina, T. Golubeva [et al.] // Revista Conrado. 2022. Vol. 18, No. 88. P. 125–132.

10. The effectiveness of using virtual laboratory workshops in online education of students studying the discipline «inorganic chemistry» / M. G. Rayisyan, M. A. Borodina, O. I. Denisova [et al.] // Periodico Tche Quimica. 2020. Vol. 17, No. 36. P. 934–948.

УДК 81-13

В. В. Решетникова
Российский университет транспорта (Москва, Россия)

ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ

SPIN-код: 9190-6331

Аннотация. В статье рассматривается технология обучения русскому языку как иностранному, составляющими которой являются оптимальные условия, подходы, принципы, методы, приёмы и средства организации этого процесса.

Ключевые слова: методы, приёмы, подходы, принципы, технология.

V. V. Reshetnikova
Russian University of Transport (Moscow, Russia)

TECHNOLOGY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A RUSSIAN UNIVERSITY

Abstract. The article examines the technology of teaching Russian as a foreign language, the components of which are optimal conditions, approaches, principles, methods, techniques and means of organizing this process.

Keywords: methods, techniques, approaches, principles, technology.

Процесс обучения русскому языку как иностранному требует применения современных подходов, методов, приёмов и средств, что в совокупности являются составляющими определённой технологии. Именно технология обучения является своеобразной траекторией движения в овладении языком студентами иностранцами. Поэтому возникает необходимость обратить должное внимание на эту составляющую методики обучения русскому языку как иностранному.

Составляющими технологии обучения русскому языку как иностранному являются оптимальные условия, подходы, принципы, методы, приёмы и средства организации этого процесса [1, с. 18].

Если говорить об оптимальных условиях обучения студентов-иностранцев, то мы можем утверждать, что студент открыт для восприятия информации и обучения в целом только при наличии:

© Решетникова В. В., 2025

– высокой корпоративной культуры всех участников образовательного процесса;

– компетентности преподавателей;

– благоприятного психологического климата;

– эффективных образовательных программ и т. д.

Студенту-иностранцу достаточно сложно адаптироваться в другой стране, поэтому именно университет должен стать своеобразным мостиком между ним и социумом и создать условия не только для эффективного обучения, но и для социализации.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть основные подходы к обучению русскому языку студентов-иностранцев.

Методика обучения в вузе оперирует значительным количеством подходов. В этой статье мы сосредоточим внимание только на тех, которые, по нашему убеждению, являются основополагающими в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Этот процесс строится на основе комплекса компетентностного, коммуникативно-деятельностного, личностно ориентированного, культурологического, практико-ориентированного и мультимедийного подходов с соответствующими каждому подходу принципами обучения.

Компетентностный подход является ключевым в процессе обучения русскому языку как иностранному, так как он объединяет жизненные и профессиональные потребности с образовательными целями и направлен на формирование и развитие необходимых компетентностей будущего специалиста, в том числе коммуникативной.

Указанную компетентность иностранного студента составляют умения, навыки и способности общаться, соблюдая нормы и традиции изучаемого языка, в устной и письменной формах для овладения образовательной программой определённого направления или специальности.

Обучать языку на компетентностной основе можно учитывая соответствующие данному подходу принципы, в частности:

– гуманизации образовательного процесса;

– междисциплинарности и интегративности;

– единства содержательно-технологического обеспечения образовательного процесса;

– профессионального направления учебных материалов;

– дифференцирования (учёт индивидуальных образовательных потребностей);

– диагностирования (разноуровневый подход к оценке результатов) и т. д.

При условии компетентностно направленного обучения студенты не просто усваивают знания, у них формируются такие способности, как:

– способность использовать русский язык для образовательных и жизненных целей;

– способность свободно общаться и безболезненно адаптироваться в российском социуме;

– культурологическая способность;

– способность к саморазвитию и т. д.

Для иностранного студента эти способности и знания крайне необходимы и сверхважны, особенно в первые годы пребывания в России.

Учитывая, что изучение русского языка для студентов из других стран является необходимым условием обучения вообще, то закономерно внедрение в образовательный процесс коммуникативно-деятельностного подхода, при котором внимание сосредоточивается именно на речевой деятельности личности. Этот подход способствует погружению иностранного студента в заранее смоделированные ситуации с учётом его индивидуальных, психологических, национально-культурных и религиозных потребностей. Такие ситуации ориентированы на развитие у студентов-иностранцев умений правильно говорить, воспринимать и понимать информацию, читать, высказывать свои мысли письменно и переводить в условиях реальной коммуникации.

Применение коммуникативно-деятельностного подхода к обучению русскому языку как иностранному обеспечивает реализацию следующих принципов:

– преемственности и перспективности;

– системности и последовательности;

– связи теории с практикой;

– целостности обучения языку и коммуникации;

– интегрированного обучения всем видам речевой деятельности;

– познавательно-практического и др.

Научить русскому языку иностранных студентов нельзя без учёта личностно ориентированного подхода. У каждого студента должна быть индивидуальная образовательная траектория. Здесь немаловажную роль играет личность преподавателя, его профессиональная компетентность, умение создавать благоприятную атмосферу в аудитории и находить индивидуальный подход к каждому соискателю образования [2, с. 56].

Личностно ориентированное обучение предполагает развитие и саморазвитие студента-иностранца, формирование его иноязычной коммуникативной и профессиональной компетенций.

Основными принципами личностно ориентированной образовательной траектории являются принципы:

– гармонизации и гуманизации образовательного процесса;

– индивидуализации обучения и личностного целеполагания;

– производительности обучения;

– образовательной рефлексии и т. д.

Любой язык, в частности русский, является национально-культурным источником, поэтому его изучение иностранными гражданами должно

базироваться на знаниях фактов культуры, то есть должен обеспечиваться культурологический подход к преподаванию языка как неродного. Знакомясь с культурным достоянием России (историей, обычаями, традициями, искусством, архитектурой), студенты познают картину мира её граждан, учатся проявлять уважение по отношению к представителям других национальностей, что является важной частью успешного общения в России.

В основе этого подхода лежит ряд принципов, дополняющих и обогащающих процесс обучения русскому языку как иностранному: принцип культуросоответствия (взаимосвязанного обучения языку и культуре); учёта родного языка и культуры; контекстной обусловленности и подлинности учебного материала.

Образовательный процесс, в том числе обучение русскому языку студентов-иностранцев, должен осуществляться на основе практико-ориентированного подхода, поскольку именно он сосредоточен на формировании практических умений и навыков. В нашем случае студенты не только получают знания по иностранному (русскому) языку, но и погружаются в реальные жизненные ситуации, решают важные задачи и проблемы и сразу же применяют свои коммуникативные умения при овладении профессиональными компетенциями.

К основным принципам практико-ориентированного обучения относятся: принцип гибкости и динамичности, отображаемый в образовательных программах; принцип целостности образовательного процесса, проявляющийся в учебном, рефлексивном и практическом измерении; принцип мотивационного обучения; принцип активности; принцип доминирующей роли упражнений и задач [3, с. 114].

Безусловно, интенсивное формирование иноязычной коммуникативной компетентности невозможно без использования современных средств обучения. Инновационные средства обучения не перегружают образовательный процесс, а улучшают его качество и делают интересным для современной молодежи.

Обучение на мультимедийной основе предполагает учёт принципов пространственной и временной связи; управляемой деятельности; согласованности действий.

Предложенные выше подходы к обучению русскому языку как иностранному и принципы их реализации имеют приоритетное значение. Однако они не могут функционировать по отдельности: только в единстве их применения можно добиться высоких показателей в изучении языка.

Литература

1. Капитонова Т. И., Московкин Л. В., Щукин А. Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык. Курсы, 2014. 312 с.

2. Елисеева Т. Ю. Структура профессиональной деятельности преподавателя (при обучении русскому языку иностранных учащихся высшей школы): Учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1988. 101 с.

3. Иванченко А. И. Практическая методика обучения иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2016. 256 с.

УДК 81

Т. А. Сироткина
Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут, Россия)

ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ

SPIN-код: 7901-7167

Аннотация. В статье рассматриваются возможности создания и использования учебных пособий лингвокраеведческого и лингвострановедческого характера при обучении русскому языку как неродному.

Ключевые слова: учебное пособие; русский язык как неродной; языковая адаптация; социокультурная адаптация.

T. A. Sirotkina
Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia)

LOCAL STUDIES AND LINGUISTIC COUNTRY STUDIES IN THE TEACHING GUIDES ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article examines the possibilities of creating and using teaching aids of a local history and linguistic-cultural nature when teaching Russian as a foreign language.

Keywords: textbook; Russian as a foreign language; language adaptation; sociocultural adaptation.

Многочисленные методические исследования последних десятилетий позволяют говорить о том, что обучение русскому языку как неродному так же, как и обучение русскому языку как иностранному, должно ставить своей целью не только развитие речевых навыков обучающихся, но и адаптацию их в российском и региональном культурном пространстве.

В прошлые годы мы разработали несколько пособий на региональном, югорском, материале, отвечающих этим требованиям. В этом году мы включили региональный краеведческий материал в учебные пособия «Даша путешествует по Югре» [1] и «Даша путешествует по России» [2]. Данные пособия представляют собой книги для чтения с заданиями для обучающихся, владеющих русским языком на уровне В1.

Пособия призваны помочь учителям-филологам, работающим с деть-

© Сироткина Т. А., 2025

ми-инофонами, создать комплекс методических материалов для занятий по русскому языку как неродному, который будет способствовать социокультурной адаптации обучающихся и формированию коммуникативной компетенции в сфере межкультурного общения.

При выполнении предложенных в книге заданий отрабатываются навыки говорения, слушания, письма и чтения, необходимые для формирования языковой компетенции школьников. Изучение русского языка как неродного – сложная, но очень актуальная задача для обучающихся, приехавших в Россию с нулевым или почти нулевым уровнем владения языком. На первых этапах ими приобретаются основные речевые навыки, осваиваются темы, необходимые для повседневного бытового общения. Однако начиная с уровня В1 актуальными, на наш взгляд, становятся страноведческие, краеведческие темы, благодаря которым происходит социокультурная адаптация школьников, погружение их в определённую культурную среду.

Уже на вводном занятии обучающиеся отрабатывают такую важную грамматическую тему, как образование названий жителей разных регионов. Для этого они читают ознакомительный текст «Кто такая Даша», в котором представлено несколько катойконимов (названий жителей): *«Даше 12 лет. Она живет в Сургуте. И мама у Даши живет в Сургуте. Всех жителей Сургута называют «сургутяне». Даша и её мама – сургутянки. Остальные родственники Даши живут в других городах. Брат Дима и тётя Лена живут в Перми. Они – пермяки. Дашину маму тоже можно назвать пермячкой, потому что она родилась и выросла в Перми»*.

Одним из способов развития навыков аудирования, предлагаемых в пособиях, является просмотр коротких видео. Так, например, посмотрев видеоматериал о памятниках Белоярского, школьники отвечают на вопросы:

– В каком году Белоярский основан как посёлок?

– В каком году Белоярскому присвоен статус города?

– Какие два памятника расположены на центральной площади города?

– Какие животные запечатлены в местных памятниках?

– В каком селе проходит олимпиада оленеводов?

– Скульптуры каких мультперсонажей и киноперсонажей можно встретить на улицах города?

Хорошей базой для развития стилистических навыков являются картины местных художников. Так, например, при изучении темы «Когалым» обучающиеся рассматривают картину Айрата Гайнанова «Когалымские дожди» (1993) и подбирают эпитеты для описания изображённой на ней погоды.

Умение производить все виды лингвистического разбора школьники также отрабатывают на региональных текстах. Например, при изучении

темы «Лангепас» они читают репортаж об открытии в этнодеревне «Лангепасолъ» священной рощи и выполняют следующие задания:

– сделайте фонетический разбор слова *лабаз*, установите его значение;

– разберите по составу слово *воссоздать*;

– произведите морфологический анализ слова *три*;

– сделайте синтаксический разбор третьего предложения.

Неотъемлемой составляющей изучения текстов, посвящённых разным городам России, является работа с лексикой. Так, например, прочитав отрывок из рассказа Бориса Шергина «Детство в Архангельске», школьники с помощью учителя пытаются объяснить значение таких слов, как *подле, наблюдники, тетера, ляпнуться, флюгер*.

Важным речевым навыком, который отрабатывают обучающиеся, является пересказ текста. Они читают, например, легенду, связанную со зданием Горной аптеки в Барнауле, и пытаются пересказать её содержание своими словами.

Знание русской графической системы проверяется учителем при выполнении школьниками следующего задания: *«Зная, что каждая из букв алфавита имеет свой порядковый номер, расшифруйте зашифрованные слова: 1) 3, 16, 13, 4, 16, 4, 18, 1, 5; 2) 19, 20, 1, 13, 10, 15, 4, 18, 1, 5; 3) 24, 1, 18, 10, 24, 29, 15»*.

Полезны для развития культуроведческой компетенции обучающихся, на наш взгляд, и отсылки к текстам русской классической литературы, например: *«Опишите памятник учёному коту, расположенный на набережной Геленджика. Вспомните, героем какого произведения является этот кот. Найдите и выразительно прочитайте строки из этого произведения, посвящённые ему»*.

Знание частей речи, умение производить синтаксические разбор предложения также отрабатывается с помощью текстов региональной тематики, например: *«Прочитайте рецепт приготовления «Котлет по-донбасски». Выполните задания: 1) найдите в тексте глаголы, обозначающие действия по приготовлению пищи; 2) найдите в предложениях однородные сказуемые»; «Прочитайте рецепт приготовления уральских пельменей. Выполните задания: 1) найдите в тексте причастные обороты; 2) в названиях каких ещё блюд вы встречали прилагательные, обозначающие их региональную принадлежность?»*

Отработка орфографических умений является особенно важным этапом изучения русского языка как неродного. На эту работу нацелены такие упражнения, как: *«Прочитайте текст о горе Железной. Вставьте пропущенные буквы»*.

Умение оценить выбранные авторами текста стилистические средства помогает выделение в стихотворениях (например, в стихотворении Натальи Мартишиной «Звенигород») эпитетов, сравнений, олицетворений.

Навыки говорения помогают развивать задания, связанные с представлением найденного материала в классе: *«Прочитайте текст об иркутской кухне и блюде «сагудай». Найдите в интернете описание других блюд бурятской кухни: «позы, саламат, боовы». Расскажите о них своим одноклассникам»; «Прочитайте текст. Найдите в интернете информацию об одном из петергофских фонтанов, расскажите о нём своим одноклассникам»*.

Для современных детей, хорошо ориентирующихся в картах и навигаторах, будет интересным, на наш взгляд, следующее задание: *«Найдите в интернете список достопримечательностей Читы и составьте маршрут прогулки по городу»*.

Стандартным заданием в рамках школьной программы по русскому языку является сочинение-описание по картине. Представлены подобные задания и в созданных нами пособиях: *«Рассмотрите картину «Июнь на Тезе». Напишите по ней сочинение-описание»*.

Навык анализа невербальных городских текстов приобретают дети при выполнении таких заданий, как *«Рассмотрите фотографии скульптурных композиций «Время» и «Человек-часы». Как вы думаете: что общего в символике этих произведений?»*

Таким образом, предлагаемые учебные пособия призваны служить не только средством развития лингвистической компетенции обучающихся-инофонов, но и средством их социокультурной адаптации в новом для них российском и региональном пространстве.

Литература

1. Сироткина Т. А. Даша путешествует по Югре. Учебное пособие по русскому языку как неродному. Сургут, 2025. 49 с.

2. Сироткина Т. А. Даша путешествует по России. Учебное пособие по русскому языку как неродному. Сургут, 2025. 51 с.

УДК 372.881.161.1

С. Н. Терских
МБОУ «Опытненская СОШ» (Республика Хакасия, Россия)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КАНАЛ НА ПЛАТФОРМЕ «СФЕРУМ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДГОТОВКИ К ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматривается опыт создания образовательного канала на платформе «Сферум» в качестве подготовки обучающихся к ЕГЭ по русскому языку. Также в статье дается краткая характеристика современного образовательного процесса в рамках развития дистанционных технологий.

Ключевые слова: русский язык, ЕГЭ, ИКОП «Сферум», дистанционное обучение, образовательный канал.

S. N. Terskikh
MBOU "Opytnenskaya secondary school" (Republic of Khakassia, Russia)

EDUCATIONAL CHANNEL ON THE PLATFORM “SFERUM” AS A TOOL FOR PREPARING FOR THE UNIFIED STATE EXAM IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article examines the experience of creating an educational channel on the "Sferum" platform to prepare students for the USE in Russian. The article also provides a brief description of the modern educational process within the framework of the development of distance technologies.

Keywords: Russian language, Unified State Exam, information and communication educational platform "Sferum", distance learning, educational channel.

Реалии современного образования таковы, что дистанционные технологии являются неотъемлемой частью процесса обучения, и это не самостоятельное освоение обучающимися программы обучения, а обучение с сохранением ключевых субъектов образования: педагога и школьника. Обратимся к ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В нём дистанционные образовательные технологии понимаются как «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника» [1]. Можно сказать, что дистанционное обучение – это не самостоятельное освоение учащимися образовательной программы, а освоение программ в условиях постоянного взаимодействия учащегося и педагога.

© Терских С. Н., 2025

Образовательный канал, нацеленный на подготовку обучающихся массовой школы к ГИА по русскому языку, как раз соответствует задачам не только дать знания предметной направленности, но и развить навыки анализа текста, сформировать коммуникативную и цифровую грамотность обучающихся. В нашем случае – это канал на ИКОП (информационно-коммуникационной образовательной платформе) «Сферум» для подготовки к ЕГЭ по русскому языку. Каждого участника можно безопасно пригласить по ссылке для участия в канале. При возникновении технических вопросов существует единый чат-бот поддержки. В канале можно разместить основные документы для подготовки и проведения экзаменов (демоверсии ЕГЭ, итогового сочинения), рабочие листы, домашние задания в файлах, воспользовавшись приложением для их сбора.

Отметим тот факт, что у педагога существует ряд особых привилегий: визуальное отличие – академическая шапочка, возможность удаления участников из чата, поощрение отличившихся ребят стикерами, запрос на прочтение сообщений, регулирование списка тех школьников, которые могут писать в чате. Для обучения педагогов на платформе регулярно проводятся обучающие курсы, по результатам которых выдаётся сертификат. Неограниченное количество подписчиков канала, возможность оперативно передавать информацию, публиковать посты-карусели (картинки), получать реакцию на опубликованный контент, совершать групповые видеозвонки, отправлять отложенные по времени сообщения – всё это позволяет легко и удобно контролировать процесс обучения, связанный со знакомством с требованиями к экзаменам, подготовкой к итоговому сочинению, размещением правил, инфографиков с алгоритмами подготовки, примеров, шаблонов фраз экзаменационного сочинения. Подобным образом, например, осуществлялась проверка письменных работ с разбором ошибок в индивидуальном формате.

Данная платформа поддерживает также и формат вопросов-викторин, голосований, что особенно ценно при проверке заданий, связанных с пунктуационными и орфографическими нормами, в которых чаще всего школьники ошибаются в ходе подготовки к экзаменам. Обучающийся выбирает вариант, который, по его мнению, является верным, и система оповещает красным или зелёным цветом об ошибочном или правильном выполнении. Педагогу доступны статистические сведения по ответам ребят на заданный вопрос, также существует возможность прокомментировать ответы.

Так, нами в течение года отрабатывалась правильность выполнения задания 4 ЕГЭ по русскому языку (нормы произношения), при выполнении которого ребята часто допускают ошибки. К концу учебного года было отработано произношение слов из орфоэпического словника. Данный формат работы соответствует рекомендациям авторского коллектива ФИПИ: «…такая работа не может быть эпизодической, она должна предполагать наличие системы упражнений по орфоэпии, в частности акцентологии, основанной на формировании и развитии речевого слуха школьников» [2].

Возможности мессенджера позволяют помещать в него дополнительные видеоматериалы, фото, аудиозаписи, благодаря чему канал становится цифровой «библиотекой», в которой в удобной форме сохранены материалы, необходимые для качественной подготовки к экзамену при возможности ежедневного повторения материала.

Исходя из опыта ведения канала можно отметить, что обучающиеся не стесняются высказывать свою точку зрения, чем и отличается, в частности, данный формат от фронтального опроса в классе. Этот образовательный канал удобен и для педагогов: в нём он может организовать подачу материалов в виде аудиофайлов, небольших по объёму письменных текстов. Таким образом, в конце учебного года создается полноценная база вспомогательного овладения материалом в сроки, удобные каждому из участников. Несмотря на то что ведение канала требует дополнительных временных затрат педагога, данный формат позволяет ему осуществлять переписку с обучающимися в рамках одной платформы, а не на нескольких, эффективно формировать и закреплять предметные и метапредметные навыки обучающихся. Именно данный путь взаимодействия педагога и ученика представляется нам элементом «пространства вариативного развития» (А. Г. Асмолов), в рамках которого «ребёнок решает задачи не только со взрослым, но и со сверстниками, сотрудничество с которыми становится важнейшей основой для его развития и успешности» [3, с. 290].

В ближайшем будущем ожидается интеграция ИКОП «Сферум» в национальный мессенджер «MAX» с целью повышения информационной безопасности. Предполагается, что на новой платформе будут сохранены ключевые функции «Сферума», обновлены возможности каналов.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.05.2025).

2. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2024 года. URL: https://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2024/ru_mr_2024.pdf (дата обращения: 22.05.2025).

3. Асмолов А. Психология достоинства: Искусство быть человеком. М.: Альпина Паблишер, 2025. 397 с.

УДК 378.016

И. В. Тивьяева
Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «НЕЙРОСЕТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ» В РАМКАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МАГИСТРАТУРЫ

SPIN-код: 3579-3612

Аннотация. В статье представлена концепция дисциплины «Нейросети в лингвистическом исследовании», направленной на формирование у магистрантов компетенций, позволяющих использовать методы нейросетевого анализа для обработки языковых данных, моделирования языковых процессов и реализации теоретических и прикладных задач в области лингвистики.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, лингвистическая магистратура, проектирование дисциплины, цифровизация образования.

I. V. Tivyaeva
Moscow City University (Moscow, Russia)

DESIGNING A MASTER'S DEGREE PROGRAM COURSE ON NEURAL NETWORKS IN LINGUISTIC STUDIES

Abstract. The paper presents the concept of a course on neural networks in linguistic studies aimed at teaching master's degree students skills and competencies that will enable them to use artificial intelligence methods for processing language data, modeling linguistic processes and finding solutions to theoretical and applied linguistic tasks.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, master's degree program in linguistics, course design, digitalization of education.

В условиях стремительного развития технологий генеративного искусственного интеллекта (далее – генИИ) наука о языке сталкивается с необходимостью освоения и внедрения цифровых методов исследования, соответственно сегодня, как никогда, актуален вопрос о формировании новых профессиональных навыков студентов-лингвистов, которые позволят им воспользоваться преимуществами технологий генИИ для решения исследовательских задач в области лингвистики. Адекватным решением дан-

© Тивьяева И. В., 2025

ного вопроса видится включение в программу подготовки лингвистов в магистратуре института иностранных языков Московского городского педагогического университета специальной дисциплины «Нейросети в лингвистическом исследовании», способной обеспечить формирование элементов профессиональных компетенций лингвиста, связанных с исследовательской, проектной, коммуникативной и преподавательской деятельностью. Необходимость разработки данной дисциплины согласуется с новыми лингвообразовательными приоритетами, закрепляющимися как в отечественном, так и в зарубежном образовательном ландшафте [1], а также отражает современные тенденции трансформации лингвистического образования в целом [2; 3]. Предполагается, что внедрение подобного курса в программу подготовки магистров лингвистики повысит качество подготовки специалистов, соответствующих современным профессиональным требованиям и способных эффективно применять технологии генИИ в теоретических и прикладных лингвистических исследованиях.

Целью дисциплины «Нейросети в лингвистическом исследовании» является формирование у магистрантов-лингвистов элементов компетенций, необходимых для применения методов генИИ в анализе языковых данных, моделировании языковых процессов и решении задач в области теоретической и прикладной лингвистики.

Для достижения поставленной цели требуется познакомить студентов с основными принципами работы нейросетей и возможностями их применения в лингвистике; обучить методам настройки больших языковых моделей для решения конкретных лингвистических задач (основы промпт-инжиниринга); развить навыки анализа и интерпретации результатов, полученных с помощью нейросетевых технологий; сформировать умение применять нейросетевые методы в сочетании с традиционными методами лингвистического анализа.

В основе проектирования дисциплины лежат принципы междисциплинарности, практической направленности, актуальности и гибкости содержания с адаптацией к современным тенденциям развития технологий генИИ. При этом особое внимание уделяется интеграции с другими учебными курсами, в первую очередь связанными с подготовкой магистерской диссертации и с проектной деятельностью магистрантов.

В соответствии с указанными принципами и задачами возможно выделить четыре содержательных блока в рамках дисциплины: вводный блок, основной блок, практический и проектный блоки.

Вводный блок посвящён основам применения технологий искусственного интеллекта и нейросетей. В рамках данного блока магистранты знакомятся с историей развития искусственного интеллекта и современными тенденциями его применения в научных исследованиях.

Основной блок включает обзор готовых инструментальных и методических решений для лингвистов, в том числе связанных с применением генИИ для обучения иностранному языку (см., например, [4; 5; 6]),

выявлением типологических особенностей сгенерированных текстов [7], проведением семантического, жанрово-стилистического и корпусного анализа [8; 9; 10]. Особое внимание в рамках основного блока уделяется также этическим аспектам применения генИИ в лингвистических исследованиях [11].

Практический блок предусматривает работу с фактическими языковыми данными, анализ кейсов, разработку эффективных формулировок запросов к большим языковым моделям, позволяющих получить точные и релевантные результаты, составление алгоритмов нейросетевого анализа языковых данных и интерпретацию результатов.

В рамках проектного блока магистранты планируют и проводят исследование с применением нейросетей, уделяя особое внимание постановке задач, выбору подходящего решения, разработке методики исследования, подготовке данных для анализа, обработке, интерпретации и критической оценки полученных результатов.

Дисциплина рассчитана на 32 часа контактной работы, которые дополняются 40 часами самостоятельной работы магистрантов. В соответствии с вышеописанными принципами в рамках дисциплины выделяются следующие разделы:

1. Введение в искусственный интеллект и нейронные сети. Основные понятия и история развития нейросетей.

2. Нейросетевые методы работы с научной литературой.

3. Нейросетевые методы в лингвистических исследованиях. Семантический анализ, жанрово-стилистический анализ, корпусный и дискурсивных анализ на основе больших языковых моделей. Нейросетевые технологии в переводе.

4. Основы промпт-инжиниринга: формулирование эффективных запросов для решения лингвистических задач.

5. Методология и интерпретация результатов применения нейросетевых методов. Планирование исследования с использованием нейросетей. Анализ ошибок и ограничений моделей. Валидация результатов традиционными методами.

6. Представление результатов исследования. Инструменты визуализации. Ресурсы генИИ для академического письма.

7. Этические проблемы использования генИИ в лингвистике. Авторское право и академическая добросовестность.

8. Разработка и реализация проекта, связанного с применением нейросетевых технологий в лингвистических исследованиях.

Таким образом, проектирование дисциплины «Нейросети в лингвистическом исследовании» требует учёта современных тенденций и направлений развития технологий генИИ применительно к лингвистическому образованию, а также потребностей рынка труда, стремительно реагирующего на появление новых технологических возможностей. Внедрение описанной дисциплины в учебный процесс запланировано на 2025–2026

учебный год. По окончании учебного семестра совместно с магистрантами будет осуществлена расширенная рефлексия, направленная на выявление степени их удовлетворённости курсом с точки зрения содержания, аппликативного потенциала и возможных трудностей при его освоении. По результатам рефлексии планируется коррекция (при необходимости) и дальнейшее расширение методологической базы дисциплины, обновление учебных материалов с целью обеспечения подготовки высококвалифицированных специалистов в области лингвистики, способных эффективно применять нейросетевые технологии для решения исследовательских и иных профессиональных задач.

Литература

1. Тарева Е. Г., Тивьяева И. В. Трансформация лингводидактики: как искусственный интеллект формирует лингвообразовательные приоритеты // Современная {цифровая} дидактика: Монография. М.: «Издательство Интеллект-Центр», 2024. С. 37–44.

2. Terra autonomia: предопределяя будущее иноязычного образования в автономном вузе: Коллективная монография / Е. Я. Орехова, Е. Г. Тарева, С. В. Михайлова [и др.]; Под общей редакцией Е. Я. Ореховой, Е. Г. Таревой, С. В. Михайловой. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. 167 с.

3. Гулиянц А. Б., Гулиянц С. Б., Иванова А. М. Применение больших лингвистических данных в дидактике и профессиональной подготовке переводчика // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник научных трудов, Москва, 08–10 апреля 2024 года. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2024. С. 71–88.

4. Авраменко А. П., Тишина М. А. Дидактический потенциал лингвистических корпусов на базе технологий искусственного интеллекта для адаптации учебных материалов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2023. № 1. С. 29–38.

5. Вишневецкая Н. В. Искусственный интеллект на уроке иностранного языка // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 года. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2024. С. 364–369.

6. Сысоев П. В. Использование технологий искусственного интеллекта в обучении иностранному языку: тематика методических работ за 2023 год и перспективы дальнейших исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29, № 2. С. 294–308.

7. Тельпов Р. Е., Ларцина С. В. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 47–65.

8. Yu D., Li L., Su H., Fuoli M. Using LLM-assisted annotation for corpus linguistics: a case study of local grammar analysis. 2023. ArXiv. URL: https://arxiv.org/pdf/2305.08339v1 (дата обращения: 04.07.2025)

9. Kuzman T., Mozetic I., Ljubešic N. ChatGPT: beginning of an end of manual linguistic data annotation? Use case of automatic genre identification. 2023. ArXiv. URL: https://arxiv.org/pdf/2303.03953 (дата обращения: 04.07.2025)

10. Uchida S. Using early LLMs for corpus linguistics: Examining ChatGPT's potential and limitations // Applied Corpus Linguistics. 2024. Vol. 4. Article 100089.

11. Тивьяева И. В., Михайлова С. В., Казанцева А. А. Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 2(54). С. 202–218.

УДК 81-24; 378.147.227

У. И. Турко
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛАТЫНИ

SPIN-код: 3882-8781

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы межъязыковой интерференции в процессе преподавания латинского языка иностранным студентам-медикам. Автор приходит к выводу о том, что учёт фонетических особенностей родного и изучаемого языков поможет преподавателю организовать успешную работу по латинскому языку и снять трудности на пути изучения языка науки франкоговорящими студентами в медицинском вузе.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, фонетическая интерференция, преподавание латинского языка студентам-медикам, латинский и французский языки.

U. I. Turko
Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

THE INFLUENCE OF FRENCH INTERFERENCE IN LEARNING LATIN

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of interlingual interference in the process of teaching Latin to foreign medical students. The author comes to the conclusion that taking into account the phonetic features of the native and studied languages will help the teacher organize successful work on the Latin language and remove difficulties in learning the language of science by French-speaking students at a medical university.

Keywords: interlingual interference, phonetic interference, teaching Latin to medical students, Latin and French.

Общеизвестно, что знания о системе родного языка являются основой для структурирования информации о звуковом составе и грамматическом строе изучаемого языка. В одних случаях это помогает освоению нового языка, если родной и иностранный языки являются близкородственными, а в других – может мешать запоминанию новых грамматических правил.

© Турко У. И., 2025

Процесс наложения сведений о фонетико-грамматической системе одного языка на языковую систему другого получил название интерференции. В широком смысле это понятие включает «взаимодействие языковых систем в условиях дву- или многоязычия, обусловленное их структурными расхождениями и проявляющееся в отклонении от кодифицированных норм речи контактирующих языков» [1, с. 156]. В узком смысле к интерференции относят случаи «нарушения речевых норм неродного языка под влиянием родного языка билингва (человека, владеющего двумя языками)» [1, с. 156].

В данной статье ставится цель – выявить и проанализировать факты интерферирующего влияния французского языка на латинский в области звуковой стороны языков.

Интерес к указанной цели обусловлен тем, что латинский язык играет важную роль в системе медицинского образования в качестве источника анатомо-гистологической, клинической и фармацевтической терминологии [2], поэтому является одной из дисциплин учебного плана будущих врачей.

В методической литературе накоплен опыт исследования нарушений норм латинского языка под влиянием русского и английского языков [3; 4], иностранных языков под влиянием латинского и английского [5], но не уделяется внимание трудностям изучения латыни франкоговорящими студентами. Однако такая необходимость имеется, так как важно учитывать международный статус французского языка как одного из официальных языков ООН и востребованность получения иностранными обучающимися образования в вузах России.

В Елецком государственном университете им. И. А. Бунина на медицинском факультете обучаются иностранные студенты из Камеруна, Кот-д'Ивуара, родным языком которых является французский.

Несмотря на то что в государстве Камерун официальными языками считаются английский и французский, все иностранные обучающиеся-первокурсники в свободное от занятий время осуществляют коммуникацию исключительно на французском языке, а не на английском. Такое предпочтение в выборе средства общения объясняется тем, что восемь из десяти регионов этой страны относятся к франкоговорящим и только два – к англоговорящим [6]. Поэтому при изучении латинского языка иностранные студенты переносят знания из области своего языка на осваиваемый новый. Французский язык наряду с другими языками романской группы восходит к латыни.

В условиях близкого языкового родства обнаруживаются фонетико-графические сходства, способствующие овладению новым для иностранных обучающихся языком. В основе алфавита двух языков лежит латиница, поэтому правила чтения большинства согласных, принятые во французском языке, совпадают с нормами произношения в латинском. Однако в консонантной системе языка медицины и современного языка

иностранных студентов имеются и различия, которые вызывают у первокурсников затруднения.

Рассмотрим фонетические особенности согласных звуков осваиваемого и родного языка студентов-франкофонов.

Несмотря на то что язык носителей вобрал в себя все буквы латиницы и добавил к ним *W w*, не все графемы двух языков имеют равнозначное фонетическое соответствие.

В латинском языке буква *C c* читается как [*ц*] и [*к*]. Двоякость произношения графемы сохраняется и во французском языке, однако там она имеет фонетические варианты [*с*] и [*к*].

Совпадение в чтении графемы *C c* как заднеязычного звука [*к*] наблюдается в двух языках в одинаковых позициях. Различия в произношении латинского и французского согласного обнаруживаются в положении перед *E e, I i, Y* у, так как в родном языке обучающихся здесь произносится [*с*], а в изучаемом языке перед звуками [*э*], [*и*] читается [*ц*]. Это несовпадение становится источником для произносительных ошибок: *cerĕbrum, -i* (n) [*сэрэбрум*] – ‘большой (головной) мозг’; *thoracĭcus, -a, -um* [*торасикус*] – ‘грудной’; *buccinātor, -ōris* (m) [*буксинатор*] – ‘щёчная мышца’ вместо нормативных [*цэрэбрум*], [*торацыкус*], [*букцынатор*].

Буква *G g* латинского языка произносится как русский взрывной [г], однако в родном языке иностранных студентов-медиков она имеет 2 варианта произношения: как взрывное [г] и как шипящее [ж]. Нормативным в латинском языке является произношение *corrugātor, -ōris* (m) [*коругатор*] – ‘сморщивающая (мышца)’; *ligamentum, -i* (n) [*лигамэнтум*] – ‘связка’; *gastrĭcus, -a, -um* [*гастрикус*] – ‘желудочный’, но ошибочным – *digitus, -i* (m) [*дижытус*] – ‘палец’; *genu, -us* (n) [*жэну*] – ‘колено’, так как в языке медицинской науки для *G g* не учитывается позиционное окружение.

Латинская графема *H h* произносится как средний звук между [г] и [х]: фрикативное [*γ*], придыхание [*х*]: *hepar, -ătis* (n) [*γэпар*] – ‘печень’; *homo, -ĭnis* (m) [*γомо*] – ‘человек’; *humĕrus, -i* (m) – [*γумэрус*] – ‘плечевая кость’. Фонетические особенности французской буквы *H h* влияют на произношение звука в новом для студентов языке, так как в их родном языке эта буква не читается: *homme* [*ом*] – ‘человек’.

Для латинского языка не характерен звук [ж], однако при чтении медицинских терминов студенты допускают фонетические ошибки, вызванные тем, что в их языке существует такой звук.

Ошибки в произношении обусловлены несовпадением в правилах чтения буквы *J j*, которая в латинском языке воспроизводится как [*й*]. В родном языке франкофонов она обозначает звук [ж], поэтому не соответствующей латинскому произношению является артикуляция формы сравнительной степени прилагательного *major, -jus* – ‘большой’ как [*мажор*] вместо нормативного [*майор*] или *jugulāris, -e* [*жугулярис*] вместо верного [*югулярис*] – ‘*яремный*’.

Искажение фонетического облика латинского слова происходит и при чтении терминов, в составе которых есть буква *Q q.* В соседстве с гласным «*и*» в латинском языке она читается как [*кв*]: *qui* [*кви*] – ‘*кто*’ [7, с. 8], однако в языке-источнике франкоговорящих студентов это буквосочетание воспроизводится как [*к*]: qui [*ки*] – ‘*кто*’. Если учитывать эти особенности, то становится понятным пропуск звука [в] в латинских терминах *oblīquus, -a, -um* [*обликус*] – ‘косой’ вместо правильного [*обликвус*]; *relīquus, -a, -um* [*рэликус*] – ‘остальной’ вместо нормативного [*рэликвус*].

Принцип учёта родного языка в ряде случаев помогает при овладении произносительными навыками.

Латинская буква *S s* имеет два варианта чтения. В родном языке студентов для указанной буквы существует также два произносительных варианта: как [*з*] между гласными и как [*с*] в остальных случаях.

Читая латинские слова с буквой *S s*, необходимо учитывать позиционное окружение. В положении между гласными так же, как и в языке иностранных обучающихся, происходит её озвончение: *nasālis, -e* [*назалис*] – ‘носовой’; *cavernōsus, -a, -um* [*кавэрнозус*] – ‘пещеристый’. Не следует забывать также о буквосочетаниях *ns, sm*, которые в положении между гласными могут озвончаться: *suspensio, -ōnis* (f) [*суспэнзио*] – ‘суспензия’; *plasma, -ătis* (n) [*плязма*] – ‘плазма’.

Сложности вызывает артикуляция латинского [р], который должен произноситься чётко, как дрожащий звук, однако в языке франкофонов он получает гортанный призвук, а в ряде случаев не произносится или происходит его замена на другой звук. Иностранные обучающиеся пропускают конечный звук [*р*] в сочетании *-er*: *asper, -ĕra, -ĕrum* [*аспэ*] – ‘шероховатый’; *liber, -ĕra, -ĕrum* [*либэ*] – ‘свободный’; *sinister, -tra, -trum* [*синистэ*] – ‘левый; *vomer, -ĕris* (m) [*вомэ*] – ‘сошник’; *gaster, -tris* (f) [*гастэ*] – ‘желудок’.

Частотной фонетической ошибкой является также пропуск конечного *е*, присутствующего в родном языке франкоговорящих студентов.

Буква *Z z* в латинском языке тоже имеет 2 варианта прочтения с учётом происхождения лексемы. Заимствованная из греческого языка, она сохраняет произношение [*з*]: *horizontālis, -e* – ‘горизонтальный’; *zygomatĭcus, -a, -um* – ‘скуловой’, *rhizōma, -ătis* (n) – ‘корневище’, но в словах, появившихся в более поздний период, наблюдается её чтение как [*ц*]: *Zincum, -i* (n) – ‘цинк’. Однако в родном языке иностранных студентов за этой буквой закреплён только звук [*з*].

Буквосочетание *ch* в латинском языке произносится как [*х*]: *trochanter, -ēris* (m) – ‘вертел’; *bronchiālis, -e* – ‘бронхиальный’; *nucha, -ae* (f) – ‘выя’, однако в речи иностранных обучающихся можно услышать звук [ш]: *brachium, -i* (n) [*брашыум*] – ‘плечо’. Произношение с нарушением фонетических норм связано с тем, что в родном языке обучающихся *ch* читается как [ш] или в некоторых греческих заимствованиях – как [*к*].

Таким образом, учёт этих фонетических особенностей латинского и французского языков поможет преподавателю сформировать у

франкоговорящих иностранных студентов систему знаний по фонетике латинского языка и умений применять их в профессиональной деятельности.

Литература

1. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

2. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник. М.: ЗАО «ШИКО», 2007. 448 с.

3. Купчинаус Н. Э. О явлении межъязыковой интерференции при изучении латинского языка и способах её преодоления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3(7). С. 97–100.

4. Скобликова Е. О. Языковая интерференция в процессе обучения русских и иностранных студентов медицинского вуза латинскому языку // Подготовка медицинских кадров и цифровая образовательная среда: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 84-й годовщине КГМУ, Курск, 1 февраля 2019 года / Под ред. В. А. Лазаренко, П. В. Калуцкого, Н. Б. Дрёмовой, А. И. Овод, Н. С. Степашова. Курск: Курский государственный медицинский университет, 2019. С. 546–550.

5. Бернгардт О. В., Сурьянинова Ю. А., Бернгардт А. В. Явление интерференции при обучении иностранным языкам в медицинском вузе (на материале пары языков английский–латынь) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8-1(71). С. 39–42.

6. Cameroon Language Insights: Exploring the Languages of Cameroon. February 16, 2024. URL: https://www.tomedes.com/translator-hub/cameroon-languages (дата обращения: 01.07.2025)

7. Турко У. И. Латинский язык: фонетика: учеб. пособие. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2017. 34 с.

УДК 82.0

В. Е. Угрюмов
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Россия)

ПОДГОТОВЛЕННАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОМУ МАСТЕРСТВУ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

SPIN-код: 7335-5094

Аннотация. В статье рассматривается значение подготовленной импровизации в работе семинаров по «Литературному творчеству». Представлен процесс ведения семинара с литературно одарёнными студентами-филологами. Обозначены этические и дискуссионные правила при критическом разборе произведений студентов.

Ключевые слова: студенты-филологи, литературное творчество, подготовленная импровизация, этика критики, деятельностный подход.

V. E. Ugryumov
Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

PREPARED IMPROVISATION AS A BASIS FOR CREATIVE DIALOGUE IN TEACHING LITERARY SKILLS TO PHILOLOGY STUDENTS

Abstract. The article examines the importance of prepared improvisation in the work of seminar classes on the topic of «Literary creativity». The methodology for conducting a seminar with literary gifted students-philologists is presented. Ethical and discussion rules for critical analysis of poetry and prose of students are set out.

Keywords: students of philology, literary creativity, prepared improvisation, ethics of criticism, activity-based approach.

С точки зрения Н. А. Добролюбова, в истинно художественном произведении должны заключаться три элемента: чувство, мысль и стремление к возвышенной, благородной цели, то есть передовое мировоззрение. Отсутствие в произведении хотя бы одного из указанных элементов или снижает его достоинство, или низводит его на нет, и «при известной степени развития народа литература становится одною из сил, движущих общество» [1, с. 89].

© Угрюмов В. Е., 2025

Литературное творчество и творческое чтение книг, несомненно, это то, что делает человека «лица не общим выражением» (Е. А. Баратынский), вырисовывает его индивидуальность, велит мыслить. Одна из главных задач семинаров «литературного творчества» – раскрыть художественный талант обучающихся, направить студентов в области литературно-творческой, критической и культурно-просветительской деятельности. Литературно одарённым студентам необходимо знать культуру человечества, уметь решать задачу создания высокохудожественных, общественно значимых произведений словесности во всех жанрах прозы, поэзии, драматургии и пропагандировать русскую классическую и современную литературу путем выступлений в периодической печати, на радио, телевидении, интернет-порталах и прочее.

Основой наших творческих семинаров является известное высказывание А. А. Потебни о том, что «говорить – значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли» [2]. Роль мастера в этом случае заключается в том, чтобы заметить особенности таланта студента, часто заявленные несмело и спонтанно, возбуждать и направлять мысль студента туда, куда он способен и даже желает развиваться.

Любое творчество, особенно творчество писателя, – это подготовленная импровизация, когда единственно возможному слову, строке, ноте, так неожиданно импровизационно возникшими, предшествует кропотливая подготовка, работа аналитического ума, сострадательного сердца, наблюдательного глаза. Вышаганное или выношенное, передуманное произведение всегда свободно и непредсказуемо («Даль свободного романа», А. С. Пушкин) даже для автора.

Таким образом, семинары по литературному творчеству проводятся в креативном стиле, для которого необходима **импровизация** – умение быстро и творчески реагировать на ситуацию.

На занятиях мы стремимся к воспитанию принципов литературного вкуса, умения определять уровень художественности того или иного литературного произведения, творческих работ сокурсников и собственных произведений. Обращение к мнению писателей о писательском труде формирует навыки индивидуального стиля, талант наблюдения, способность воплощать жизненный опыт в художественном слове.

Очень важно для формирования потенциала студентов ознакомление с «творческой лабораторией» крупнейших писателей, с приёмами их литературного мастерства, обучение исходным принципам филологического подхода к разбору произведения словесного искусства на основе современной литературоведческой терминологии.

Осознанно-аналитическое прочтение художественного текста, понимание особенностей его словесной основы и смысловой структуры есть первые шаги в мир творчества. Студент осваивает такие вопросы, как цель

искусства, понятия эстетического совершенства и духовного развития, феномен художественного произведения.

Творчески одарённый, пишущий студент приходит на семинары с определёнными знаниями истории литературы и основ литературоведения, что позволяет ему уделять больше внимания личному творчеству, а также критически осознавать творчество сокурсников, иметь способность к ясной критической мысли. Работа на семинаре с литературными произведениями построена на понимании языка художественного текста как основы словесности. Студент обучается понимать значение искренности, спонтанности, импровизации в искусстве, что не отменяет осмысленной кропотливой работы над стилем произведения.

Для понимания творческой деятельности в нашем курсе принят активный деятельностный подход, который применяется в Литературном институте, в частности в мастерской А. К. Михальской [3, с. 12] и других преподавателей. Деятельный подход требует от студентов мастерства подготовленной импровизации. Это неотъемлемая часть творческого процесса, на что указывают многие писатели. Несомненно, импровизация – это представление выношенных строк произведения, улыбка на «лице» текста. Сама импровизация – плод деятельного, кропотливого труда студентов в подготовке материалов, результаты которых затем блеснут в тексте или выступлении.

Под деятельностным подходом мы понимаем такой способ организации учебно-познавательной деятельности творчески одарённых студентов, при котором они являются не пассивными «приёмниками» информации, а сами активно участвуют в учебном процессе [3, с. 12]. Здесь важную роль играет подготовленная импровизация, когда студенты, имея опыт творческого чтения и собственного творчества, вступают в дискуссию по обсуждению произведений сокурсников. Студент, анализируя тексты сокурсников, добывает знания и как бы пробуждает собственные мысли, что способствует его личному творчеству на примере опыта коллег по семинару. На первый план выступает личность обучаемого, его талант к «самоопределению и самореализации», к независимому мнению, «к рефлексивному анализу своей деятельности» [3, с. 12]. Такой метод, несомненно, развивает студента и соответствует пониманию творческой деятельности, созданию художественного произведения и умению творчески его прочитать

Представим ситуацию семинара следующим образом.

Участники: студент, произведение которого обсуждается; преподаватель-мастер, обычно писатель или критик; другие студенты творческого семинара, готовые к высказыванию.

Отношения между участниками: творческий искренний диалог.

Реализации диалогического взаимодействия между участниками творческой группы студентов наиболее актуальна в современном мире, когда «живое» творческое искусство общения бесценно. Мир науки полон

умных людей, знающих наперёд, поэтому человеческое общение (а человеческое обозначает творческое) – большая редкость для этого мира.

Подготовка к импровизированному выступлению студентов на семинаре при обсуждении работ сокурсников может включать: 1) идеи и тезисы: оппонент должен чётко и просто формулировать основную мысль выступления; 2) примеры из литературы, в которых есть аллюзии на обсуждаемое произведение.

Выступающий оппонент может вовлечь участников семинара в процесс обсуждения специально подготовленными вопросами, которые провоцируют студентов или способны «возбуждать в другом его собственные мысли» (А. А. Потебня).

Выступление должно звучать свежо, ново, словно рассуждая сейчас и здесь, оппонент вместе с аудиторией приходит к определённым критическим выводам.

На семинаре мастер «произносит некоторое напутствие, содержащее рассуждения и наблюдения о прозе (поэзии), удачах и неудачах авторов, на примерах (текстах и их фрагментах) ориентирует в том, что является профессионально и эстетически важно в понимании художественного произведения» [3, с. 13].

Один из студентов, чьё творчество представлено на критический суд сокурсников, читает свой текст, с которым все знакомятся в рукописи. Далее наступает важный момент публичного «обсуждения»: выступают один или два назначенных оппонента, их мнение представлено более детально и аргументированно. Затем каждый из присутствующих высказывает своё мнение о заявленном тексте. Далее мастер комментирует, отвечает на вопросы, обобщает сказанное и добавляет то, что осталось вне поля обсуждения. После этого следует общая оценка, возможны дискуссия и рекомендации. Именно такая «структура» диалога, на наш взгляд, приемлема и продуктивна (хотя и в разной степени) на творческих семинарах.

Диалоговая модель даёт возможность услышать мнение всех студентов, даже самых «безгласных». Иначе говоря, на семинаре происходит процесс импровизационного диалога, приобретается опыт общения на уровне художественных образов, навыки редактирования текстов в непосредственном взаимодействии студентов друг с другом и с мастером. Дискуссия предполагает интеллектуальную подготовку импровизационного выступления по темам: принципы изображения героя, портрет героя, внутренний мир героя, маска и истинное лицо, повседневность как объект изображения, этюд и другим.

Такие подготовленные, но при этом импровизированные выступления студентов есть начало писательской деятельности, когда слово само сказывается, рождается речь и, как следствие, появляется желание поймать свою же мысль, записать, превратить её в художественное произведение. Как верно замечает профессор А. К. Михальская, «действительно, речь идёт

о чем-то живом и свободном, в некотором смысле, свободном от автора. Роман делает себя с помощью автора, через автора» [4, с. 72].

Диалоговая модель деятельности предполагает совместный с преподавателем анализ текстов известных произведений, в которых особенно ярко видны мастерство и техника писателя. Необходимо, чтобы студенты сами отбирали такие фрагменты текстов для общего обсуждения и знакомились с ними до семинара. Обсуждение домашних заданий, редакторской правки произведений студентов – обязательная часть семинара, в которой участвуют все студенты.

Кроме того, считаем совершенно необходимым выработать в группе своего рода **кодекс критического высказывания**, поскольку чёткое и обязательное выполнение правил оценочных высказываний является одной из самых важных методических проблем для подобной работы. Следование правилам критического высказывания создает необходимую атмосферу уважения свободы творчества, помогает прислушаться к замечаниям, оценить их и принять.

Студент в своей творческой деятельности должен быть поощряем. Для этого достаточно сформулировать простые правила критического высказывания:

1. В первую очередь говорим о том, что удалось: хвалим за удачи и находки.

2. После этого переходим к недостаткам. Ни в коем случае не допускаем общих отрицательных оценок: «Ну, старик, не греет, это никуда не годится».

3. Критика должна быть конкретной. Кроме того, она должна быть обоснованной.

В заключение отметим, что жанровым воплощением подготовленной импровизации часто является эссе – высказывание личного опыта, индивидуального видения, искреннего удивления. Эссе – это всегда импровизационный монолог, ищущий собеседника, чтобы стать диалогом. Среди работ, выполняемых студентами в рамках литературного творчества, важное место отводится написанию эссе и дальнейшему обсуждению каждой работы. При написании эссе важно не только продемонстрировать осведомленность в истории литературного процесса и теории литературы, знание точек зрения исследователей-литературоведов и критиков, но и изложить собственное оригинальное видение. При этом важна аргументированность и убедительность личного взгляда. Несмотря на предполагаемую жанром относительно свободную композицию и авторскую субъективность, в эссе должно присутствовать внутреннее смысловое единство, внутренняя логика, наличие постановки проблемы, развитие мысли и вывод. Важна художественная сторона эссе – индивидуальный стиль каждого студента.

Важность подготовленной импровизации как основы творческого семинара для пишущих студентов-филологов в том, что свободное выражение мысли требует знания культуры и умения креативно, искренне,

естественно, «размышляя» в слове, высказать себя, вести диалог. Данный опыт, несомненно, сыграет важную роль при дальнейшей работе выпускника вуза в области культуры, массовых коммуникаций и писательского мастерства.

Литература

1. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. В 6 т. Москва, 1937. Т. 4. 556 с.

2. Потебня А. А. Теоретическая поэтика // booksite.ru. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/teoretich/text.pdf?ysclid=mdu71obbjb965517817 (дата обращения: 21.06.2025).

3. Михальская А. К. Литературное мастерство = CreativeWriting: учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 347 с.

4. Михальская А. К. Как делается роман // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2011. № 1. С. 70–77.

УДК 811.161.1: 373

Н. Н. Щербакова
Омский государственный педагогический университет
(Омск, Россия)

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЯ К ОБУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РУССКОЙ ГРАФИКИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

SPIN-код: 6355-3510

Аннотация. На основе анализа учебников русского языка для младших школьников рассмотрены актуальные вопросы истории русского письма, необходимые для профессиональной подготовки учителя начальных классов.

Ключевые слова: русский язык в начальной школе, кириллица, графика.

N. N. Shcherbakova
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

TEACHER TRAINING FOR TEACHING THE HISTORY OF RUSSIAN GRAPHICS IN ELEMENTARY SCHOOL

Abstract. Russian language textbooks for primary school students are analyzed to address current issues of the history of Russian writing, which are necessary for the professional training of primary school teachers.

Keywords: Russian in elementary school, Cyrillic alphabet, graphics.

Обучение русскому языку в школе подразумевает учёт принципа историзма, т. к. только при таком подходе возможно «приобщение школьников к национальной истории развития родного языка, которая тесно связана с историей общества» [1, с. 108]. Необходимость использования данного принципа никогда не подвергалась сомнению, однако в отечественной методике всегда подчёркивалась обязательность учёта возрастных особенностей обучающихся, их речевого опыта. Всё это требует отбора содержания учебного материала, с тем чтобы, не перегружая программу сведениями, без которых можно обучить школьника грамотно выражать свои мысли устно и письменно, в то же время воспитывать у него представление о языке как развивающемся явлении. Так, А. В. Текучёв, говоря о нецелесообразности использования в школьном курсе русского языка объёмных комментариев, в то же время настоятельно советовал знакомить школьни-

© Щербакова Н. Н., 2025

ков с такими вопросами историко-лингвистического плана, как история алфавита, книгопечатания, а также судьба отдельных слов в русском языке [2, с. 168]. Указанный подход актуален для всех этапов обучения русскому языку, в том числе и на этапе начального общего образования. Отметим, что обучение младшего школьника реализует принцип межпредметных связей, это проявляется в том, что часть вопросов, связанных, например, с историей книгопечатания, обретения славянами азбуки и т. п., выносится в курс «Окружающий мир», но всё же основная их часть даётся в программе русского языка.

Все авторы, когда-либо обращавшиеся в проблеме внедрения сведений об истории русского языка в школьный курс, так или иначе высказывают два базовых подхода к решению этой задачи.

Первый заключается в том, что обращаться к сведениям такого рода следует обязательно. И дело не только в том, что без этого невозможно углублённое изучение проблем языкознания в дальнейшем, но и в том, что «методическая значимость исторического комментирования… связана с реализацией общедидактического принципа научности в преподавании русского языка» [3, с. 62].

Второй подход, связанный с отбором материала, обусловлен чётким пониманием невозможности организовать в условиях школьного обучения системное изучение исторических фактов русского языка для всех обучающихся. В современной школе есть удачный опыт подобного обучения, но он связан с организацией работы с одарёнными учащимися на факультативных занятиях [4].

В указанных условиях именно история графики становится тем материалом, который в школе можно изучать с наибольшей степенью системности. К этому располагают такие свойства материала, как его лаконичность, чёткая структурированность и доступность дополнительных материалов, которые могут быть использованы как в урочное время, так и для организации проектной и исследовательской деятельности.

Обращение к сведениям по истории русского письма, отражённым в школьных учебниках русского языка, показывает внимание к этому вопросу уже с первого класса, что неудивительно: после обучения чтению и письму знакомство с элементарными сведениями о его исторической эволюции выглядят вполне логично.

Так, согласно УМК «Школа России», первоклассники должны ознакомиться с текстами В. Крупина «Первоучители словенские» и «Первый букварь» [5, ч. 1, с. 88–91] и выполнить задания к ним. Среди заданий, предлагаемых авторами учебника, есть и такое: *«Рассмотрите страницу старинной Азбуки. Сравните буквы современного и древнерусского алфавитов»* [5, с. 91]. Это задание требует активного участия учителя, который должен организовать поиск сходств и различий двух графических систем, учитывая то, что сами изменившиеся начертания букв воспринимаются младшим школьником как абсолютно другой знак. Кроме того, не вполне понятен

замысел составителей учебника, поскольку в картинке, данной в качестве объекта сравнения, есть много странностей. Так, например, представлены далеко не все буквы древней кириллицы: например, из йотированных указаны только «азъ» и «укъ»; нет буквы «юсъ большии»; нет букв «фита», «херъ» и некоторых других. Это означает, что количественное сравнение графических систем в подобной ситуации проводить невозможно. На первый взгляд, мы имеем здесь дело с желанием сознательного упрощения материала в соответствии с особенностями адресата, но в предложенном материале есть и лишние элементы, например два разных написания буквы «укъ», наличие сокращённого написания предлога «отъ», в котором над буквой «отъ» написана буква «твердо», и т. д. Наличие такого неудачного наглядного материала требует особого внимания со стороны учителя, а следовательно, в вузе необходима особая подготовка специалиста по данной проблематике.

Опыт подготовки учителей начальных классов в вузе показывает, что, с одной стороны, этот материал всегда интересен студентам, поскольку в нём ощутим элемент новизны, но, с другой стороны, отсутствие системной историко-лингвистической подготовки приводит к излишнему доверию материалам различных сомнительных источников, что, конечно же, идёт в ущерб реализации принципа научности на уроке или во внеурочной деятельности.

Если на филологическом факультете студенты изучают несколько дисциплин, связанных с эволюцией русской языковой системы, в том числе и графической, то систематическая подготовка учителя начальных классов по историко-лингвистическим проблемам в условиях современного вуза возможна только в рамках специального курса или факультатива. К сожалению, далеко не каждый вуз может позволить себе такой курс, хотя необходимость в нём и его эффективность была подтверждена фундаментальным исследованием Н. Ю. Штрекер [6]. В ситуации отсутствия такого курса следует обязательно хотя бы одно практическое занятие в рамках лингвистических курсов посвящать проблеме истории русской азбуки и, в частности, анализу кириллицы и её сравнению с современным русским алфавитом. В противном случае неизбежны неточности и ошибки в анализе подобного материала типа, например, такого утверждения: «Оригинальность кириллицы проявилась в том, что в ней для обозначения одного звука всегда использовалась одна буква» [7].

Определяя минимум сведений по истории графики, необходимый для специалистов, обучающих младших школьников, отметим, что обычно выпускники школ, поступающие в педагогический вуз, владеют в той или иной степени информацией о создателях первой славянской азбуки, о наличии кириллицы и глаголицы и о том, что буквы прежде именовались целыми словами, а также им известна этимология слова «азбука». Однако не все знают, что означают слова, давшие это название, – «аз» и «буки». Поэтому простое, на первый взгляд, задание на сравнение древней и

современной графических систем вызывает у студентов трудности. Эту тему нельзя выносить на самостоятельное изучение, поскольку она требует понимания проблемы заимствования знаков, знания о влиянии исторического изменения фонетической системы языка на его графику, а кроме того, владения информацией о том, что «выбор алфавита – не только лингвистический вопрос» [8, с. 123], что требует понимания взаимосвязи такого явления, как реформирование алфавита и развитие общества, которое этот алфавит использует.

Представляется, что следует особо остановиться на дискуссионной проблеме первичности глаголицы. Известно, что, помимо традиционной точки зрения, существует и альтернативная, полагающая, что глаголица была изобретена позднее кириллицы как особый вид тайнописи [9, с. 17–21]. Обсуждение спорных проблем всегда полезно для развития навыков научной дискуссии, а потому не стоит пренебрегать такой возможностью на занятии. Разумеется, для серьёзного научного спора у первокурсников неязыкового факультета нет достаточных предметных знаний, поэтому к данному фрагменту занятия требуется специальная подготовка по предложенным преподавателем пособиям.

В результате реализации подобного подхода учитель начальных классов должен знать специфику начертаний и наименований кириллических букв, уметь их писать, иметь представление об их цифровом значении, понимать причины наличия букв-дублетов, а также знать причины изменения алфавита – как социальные, так и языковые.

Уверенное владение материалом обеспечивается за счёт выполнения заданий, связанных с разными аспектами анализа кириллицы. Для достижения этой цели, на наш взгляд, годятся те же упражнения, что используются и на филологическом факультете, например, называние букв в слове, запись слов по названиям букв, указание звукового значения буквы и т. д.

Кроме того, на занятиях необходимо анализировать сомнительные и неудачные случаи объяснения темы младшим школьникам, тем более что недостатка в таких материалах, к сожалению, нет.

Особо выделим возможности данной темы для использования её в исследовательской и проектной деятельности младшего школьника. Например, с учётом того, что прежние названия букв встречаются в паремийном фонде русского языка, можно организовать работу с использованием подобного материала. Учебники русского языка для начальной школы предлагают немало проектов на разные темы, в том числе и историко-лингвистические, связанных с историей фразеологизмов, однако оборотов с названиями букв в них, как правило, нет, то есть требуется отбор единиц типа *прописать ижицу*, *ни аза в глаза* и под. Однако и здесь мало ограничиться рекомендациями. Как показывает наш опыт, практический показ способов организации подобного проекта и его выполнение вызывают живой интерес студенческой аудитории и содействуют более прочному усвоению темы.

Таким образом, организация специальных занятий с использованием историко-лингвистического подхода по проблемам графики позволяет подготовить будущего специалиста к проведению уроков с более глубоким содержанием и избежать досадных ошибок в их предметном наполнении.

Литература

1. Воителева Т. М., Текучева И. В., Логинова Н. В. К вопросу реализации принципа историзма в преподавании русского языка в школе // Язык и текст. 2024. Т. 11. № 1. С. 108–116.

2. Текучёв А. В. Методика русского языка в средней школе. М.: Просвещение, 1980. 413 с.

3. Калинин К. А. Исторический комментарий на уроках русского языка как педагогический жанр // Современные исследования социальных проблем. 2025. Т. 17, № 1. С. 59–75.

4. Зайцева О. Н. История русского языка как структурно-содержательный компонент школьного курса: Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2002.16 с.

5. Азбука. 1 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений: В 2-х частях / В. Г. Горецкий, В. А. Кирюшкин, Л. А. Виноградская, М. В. Бойкина. М.: Просвещение, 2011.

6. Штрекер Н. Ю. Инновационная система углубленной филологической подготовки учителя начальных классов: Автореф. дис. … докт. пед. наук. М., 2011. 36 с.

7. Андреева Н. А. Конспект урока «История русского алфавита – от ‘аз’ до ‘буки’» // Инфоурок. Образовательный маркетплейс. URL: https://infourok.ru/konspekt-uroka-istoriya-russkogo-alfavita-ot-az-do-buki-3430459.html (дата обращения 27.07.2025).

8. Осипов Б. И. Учителю об истории русского письма: Учебное пособие. Омск: ОмГУ, 1999. 127 с.

9. Камчатнов А. М. Старославянский язык: Курс лекций. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2022. 152 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеева Ирина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Абрамова Екатерина Сергеевна, преподаватель Школы Востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Алексеева Намжилма Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова.

Аль-Хаяни Муаадх Гамаль Мохаммед, магистрант Инженерной академии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Антипина Елизавета Петровна, студент института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва.

Антонова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Государственный университет по землеустройству.

Ануфриева Галина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного, Алтайский государственный педагогический университет.

Баженова Кристина Евгеньевна, учитель русского языка и литературы, МБОУ СОШ № 27 г. Орла.

Байдала Дарья Сергеевна, студент Института гуманитарных наук, Ивановский государственный университет.

Балыков Вячеслав Витальевич, педагог Подготовительного факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Баяндина Марина Андреевна, студент факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Белая Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Белькова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода, Нижневартовский государственный университет.

Богуславская Вера Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина.

Буровникова Ольга Николаевна, ассистент кафедры русского языка, Курский государственный университет.

***Бычкова Валентина Сергеевна**,* старший преподаватель кафедры «Филология, лингвоэкспертология и медиакоммуникации», Тольяттинский государственный университет.

Ван Тунцзя, магистрант Института истории и филологии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова.

Власов Сергей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ганбарова Нурида Гусейн гызы, преподаватель кафедры «Европейские языки», Нахичеванский государственный университет, Азербайджан.

Глибина Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, заместитель заведующего кафедрой иностранных языков, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

***Голубков Михаил Михайлович**,* доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

***Городилина Вера Михайловна*,** студент факультета космических исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Гребеник Игорь Анатольевич, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии, Луганский государственный педагогический университет.

Григорян Элиза Рудиковна, младший научный сотрудник Центра урбанистики, Тюменский государственный университет.

Демидов Дмитрий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет.

Демченков Сергей Александрович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Долганина Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Томский государственный университет.

Екомасова Анастасия Витальевна, магистрант факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Ерохина Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный лингвистический университет.

Игнатова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, младший научный сотрудник научно-инновационного управления, Кемеровский государственный университет.

Капрусова Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета.

Карпова Елена Валерьяновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет.

Каширина Анна Дмитриевна, студент факультета гуманитарного образования, Дальневосточный федеральный университет.

Кокова Бэла Джамалдиновна, профессор кафедры фортепиано и методики, Северо-Кавказский государственный институт искусств.

Кокова Лейла Джамалдиновна, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией ономастики и социально-политических исследований, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова.

Королькова Анна Владиславовна, ассистент кафедры английского языка и переводоведения, Смоленский государственный университет.

Кравченко Юлия Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Кузнецов Игорь Александрович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета, Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева.

Кузнецова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Новосибирский государственный университет; доцент кафедры русского языка и литературы, Специализированный учебно-научный центр Новосибирского государственного университета им. М. А. Лаврентьева.

Кузнецова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.

Кукобникова Анастасия Геннадьевна, аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Кулакова Светлана Андреевна, студент факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Курьянович Анна Владимировна*,* доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный педагогический университет.

Лемешко Юлия Римовна, преподаватель цикловой комиссии ОГСЭД, Иркутский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации.

Локтевич Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики, Белорусский государственный университет, Белоруссия.
Магеррамзаде Тамилла Юсиф кызы, докторант, Национальный музей азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви, Азербайджан.
Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
Мамедова Рена Гамид кызы, преподаватель кафедры средневосточных языков и литературы, Бакинский государственный университет, Азербайджан.
Мандрикова Галина Михайловна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии, Новосибирский государственный технический университет.
Матях Виктория Андреевна, магистрант филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Мирошниченко Мария Романовна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет.
Мичугина Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики, Московский городской педагогический университет.
Моспаненко Евгения Витальевна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
Нелюбова Ирина Вячеславовна, аспирант кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского.
Никитина Елена Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
Никитина Лариса Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингводидактики, Омский государственный педагогический университет.
Новикова Наталья Михайловна, аспирант кафедры общего и русского языкознания, Новосибирский государственный университет; преподаватель кафедры русского языка и литературы, Специализированный учебно-научный центр Новосибирского государственного университета им. М. А. Лаврентьева.
Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
Ошейко Сергей Петрович, магистрант филологического факультета, Новосибирский государственный университет.

Панкова Александра Владимировна, аспирант кафедры теории языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный педагогический университет.

Паршина Ольга Дмитриевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой «Филология, лингвоэкспертология и медиакоммуникации», Тольяттинский государственный университет.

Пермякова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации», Уральский государственный университет путей сообщений.

Петешова Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингвистики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Петрова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Дальневосточный федеральный университет.

Пыхтина Анна Юрьевна, старший преподаватель Департамента филологии, Московский городской педагогический университет.

Рабенко Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет.

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; главный научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Ратникова Альбертина Германовна, кандидат педагогических наук, специалист лаборатории типологической и теоретической лингвистики, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина.

Решетникова Валентина Валентиновна, старший преподаватель кафедры «Иностранный язык», Российский университет транспорта.

Рожкова Наталья Анатольевна, преподаватель отделения биотехнологий и права Университетского колледжа агробизнеса, Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина.

Руссу Ксения Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы гуманитарных наук, Югорский государственный университет.

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, приглашённый профессор кафедры славянских языков, Государственный университет Чжэнхжи, Тайбэй, Тайвань.

Сироткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет.

Спасскова Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, зам. декана факультета космических исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Терских Светлана Николаевна, учитель русского языка и литературы, МБОУ «Опытненская СОШ», Республика Хакасия.

Тивьяева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и переводоведения, заместитель директора института иностранных языков, Московский городской педагогический университет.

Троско Дарья Денисовна, студент гуманитарного факультета, Нижневартовский государственный университет.

Турко Ульяна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина.

Угрюмов Владимир Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет.

Харитонов Александр Михайлович, научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН.

Харитонова Ирина Сергеевна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет.

Харламова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургский государственный университет.

Хомяков Валерий Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Чардынцева Алена Дмитриевна, аспирант кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет.

Чернышов Иван Сергеевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург.

Чжэн Юнься, аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Чуносова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный», Южно-Уральский государственный университет.

Шашков Игорь Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии, Луганский государственный педагогический университет.

Шетэля Виктор, кандидат филологических наук, доцент Дирекции образовательных программ, Московский городской педагогический университет.

Шишлова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет.
Щербакова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры предметных технологий начального и дошкольного образования, Омский государственный педагогический университет.

Издается в соответствии с оригиналом,
предоставленным организационным комитетом конференции

Дата выпуска: 08.12.2025
Тираж 8 копий. Объем 5,2 Мб.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 22-25-71, 22-25-61, 64-13-07